

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

На правах рукописи

Баянова Александра Тагировна

УДК 811.512.37

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА**
(на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта)

Специальность 10.02.02 — Языки народов Российской Федерации
(калмыцкий язык)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Пюрбеев Григорий Церенович,
доктор филологических наук;
Научный соруководитель:
Куканова Виктория Васильевна,
кандидат филологических наук

Элиста — 2020

Оглавление

Глава 1. Язык, культура и фольклор: аспекты взаимодействия.....	10
1.1. Основные направления лингвокультурологических исследований.....	10
1.2. Лингвокультурологические исследования в калмыцком языкознании....	15
1.3. Фольклорный текст и его лингвокультурологический потенциал.....	20
1.3.1. Национально-культурная специфика фольклорного текста	20
1.3.2. Понятия «национальная картина мира» и «языковая картина мира»	23
1.3.3. Лингвокультурологический анализ фольклорного текста	26
1.3.4. Языковая единица как отражение лингвокультурных особенностей национальной картины мира.....	29
1.4. Выводы.....	41
Глава 2. Материал и методика исследования	42
2.1. Материал исследования.....	42
2.1.1. История записи сказок Г. Й. Рамстедта	42
2.1.2. Особенности публикации сказок Г. Й. Рамстедта.....	43
2.1.3. Характеристика сказочного текста	49
2.2. Методика исследования	52
2.3. Выводы.....	53
Глава 3. Лингвокультурологические особенности безэквивалентной лексики и стратегии ее перевода на немецкий язык.....	54
3.1. Общие замечания	54
3.2. Ономастические реалии	58
3.2.1. Имена собственные: структура, виды и количественные характеристики	58
3.2.2. Перевод имен собственных Г. Й. Рамстедтом на немецкий язык	67
3.3. Типология калмыцких реалий в сказках в записи Г. Й. Рамстедта.....	71
3.3.1. Реалии государственного строя и общественной жизни (общественно-политическая лексика).....	71
3.3.2. Реалии материальной культуры.....	81
3.3.3. Реалии природного мира	85
3.3.4. Этнографические и мифологические реалии	Ошибка! Закладка не определена.
3.3.5. Случайные лакуны	87
3.4. Перевод реалий на немецкий язык	88
3.5. Выводы.....	90
Глава 4. Лингвокультурологические особенности употребления цветообозначений и способы их перевода на немецкий язык	92
4.1. Общие замечания	92
4.2. Лексема <i>цаһан</i> в сказках в записи Г. Й. Рамстедта.....	96
4.3. Лексема <i>хар</i> в сказках в записи Г. Й. Рамстедта.....	106
4.4. Лексема <i>улан</i> в сказках в записи Г. Й. Рамстедта	113
4.5. Лексема <i>шар</i> в сказках в записи Г. Й. Рамстедта.....	119
4.6. Лексема <i>бор</i> в сказках в записи Г. Й. Рамстедта.....	124
4.7. Лексема <i>көк</i> в сказках в записи Г. Й. Рамстедта.....	126
4.8. Лексема <i>ноһан</i> в сказках в записи Г. Й. Рамстедта.....	128
4.9. Выводы.....	135
Глава 5. Сравнения и обращения в сказках в записи Г. Й. Рамстедта.....	136
5.1. Сравнение	136
5.2. Обращение	144
5.3. Выводы.....	158
Заключение.....	159
Литература.....	162

Введение

В последние десятилетия активизировались исследования соотношения культуры и языка на материале различных языков, что не случайно, поскольку связь, которая существует между культурой и языком очевидна. Каждый этнос репрезентирует в языке свое видение мира, его восприятие и его понимание, которые выстраиваются в особую национальную картину мира, складывающуюся тысячелетиями под влиянием разных природных, социальных условий, религиозных представлений, хозяйственного уклада жизни.

Актуальность данного исследования обусловлена, прежде всего, недостаточной изученностью соотношения языка и культуры в сказочных текстах, отсутствием специальных исследований культурно значимых языковых единиц (безэквивалентной лексики, сравнений, обращений и т. д.), репрезентирующих национально-культурное своеобразие картины мира в калмыцком языке. Фольклорный текст в данном случае представляет собой наиболее оптимальный материал для исследования, поскольку именно здесь сохранены архаичные пласты культуры. В данной работе лингвокультурологические аспекты калмыцкого языка рассмотрены на материале фольклорного текста, содержащего в силу своих особенностей различные полистадиальные наслоения, которые и репрезентируют разные картины мира, в том числе и архаичную.

Данное исследование также направлено на изучение межкультурной коммуникации, которая проявляется в переводе текста, становящимся своего рода результатом познания переводчиком жизни и быта того или иного народа, знакомства с их историей и культурой, особенностями специфического мировосприятия и миропонимания. Кроме того, актуальность видится и в необходимости сохранения и развития фольклорного наследия калмыцкого народа, представляющего собой архаичные формы конкретного мира явлений культуры этноса и аккумулировавшего многовековой духовный и практический опыт народа в культурное пространство.

Предмет исследования — соотношение языка и культуры в сказочных текстах на калмыцком языке и в их переводе на немецкий язык, причем в центре внимания находятся такие языковые единицы, относимые нами к культурно маркированным элементам, как безэквивалентная лексика, включающая в себя онимы, реалии, цветовые лексемы, сравнения и обращения, способы их передачи на немецкий язык.

Объектом исследования в настоящей работе являются языковые единицы, содержащие национальную специфику картины мира и несущие в себе этнокультурную семантику, и их переводы.

Целью настоящей диссертационной работы является рассмотрение культурно значимых языковых единиц в сказочных текстах на калмыцком языке и в их переводе на немецкий язык.

Для реализации поставленной цели потребовалось решить следующие основные задачи:

1) подготовительный этап:

- переложение текста в фонематической транскрипции;
- перевод текста сказок на современный калмыцкий язык с сохранением дербетского диалекта;
- автоматическое сегментирование фольклорных текстов на параллельные блоки с соотнесением калмыцкого, русского и немецкого текстов сказок;

2) исследовательский этап:

- анализ различных подходов к исследованию взаимодействия языка, культуры;
- рассмотрение понятия «языковая картина мира» и «национальная картина мира»;
- выявление основных направлений и парадигм исследования калмыцкого языка в лингвокультурном аспекте;
- характеристика сказочного текста;
- выявление особенностей публикации сказок Г. Й. Рамстедта;
- исследование фольклорного текста сказок Г. Й. Рамстедта с позиций лингвокультурологии и выявление его особенностей;
- общая характеристика лексико-грамматического состава культурно-маркированных языковых единиц;
- компаративный лингвокультурный анализ языковых единиц фольклорного текста на калмыцком и немецком языках;
- установление способов перевода культурно значимых языковых единиц на немецкий язык;
- выявление особенностей в использовании разных способов перевода в немецком переводе.

Теоретической и методологической основой проведенного диссертационного исследования явились труды зарубежных и отечественных ученых в области, как фольклористики, так и лингвистики: Ю. Д. Апресяна, Е. М. Верещагина, С. Г. Воркачева, В. В. Воробьева, В. Г. Костомарова, В. В. Красных, В. А. Масловой, Е. В. Рахилиной, И. А. Стернина, В. Н. Телии, К. В. Чистова, а также в области монголоведения: Г. Ц. Пюрбеева, Б. Х. Тодаевой, Э. У. Омакаевой, Т. С. Есеновой, Л. Б. Олядыковой, Е. В. Голубевой, Н. Л. Жуковской, Э. П. Бакаевой и др.

Для решения поставленных задач использовались методы, которые традиционны в лингвистических работах – описательный, сравнительно-сопоставительный, количественный. В качестве дополнительных — методы компонентного и лингвокультурологического анализа. Кроме того, в работе использовался междисциплинарный подход, так как анализ лингвокультурологических особенностей сказочного текста предполагает решать данный вопрос в единстве со смежными науками – лингвистикой, этнолингвистикой, лингвострановедением и т. д.

Материалом исследования послужили 22 калмыцкие сказки, тексты которых были записаны лингвистом Г. Й. Рамстедтом в 1903 г. во время лингвофольклорной экспедиции в Калмыцкие степи, осуществленной при

поддержке Императорского Гельсингфорского университета. Ученый работал в ареале функционирования одного из трех говоров, бытующего до настоящего времени в калмыцком языке – дербетском¹. Аутентичный фольклорный текст, зафиксированный в финно-угорской транскрипции в начале XX в. в Малодербетовском улусе Калмыцкой степи, представляет собой бесценный материал для изучения живой калмыцкой речи, для исследования фонетических, диалектных, языковых, лингвокультурологических особенностей языка. Фонематическая запись сказок представляет собой уникальное отражение живой устной речи калмыков, дербетов по своей субэтнической принадлежности. С одной стороны, она отражает диалектные особенности, присущие дербетам, с другой стороны, она отражает особенности живой разговорной речи, которая характерна в целом для калмыцкого языка, независимо от того, к какой субэтнической группе принадлежит этот разговорный язык. Лексический материал сказок, который стал итогом скрупулезной работы с информантами, лег в основу известного словаря Г. Й. Рамстедта, изданного позднее [Ramstedt 1935]. Данный словарь является бесценным в плане изучения калмыцкого языка, так как он содержит как слова, значения которых в современных словарях не даны, так и сами значения, которые или утрачены, или просто не описаны (но известны носителям языка). На данный момент словарь является единственным полным собранием диалектной лексики. В своем труде ученый опубликовал основной словарный фонд калмыцкого языка. Многие лексемы сопровождаются пометами Д, Т, Тw, передающими принадлежность слова тому или иному диалекту калмыцкого языка. Реестровые слова возводятся к засвидетельствованным и реконструированным древнемонгольским формам, нередко сопоставляемым с древнетюркскими формами. Таким образом, словарь одного из основателей сравнительно-исторического изучения монгольских языков и сравнительно-исторической алтаистики носит историко-этимологический характер. Г. И. Рамстедт широко привлекал материалы словарей К. Ф. Голстунского [Голстунский 1860], Г. А. Цвика [Zwick 1853], А. М. Позднеева [Позднеев 1911], памятники, написанные на «ясном письме», а также материал, собранный в ходе своих полевых исследований. Диалектологический материал включает более 1 405 лексических единиц, из которых 540 слов принадлежат дербетскому говору [Агуляева 2015]. Немецкий вариант калмыцких сказок позволяет сделать сравнительный анализ национально-культурной специфики картин мира калмыков и немцев, их менталитета, национального характера, способов видения мира.

¹ Современная диалектная система калмыцкого языка представляет собой совокупность трех диалектов (говоров) — торгутский, дербетский и бузавский — в соответствии с субэтническим делением калмыков и их географическим расселением [Убушаев 2006: 3]. Бузавы как субэтнос появились в результате переселения торгутов, дербетов в донские степи, в их языке естественно сохранились и торгутские, и дербетские элементы диалектов. А. Ш. Кичиков, различающий только два диалекта (торгутский, дербетский), считает, что в состав дербетского говора входит донской (бузава) подговор [Кичиков 1963: 3].

Уникальность сказок в записи Г. Й. Рамстедта заключается в том, что в нем сохранены все диалектные и разговорные особенности дербетского говора. Все сказки, записанные у информантов в 1960–1980-е гг. и изданные позднее, к сожалению, подвергались литературной обработке с незначительным сохранением языковых и разговорных особенностей того или иного диалекта.

Сказки в записи Г. Й. Рамстедта как в оригинале на калмыцком языке, так и в переводах на немецкий язык представляют, прежде всего, научный интерес. Записи фольклорного текста предназначены для научного изучения языков, так как представляют собой большую ценность и в плане лексики, и в плане возможностей сравнительного анализа языковых особенностей.

Для исследования текстов калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта тексты сказок были переложены на современную калмыцкую орфографию и переведены на русский язык, как отмечалось выше, затем загружены в программу TextAnalyser, разработанную в рамках научно-исследовательской работы в КалмНЦ РАН [Kukanova, Kadzhiev 2014]. Немецкий, русский и калмыцкий тексты автоматически сегментированы на предложения, которые были между собой соотнесены для удобства работы. Наличие 3 192 параллельных блоков свидетельствует о репрезентативности материала исследования с точки зрения объема.

Научная новизна настоящего исследования заключается в лингвокультурологическом и комплексном междисциплинарном подходе к изучению сказочного текста. В данной работе впервые в калмыцкой филологии предпринимается комплексный лингвокультурологический анализ языковых единиц и категорий языка в сказочном тексте. Языковые средства, использованные в сказке как особом виде фольклорного жанра, недостаточно исследованы в рамках лингвокультурологии. Следует отметить, что лингвокультурологические особенности фольклорного текста не являлись предметом специального анализа в калмыцком языкознании. Лингвистические и социокультурные аспекты языка изучались в рамках рассмотрения отдельных концептов в калмыцкой лингвокультуре. В ходе исследования выделены и проанализированы языковые единицы, имеющие национально-культурную специфику. Кроме того, впервые дается компаративный лингвокультурологический анализ отдельных языковых единиц калмыцкого языка и их переводов на немецкий язык. К тому же отмечаются сходство и принципиальные различия репрезентации национально-культурной специфики в языковых картинах мира калмыков и немцев.

Значимость исследовательской работы в теоретическом плане определена закономерностью развития фольклористики как науки и ее интеграцией в другие науки, в частности в лингвокультурологию, а также значимостью проблемы исследования функционирования языковых единиц и осмысления фольклорного текста в лингвистическом и культурологическом ракурсах. Диссертационное исследование систематизирует представления о национально-специфических компонентах калмыцкой лингвокультуры,

способствует выявлению сходств и различий этнокультурной составляющей в разноструктурных языках – калмыцком и немецком.

В практическом отношении исследование лингвокультурологических особенностей фольклорного текста применимо в образовательном процессе, в практике преподавания в высших учебных заведениях курсов по лингвокультурологии, стилистике, социологии культуры, филологическому анализу текста и в сопоставительном языкознании. Во-вторых, результаты анализа текстов сказок могут быть использованы для разработки лингвокультурологических словарей, так как необходимость в их создании применительно к калмыцкому языку давно назрела. В-третьих, результаты исследования применимы в рассмотрении фольклорного текста, как с точки зрения семиотики, так и в культурно-историческом ракурсе. В-четвертых, анализ лингвокультурологических особенностей сказок важен также при решении проблем изучения национальной идентичности и менталитета, сохранения культурной самобытности, актуализации вопроса мирного сосуществования различных культур в эпоху глобального сближения и единства мира.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Культурно маркированные единицы, семантика которых представляет сложный комплекс национально-культурных представлений, является объективным отражением в мышлении человека явлений материального и духовного мира и занимает определенный пласт в системе языка.

2. При межкультурной и межъязыковой передаче культурно значимых языковых единиц применяются разные способы перевода в рамках двух переводческих стратегий, направленных на то, чтобы, с одной стороны, сохранить особенности оригинала и передать особенности культуры, которую несет сказочный текст, а, с другой стороны, адаптировать данный текст к нормам воспринимающей культуры.

3. Сказочный текст является полистадиальным продуктом, в котором произошло наложение разных исторических эпох со своей доминирующей культурой, что отражается в особенностях репрезентации культурно-национальных смыслов, кодов.

Апробация работы. Основные идеи, положения и результаты настоящего исследования были апробированы на научно-практических конференциях различных уровней: Международной научной конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II» (г. Элиста, 2020 г.); II Международной научной конференции «Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие» (г. Элиста, 2016 г.); Международной научной конференции, посвященной 100-летию Южного федерального университета и 90-летию со дня рождения профессора Ю. А. Гвоздарева «Язык как система и деятельность» (г. Ростов-на-Дону, 2015 г.); Международной научной конференции, посвященной 100-летию Б. Х. Тодаевой «Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития» (г. Элиста,

2015); Международной научной конференции «З. К. Касьяненко – учитель и монголовед» (г. Санкт-Петербург 2015); XV Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» (г. Уфа, 2015 г.).

Основные положения работы отражены в следующих публикациях автора:

В коллективных монографиях:

1. Калмыцкие сказки в записи Г. Й. Рамстедта: тексты и исследования. В 3 ч. Ч. I. Переложения и переводы / сост. А. Т. Баянова, Б. Б. Горяева, А. О. Долеева, В. В. Куканова. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 249 с.

2. Калмыцкие сказки в записи Г. Й. Рамстедта: тексты и исследования. В 3 ч. Ч. II. Факсимиле / сост. А. Т. Баянова, Б. Б. Горяева, А. О. Долеева, В. В. Куканова; пер. на русский язык Т. А. Михалевой, Б. Б. Горяевой, А. Т. Баяновой, А. О. Долеевой, В. В. Кукановой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 621 с.

В журналах, рецензируемых в Scopus:

1. Категория сравнения и способы ее выражения в фольклорном тексте: лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта) // *Oriental Studies*. 2019. Т. 12. № 1. С. 123–133.

2. Особенности перевода безэквивалентной лексики на немецкий язык (на примере текстов калмыцких сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом) // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2016. Т. 9. № 4. С. 103–111.

3. Фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом) // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2015. Т. 8. № 2. С. 128–140 (в соавторстве с Б. Б. Горяевой, А. О. Бутаевой, В. В. Кукановой).

В журналах, рецензируемых в ВАК:

1. Символика белого цвета в фольклорном тексте: лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта) // *Монголоведение*. 2020. № 4. С. 592–604.

2. Категория обращения и способы ее выражения в калмыцком языке (на примере сказок в записи Г. Й. Рамстедта) // *Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология*. 2018. Т. 28. № 6. С. 957–971.

3. Калмыцкие реалии на фоне немецких эквивалентов (на материале записей сказок Г. Й. Рамстедта) // *Монголоведение*. 2016. Т. 9. № 2. С. 89–102.

В научных журналах и сборниках материалов научных конференций:

1. Безэквивалентная лексика калмыцкого языка и способы ее передачи в немецком языке // *Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие: мат-лы II Междунар. науч. конф.* Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 183–184 (в соавторстве с В. В. Кукановой).

2. Система и структура онимов в калмыцкой сказочной традиции (на материале записей Г. Й. Рамстедта) // *Вестник Дагестанского научного*

центра РАН. 2015. № 59. С. 54–63 (в соавторстве с Б. Б. Горяевой, А. О. Бутаевой, В. В. Кукановой).

3. Нарушение сингармонизма в калмыцком языке: фонетические и морфологические особенности (на материале сказок, записанных Г. Й. Рамstedтом) // З. К. Касьяненко учитель и монголовед: мат-лы Междунар. конф. СПб.: ИВР РАН, 2015. С. 22 (в соавторстве с Б. Б. Горяевой, В. В. Кукановой).

4. Диалектная лексика в сказках как отражение региональной языковой картины мира (на материале записей Г. Й. Рамstedта) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: мат-лы XV Всеросс. науч. конф. Уфа, 2015. С. 37–42 (в соавторстве с Б. Б. Горяевой, А. О. Бутаевой, В. В. Кукановой).

5. Стратегии перевода имен собственных с калмыцкого на немецкий язык (на материале записей сказок Г. Й. Рамstedта) // Язык как система и деятельность: материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию Южного федерального университета и 90-летию со дня рождения профессора Ю. А. Гвоздарева. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2015. С. 118–122 (в соавторстве с Б. Б. Горяевой, А. О. Бутаевой, В. В. Кукановой).

6. Фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере бытовых сказок, записанных Г. Й. Рамstedтом) // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Б. Х. Тодаевой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2015. С. 42–49 (в соавторстве с Б. Б. Горяевой, А. О. Бутаевой, В. В. Кукановой).

Структура диссертационной работы отражает ход исследования и включает: введение, пять глав, заключение, список использованной литературы, приложение.

Глава 1. Язык, культура и фольклор: аспекты взаимодействия

1.1. Основные направления лингвокультурологических исследований

Вопросы взаимодействия языка, культуры и фольклора, с одной стороны, являются традиционными для лингвистической науки, с другой стороны, — не теряют своей актуальности в современном языкознании. Согласно концепции В. Гумбольдта, язык воплощает в себе «своеобразие целого народа»; язык — это хранилище народного духа, культуры, «объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках» [Гумбольдт 1985: 349].

Широко известная гипотеза лингвистической относительности, выдвинутая Э. Сепиром, возникает именно в процессе исследования культуры и языка американских индейцев: «Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном... в значительной степени они находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе» [Сепир 1993: 261]. Последователь Э. Сепира Бенджамен Ли Уорф отводит языку наиважнейшую роль в процессе человеческого познания и придерживается более радикальной идеи: «Мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [Уорф 2003: 209].

Существуют различные подходы к рассмотрению вопроса соотношения языка и культуры. Часть ученых считает, что язык отражает объективную реальность, т. е. действительность, которая включает в себя и культуру [Брутян 1973; Павилёнис 1983; Кукушкина 1984]. Так, к примеру, Е. И. Кукушкина указывает на семиотическую общность языка и культуры, аргументируя это наличием одинаковых или сходных функций: коммуникативной (обмен информацией), кумулятивной (ретранслятор знаний), адаптивной (приспособление к окружающему миру) и т. д. [Кукушкина 1984: 43].

С точки зрения второй группы ученых [Гумбольдт 1985: 365; Потебня 1999: 30] язык может развиваться только в обществе, и не только потому, «что человек есть всегда часть целого, к которому принадлежит, именно своего племени, народа, человечества, не только вследствие необходимости взаимного понимания как условия возможности общественных предприятий, но и потому, что человек понимает самого себя, только испытавши на других людях понятность своих слов» (цит. по: [Потебня 1999: 30]). По словам В. Гумбольдта, «язык коренится в человеке», это «нечто большее, нежели инстинкт интеллекта» [Гумбольдт 1985: 365], и «...любой духовно развитый человек формируется в чреве своей нации и, пользуясь своим родным общепонятным языком, соединяет с его словами индивидуализируемые и преобразуемые понятия, и таким путем всеми употребляемый язык мало-помалу вмещается в сокровенный круг тончайших изгибов мышления и восприятия индивида» [Гумбольдт 1985: 363].

Мнение третьей группы ученых [Маслова 2005: 62; Леви-Стросс 2001: 73] сводится к тому, что язык следует рассматривать как составной компонент культуры и основной инструмент, посредством которого человек усваивает культуру. По мнению В. А. Масловой, «поскольку каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, то языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат средством представления основных установок культуры» [Маслова 2005: 62]. Французский культуролог и антрополог К. Леви-Стросс рассматривает язык как «продукт культуры: употребляемый в обществе язык отражает общую культуру народа». Ученый утверждает, что «с другой стороны, язык является частью культуры, он представляет собой один из ее элементов» [Леви-Стросс 2001: 73].

Неразрывность языка и культуры подчеркивал академик Г. О. Винокур, считая, что «всякий языковед, изучающий язык... непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык» [Винокур 1959: 211].

На необходимость взаимосвязи языка и культуры, а также роли языковой личности указывает в своих трудах Ю. Н. Караулов, утверждающий, что познание языка невозможно без обращения к «его творцу, носителю, пользователю» и без анализа «вполне определенного национального языка вместе с определенными историко-, этно-, социо- и психолингвистическими особенностями его носителей» [Караулов 2010: 3].

Решить эти проблемы призвана лингвокультурология — область лингвистики, изучающая взаимодействие культуры и языка. В данном разделе исследования рассматриваются основные направления лингвокультурологических исследований в мировой, отечественной лингвистике и в калмыцком языкознании, в частности.

Лингвокультурология, возникшая как самостоятельная отрасль в начале 90-х гг. прошлого века на стыке двух наук — лингвистики и культурологии, является одним из перспективных направлений в области изучения языка и культуры отдельного народа.

Предпосылкой к становлению лингвокультурологии как науки были уже упомянутые ранее исследования В. Гумбольдта [Гумбольдт 1985], Э. Сепира [Сепир 1993] и Б. Уорфа [Уорф 2003]. Представители американской школы занимались статическим аспектом взаимосвязи языка и культуры, главным постулатом которого является взгляд на язык как на отражение объективной реальности.

Новый подход к рассмотрению взаимоотношений языка и культуры, так называемый динамический аспект, появился в работах американского лингвиста Д. Хаймса [Хаймс 1975]. Он вводит термин «этнография речи», называя его областью, являющейся «недостающим звеном между тем, что обычно описывается в грамматиках, и тем, что обычно описывается в этнографиях» [Хаймс 1975: 45], тем самым подчеркивая связь структуры языка и особенностей культуры. Британский филолог Л. Палмер предложил ввести термин *культурологическая лингвистика* при использовании

элементов языка в социокультурном пространстве [Palmer 1996: 36]. Несмотря на существование данных терминов, обозначающих взаимосвязь языка и культуры, все они сводились собственно к теории Сепира и Уорфа и представляли собой продолжение таких наук, как этнография, антропология, философия и др.

Лингвокультурология как научное направление сформировалось в российской лингвистике в конце XX в. Значительными и ценными исследованиями в области отечественной лингвокультурологии являются труды Ю. Д. Апресяна [Апресян 1995], В. В. Воробьева [Воробьев 1997], В. И. Карасика [Карасик 2002], В. В. Красных [Красных 2002], В. А. Масловой [Маслова 2001] и др. В. А. Маслова рассматривает лингвокультурологию как междисциплинарную науку, исследующую «проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова 2001: 22]. По мнению В. В. Красных, лингвокультурология — это «дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе»² и связанная «с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красных 2002: 12]. В. Н. Телия определяет лингвокультурологию как «научную дисциплину, исследующую воплощенные в живой национальный язык материальную культуру и менталитет и проявляющиеся в языковых процессах и их действительной преемственности с языком и культурой этноса» [Телия 1996: 216].

На наш взгляд, наиболее точно и емко дал определение этой науке В. В. Воробьев: «Лингвокультурология — комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [Воробьев 1997: 36–37].

В последние десятилетия вопросы взаимосвязи и взаимоотношений языка, культуры и этноса стали одной из интенсивно изучаемых проблем, решаемой в междисциплинарном порядке — сложилась определенная «система лингвокультуроведческих дисциплин с лингвокультурологией в центре» [Хроленко 2009: 31]. Изучение проблем взаимодействия языка и культуры привело к активному развитию таких отраслей наук, как этнопсихолингвистика, этнолингвистика, лингвострановедение, культурная антропология, социолингвистика. Но каждая из этих дисциплин отдельно не дает целостного представления о взаимосвязи языка и культуры и рассматривает данную проблему, исходя из своих целей и задач. Так, этнопсихолингвистика исследует речевой этикет, соотнося его с определенной традицией определенного этноса, или точнее «рассматривает

² Под дискурсом следует понимать «вербализованную речемыслительную деятельность», «совокупность процесса (вербализуемая деятельность) и результата (совокупность текстов)» [Красных 2002: 10].

речевую деятельность в преломлении национально-культурной специфики и с учетом национально-культурной составляющей дискурса, а также исследует этнопсихолингвистическую детерминированность языкового сознания и коммуникации» [Красных 2002: 10]. Этнолингвистика изучает лексическую систему языка, связанную с такими языковыми фрагментами, которые помогают реконструировать архаическую национальную картину мира определенного этноса, т. е. исследует «язык в совокупности всех его единиц, в его диахроническом и синхроническом ракурсе сквозь призму культуры этноса национальной культуры народа — носителя языка» [Добричев и др. 2013: 25]).

Лингвострановедение как наука предназначена для изучения реалий и безэквивалентных единиц языка, специфичных для определенной культуры и определенного этноса, его используют как прикладную науку в процессе преподавания языка иностранцам. Культурная антропология занимается вопросами развития культуры этноса, при этом рассматриваются все ее аспекты: менталитет, национальный характер, уклад и образ жизни и т. д.

В российской науке известны четыре московские школы, разрабатывающие непосредственно проблемы лингвокультурологии:

- 1) школа Н. Д. Арутюновой, занимающаяся исследованием различных текстов, из которых извлекаются термины культуры;
- 2) школа В. Н. Телия, которая проводит лингвокультурологический анализ фразеологизмов;
- 3) школа Ю. С. Степанова, занимающаяся описанием констант культуры;
- 4) школа В. В. Воробьева, занимающаяся исследованием взаимосвязи языка и культуры и продолжающая традиции Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова.

В последние годы активно и успешно работают новые лингвокультурологические школы в регионах: на юге России — в Волгограде (В. И. Карасик, Н. А. Красавский и др.), Краснодаре (С. Г. Воркачев), в Центральной России — в Воронеже (З. Д. Попова, И. А. Стернин), в Сибири — в Иркутске (В. А. Степаненко, А. В. Кравченко), на Урале — в Екатеринбурге (А. П. Чудинов).

Сама же наука развивается в нескольких направлениях:

а) лингвокультурология отдельного этноса в определенный исторический период. Данное направление лингвокультурологии активно продвигает школа В. Н. Телия. Фразеологизмы как языковые лингвокультурологические единицы в русском языке исследуют сторонники этой школы с позиции реального носителя живого языка, т. е. через субъект культуры и языка [Телия 1996; Попов 1976; Игнатенко 1993; Ковшова 1996; и др.]. Ряд исследовательских работ в других языках, к примеру, в мордовском, татарском, башкирском [Байдак 2011; Галиуллина 2009; Хисамутдинова 2017; и др.] рассматривают различные лингвокультурологические аспекты языков;

б) диахроническая лингвокультурология: исследование лингвокультурных изменений этноса за конкретный промежуток времени. В

диахроническом аспекте рассматривают константы культуры сторонники школы Ю. С. Степанова. Данное направление хорошо разрабатывается в диссертационных работах последних лет [Юшко 2012; Руденко 2013; Дмитриева 2017; и др.];

в) сравнительная лингвокультурология: изучение лингвокультурных особенностей взаимосвязанных этносов (школа Н. Д. Арутюновой). Ряд сравнительных работ последних лет указывает на то, что данное направление лингвокультурологии активно разрабатывается. Так, например, Д. Д. Санжина проводит сравнительный анализ цветообозначений в монгольских языках [Санжина 2018], М. В. Соколова рассматривает фразеологизмы с компонентом-зоонимом в марийском и финском языках [Соколова 2017], М. А. Пацева исследует национально-культурную специфику значений слова на материале русского и болгарского языков [Пацева 1991] и т. д.;

г) сопоставительная лингвокультурология, в которой изучение разноструктурных языков и культур легло в основу отдельного направления. Разработка данного направления лингвокультурологии помогает выявить не только сходства и различия культуры, языка, менталитета и т. д. разных этносов, но и описать и проанализировать «культурное пространство двух и более языков и культур сквозь призму языка и дискурса, выявить специфику культурного фона коммуникативного пространства каждого из сопоставляемых языков; изучить способы, которыми каждый из языков воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру» [Алимжанова 2010], при этом один из языков принимается за эталон (обычно это родной язык), а сопоставляемым является «изучаемый иностранный язык» [Воробьев, Полякова 2012: 14]. В российской лингвистике подобные сопоставительные исследования представлены работами В. М. Алпатов [Алпатов 1995], Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1994], С. Г. Воркачев [Воркачев 1997], В. Г. Гака [Гак 1977], И. А. Стернина [Стернин 2006] и др.

д) лингвокультурная лексикография — составление лингвострановедческих словарей. По мнению Ю. Д. Апресяна, лексикографическое описание лексики, подкрепленное корпусными исследованиями, является результатом прорыва в микромир языка [Апресян 1999: 53], оно способно выявить мировидение и мироощущение носителей языка и культуры определенного языка. Слово, как утверждает лексикограф Г. А. Богатова, находясь в корневой группе словаря, «попадает в особую среду, которая вполне высвечивает связи слова и лучше хронологизирует его семантические изменения <...> возникает эффект „радуги“ значений. Открывается возможность не только проследить за закономерностями эволюции лексики, но и взглянуть на те „приращения семантики слова“, которые связаны с социальной, культурной, исторической обстановкой, в которой оно функционировало, и зафиксировать их в дефинициях за счёт включения сведений историко-энциклопедического характера» [Богатова 1995: 22].

Одним из наиболее активно развивающихся в последние несколько десятилетий лингвистических направлений является лингвокультурная концептология. Термин «концепт», применяемый изначально в математической логике, стал применяться в лингвистике сравнительно недавно. Так, Д. С. Лихачев связывает понятие «концепт» с культурой народа («концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации...») [Лихачев 1997: 282]) и рассматривает его как «результат столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека», при этом подчеркивая тождественность концептосферы языка и концептосферы культуры [Лихачев 1997: 282]. Лингвокультурный концепт как объект изучения данной науки представляет собой условную ментальную единицу, которая направлена на интегративную репрезентацию трех сфер — *сознания*, где концепт пребывает, *языка*, где происходит опредмечивание концепта, *культуры*, которая детерминирует концепт [Зиновьева 2016: 93]. Для выделения лингвокультурного концепта О. А. Ипанова систематизировала и выделила одиннадцать критериев, среди которых следует отметить такие его качества, как высокочастотность, активная производящая основа, активное включение в состав устойчивых идиоматических конструкций и т. д. [Ипанова 2005: 11]. К настоящему моменту проведено огромное количество исследований концептов, основанных на материале неродственных языков, в первую очередь английского и русского языков [Калугина 2008; Кирьякова 2009; Окунева 2009; и др.].

Как составная часть этнолингвистики рассматривается лингвофольклористика, исследующая язык фольклорного текста. Аутентичность и устойчивость фольклорных текстов, этническая ментальность и традиционно-культурные элементы удачно и идеально влились в исследовательское поле лингвокультуроведения. Основу лингвофольклористики составили труды А. П. Евгеньевой [Евгеньева 1963], А. А. Потебни [Потебня 1989], И. А. Оссовецкого [Оссовецкий 1982] и др.

Таким образом, лингвокультурология как интегративная наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и рассматривающая вопросы взаимодействия языка и культуры, вобрала в себя (помимо основных направлений, указанных выше) результаты исследований во многих областях знаний — этнолингвистики, этнопсихоллингвистики, культурной антропологии, лингвострановедения, социоллингвистики, лингвокультурной концептологии, лингвофольклористики и т. д.

1.2. Лингвокультурологические исследования в калмыцком языкознании

В калмыцком языкознании исследованиями по лингвокультурологии впервые стали заниматься в 2000-е гг. Лингвистические и социокультурные аспекты калмыцкого речевого этикета стали объектом изучения С. Н. Артаева. Рассматривая связь речевого этикета и национальной культуры, исследователь приходит к выводу, что в языке, в речевом

поведении и в так называемых речевых формулах (стереотипах) общения сосредоточены «богатый народный опыт, неповторимость обычаев, образа жизни, условий быта каждого народа» [Артаев 2001: 3]. На материале героического эпоса калмыцкого народа «Джангар» и произведений художественной литературы исследователем представлен лингвокультурологический анализ калмыцкого речевого этикета, рассмотрены лексические средства его выражения.

К выводу о том, что язык является универсальным средством отражения лингвокультурных традиций калмыцкого народа, приходит и Б. Б. Дякиева, рассматривая вопросы устойчивых социально-языковых норм речевого общения [Дякиева 2016: 103].

Представляет интерес диссертационная работа Т. В. Бураевой, исследовавшей тексты сказок Г. Й. Рамстедта. Ею рассмотрены диалектизмы и заимствования в фольклорных текстах, выявлены тематические группы слов, подробно описаны особенности употребления морфологических категорий и синтаксических структур [Бураева 2006].

Объектом лингвокультурологического изучения могут быть любые стороны жизнедеятельности народа. Так, отраслевая лексика, касающаяся шорного дела и отражающая технологию выделки кожи и изделий из нее, стала предметом изучения П. Б. Федоровой. Лексико-семантический, структурно-грамматический и этимологический анализ лексики стал богатым фактическим материалом для изучения традиционной языковой картины мира калмыков [Федорова 2008].

Процессы глобализации и интеграции, происходящие в мире и охватывающие все стороны жизни общества — экономическую, политическую, социальную, культурную, религиозную — и существующая языковая реальность актуализируют компаративные исследования, которые стали объектами изучения в области сопоставительной лингвокультурологии. Чаще всего изучается вопросы лингвокультурологии в аспекте сравнения калмыцкого и русского языков.

Так, например, формульные выражения лингвокультурных скриптов «приветствия» и «прощания», «поздравления», «пожелания» и «благодарности», «утешения», «сочувствия» и «соболезнования» в русской и калмыцкой лингвокультурах рассматривает в своем диссертационном исследовании Э. Б. Манджиева [Манджиева 2009]. Проанализировав около двух тысяч текстовых фрагментов из фольклора, устной разговорной речи, художественной литературы XIX—XX вв. на калмыцком и русском языках, автор обнаружила сходство и различия формульных выражений традиционного этикета в лингвокультурах народов. Автор считает, что «языковое сознание и коммуникативное поведение носителей русского и калмыцкого традиционного этикета зависят от национально-культурной специфики общения исследуемых этносов, социального статуса коммуникантов, оппозиции «свой–чужой» и т. д.» [Манджиева 2009].

Лингвокультурные аспекты калмыцкого языка рассматривались не только в сравнении с русским, но и с другими языками. В диссертации

Г. М. Боваевой на основе сравнительного анализа калмыцкого, русского и немецкого языков проработаны пищевые предпочтения в этнических лингвокультурах, выявлены и проанализированы структура и содержание лексико-семантической системы значимых для калмыцкой, русской и немецкой национальных культур продуктов питания («Мясные продукты», «Молочные продукты», «Чай») [Боваева 2012: 3]. Автор утверждает, что лингвокультурная и этнокультурная специфика номинаций, связанная с пищей, отражает не только самобытность нации, но и формирует гастрономическую языковую картину мира, которая представляет собой систему языковых средств, описывающих глуттонические понятия и вкусовые представления.

Сопоставительное исследование калмыцкой и шотландской лингвокультур проведено Э. А. Калыковой [Калыкова 2013]. На основе богатых лексикографических источников ею установлена этнокультурная специфика характеристики родового сообщества в рассматриваемых лингвокультурах, систематизированы лексико-фразеологические и текстуальные способы обозначения родов в калмыцком и английском языках.

Лингвокультурологические и лингвосемиотические особенности гостеприимства в калмыцком, русском и английском языках стали объектом исследования Ж. Н. Сарангаевой [Сарангаева 2016]. Изучая вербальные, паравербальные и невербальные средства (этикетные формулы, маркированные лексико-фразеологические единицы, жестовые и мимические средства общения) ученый приходит к выводу, что гостеприимство как универсальный модус общения насыщен «различными семиотическими знаками», функция которых зависит от «глубины, многомерности и специфичности коммуникативного поведения носителей той или иной лингвокультуры» [Сарангаева 2016: 322].

Обширный пласт фольклорного материала (эпос «Джангар», сказки, пословицы и поговорки, загадки) используется для рассмотрения отдельных концептов в калмыцкой лингвокультуре. Начало рассмотрению базовых концептов (время, пространство) в калмыцкой лингвистике положили исследования Г. Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 1997], Э. П. Бакаевой [Бакаева 2001], Э. У. Омакаевой [Омакаева 2009], В. Н. Голубевой [Голубева 2006б].

Подробному анализу подвергнуты и концепты «родина» [Аюшова 2008], «судьба» [Турдуматова, Пюрбеев 2009; Наднеева 2013], «душа» [Пюрбеев, Турдуматова 2010], «карма» [Наднеева 2013], «семья» [Есенова 2012], «счастье» [Есенова 2004] и др.

Сопоставительные исследования концептов в калмыцкой, русской и лингвокультурах других народов стали темами диссертационных работ многих ученых-калмыковедов. Так, исследования Д. Д. Лагаевой [Лагаева 2009], Д. В. Дорджиевой [Дорджиева 2010], Ж. Н. Цереновой [Церенова 2005], О. К. Мушаевой [Мушаева 2010] посвящены аспектам лингвокультурного исследования различных концептов.

Кочевой уклад жизни калмыков, особый, отличный от других народов тип хозяйствования — скотоводство, верование и культура способствовали формированию и оригинальной лингвокультуры.

К базовым концептам калмыцкой лингвокультуры следует отнести такой концепт, как «кочевье», который связан с особой социально-культурной системой, существовавшей у калмыков. Как утверждает Ж. Н. Церенова, концепт «кочевье» в калмыцкой, русской и американской лингвокультурах имеет различное толкование [Церенова 2005: 81]. Так, например, в калмыцкой лингвокультуре кочевье представляет собой не только жилище, но и образ и способ сохранения жизни народа, который веками сохранял древние умения скотоводства. В русской лингвокультуре кочевье не является характерным знаком культуры народа и «ассоциируется со свободой, исходным природным образом жизни, отсутствием привычного имущества, ... на обиходном уровне кочевье воспринимается как патриархальный уклад и неспособность жить на одном месте» [Церенова 2005: 3].

В американской лингвокультуре кочевье ассоциируется с освоением «дикого Запада», и при этом кочевничество рассматривается как «образ жизни, суть которого состоит в высокой мобильности и постоянном перемещении в стране и мире для поиска оптимальных условий существования» [Церенова 2005: 3].

Понятийные и образные характеристики концепта «подвиг» в русской, калмыцкой и английской лингвокультурах стали темой диссертационного исследования Д. В. Дорджиевой. На основе калмыцкого героического эпоса «Джангар» и английского эпоса «Беовульф», а также русских былин выявлены основные этнокультурные признаки рассматриваемого концепта в разных лингвокультурах: для сознания русского человека — это принесение себя в жертву, для калмыков — бесстрашие и храбрость, для англичан — мужество и благородство [Дорджиева 2010]. В сравниваемых лингвокультурах различается и образное содержание подвига: русские богатыри всегда имеют соратников, помогающих им в совершении подвига; калмыцкий богатырь осуществляет свой героический поступок в одиночку; английский герой кидает перчатку своему врагу, вызывая на дуэль.

Базовый концепт «счастье», отражающий важнейшие жизненные и категории и философское мировоззрение калмыков и англичан, рассматривает Д. Д. Лагаева. Материалом исследования послужил корпус текстов, отобранных методом сплошной выборки из толковых и фразеологических словарей, из текстов произведений калмыцкой и английской художественной литературы. Автор описывает национально-культурную специфику рассматриваемого концепта, определяет национально-культурное мировидение калмыков и англичан, отмечает характерные признаки счастья для данных народов: для калмыков — это спокойствие, гармония, для англичан — нацеленность на успех [Лагаева 2009].

Национально-культурная специфика картины мира в калмыцком языке (на примере культурных концептов) стала темой исследования Е. В. Голубевой. Исследователь рассматривает концепты традиционной культуры калмыков — пространство и время, цвет и число — и приходит к выводу, что символические значения этих концептов составляют национальную картину мира и фиксируют в своей семантике традиционные формы общественно-бытового уклада номадного общества, языковую практику и фольклорные традиции калмыков [Голубева 2006а].

Презентационные регулятивные концепты³ в калмыцкой, русской и английской лингвокультурах рассмотрены в диссертационном исследовании О. К. Мушаевой. Ею определена лингвокультурная специфика регулятивных концептов «скромность», «застенчивость», «стыдливость», «нерешительность», «хвастовство», «нахальство» [Мушаева 2010]. В результате исследования автор приходит к выводу, что лингвокультурные различия рассматриваемых концептов объясняются свойствами национального характера. Так, для калмыков значимыми являются признаки «спокойствия, гендерных установок поведения, строгого запрета на демонстрацию неуважения к другим»; для русских — «признаки нежелания привлекать к себе внимание, слабоволия и осуждения внутреннего неуважения к другим людям»; для англичан — «требование самоконтроля, осуждение неуверенности в себе и осуждение нарушения правил приличия» [Мушаева 2010].

Особого внимания при рассмотрении вопросов традиционного подхода к изучению концептов заслуживает монография Т. С. Есеновой «Очерки по лингвокультуре калмыков» [Есенова 2012]. В ней наиболее полно с учетом традиционного способа хозяйствования, образа жизни, особенностей среды обитания и национального характера рассмотрены ментальные образования калмыцкой концептосферы. В первую очередь ею проанализированы фундаментальные концепты ментального мира народа — *һазр* 'земля', *усн* 'вода', *һазр-усн* 'родина', *кишиг* 'счастье', *өрк-бүл* 'семья'. По мнению Т. С. Есеновой, вокруг каждого из этих натурконцептов калмыцкой лингвокультуры формируется «лексико-семантическое поле, с которым связаны содержательные, образные и ценностные представления и установки» народа [Есенова 2012: 11].

Описанию лингвокультурных традиций калмыков и освещению актуальных проблем этнокультурной лингвистики посвящена монография Г. С. Биткеевой [Биткеева 2016]. Автор рассматривает табу и эвфемизмы, существующие практически в любом языке, как социокультурное явление, как этническую и культурную традицию народа.

Многие вопросы исследуемой проблемы освещены в коллективной монографии «Калмыцкие и русские лингвокультурные концепты» [Калмыцкие и русские ... 2009]. В ней рассмотрены не только базовые

³ Презентационные регулятивные концепты — это ментальные образования, в «содержании которых выражены этические нормы демонстрации себя окружающим» [Мушаева 2010: 4].

калмыцкие и русские лингвокультурные концепты, но и типажи («кочевник», «интеллигент», «пастух», «рыбак» и т. д.).

1.3. Фольклорный текст и его лингвокультурологический потенциал

1.3.1. Национально-культурная специфика фольклорного текста

Исследование фольклорного текста как явления культуры осуществляется с позиций различных наук — фольклористики, этнографии, истории, литературоведения, культурологии, социологии и т. д. Генезис, бытование, специфика жанра, поэтика и другие вопросы, связанные с изучением фольклорного текста рассмотрены в ставших классическими научных трудах В. П. Аникина [Аникин 1996], В. Я. Проппа [Пропп 1976], Е. М. Мелетинского [Мелетинский 1976], Б. Н. Путилова [Путилов 1976], В. М. Гацака [Гацак 1989; Гацак 2002] и др. Вопросы лингвокультурологического анализа фольклорного текста отражены в работах Е. М. Верещагина [Верещагин 1976; Верещагин 1990], В. В. Воробьева [Воробьев 1997], В. Н. Телия [Телия 1996], В. А. Масловой [Маслова 2014] и др. В контексте междисциплинарных исследований фольклорный текст рассматривался в трудах Ю. М. Лотмана [Лотман 1998], К. А. Богданова [Богданов 2001], В. В. Красных [Красных 1998], К. В. Чистова [Чистов 1986; Чистов 2005] и др.

Понятие фольклорного текста было введено в научный оборот благодаря фольклорной текстологии, специальной вспомогательной научной отрасли, возникшей в связи с практическими и теоретическими задачами, стоящими перед фольклористикой как наукой. Фольклор получил статус текста в 1960–1970 гг., при этом различали «запись» («фиксация единичного конкретного акта исполнения») и «текст» («совокупность вариантов словесного воплощения» того или иного фольклорного произведения) [Чистов 1986: 143].

Говоря о тексте, А. Н. Власов указывает на многосторонность и разноплановость данного понятия. Отмечая объективные трудности в поисках точного определения текста и широкие возможности исследования текста в рамках таких научных направлений, как лингвистика текста, теория речевых актов, прагматика и т. д., ученый выделяет общепризнанное положение и считает, что текст — это «основная единица коммуникации, обладающая цельностью и структурированностью» [Власов 2015]. Существует несколько трактовок понятия фольклорного текста. В традиционной концепции его понимают как текст, функционирующий «в естественной устной форме» и передающийся «посредством прямой контактной коммуникации, он «возникает в быту, бытом обусловлен и функционирует в быту» [Чистов 1986: 7–8]. Сторонники такого «узкого» понимания фольклорного текста при этом подразумевают только его вербальную сторону, не учитывая, к примеру, интонацию, мимику и жесты сказителя, реакцию слушателей и т. д., так как, по их мнению, эти условия исполнения не имеют отношения непосредственно к тексту. Однако, на наш взгляд, невербальные элементы бытования фольклорного текста все же

необходимо учитывать, поскольку они также представляют собой элементы системы культурных кодов и способствуют восприятию и более точному пониманию услышанного.

Более верной, на наш взгляд, представляется позиция ученых, трактующих термин «фольклорный текст» в широком смысле. Фольклорный текст в широком смысле представляет собой специально структурированную модель, имеющую совокупность семиотических знаков, символов, кодов. В таком понимании текст изучается в этнолингвистике, лингвофольклористике, психоллингвистике, лингвокультурологии. Сторонником такого широкого понимания фольклорного текста является Н. И. Толстой, считавший, что текст — это «не последовательность написанных или произнесенных слов, а некая последовательность действий, а также обращение к предметам, имеющим символический смысл, и связанная с ними речевая последовательность», и выделивший три формы (кода) языка — вербальную (слова), реальную (предметы) и акциональную (действия) [Толстой 2013: 14]. Данная концепция близка к теории фольклористики. Так, В. Я. Пропп считает, что «текстуальное изучение фольклора ... вне связи с хозяйственной, общественной и идеологической жизнью народов», без сведений «о народе, у которого он собран, о формах бытования и функции фольклора, о конкретных условиях исполнения и записи», без этнографической базы не имеет смысла [Пропп 1976: 27].

Одна из функций текста связана с «проблемами памяти культуры». Текст способен «реконструировать целые пласты культуры, восстанавливать память» [Лотман 2002: 82], поэтому Ю. М. Лотман определяет текст и как «наиболее абстрактную модель действительности с позиций данной культуры», и «как картину мира данной культуры» [Лотман 2002:114]. Историю и социальную дифференциацию определенного этнического сообщества, степень его культурного развития отражает язык фольклорного текста.

Фольклор как составная часть культуры интегрировал в различные ее сферы — духовную, материальную, социальную. Являясь частью духовной культуры, фольклор отражает национальную и языковую картины мира определенного этноса. В фольклорных текстах сосредоточены основные ценности культуры, представления об окружающей действительности. В одном из первых определений фольклора, предложенном В. В. Лесевичем, указывается, что «это обширная и сложная масса разнообразных высказываний народа о своей внутренней и внешней жизни во всех ее разветвлениях... словом, все то, что народ унаследовал от отцов и дедов путем устного предания, за что он держится и что передает последующему поколению» [Лесевич 1899: 343].

Ю. В. Бовкунова рассматривает фольклорный текст как «специфический культурный код, орудие познания и преобразования мира, посредством которого человек осваивает окружающую действительность,

воплощенную в таких философских категориях, как „менталитет“⁴, „ментальность“⁵, „личность“⁶, „национальный характер“⁷ [Бовкунова 2006: 9]. Национальный характер сказок находит свое выражение в оценке происходящих в них событий, в именах героев, в традиционных языковых формулах, особенностях лексики. В подтверждение данного тезиса приведем слова К. В. Чистова, утверждавшего, что в фольклорных текстах заложена «...национальная специфика мышления и художественного творчества, национальная традиция (выражение «духа нации»), соотношение этнического (национального) и интернационального, межэтнические связи, роль фольклора в национальной культуре в целом, национальные и глобальные закономерности формирования основных жанров, сюжетики, образной системы» [Чистов 1986: 9].

Фольклорный текст как комплекс архаических представлений о мире является отражением архаического сознания. К примеру, в калмыцких сказках, записанных Г. Й. Рамстедтом, четко проявляются элементы архаического сознания: анимизм (одушевление природы) — почти во всех сказках различные объекты и явления природы помогают персонажам преодолеть определенные преграды и обстоятельства; фетишизм (вера в сверхъестественные свойства различных предметов) — сундук, в котором находилась душа змея (сказка № 4), меч, способный доставлять человека в любое место (сказка № 4), тотемизм (превращение человека в животного или птицу) — персонажи сказок превращаются в зайца (сказка № 16), лебедя (сказка № 17), оборачиваются курицей с пятью цыплятами (сказка № 21) и т. д.

Архаический фольклорный текст как знаковая система обладает не только аутентичностью (оригинальный текст (первоисточник) с естественным языковым наполнением), сакральностью (текст обладает магическим воздействием), но и широкой вариативностью, что обусловлено различными факторами: местом и временем бытования, принадлежностью текста определенному сказителю, аутентичной обстановкой исполнения и т. д. [Власов 2015]. Вариативность позволяет констатировать, что фольклорный текст представляет собой прочное сочетание «элементов традиции, которая осуществляется в каждом акте исполнения, известна в бесконечном множестве контекстуальных версий и образует вокруг себя обширное смысловое поле» [Бовкунова 2006: 102].

⁴ Менталитет — категория, которая отражает внутреннюю организацию и дифференциацию ментальности, склад ума, склад души народа [Маслова 2001: 38].

⁵ Ментальность — совокупность мыслительных процессов, включающих построение особой картины мира [Маслова 2005: 15]

⁶ Личность — «конкретный человек, носитель сознания языка, обладающий сложным внутренним миром и определенным отношением к судьбе, миру вещей и себе подобным» [Маслова 2001: 88]. В лингвокультурологии существует понятие «языковая личность» — это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся «степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [Караулов 2010: 245].

⁷ Национальный характер — это «сложившиеся эмоционально-психологические нормы поведения человека в обществе [Попова, Стернин 2007: 11].

Таким образом, фольклорный текст представляет собой совокупность функциональных средств выражения представлений народа о человеке и мире, его окружающем, что лежит в основе национальной и языковой картины мира.

1.3.2. Понятия «национальная картина мира» и «языковая картина мира»

Понятие «картина мира» широко используется в ряде наук: философии, лингвистике, культурологии, психологии и др. Закономерно, что, став предметом изучения столь разных наук, картина мира рассматривается по-разному (речь идет о научной, языковой, исторической, когнитивной картинах мира и т. д.) и до настоящего времени не имеет общего четкого определения.

Картина мира с общенаучной точки зрения представляет собой регламентированную «совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном сознании» [Попова, Стернин 2007: 4]. Эти знания человек получает путем прямого познания окружающей реальности и явлений, используя как чувственный, так и рациональный его уровни, т. е. это та реальность, которую мы видим, слышим, ощущаем, представляем. В картине мира не может появиться предмет или объект, которого нет в восприятии человека.

Одними из первых о картине мира стали говорить Л. Витгенштейн, рассматривавший в своем «Логико-философском трактате» картину как модель реальности [Витгенштейн 1994], Г. Герц, представлявший физическую картину мира как совокупность символов внешних предметов, где «логические необходимые следствия этих представлений были ... образами естественно необходимых следствий отображенных предметов» [Герц 1938: 139], а также основатель современного европейского неогумбольдтианства Й. Л. Вайсгербер, считавший, что картина мира содержит в себе три составляющие: мировоззрение, мировосприятие и мироощущение, характерные для определенного этноса или субкультуры в определенный период времени [Вайсгербер 1993: 114–124]. В своих работах он выдвигал идею о том, что любой язык содержит картину миру, но «насколько мало похожи все эти обстоятельства у двух народов, настолько же маловероятно, что в двух языках может существовать одна и та же картина мира, сложившаяся в результате этих обстоятельств и заложенная в конкретном языке. Ничто так тесно не связано с судьбой какого-либо народа, чем его язык, и нет более тесной взаимосвязи, чем между народом и его языком» [Вайсгербер 2004: 104].

Попытка обозначения статуса картины мира содержится в трудах А. Эйнштейна, утверждавшего, что «человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений», на нее он «переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность» [Эйнштейн 1967: 40]. Как физик-теоретик он считал, что «путем чисто логической дедукции ... можно было бы вывести картину, т. е. теорию всех явлений природы,

включая жизнь, если этот процесс дедукции не выходил бы далеко за пределы творческой возможности человеческого мышления» [Эйнштейн 1967: 40].

М. Планк вслед за А. Эйнштейном подчеркивал, что важным признаком научного познания является стремление найти «постоянную, не зависящую от смены времени и народов картину мира», которая представляет собой «незыблемую цель, к которой стремится естествознание в ходе своего развития» [Планк 1966: 48]. М. Планк считал принципиальным деление картины мира на практическую (совокупность знаний об окружающем мире, полученных и осмысленных человеком в результате прямого познания) и научную, представляющую модель реального мира, которая не зависит от чувств и ощущений отдельного индивида и полностью основывается на достигнутых результатах той или иной науки.

Выдвинутый в рамках физики термин «картина мира» получил широкое распространение во многих отраслях знаний, в частности в гуманитарных науках — лингвистике, антропологии, искусствоведении, культурологии, философии, психологии и т. д., и каждая отрасль науки в зависимости от ее методов, понятий и концепций выдвигает свои собственные картины мира. В итоге становится возможным говорить о физической, философской, социологической и так далее частнонаучных картинах мира, в лингвистике — о языковой картине мира.

В современной науке различают непосредственную и опосредованную картины мира. Непосредственную картину мира мы получаем в процессе конкретного прямого познания и получения первичного анализа информации из окружающей действительности с использованием, как органов чувств, так и абстрактного мышления. Естественно, что данная картина мира, полученная в процессе непосредственного восприятия мира и его осмысления, может быть различной в зависимости от уровня познания и метода познания, преобладающего в определенный исторический период, который меняется с эволюцией общества и достижениями науки. Непосредственная картина мира как итог познания (когниции) реальности определяется и как когнитивная.

Опосредованная картина мира — это «результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют, овнешняют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира» [Попова, Стернин 2007: 5], т. е. любой элемент мира можно представить в виде концепта, а следовательно, картина мира — это совокупность концептов и концептосфер, которые формируются на основе языка, а точнее опосредуются языком [Блох 2007: 101].

Опосредованной картиной мира является и национальная картина мира, которая представляет собой приведенный в определенную систему взгляд на мир определенного этноса и обнаруживается «в единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях и „общих мнениях“, в суждениях о действительности» [Попова, Стернин 2007: 5]. Национальная

картина мира может содержать как универсальные концепты, которые есть в любом языке, так и концепты, характерные только данному этносу. По утверждению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, национальная картина мира представляет собой «национальную концептосферу в совокупности с национальным менталитетом» [Попова, Стернин 2007: 5], где менталитет как «специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания» [Попова, Стернин 2007: 9] отдельной личности, социальной или этнической общности людей, равно как и концепт, является «ментальным явлением и дополняет НКМ (национальную картину мира. — Б. А.), формируемую концептосферой» [Попова, Стернин 2007: 11].

Рассмотрим различные подходы к определению термина «языковая картина мира». Говоря о картине мира как одном из основных понятий концепции человека, авторы словаря новых терминов понятие языковой картины мира определяют как «совокупность знаний об окружающем мире, запечатленных в языковой форме» [Азимов, Щукин 2009: 362]. По мнению Л. Г. Ефановой, языковая картина мира — это «отраженная в семантике языковых единиц разных уровней система социально обусловленных и регулярно выражаемых средствами данного языка представлений о том, каким должен быть человек, социум и весь окружающий его мир для того, чтобы получить со стороны социального субъекта положительную оценку и не вызвать у него неодобрительного отношения» [Ефанова 2013: 103].

О. А. Корнилов выделяет два фактора (императива) появления данного термина в научном обиходе: лингвистический и культурологический [Корнилов 2003: 77]. Лингвистический фактор заключается в «необходимости концептуальной интерпретации систематизированной лексики» [Корнилов 2003: 77]. В культурологии языковая картина мира используется как источник знания о национальном менталитете и как иллюстративный ресурс лингвистического материала для описания черт национального характера, а *prigoi* приписываемого данному этносу или народу [Корнилов 2003: 79], т. е. это определенная «вербализованная система матриц, в которых запечатлен национальный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный характер» [Корнилов 2003: 80].

Языковая картина мира, по словам Е. С. Кубряковой, является частью «концептуального мира человека, которая имеет привязку к языку и преломление через языковые формы» [Кубрякова 1988: 142].

Некоторые отечественные ученые [Зализняк и др. 2012; Апресян 1995] отмечают, что следует различать «наивную» и «научную» языковую картину мира, где наивная картина мира отражена в языке в повседневном общении, а вторая — в научных текстах. Оппозиция «научное — наивное» в исследовании языковой картины мира обсуждается довольно давно. По мнению А. А. Зализняк, под «языковой картиной мира» понимают «наивно-языковое восприятие мира, т. е. концептуализацию мира, представленную в текстах на повседневном языке» [Зализняк и др. 2012: 311]. О донаучном

характере языковой картине мира пишет и Ю. Д. Апресян, подтверждая идею наивной картины мира тем, что в каждом языке при осмыслении реальной действительности «воплощается цельная коллективная философия», называемая иногда «наивным реализмом» [Апресян 1995: 629]. Совершенно иного мнения придерживается И. А. Стернин, считающий, что границы между «наивным» и «научным» не существует, что концепция наивных понятий не имеет подтверждения, так как является отражением познания действительности в определенный период развития общественного сознания [Стернин 1985].

Таким образом, язык как важный способ отражения реальной действительности фиксирует результаты познания, играет основную роль в создании единой картины мира как отдельного человека, так и языкового сообщества. Совокупность отраженных в языке представлений народа о реальной действительности на определенном этапе исторического развития отдельно взятого народа и составляет языковую картину мира.

1.3.3. Лингвокультурологический анализ фольклорного текста

Одним из приоритетных направлений в теории текста является анализ его особенностей с точки зрения лингвокультурологии. В рамках лингвокультурологических исследований изучаются национально-культурные особенности текста, так как в нем отражены мир и константы культуры того народа, на языке которого этот текст создан. Большое разнообразие лингвокультурологических исследований в области концепции текста в последние годы служит доказательством того, что рассмотрение текста как объекта лингвистического анализа, как элемента культуры отдельно взятого этноса, отражающего его менталитет, национальный характер, традиции и обычаи, является одним из перспективных направлений в современном языкознании. В качестве объектов лингвокультурологического исследования, как правило, выступают фольклорные тексты, которые являются источниками информации и осмысления основных ценностей культуры того или иного народа, так как именно «фольклор во многом позволяет глубже других источников проникнуть в духовный мир народа, в мир его образов и представлений» [Герд 2005: 29].

Проблемы лингвокультурологического анализа текста рассматривались в работах Е. М. Верещагина [Верещагин 1976], И. Я. Пак [Пак 2006], Ю. М. Лотмана [Лотман 2001], В. В. Воробьева [Воробьев 1997], В. Н. Телия [Телия 1996] и др.

Ряд диссертационных работ демонстрирует различные направления исследований национально-культурной специфики текста. Так, лингвокультурологический анализ произведений С. Есенина, проведенный Т. Е. Синиченко, позволил выявить языковую картину мира русского поэта, которая «складывается из разнообразных языковых средств образности, увиденных поэтом, образов из фольклора и древнерусской литературы [Синиченко 2007: 16].

Лингвокультурологический анализ фольклорного текста часто и успешно реализуется при обучении иностранных студентов русскому языку. Данный вид анализа при обучении русскому языку немецкоязычных студентов рассматривает в своей работе О. А. Игошина. По мнению О. А. Игошиной, лингвокультурологический анализ необходим для понимания фольклорного текста, так как, «вступая в контакт с инокультурным текстом, реципиент неосознанно оценивает его в кодах своей культуры, что предопределяет «глухоту» к специфическим проявлениям иноязычной культуры» [Игошина 2003: 12]. Автор работы учитывает несколько уровней понимания текста: языковой, текстовый и концептуальный и определяет содержание лингвокультурной компетенции, под которой понимается «совокупность знаний, умений и личностных качеств, приобретенных в процессе освоения системы культурных ценностей» определенного языка [Игошина 2003: 12].

Исследователи обращают внимание на то, что лингвокультурологический анализ имеет отличия от других известных видов анализа текста: лингвистического, стилистического, литературоведческого, культурологического и т. д. Так, например, В. Н. Телия подчеркивает, что лингвокультурологический анализ следует отличать от этимологического. Рассмотрение этимологии слова, где раскрывается изначальный его смысл, но не культурная значимость, нельзя отнести к анализу с культурологической точки зрения. Лингвокультурологический анализ, по мнению В. Н. Телия, заключен «в извлечении из образа его действительной культурной значимости, культурного смысла языковой сущности» [Телия 1996: 240].

Об отличиях лингвокультурологического анализа от культурологического и лингвистического пишет И. Я. Пак: от собственно культурологического он отличается тем, что предметом рассмотрения лингвокультурологического анализа являются языковые единицы, а от лингвистического — «привлечением культурной информации для объяснения некоторых фактов, а также выделением этой культурной информации из единиц языка» [Пак 2006: 183].

Целями лингвокультурологического анализа являются разъяснение смысла любого текста, основных его разноуровневых языковых единиц с выделением национально-культурного компонента и соотносением с определенным этнокультурным пространством, раскрытие уровней, несущих культурную информацию.

Эти цели достигаются путем извлечения из текста сведений о культуре народа и страны; соотношения текста с определенной культурой, выявления культурной и языковой этнодействительности; интерпретации полученных сведений, раскрытия смыслов тех или иных языковых единиц, их классификации и подробного описания с учетом этимологических, стилистических, семантических сведений; обоснования значения данных единиц в плане формирования национальной и языковой картины мира в фольклорном тексте; анализа ценностных установок данной культуры,

сравнения ценностных картин мира разных народов и разных культур [Ворошкевич, Казанникова 2016: 7].

В качестве предмета лингвокультурологического анализа выступают языковые единицы, которые имеют национально-культурную специфику, «приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания — архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и поговорках (поговорок) и т. д.» [Маслова 2001: 28].

Для вычленения языковых единиц, соотнесенных с определенным этнокультурным социумом, используются различные методы: сравнительный, интроспективный, филологического и концептуального анализа. Сравнительный метод позволяет рассматривать языковую единицу в сопоставлении с другими языками и культурами и выявлять общие и специфические черты. Интроспективный анализ представляет собой метод исследования, который заключается в изучении языкового лексического материала с целью выявления этнокультурной специфики языка и предполагает работу с информантами [Алефиренко 2010: 9]. Метод филологического анализа, элементами которого являются исследование характеристики жанра текста, анализ структуры произведения, описание системы образов и т. д., способствует комплексному рассмотрению текста как явления культуры. Концепт, являющийся одним из главных понятий в лингвокультурологии, позволяет включить в методологическую основу лингвокультурологического анализа текста и концептуальный анализ, направленный на исследование этих единиц. Различные варианты этого анализа имеются в работах В. В. Воробьева [Воробьев 1997], В. В. Красных [Красных 2002] и др.

В алгоритм лингвокультурологического анализа фольклорного текста исследователи включают поиск языковых единиц с национально-культурным компонентом, их классификацию по определенному тематическому (например, герои, топонимы, предметы быта и т. д.) и лексико-грамматическому признаку (они́мы, безэквивалентная лексика, реалии, сравнения и т. д.); составление лингвокультурологического комментария к найденным единицам; анализ собственно текста (жанровые и композиционные особенности, структура, система образов, изобразительно-выразительные средств языка и т. д.) [Белозубова 2017: 131].

Лингвокультурологический анализ текста как область исследования представляет собой «объяснение того, как культура внедряется в текст и меняет его смыслы», а проникать в тексты она может «через фольклорный материал, ... через интертекстуальные связи, ...через ритуально-мифологическое, которое становится приемом создания особого мира, ... через концепты, символы, стереотипы, эталоны, хранящиеся в языке и

сознании каждой национальной языковой личности, ... через национально-культурные коннотации» [Маслова 2014: 86].

Таким образом, лингвокультурологический анализ фольклорного текста как метод исследования играет важную роль в изучении и уточнении национальной и языковой картины мира, способствуя лучшему пониманию культуры и языка любого народа.

1.3.4. Языковая единица как отражение лингвокультурных особенностей национальной картины мира⁸

Описание языковых единиц с точки зрения их лингвокультурологических особенностей представляет собой один из дискуссионных вопросов лингвокультурологии. В качестве единиц, отражающих особенности языковой картины мира, рассматриваются как концепты (лингвоконцепты) (В. В. Красных [Красных 2002], В. И. Карасик [Карасик 2002], С. Г. Воркачев [Воркачев 2004], В. П. Нерознак [Нерознак 1998], В. А. Маслова [Маслова 2001], Д. С. Лихачев [Лихачев 1997], Е. И. Зиновьева и Е. Е. Юрков [Зиновьева, Юрков 2009]; и др.), так и языковые единицы разных уровней и языковые категории (В. В. Воробьев [Воробьев 1997], Н. Г. Брагина [Брагина 1999], В. Г. Гак [Гак 1998], В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова [Костомаров, Бурвикова 2000], В. Н. Телия [Телия 1996], С. В. Иванова [Иванова 2005]).

Концептами, по мнению В. А. Масловой, считаются «ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью, как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом»: совесть, свобода, судьба, интеллигенция, родина и т. п. [Маслова 2001: 39]. В работе В. В. Красных концепт определяется как «самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [Красных 2002: 184]. Подчеркивая связь культуры и языка, Ю. С. Степанов представляет культуру как «совокупность концептов и отношений между ними», а концепт определяет как «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 2001: 42].

Исследователи выделяют лингвокультурный концепт как единицу, которая репрезентирует язык (сфера опредмечивания концепта), сознание (область пребывания концепта) и культуру (детерминирует концепт)

⁸ Данный параграф частично основан на ранее опубликованных статьях автора диссертационной работы: Баянова А. Т. Особенности перевода безэквивалентной лексики на немецкий язык (на примере текстов калмыцких сказок, записанных Г. Й. Рамstedтом) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 9. № 4. С. 103–111; Баянова А. Т. Категория обращения и способы ее выражения в калмыцком языке (на примере сказок в записи Г. Й. Рамstedта) // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2018. Т. 28. № 6. С. 957–971; Баянова А. Т. Категория сравнения и способы ее выражения в фольклорном тексте: лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамstedта) // Oriental Studies. 2019. Т. 12. № 1. С. 123–133; Баянова А. Т. Символика белого цвета в фольклорном тексте: лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамstedта) // Монголоведение. 2020. № 4. С. 592–604.

[Зиновьева, Юрков 2009: 121]. С. Г. Воркачев указывает отличительный признак лингвоконцепта — его этнокультурную отмеченность («это единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой») [Воркачев 2004: 51]. В узком смысле под лингвоконцептами понимаются семантические образования, не имеющие однословных эквивалентов при переводе на другой язык [Нерознак 1998: 85].

Наряду с концептами в лингвокультурологии активно исследуются отдельные языковые единицы, отражающие национально-культурную специфику. В. В. Воробьев считает такой единицей архикультурему — своеобразную лексическую единицу, имеющую культурную семантику, тем самым сводя данный вопрос только к рассмотрению лексики языка [Воробьев 1997: 295]. Такой же узкий подход в вопросе выделения языковой единицы в лингвокультурологии поддерживает Н. Г. Брагина, которая относит к ним культурно маркированные словосочетания с абстрактной семантикой, обозначающие, к примеру, чувства, мысли человека [Брагина 1999].

В. Г. Гак в качестве лингвокультурной единицы предлагает рассматривать культурему — совокупность определенных знаков, имеющих формальные и содержательные компоненты и служащих для обозначения реалии, под которыми понимается все, что относится к культуре: функции, предметы, факты поведения, обычаи и т. д. [Гак 1998: 142].

В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова рассматривают в качестве языковой единицы логоэпистему как категорию, функционирующую на уровне языка и культуры, являющуюся оригинальным знаком культуры, представленным в языковой оболочке и содержащим не только лексические единицы, но и словосочетания, предложения и даже тексты, которые передают особенности национальной культуры [Костомаров, Бурвикова 2000: 4].

Акцент на фразеологическом составе языка делает В. Н. Телия, считая, что фразеологические единицы «...воплощают в своем образном содержании культурно значимые черты мировидения», выполняют роль «культурных знаков при условии их интерпретации в том или ином коде культуры» [Телия 1996: 247].

С. В. Иванова вычленяет единый, по ее мнению, «показатель культурологической маркированности» — культурологическую компоненту и считает использование этого термина наиболее удобным, так как, в отличие от вышеназванных, в нем реализуется «сращение языка и культуры», «вычленимость культураносного элемента», что позволяет оставаться в рамках именно лингвистического исследования [Иванова 2005: 66–67].

Ю. С. Степанов, исходя из структуры концепта («исходная форма (этимологии), сжатая до основных признаков содержания история, современные ассоциации, оценки и т. д.»), считает именно концепт базовой единицей культуры [Степанов 1997: 41].

Вместе с тем, наблюдается тенденция подведения под лингвокультурологические особенности языковых единиц все их семантические признаки, что в некоторой степени неверно. Как утверждает И. А. Стернин, «многие семантические компоненты значений слов отражают не явления культуры, которые специфичны для каждого народа, а общечеловеческие, универсальные явления материальной и духовной культуры» [Стернин 2011: 9]. В связи с этим он предлагает относить к лингвокультурным языковым единицам только те, где эксплицитно можно объяснить культурные причины национального своеобразия [Стернин 2011: 10].

К единицам, имеющим национально-культурную специфику, по мнению Е. А. Маклаковой, относятся слова, называющие ценности, принятые внутри данной культуры, национально-исторические реалии, культурологические реалии, национально-ономастические реалии, национально-материальные или бытовые реалии, национально-культурные реалии, прецедентные тексты — все, что способно сохранить историческую память народа [Маклакова 2011: 4–7].

В. А. Маслова относит к культурно-маркированным словам следующие единицы: безэквивалентную лексику и лакуны; мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы; эталоны, стереотипы, символы; паремии; фразеологизмы; метафоры и образы языка; речевое поведение; речевой этикет; ключевые концепты культуры [Маслова 2001: 37].

В диссертационном исследовании мы рассматриваем следующие языковые единицы и категории: безэквивалентную лексику, реалии: ономастические, национально-материальные или бытовые; ассоциативные, мифологизированные, а также категории языка — сравнение, обращение. Рассмотрим некоторые единицы более подробно.

Различия в языке и культуре, а следовательно, и различия в национальных и языковых картинах мира приводят к тому, что в каждом исследуемом языке (в нашем случае калмыцком и немецком) имеется некоторый пласт лексики, именуемый безэквивалентной (или реалией), который специфичен только для одного языка, не имеет эквивалентов в других языках и является показателем уникальности и национального своеобразия [Попова, Стернин 2007: 144].

Вопросы перевода безэквивалентной лексики, представляющие собой значительную и важную проблему трансляции национального своеобразия языка, активно рассматриваются в современном переводоведении, сопоставительном и типологическом языкознании, лингвистике, лингвострановедении, лексикографии. Безэквивалентная лексика национальных языков народов Российской Федерации в основном изучается в сравнении с русским языком [Замалетдинова 2014; Егодурова 2014; Федоров 2010; Тюркан 2015; Олядыкова 2007], хотя имеются работы, где данный пласт лексики исследуется в сопоставлении с другими генетически отдаленными языками. Так, например, вопросы перевода безэквивалентной лексики на английский язык рассматриваются на материале татарского языка

[Нуртдинова 2014], языков народов Севера [Салимова 2007], калмыцкого языка [Биткеева 1998] и др. Тем не менее, несмотря на это, следует отметить, что компаративное изучение безэквивалентной лексики языков народов, проживающих в Российской Федерации, не получило еще достаточного освещения, что, скорее всего, можно объяснить наличием небольшого количества переводных источников как на русский язык, так и на другие языки, хотя, несомненно, переводов текстов на русский язык гораздо больше, чем на другие языки.

Известны различные определения термина «безэквивалентная лексика». В словаре лингвистических терминов безэквивалентная лексика трактуется как слова и выражения, которые специфичны «для определенного национального языка и выражают специфические понятия (обозначающие специфические явления) жизни и культуры данной нации» [Панькин 2011: 15]. Часть ученых утверждает, что безэквивалентная лексика является синонимом слова «реалия», под которым понимают лексическую единицу, обозначающую явление или понятие, отсутствующее в сравниваемом языке. Считается, что реалии занимают около 90 % всей безэквивалентной лексики [Иванов 2006: 85]. Некоторые ученые расширяют понятие безэквивалентной лексики и в включают в это понятие слова, отсутствующие «в иной культуре и ином языке» [Верещагин 1976: 121]. Так, по мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, к безэквивалентной лексике относятся слова, отражающие специфику национальной культуры, «план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными понятиями» [Верещагин 1990: 42]. Безэквивалентная лексика — это лексические единицы исходного языка, не имеющие регулярных (словарных) соответствий в переводящем языке [Комиссаров 1990: 246]. Вслед за В. Н. Комиссаровым, Я. И. Рецкер дает следующее определение данного термина: «БЭЛ (безэквивалентная лексика. — Б. А.) — лексические (и фразеологические) единицы, которые не имеют переводческих эквивалентов в ПЯ (переводящем языке. — Б. А.)» [Рецкер 2007: 11] — и также приравнивает их к реалиям. Л. С. Бархударов считает, что под понятие безэквивалентной лексики попадают лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка [Бархударов 1975: 94]. К ним он относит имена собственные, реалии (слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке) и случайные лакуны (слова, у которых нет соответствий в лексическом составе другого языка) [Бархударов 1975: 95].

С. И. Влахов и В. С. Флорин считают, что следует разграничивать понятия безэквивалентной лексики и реалий, при этом последние входят в рамки безэквивалентной лексики, слово может быть реалией по отношению ко всем языкам, а безэквивалентная лексика — только в рамках данной пары языков [Влахов, Флорин 1980: 43].

Безэквивалентными могут быть также термины, индивидуальные (авторские) неологизмы, семантические лакуны, отклонения от

общеязыковой нормы, иноязычные вкрапления, сокращения, междометия, звукоподражания и, конечно, имена собственные и обращения [Иванов 2006: 85].

По А. В. Федорову, безэквивалентная лексика — это слова, обозначающие чисто «местное явление, которому нет соответствия в быту и понятиях другого народа» [Федоров 2010: 152]. Безэквивалентная лексика обнаруживается главным образом среди неологизмов, среди слов, называющих специфические понятия и национальные реалии, и среди малоизвестных имен и названий, для которых приходится создавать окказиональные соответствия в процессе перевода [Федоров 2002: 27].

Л. Л. Нелюбин утверждает, что безэквивалентная лексика — это слова, которые не имеют регулярных лексических соответствий в переводящем языке. Он разделяет их на референциально-безэквивалентную (реалии, термины, фразеологизмы, неологизмы, лакуны) и прагматично-безэквивалентную лексику (диалектизмы, жаргонизмы, арготизмы, табуированная лексика, архаизмы, историзмы, иноязычные вкрапления, междометия, звукоподражания). Имена собственные и обращения Л. Л. Нелюбин выделяет в особую группу, которая может быть либо референциальной, либо прагматической в зависимости от способа передачи [Нелюбин 2009: 50].

В толковом переводоведческом словаре Л. Л. Нелюбина дается несколько определений понятия «реалия»: 1. Слова и выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. 2. Разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой и переводоведением, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа и т. п. 3. Предметы материальной культуры. 4. Слова, обозначающие национально-специфические особенности жизни и быта [Нелюбин 2003: 178]. В краткой литературной энциклопедии реалии определяются как «предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны и не встречающееся у других народов [КЛЭ 1962: 227–228].

По мнению О. С. Ахмановой, реалии в классической грамматике — это «разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие как государственной устройством данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка», а также «предметы материальной культуры» [Ахманова 1966: 370].

А. Швейцер относит к безэквивалентной лексике лексические единицы, отражающие «специфические реалии той или иной страны и не имеющие эквивалентов в другом языке» [Швейцер 1973: 250], отмечая при этом, что реалии — это предметы и явления, связанные с историей, культурой, экономикой и бытом [Швейцер 1973: 250].

Анализ множества дефиниций термина позволяет определить основной смысл понятия безэквивалентной лексики: это лексические единицы, существующие в рамках определенной пары языков и не имеющие

эквивалента в переводящем языке, так как они являются культурно-маркированным явлением и отражают национальную специфику исходного языка.

Вопросы перевода безэквивалентной лексики в калмыцком языкознании рассматривались в научных исследованиях Л. Б. Олядыковой [Олядыкова 2007], А. Н. Биткеевой [Биткеева 1998] и др. По мнению Л. Б. Олядыковой, исследовавшей проблемы перевода безэквивалентной лексики на примере русских переводов произведений поэта Д. Кугультинова, «этнокультурный компонент лексического значения безэквивалентных слов опирается на особые фоновые знания о предметах и явлениях действительности <...> и является культурно-маркированным явлением, понятным носителям одной культуры» [Олядыкова 2007: 10–11]. А. Н. Биткеева рассматривает данную проблему через призму передачи национального своеобразия в художественных текстах при переводе с калмыцкого на английский язык (о термине БЭЛ автор не говорит, но рассматривает такие аспекты, как способ перевода на английский язык экзотизмов и фразеологизмов, а также слов «с четкой закрепленной принадлежностью к определенной стране, национальности» и слов, передающих «особенности жизни и быта», национального колорита [Биткеева 1998: 39].

Степень освоенности калмыцкой лексики немецкой лингвокультурой в сравнении с языками других народов достаточно высока. Образцы калмыцкого фольклора, в частности, сказки, были переведены на немецкий язык Х. Ф. Грегором [Taube 1997–1998], Б. Бергманном [Bergmann 1804], И. А. Лером [Lohr 1820] и Б. Юльгом [Julg 1866].

При переводе безэквивалентной лексики на другой язык, как правило, используются калькирование, описательный перевод, транскрипция. Реалии как культурологически маркированные языковые единицы отражают различные стороны жизни народа: родственные отношения у калмыков, религию, общественно-политические отношения, быт и традиции, животный и растительный мир т. д.

Фиксация цвета предмета, наряду с числом и временем, является наиболее простым и доступным способом осознанного зрительного ощущения и осмысления его признаков и особенностей. Поскольку «цвет есть порождение нашего глаза и мозга» [Фрумкина 1984: 6], это цветоощущение отражается, прежде всего, в языке. Цветообозначение относится к наиболее архаичному пласту лексики любого языка, оно имеет ярко выраженную национально-культурную специфику и является важной составной частью языковой и лингвоцветовой картин мира.

Проблемы цветовосприятия и цветообозначения стали объектом исследования как зарубежных, так и отечественных ученых с давних пор. Следует отметить, что в ходе анализа литературы по исследуемой теме выяснилось, что нет единого терминологического понятия, обозначающего описание лексем, отражающих цвет. Наиболее распространен термин «цветообозначение» [Бахилина 1975; Вежбицкая 1999]. Употребляются

также термины «цветонаименование» [Василевич 1987; Фрумкина 1984], «цветовой термин», «термин цвета» (colour term) [Berlin, Key 1969; Кульпина 2004], «прилагательное со значением цвета» [Рахилина 2000], «хроматоним» [Цыганова 2000]. Входят в обиход и новые термины — «колороним», «колоративная лексика».

Эксперимент с целью исследования восприятия и распознавания цвета представителями различных языков и культур впервые провели американские ученые психолог Р. Браун и лингвист Э. Леннеберг, которые пришли к выводу, что, к примеру, носители языка зуни, у которых зеленый и синий цвет относится к одной цветовой категории, не испытывают проблем с их распознаванием [Brown, Lenneberg 1954: 185].

Начало комплексному исследованию лингвистических аспектов цветообозначения положили американские ученые Б. Берлин и П. Кей [Berlin, Key 1969]. На основе анализа 98 языков они пришли к выводу, что набор цветовых терминов состоит из 11 универсальных лексем, которые появились не одновременно. Очередность появления цветообозначений они делят на семь стадий:

I. white, black (белый, черный); II. red (красный); III–IV. green, yellow (зеленый и желтый)⁹; V. blue (синий); VI. brown (коричневый); VII. purple, pink, orange, grey (фиолетовый, розовый, оранжевый и серый). Стадии появления цветообозначений они тесно связывают с уровнем развития культуры того или иного этноса, т. е. по количеству цветовых категорий можно установить этапы развития культуры народа. Ставшая классической теория Б. Берлина и П. Кея имела не только своих сторонников, но и противников.

К примеру, польский лингвист А. Вежбицкая считает, что восприятие цвета у людей одинаковое, но «языковая концептуализация различна в разных культурах, хотя и здесь есть поразительные элементы сходства» [Вежбицкая 1996: 238]: различие особенностей менталитета, уникальная и самобытная материальная культура, присущая одному отдельно взятому народу, а также природная среда влияют на цветовосприятие.

В отечественной лингвистике рассматривались различные аспекты цветообозначения: семантика [Рахилина 2007], символика цвета [Бережных 2009], этимология [Бахилина 1975; Василевич 2007], цветовые представления в культурах народов, в частности монголоязычных [Санжина 2018], компаративный анализ цветообозначений в разноструктурных языках [Макеенко 1999; Кулешова 2012] и т. д.

Исследование цвета в монгольских языках проводилось отдельными учеными, однако следует констатировать, что проблема комплексного изучения цветообозначений остается на периферии калмыцкой филологической науки. К примеру, имеются серьезные исследования по данной проблематике, основанные на материалах монголоязычных народов.

⁹ Четвертая стадия зависит от того, какой термин появился раньше на третьей стадии: желтый или зеленый.

Здесь нужно назвать фундаментальную работу Н. Л. Жуковской, где символике цвета посвящена отдельная глава [Жуковская 2002: 194–216]. В калмыковедении же имеются разрозненные научные публикации, где цветообозначение рассматривается в рамках изучения архитектуры, жилища, одежды, орнамента, астрологии калмыков. Так, например, при исследовании орнамента монголоязычных народов известный этнолог А. Г. Митиров рассматривал и семантику цвета [Митиров 1981]. Э. П. Бакаева исследует цветообозначение в рамках изучения геосимволики, утверждая, что для каждой стороны света существует свой цвет. Так, к примеру, восток — синий, юг — желтый и т. д. [Бакаева 2005: 22].

Вопросы цветообозначения были рассмотрены известным лингвистом Г. Ц. Пюрбеевым в монографии «Эпос «Джангар»: культура и язык» [Пюрбеев 2015]. Он исследует цветовую символику на примере эпического текста, дает семантику каждого цвета. Следует отметить, что лингвисты исследуют цветовую символику чаще всего на основе текстов эпоса «Джангар». Цветовую лексику в составе сравнения, эпитетов, метафор и гипербол на примере эпического текста рассматривает Б. Б. Манджикова, утверждающая, что цветообозначение является одним из выразительных средств, используемых в фольклорном тексте [Манджикова 2002: 189]. Формулы-толкования цветообозначающих имен прилагательных дает Н. М. Мулаева. Так, работая над составлением Толкового словаря калмыцкого героического эпоса «Джангар», она включает систему дефиниций для колоративов: к примеру, *улан* — *цусна өңгтэ* ('красный — цвета крови'), *цаһан* — *цасна, үснэ өңгтэ* ('белый — цвета снега, молока') [Мулаева 2015].

Сравнительно-статистический анализ цветообозначений на основе текстов синьцзян-ойратской и калмыцкой версий эпоса производит В. В. Салыкова, однако сопоставление частотности цветов в разновариантных текстах не привносит каких-то принципиально новых знаний в рассмотрении данного вопроса [Салыкова 2013]. Частотность колоронимов в тексте эпоса «Джангар» определена монголоведом Б. Х. Тодаевой в 70-е гг. прошлого века при исследовании этого памятника устного народного творчества калмыков, содержащего богатейшей лингвистический материал [Тодаева 1976]. Цветообозначение в калмыцкой ономастике рассматривает М. У. Монраев [Монраев 2009].

В последнее десятилетие в рамках исследования концептов стали изучаться и концепты цвета: белый [Монраев 2006; Джушхинова 2013; Олядыкова 2006], красный [Голубева 2008; Куканова, Омакаева 2011; Монраев 2008].

Роль цвета у калмыков, как и у всех народов, многозначна. По утверждению В. Е. Ткачева, «для человека, образ жизни которого сформировали дальние перекочевки, и чей мир не должен быть обременен обилием вещей, цвет как физическое качество предметов и пространства стал не только информатором, но и системой чувственных данных, положивших

начало социальной символике и эстетическому мировоззрению степного общества» [Ткачев 1984: 107].

Набор базовых цветообозначений у разных народов различен. Например, в русском языке их насчитывается 12, в монгольском выделено 10, в алтайском — 8. В калмыцком языке базовые цветообозначения варьируются от 3 до 5. Как утверждает Э. У. Омакаева, калмыки различают три цвета радуги: красный, желтый, синий (лексема *көк* обозначала «различные оттенки синего, голубого, зеленого и серого тонов» [Омакаева 2009: 271]. Г. Ц. Пюрбеев и Б. Х. Тодаева, исследуя эпос «Джангар», выделяют 5 цветов: черный, белый, желтый, голубой и красный [Пюрбеев 2015: 73; Тодаева 1976]. В буддийской цветовой геосимволике присутствуют пять цветов, связанные со сторонами света: юг — желтый, север — зеленый, восток — синий (голубой), запад — красный, центр — белый (отсутствует черный цвет). Этот же спектр из пяти цветов имеется и в 12-летнем и 60-летнем календарных циклах.

Сравнение — понятие многофункциональное и универсальное, используемое в различных областях познания: литературоведении, логике, философии, психологии, математике, культурологии и др. Так, например, в литературоведении под сравнением понимается «вид тропа, в котором одно явление или понятие проясняется путем сопоставления его с другим явлением» [СЛТ 1974: 371], в философии — «сопоставление объектов с целью выявления черт сходства или черт различия между ними» [ФС 2001: 538]. По мнению М. Фуко, сравнение — «самый универсальный ... элемент, определяющий форму познания... и гарантирующий богатство его содержания» [Фуко 1994: 66].

В «Новом словаре методических терминов и понятий» сравнение определяется как одна из логических операций мышления, состоящая «в сопоставлении предметов, явлений, их свойств и установления тождества или различия между ними» [Азимов, Щукин 2009: 290]. Согласно «Словарю лингвистических терминов» О. С. Ахмановой сравнение определяется как «понятие равенства — неравенства, большей или меньшей степени качества, находящее выражение как в грамматической категории степеней сравнения прилагательных и наречий, так и в лексике и фразеологии» [Ахманова 1966: 437].

В лингвокультурологии сравнение представляется как одно «из ярких образных средств, способных дать ключ к разгадке национального сознания» [Маслова 2004: 144], где «с особой наглядностью проявляется так называемая внутренняя форма языка, богатство собственно языковых изобразительных ресурсов, а вместе с тем раскрывается самобытность национальной культуры, национальный склад образного мышления» [Огольцев 1978: 7].

Ученые, исследующие синтаксический уровень языка, считают, что сравнение — это синтаксическая категория, содержащая «в качестве строго обязательной части позицию сравнительного члена» [Черемисина 1976: 4].

В языкознании учеными чаще исследуются устойчивые сравнения, являющиеся особым языковым явлением, которое характеризуется «логической структурой сравнения, компонентным составом, выражающим компаративные отношения, образностью и особым суперсегментным значением» [Подчаха 2012: 331].

Категория сравнения постоянно привлекает к себе внимание исследователей. В английском языкознании сравнение рассматривается как стилистический прием для экспрессивной окраски речи и часто уподобляется метафоре; считается, что они эквивалентны друг другу: «A metaphor can always be paraphrased as a simile» (Метафора всегда может быть перефразирована как сравнение. — А. Б.), «It must be capable of being expressed in simile form if it is to be understood as a comparison» (Она [метафора. — А. Б.] должна выражаться в форме сравнения, если ее следует понимать как сравнение) [Glucksberg, Haught 2006: 361]; «metaphors and similes are interchangeable» (метафоры и сравнения взаимозаменяемы. — А. Б.) [Haught 2013: 254].

В отечественном языкознании изучение категории сравнения является одной из актуальных тем в свете современных сравнительных исследований языка и культуры различных народов (см., например, работы В. П. Беркова [Берков 1996], В. М. Огольцева [Огольцев 1978], М. И. Черемисиной [Черемисина 1976]).

Анализ научных работ позволяет сделать вывод, что существует несколько аспектов изучения данной категории. Структурно-семантические особенности сравнительных конструкций выделены лингвистами Ф. В. Даутия [Даутия 1997], М. И. Черемисиной [Черемисина 1976], В. В. Бабайцевой [Бабайцева 2010], Н. М. Девятовой [Девятова 2010] и др. В рамках исследования функционально-семантических полей сравнение изучали В. А. Богородицкий [Богородицкий 1907], И. В. Левит [Левит 2005], С. В. Постникова [Постникова 2009] и др. Как средство выразительности данную категорию рассматривали в своих научных трудах В. В. Вомперский [Вомперский 1964], И. Р. Гальперин [Гальперин 1958], Т. Ф. Волкова [Волкова 2004] и др.

В ряде работ, изданных за последние десять лет, на первый план выходит лингвокультурологический аспект сравнительных конструкций в рамках одного или нескольких языков: дается компаративный анализ функций, структуры и семантики исследуемой категории (Г. И. Абрамова [Абрамова 2004], И. Г. Ольшанский [Ольшанский 1999], Л. И. Ильясова [Ильясова 2009], Л. Б. Воробьева [Воробьева 2014], Т. Н. Николаева [Николаева 2003]).

Исследовательские работы, посвященные категории сравнения, в калмыцком языкознании малочисленны и содержат описание структурных моделей сравнения, выявлению частотных групп сравнительных конструкций. Лингвокультурологический аспект данной категории, связь с культурой и традициями народа в калмыковедении практически не изучены. Исключения представляют собой работы Е. В. Голубевой, которая

рассматривает устойчивые сравнения в рамках концептологии [Голубева 2006а].

Анализ компаративных конструкций в калмыцком фольклоре дан Г. Ц. Пюрбеевым [Пюрбеев 2016]. На материале калмыцкого фольклора выявлены специфические черты и особенности в структуре сравнений. Так, автор приходит к выводу, что отличительным свойством калмыцкого фольклорного текста является то, что оформление сравнений в них происходит большей частью по опорному слову-существительному [Пюрбеев 2016: 119].

Основные структурные модели сравнительных оборотов, лексико-семантическая дифференциация сравнений на примере произведений калмыцкого фольклора «72 небылицы» и «Седклин кюр» рассмотрена в работе В. Н. Мушаева [Мушаев 2017].

Э. В. Эрдниева дает компаративный анализ фразеологизмов-сравнений, выражающих качества человека, на примере русского, английского и калмыцкого языков. Проведенный анализ показал, что для полной и выразительной характеристики человека используются фразеологизмы-сравнения, в которых присутствуют образы животных и птиц, их повадки. Специфичность же фразеологизмов-сравнений в разных языках проявляется в том, какие именно животные, птицы, предметы служат для выражения качеств человека [Эрдниева 2016: 82].

Сравнительные конструкции как средство характеристики героев в калмыцком героическом эпосе «Джангар» изучены Н. Ц. Биткеевым [Биткеев 1976], А. А. Бурыкиным и Т. Г. Басанговой [Бурыкин, Басангова 2008].

Н. Ц. Биткеев исследует сравнительные конструкции в песнях эпоса «Джангар» из репертуара Ээлян Овла, Телтя Лиджиева, Мукебена Басангова с точки зрения их семантики и грамматического выражения. При изображении необычных воинских способностей богатырей, для усиления напряженности поединков сказители чаще всего используют сравнения:

Әәв балтни чолу цокси мет һал падрад 'Вспыхнуло пламя, словно ударили секирой по камню';

Аһин дүңгә махиг авад шивлдәд одна 'Размером с чашу разрывают мясо и бросают ими друг в друга' [Биткеев 1976: 134].

Красота героев сравнивается со светилами:

Һарх нарн мет 'Словно солнце восходящее'

Дүүрң һарси аврн тавни сар мет 'Словно полная луна' [Биткеев 1976: 134].

А. А. Бурыкин и Т. Г. Басангова рассматривают жанр калмыцкого фольклора — приметы-шинж как систему развернутых сравнений, объединяемых одной темой, и выделяют среди них сравнения зоонимической семантики. Так, например, описывается красота лошади Хонгора:

Прекрасна, как у зайца, его спина,

прекрасны, как у тушканчика, передние ноги его [Бурыкин, Басангова 2008: 7].

Сравнения в калмыцком языке изучаются и на примере литературных произведений калмыцких писателей. Н. М. Мулаева исследует сравнения в произведениях Л. Инджиева «Харалта өдрмүд» («Проклятые дни») и «Большевикуд» («Большевики»), выявляя наиболее частотные сравнительные конструкции, семантические группы, которые «носят антропоцентрический характер (человек сравнивает те или действия, предметы, признаки с тем, что его окружает)» [Мулаева 2011: 138].

Сравнение как способ когниции, как базовая когнитивная категория, структурирующая картину мира калмыцкого народа и обладающая национально-культурной спецификой, исследуется на материале калмыцких пословиц, поговорок и загадок Е. В. Голубевой. Ею выделены шесть классификационных групп устойчивых сравнений, объединенных «по значению и отражающих маркерные представления о мире» [Голубева 2016: 91]. По мнению Е. В. Голубевой, «ключевыми для концептообразующих характеристик картины мира калмыков можно назвать сравнения, ...связанные с исчезнувшими реалиями быта народа, моделями поведения», которые представляют «особую ценность для всестороннего изучения» [Голубева 2016: 91].

Культура, по мнению Ю. М. Лотмана, живет в текстах, форма которых обладает культурно-маркированной спецификой [Лотман 2001: 436]. И, прежде всего, это проявляется в вербальных элементах текста, в частности в этикетных формулах (обращениях, приветствиях и т. д.). Обращение является одним из коммуникативных средств, с помощью которого регулируются «представления о ситуации общения в целом и о ролевых позициях партнеров, их социальных и личных взаимоотношениях» [Артаев 2008: 157].

Обращение тесно связано с особенностями менталитета народа и имеет специфические национально-культурные черты, характерные для этнокультурного сообщества людей. В свете широко изучаемых в настоящий период проблем межкультурной коммуникации, речевого поведения и этикета исследование категории обращения как важной коммуникативной единицы языка вызывает неоспоримый интерес как с точки зрения теории коммуникации, так и с позиции лингвокультурологии.

Под обращением понимается «слово или сочетание слов, называющее лицо (реже предмет), которому адресована речь» [Розенталь 1976: 227]. Более четкое определение понятию обращения дается в «Лингвистическом энциклопедическом словаре: «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь» [ЛЭС 1990: 340].

В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой объясняется функция обращения: «употребление существительных, местоимений, субстантивированных прилагательных или эквивалентных им словосочетаний для называния лиц или предметов, к которым обращена речь» [Ахманова 1966: 265].

В работах отечественных лингвистов отражены различные подходы к изучению обращения. Теоретические проблемы обращения как грамматической категории, его основные синтаксические особенности достаточно хорошо изучены известными учеными-лингвистами А. А. Шахматовым [Шахматов 1941], А. М. Пешковским [Пешковский 1956], В. П. Проничевым [Проничев 1971], Н. С. Валгиной [Валгина 1978], В. В. Виноградовым [Виноградов 1950] и др. Функциональные аспекты обращения рассмотрены в исследованиях О. А. Мизина [Мизин 1973], Г. В. Тоценко [Тоценко 1990], И. М. Наумовой [Наумова 2000] и др. Как компонент речевого акта данную категорию изучают Л. П. Рыжова [Рыжова 1980], О. Г. Минина [Минина 2000] и др. В рамках исследования речевого этикета к проблеме рассматриваемой категории обращались Л. А. Введенская [Введенская 2000], В. Е. Гольдин [Гольдин 1987], Н. И. Формановская [Формановская 2002].

В калмыцком языкознании обращение является практически не изученным. В «Грамматике калмыцкого языка» У. У. Очирова дается определение обращения (*дуудвр*): «слова или сочетание слов, грамматически не связанные с членами предложения, представляющие собой обозначение лиц, к которым адресует говорящий свою речь» [Очиров 1964: 177–178]. Как одна из формул речевого этикета обращение фрагментарно рассматривалось в рамках исследования калмыцкого речевого этикета С. Н. Артаевым [Артаев 2008: 158]. Исследование особенностей обращения в рамках лингвокультурологического анализа фольклорного текста дополнит имеющиеся сведения о данной культурно значимой единице.

Обобщая все сказанное, отметим, что языковые единицы, рассматриваемые в исследовательской работе, имеют культурно-значимую маркированность и отражают лингвокультурные особенности картины мира определенной этнокультурной и национально-языковой общности, а именно калмыков.

1.4. Выводы

Проблемы взаимодействия языка, культуры и фольклора, привлекающие внимание исследователей с момента оформления языкознания как науки, на современном этапе развития лингвистики активно разрабатываются в русле лингвокультурологии.

Фольклорный текст способен сохранить весь спектр функциональных средств выражения представлений народа об окружающем мире и человеке — основу национальной и языковой картины мира, и лингвокультурологический анализ фольклорного текста выступает инструментом глубинного исследования и уточнения национальной и языковой картины мира.

Языковые единицы, имеющие культурно-значимую маркированность и функционирующие в фольклорном тексте, отражают лингвокультурные особенности картины мира определенной этнокультурной и национально-языковой общности.

Глава 2. Материал и методика исследования

2.1. Материал исследования

2.1.1. История записи сказок Г. Й. Рамстедта

Материалом исследования послужили сказки, записанные ученым Г. Й. Рамстедтом. Лингвист, собиравший образцы калмыцкого фольклора для изучения структуры языка, осуществил в 1903 г. научную экспедицию в калмыцкие степи Нижнего Поволжья при поддержке Императорского Гельсингфорского университета. Плодотворная полевая работа по записи калмыцкой речи была ценна¹⁰ тем, что были сделаны «систематические наблюдения над фонетикой языка калмыков в его современном произношении, чего до сих пор совершенно не было сделано» [Отчет д-ра ... 1904: 13].

В результате полевой экспедиции ученый собрал в калмыцкой степи обширный фольклорный материал: 22 сказки, около 100 загадок, 200 пословиц, 40 народных песен¹¹. Ему удалось также записать 20 фонограмм калмыцких мелодий, сделать множество фотографических снимков, запечатлевших жизнь калмыков [Отчет д-ра ... 1904: 13]. Г. Й. Рамстедт планировал собрать дополнительный материал по калмыцкому фольклору с целью выпуска серии книг, посвященных устному народному творчеству калмыков, однако осуществление задуманного проекта не состоялось в силу ряда объективных и субъективных причин¹². Записи калмыцкого фольклора были опубликованы позднее — разрозненно в журнальных и книжных изданиях [Kalmükische Sprichwörter und Rätsel 1956; Kalmükische Lieder 1962].

Во время двухмесячной экспедиции, предпринятой в 1903 г., Г. Й. Рамстедт находился в Малодербетовском улусе при хуруле у Бааза-бакши Менкеджуева, откуда и совершал поездки по калмыцким кочевьям¹³. Одними из информантов, судя по отчетам лингвиста, были Босхомджи-гелюнг, приставленный в помощь к нему, у которого он записал «восемь длинных

¹⁰ Как пишет в отчетах Г. Й. Рамстедт, «...поездка моя к калмыкам, как мне кажется, оказалась довольно удачною... Этих сведений нельзя почерпнуть из письменных памятников калмыцкого языка» [Отчет д-ра ... 1904: 13].

¹¹ В сборе песен неоценимую помощь оказала княгиня Эльзьята Тундутова, получившая в свое время великолепное европейское образование и занимавшаяся научными изысканиями в области религии и этнографии монголоязычных народов. Многие ученые, среди них А. Д. Руднев и Г. Й. Рамстедт, считали за честь обратиться к ней за советом и помощью в своих исследованиях: «...за песни я должен главным образом благодарить княгиню Э. Тундутову, предоставившую в мое распоряжение свое собрание» [Отчет д-ра ... 1904: 13].

¹² Научная деятельность в ранге профессора Хельсинкского университета, а затем деятельность временного поверенного в Японии (1919–1929), изучение японского, корейского и алтайских языков не позволили лингвисту в дальнейшем заняться сбором калмыцкого фольклора, так как не было возможности вновь предпринять полевую экспедицию в калмыцкие степи.

¹³ Г. Й. Рамстедт, остановившийся сначала в Сарепте — колонии немцев-гернгутеров, где число проживавших там калмыков составляло около двухсот человек, — посчитал, что это не даст ему объективных и реальных экспедиционных исследований в области калмыцкого фольклора, и он предпринял попытку поездки в Малодербетовский улус. Он также планировал записать фольклор торгутов Астраханской губернии, но поскольку ему показалось, что «... язык калмыков-торгоутов не представляет собою значительных особенностей», он вернулся обратно в улус [Отчет д-ра ... 1904: 12].

сказок»¹⁴ и «пятнадцатилетний мальчик Бальдер» [Отчет д-ра ... 1904: 11–12].

2.1.2. Особенности публикации сказок Г. Й. Рамстедта

Полевые записи сказок были изданы Г. Й. Рамстедтом на калмыцком и немецком языках в двух частях. Первая часть, опубликованная в 1909 г., состоит из 18 сказочных текстов [Kalmückische ... 1909]. Вторая часть книги, содержащая сказки под номерами 19–22 (с. 155–237), вышла в свет только в 1919 г. [Kalmückische ... 1919].

Обе части издания калмыцких сказок вышли без предисловия ученого. Тексты сказок не имеют названий, кроме сказки № 13, каждая сказка пронумерована. Для удобства и сравнения исходного фольклорного материала с фонетической транскрипцией и немецкого перевода страница поделена условно на две части: в верхней ее половине — калмыцкий текст, в нижней ее половине — немецкий. Объемы разделенной страницы не одинаковы: немецкая часть текста занимает большую площадь, что объясняется спецификой в переводе, так как для передачи текста на другой язык требуются определенные описательные средства в особенности в переводе безэквивалентной лексики и реалий. При этом автор стремился разместить материалы параллельно: так, чтобы отдельные абзацы и фразы совпадали, что создает определенные удобства при сравнительном исследовании языка фольклорного текста на калмыцком и немецком языках.

Г. Й. Рамстедт владел в совершенстве старокалмыцким письмом¹⁵ («тодо бичг»), на котором оформлялись не только официальные и религиозные тексты, но и литературные и фольклорные материалы. Калмыцкий текст сказок лингвист дает в транскрипции для того, чтобы с максимальной точностью передать произношение слов в языке.

Текст делится на отдельные предложения, т. е. делится на фразы, обладающие смысловой и интонационной законченностью. Согласно правилам пунктуации, предложения как законченные единицы речи выделены знаками препинания — точкой, восклицательным или вопросительным знаком:

- (1) öḡṡndḡ ḡḡṡān ḡāḡṡlāb g. arḡ. = *Өрүнднь хөөһан хэрүләд һарв.* ‘Наутро отправился пасти овец’¹⁶ [Сказка № 6];

¹⁴ Калмыцкие сказки (*тууль*) по объему повествования делятся на *ахр туульс* (‘короткие сказки’) и *ут туульс* (‘длинные сказки’).

¹⁵ Под старокалмыцким письмом понимается графическая система калмыцкого языка, созданная Зая-пандитой в 1648 г. Очевидно, что калмыцкого народа как такового еще не существовало в период введения и функционирования вертикальной письменности, а были разрозненные этнополитические объединения, некоторые из которых прикочевали на территорию Нижнего Поволжья. В настоящее время для носителей калмыцкого языка вертикальное письмо является устаревшей графикой, и термин «старокалмыцкое письмо» употребляется в соответствии с современной традицией. В период, когда Г. Й. Рамстедт находился в калмыцких степях, «тодо бичиг» не было еще отменено, оно функционировало до 1924 г., затем письмо было переведено на кириллицу (1924–1930), латиницу (1930–1938) и снова на кириллицу (1938 г. по настоящее время) [Номинханов 1976: 130].

¹⁶ В данном диссертационном исследовании примеры приводятся в особом порядке: финно-угорская транскрипция (далее — ФУТ, о которой см. подробнее ниже), осуществленная Г. Й. Рамстедтом (курсивное начертание в силу традиции, сложившейся в системе ФУТ), затем через знак «⇒» следует переложение на современный калмыцкий язык (осуществленное канд. филол. наук Б. Б. Горяевой, канд. филол. наук

- (2) *jamārŋ kewēr irlā-tš?* = *Ямаран кевәр ирләч?* ‘Как ты здесь оказалась?’ [Сказка № 11];
- (3) *jā, ēdž!, tūnd^ɞ sanāyān bitšgā zowtŋ!* = *Я-а, ээж, түүнд санаһан бичгә зовтн!* ‘Ээдже, за это не переживайте!’ [Сказка № 17].

Частично оформлена знаками препинания прямая речь, иногда отсутствует лишь тире после прямой речи:

- (4) «*kenā tölā kedž-āsŋ-tšŋ, bi-w!*» *gedž jistr kelwā.* = «*Кенә төлә кежәснчн — бив!*» — *гиж Йистр келвә.* ‘Тот, ради кого здесь сидишь, это я!’ — Йистер сказал’ [Сказка № 4];
- (5) *tīk^ɞlā neg bārm kelwā:* «*jamārān χō alχp-w?*» *gedž kelwā.* = *Тииклә Нег Бәрм келвә:* «*Ямаран хө алхв?*» — *гегж келвә.* ‘На это Неге Бярем говорит: «Какую овцу забить?» — спрашивает’ [Сказка № 6].

Обращения в предложениях выделяются запятой:

- (6) «*χojŋ bārm, zar^ɞg d^ɞn-tš?*» *genā.* = «*Хойр Бәрм, заргднч?*» — *генә.* ‘«Ко мне наймешься, Неге Бярем?» — говорит’ [Сказка № 6];
- (7) *g ar, šulm, namāg alχār irw-tš!* = *Һар, шулм, намәг алхар ирвч!* ‘Уйди, шулма, чтобы меня убить ты явился!’ [Сказка № 11].

Внутри предложения знаки препинания в сложных предложениях и обозначения интонационных пауз часто отсутствуют, как, например, в предложениях с деепричастным оборотом:

- (8) *χārdž jowād neg zū oldž awād tülēnīn zāktān χartšūldž okw.* = *Хәрж йовад, нег зү олж авад, түләнин заактан ханчулж окв.* ‘Возвращаясь, нашел он иглу и засунул ее между топливом’ [Сказка № 1];
- (9) *tīk^ɞlā neg bārm χoj^ɞrāg alād tsösīn g artān bāfād oḡād irwā.* = *Тииклә Нег Бәрм хойраг алад, цөсинь һартан бәрәд орад ирвә.* ‘Тогда Неге Бярем, обеих убив, взяв в руки их желчные пузыри, вошел в дом’ [Сказка № 6].

Только в некоторых случаях в предложениях имеются знаки препинания, выполняющие различные функции:

1) первое предложение-зачин в сказках:

- (10) *kezēnā sandži, emgŋ öwgŋ χojŋ sandži.* = *Кезәнә санж, эмгн өвгн хойр санж.* ‘Давно это было, старуха и старик жили [на свете]’ [Сказка № 1];

2) выделение простых предложений в сложносочиненном:

- (11) *tegēd χānā zar^ɞγd^ɞsŋ neg g urwŋ kūn ömnēsŋ ir^ɞdž, negŋ g artān jild^ɞ bārdž, negŋ zamb^ɞ χar^ɞ maχ^ɞlā öms^ɞdž, negŋ üstā χar^ɞ kewš bārdž.* = *Тегәд хаанә заргдсн нег һурвн күн өмнәснь ирж, негнь һартан үлд бәрж, негнь замб хар махлә өмсч, негнь үстә хар кевс бәрж.* ‘Тогда у хана в услужении бывшие три человека встретились им, у одного в руках был меч, один

В. В. Кукановой, А. Т. Баяновой, А.О. Долеевой (Бутаевой); начертание курсивное), далее в кавычках приводится перевод на русский язык (осуществленный Т. А. Михалевой, канд. филол. наук Б. Б. Горяевой, А. Т. Баяновой, А.О. Долеевой (Бутаевой), канд. филол. наук В. В. Кукановой; начертание обычное). При необходимости через знак «—» приводится перевод на немецкий язык, осуществленный Г. Й. Рамstedтом, за которым в кавычках перевод с немецкого языка на русский язык. Однако следует оговорить, что в диссертационной работе переводы на русский язык с калмыцкого и немецкого языков будут приводиться один раз после немецкого перевода при условии их совпадения. Нумерация примеров ограничена параграфами.

был в черной шапке, еще один ворсистый черный ковер в руках нес'
[Сказка № 10];

3) выделение однородных членов в предложении:

(12) mörġīn alāb idnā, ħoptsiġīn ömsēb üz²nā. = *Мөринь алад иднә, ховцинь өмсәд үзнә.* 'Коня его забил и съел, одежду его примерил' [Сказка № 11];

(13) zalūn dew¹lān tālāb ħajwā, büšm²dān taldž ħajwā, kīl³gān taldž ħajwā, šalwūrān taldž ħajwā, ħojr tšikān kertšidž ħajwā, tolyān üsān kiryā ħajwā. = *Залунь девлән тәәләд хайва, бүшим[ү]дән тәәләж хайва, кишлгән тәәләж хайва, шалвуран тәәләж хайва, хойр чикән керчәж хайва, толһән үсән кирһа[д] хайва.* 'Мужик шубу сбросил с себя, бешмет свой сбросил, рубаху сбросил, шаровары сбросил, оба уха себе отрезал, волосы на голове сбрил' [Сказка № 6];

5) выделение парцеллированных конструкций:

(14) kūrēb irnā, en² lamd². = *Күрәд ирнә, эн ламд.* 'Приходит, к этому ламе'
[Сказка № 19];

(15) külēyāb bānā, köwün. = *Күләһад бәәнә, көвүн.* 'Ждет он, мальчик'
[Сказка № 18].

Начало предложения не оформляется с прописной буквы. Текст делится на абзацы, которые оформляются отступом и новой строкой.

При записи текстов калмыцких сказок Г. Й. Рамстедт, повторимся, использовал ФУТ, разработанную рядом финских ученых в конце XIX в., так как общепринятая в то время международная фонетическая транскрипция (International Phonetic Alphabet — МФА), как утверждает эстонский ученый К. Венде, была мало распространена и не нашла применения у финских ученых [Венде 1967: 7]. Впервые о ФУТ как сложившейся системе написал в своей статье финский лингвист Э. Н. Сетяля в 1901 г. в первом номере журнала «Finnisch-ugrische Forschungen» [Setälä 1901]. ФУТ обеспечивала точную графическую запись звуков в финно-угорской семье языков. Позднее она стала использоваться при графической записи звуков в самодийской и уральской группах языков. Основой ФУТ послужили звуковые символы финского алфавита. Использование курсивного символа на латинице, как считает К. Венде, совершенно правильно было избрано формой для транскрибирования, так как «выделяет фонетическое письмо из прочего текста» [Венде 1967: 27].

Характерной чертой ФУТ является наличие диакритических знаков, помогающие различать долготу или краткость звуков, а также служащие для обозначения некоторых звуков — шипящих согласных, носовых и палатализованных согласных, которые часто встречаются в словах финно-угорской группы языков.

Данная система транскрипции удачно легла в основу обозначения некоторых звуков калмыцкого языка, и ученый использовал его при передаче калмыцкой речи. По итогам поездки в калмыцкие степи Г. Й. Рамстедт отмечал: «Язык калмыков был известен до сих пор только в книжной его форме и поэтому такие явления как „umlaut“, редукция дифтонгов в долгие

гласные, выпадение краткого гласного второго слога, нарушение гармонии гласных, положение вопроса об ударении и многое другое оставались совершенно неизвестными» [Отчет ... 1904: 12].

Ниже приведена таблица, объясняющая написание некоторых букв и звуков в калмыцком языке согласно ФУТ.

Таблица 1. Диакритические знаки, используемые в ФУТ¹⁷

Изображение	Описание	Обозначение	Пример
¨ (ä, ö, ü)	Умлаут сверху	Палатализованный (передний) гласный	<i>xärdž</i> = хэржэ 'возвратился'; <i>öwgn</i> = өвгн 'старик'; <i>niükēn</i> = нүкэн 'яма'
¯ (ā, ī, ō, ū, ā̄, ō̄, ū̄)	Макрон сверху	Долгая форма гласного или удвоение	<i>nārv</i> = наар 'сюда'; <i>tīgēv</i> = тигэд 'тогда, затем'; <i>ōšk</i> = оошк 'легкие'; <i>jūn</i> = юн 'что'; <i>bāxv</i> = бээх 'будет'; <i>xō</i> = хөө 'овца'; <i>gūnā</i> = гуунэ 'бежит'
^{ə, v, o, u, ø, ≈¹⁸}	Верхний индекс	Очень краткий звук	<i>tedⁿīg</i> = тедниг 'их'; <i>jow^vγānā</i> = йовиханэ 'идут'; <i>xot^o</i> = хот 'еда'; <i>ur^u</i> = ур 'ремесло'; <i>kōd^lm^ø</i> = көдлми 'работа'; <i>büsⁿēn</i> = бүснэнь 'пояса' (род. пад. от слова <i>bүс</i>); <i>ük^rēn</i> = үкрэн 'коровий'
˘ (ụ̈)	Наконечник стрелки влево снизу	Расширенная форма гласного или согласного	<i>kōw^{ụ̈}</i> = көвүн 'мальчик'; <i>zar^vg^dnā</i> = заргднэ 'прислуживает'
˙ (i̇)	Точка снизу	Палатализованный (более передний) вариант гласного	<i>sandž^{i̇}</i> = санжэ 'думает'
◌ (r, l, w, ŋ)	Кружок под буквой	Слогообразующие согласные (ɣ, ʎ), церебральные согласные (w, ŋ),	<i>xojr</i> = хойр 'два'; <i>tas^lnā</i> = таслнэ 'разделяет'; <i>ögw</i> = өгв 'дал'; <i>odsŋ</i> = одсн 'шедший'
˘ (ń, ř)	/-образный штрих над буквой	Смягчение согласных	<i>d[˘]ūn</i> = дүнэ 'брат'; <i>bär[˘]m</i> = бэрм 'мера длины'

Как видим из таблицы, при обозначении в транскрипции мягкорядных звуков [ə], [ø], [ɣ] применяется диакритический знак «умлаут», встречающийся в немецкой письменности, указывающий на смягчение гласных и заимствованный также некоторыми другими языками (например, финским, эстонским и др.): ä, ö, ü соответственно. Диакритический знак «макрон сверху» служит для обозначения долготы: *kūnā* = куунэ 'чужой',

¹⁷ В каждой главе нумерация таблиц отдельная, непродолжающаяся.

¹⁸ Поскольку в системе Unicode отсутствует кодировка для звука [ɰ], то мы заменили этот символ на

[=].

b̄ān̄ = б̄āн̄ ‘есть’, *ōkn* = өкн ‘жир, сало’. Для передачи мягкости согласных звуков над буквой добавляется апостроф: *ōrñ* = өөрн̄ь.

Таблица 2. Обозначение согласных букв и аффрикат

Изображение	Буква или аффриката	Транскрипция
<i>χ</i>	<i>x</i>	<i>χudlār</i> = худлар ‘ложно’; <i>bolχ^{plā}</i> = болхл̄ə ‘если’; <i>maχ^p</i> = мах ‘мясо’
<i>š</i>	<i>ш</i>	<i>šalwūr</i> = шалвур ‘брюки, штаны’; <i>šowūn</i> = шовун ‘птица’
<i>γ</i> <i>g.</i>	<i>h</i>	<i>tolyā</i> = толх̄ə ‘голова’; <i>būyād</i> = буухад ‘спутившись’; <i>āwγp</i> = авх ‘дядя’; <i>g.antsχpn</i> = ханцхн ‘одинокий, единственный’; <i>g.urgwñ</i> = хурвн ‘три’
<i>g</i>	<i>г</i>	<i>ger</i> = гер ‘дом’; <i>ōwgn</i> = өвгн ‘старик’; <i>ögēD</i> = өгэд ‘отдав’; <i>neg</i> = нег ‘один’; <i>tāñdāç</i> = тәндәг ‘знакомый’; <i>namāg</i> = намәг ‘меня’
<i>tš</i>	<i>ц</i>	<i>tsokād</i> = цокад ‘ударив’
<i>tš</i>	<i>ч</i>	<i>kertšēD</i> = керчәд ‘отрезав’; <i>kürtš</i> = курч ‘дошел, добрался’; <i>tši</i> = чи ‘ты’
<i>dž</i>	<i>ж</i>	<i>džiryād</i> = жырхад ‘став счастливым’; <i>gūdž</i> = гүүж ‘бежал’; <i>tāldž</i> = тәәлж ‘развязал’
<i>ñg</i>	<i>ң</i>	<i>mōñgn</i> = мөңгн ‘деньги’

В калмыцком языке имеется ряд согласных, которых нет в русском: это переднеязычный [ж], увулярный щелевой [h], заднеязычный носовой [ң]. При транскрипции эти звуки обозначаются как [dž] (*džirñ* = жырн ‘шестьдесят’), [ñg] (*düñgā* = дүңгә ‘величиной с’). Фонема [ч] обозначается аффрикатой [tš] (*tsokād* = цокад ‘ударив’). Фонема [h] в зависимости от положения в слове обозначается по-разному: в начале слова — [g]. (*g.antsχpn* = ханцхн ‘одинокий, единственный’), в середине и конце слова как [γ] (*tolyā* = толх̄ə ‘голова’; *āwγp* = авх ‘дядя’). Шипящий согласный [ш] обозначается так называемым гачеком (чеш. *háček* ‘крючок’): *šalwūr* = шалвур ‘брюки, штаны’, *šowūn* = шовун ‘птица’, *oktš* = окч ‘положил’.

При оформлении текста на немецком языке Г. Й. Рамстедт использовал общенемецкую литературную языковую форму, сложившуюся на основе верхненемецких диалектов (Hochdeutsch). Применение какого-либо диалекта в тексте невозможно, так как диалекты не имеют самостоятельной формы письма (например, произносится Appel (нижнемецкий диалект), но пишется Apfel (общелитературная форма). Характерными чертами hochdeutsch являются: наличие умлаута¹⁹ (ср. schön — scheen (берлинский диалект); Mädchen — Medchen (берлинский диалект)), дифтонгизация (ср. zwei — zwee (берлинский), Baum — Bom (нижнесаксонский диалект)). В тексте вместо [β] употребляется удвоенное [s]: schliesslich (schlieβlich), heisse (heiβe). Все существительные пишутся строчной буквой (в современном немецком языке — с прописной), согласно орфографической реформе 1901 года²⁰:

¹⁹ К примеру, в других диалектах умлаута нет.

²⁰ На Второй орфографической конференции 1901 г., состоявшейся в г. Берлине, были приняты общие принципы и нормы правописания в немецком языке, одним из которых было написание слов со строчной буквы [Вульф 2003: 68–69].

(16) Einmal lebten ein mann und eine frau (правильно: Einmal lebten ein Mann und eine Frau) ‘Однажды жили старик со старухой’ [Сказка № 4].

Знаки препинания в предложениях присутствуют в следующих случаях:

1) инфинитивная конструкция «um + zu + инфинитив», употребляемая в придаточных предложениях цели:

(17) Der älteste geht aus, um bei menschen (fremden) zu dienen ‘Старик ушел, чтобы служить чужим людям’ [Сказка № 6].

2) обращение:

(18) “Dreispanne, was suchst du?” sagt dieser ‘Гурвн Бярем, что ищешь ты? сказал этот’ [Сказка № 6].

3) обособление деепричастного оборота:

(19) Danach schlug Einspanne beide [mädchen] tot und, ihre galle in der hand haltend, tritt er herein ‘[Услышав это,] Неге Бярем, обеих [девочек] убив, взяв в руки их желчные пузыри, вошел в дом’ [Сказка № 6].

4) обособление однородных членов:

(20) Einspanne ging mit den beiden mädchen hinaus, führte sie weit von dem zelte ab und liess sie ihr wasser lassen ‘Неге Бярем вывел двух девочек [из дому], отвел их подальше, чтобы они оправились’ [Сказка № 6].

5. сложноподчиненное предложение:

(21) Um jene zu suchen, zogen sie im lande des chans umher, jene [männer] ‘Чтобы найти их, владения хана стали они обходить, выпрашивать’ [Сказка № 7].

Для того чтобы исследовать лингвокультурологические особенности калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта текст был сегментирован и преобразован в четыре части. С этой целью тексты сказок были набраны в фонетической транскрипции на латинице (1), затем сегментированы на отдельные высказывания, которые были соотнесены с переводом на немецкий язык (2), переложены на современную калмыцкую орфографию согласно литературным нормам с сохранением диалектной лексики и аутентичности (3) и переведены на русский язык (4). Так, например, сказка № 2 выглядит следующим образом:

Сказка № 2

1.	2.	3.	4.
kezēnā sandži, aχ ^o dū kil ^o γsn-χōl χamχūl dawsn gurwŋ sandži.	Es waren einmal drei brüder: Haarhals, Gipskraut und Salz.	<i>Кезэнэ санжэ, ах- дү Килһсн Хол, Хамхул, Давсн гурвн санжэ.</i>	Давно [это] было, жили три брата — Узкое Горло, Перекати-Поле и Соль.
g ₁ urwūlŋ neg χō alāb güzētā bāsīn kil ^o γsn-χōldān: «asχptškāb ir ^o !» gēgēb ögnā.	Zu dreien schlachteten diese ein schaf und gaben die wamme mit kot gefüllt dem Haarhals mit den worten: “geh und leere dies aus!”.	<i>Гурвулн нег хө алад, гүзэтэ баасинь Килһсн Хоолдан: «Асхчад ир!» — гегед өгнэ.</i>	Втроем забив овцу, отдавая Узкому Горлу рубец: «Очисть и принеси!» — говорят.
kil ^o γsn-χōlŋ ölstš- āyād: «güzēnā semdž! idnā-w».	Da Haarhals sehr hungrig war, dachte er: “ich esse das fett der wamme”, ass	<i>Килһсн Хоолнь өлсчәһад: «Гүзэнэ семжэ</i>	Узкое Горло, проголодавшись: «Съем- ка я брюшной жир», —

gēgēD idēD ük=dž odw.	davon und starb.	иднэв», — гегед, идэд үкэж одв.	так решил и, съев его, умер.
türüg külēdž jadāD хамхүлү g.artš irēD ük=dž odsīn üzwā.	Nicht mehr im stande auf ihn zu warten, ging Gipskraut hin aus und sah, dass er gestorben war.	Төрүг күлэж ядад, Хамхүлнь һарч ирэд, үкэж одсиль үзвэ.	Не дождавшись его, Перекати-Поле пошел за ним и увидел, что он мертв.
ük=dž odsīn üzēD güzētā bās asxpnä.	Als er gesehen, dass jener gestorben war, leerte er die wamme vom kot.	Үкэж одсиль үзэд, гүзэтэ баас асхнэ.	Увидев его мертвым, стал очищать рубец.
tīg=dž-wātllü sälkü ülēyād awād jowād odnā.	Mittlerweile blies der wind und riss ihn fort.	Тиигэж вэатльнь, салькн үләһад, авад йовад однэ.	Тем временем подул ветер и унес его.
g.urwɔdɔktšü dawsü külēdž jadāD g.artš irwā.	Der dritte von ihnen, Salz, konnte nicht mehr warten und kam heraus.	Һурвдгчнь, Давсн, күлэж ядад һарч ирвэ.	Третий [брат], Соль, не дождавшись, отправился за ними.
хојг ахан үк=dž odsīn üzwā.	Er sah, dass seine beiden brüder gestorben waren.	Хойр ахан үкэж одсиль үзвэ.	Увидел, что два брата умерли.
gentkü хур орад dawsü ur ^u sād jowād odw.	Plötzlich fing es an zu regnen, und Salz schmolz weg [mit dem regenwasser].	Генткн хур орад, Давсн урсад йовад одв.	Вдруг полил дождь, и [братец] Соль растворился.
alsü хōñ ted ^{nā} нохән геснд ^o орw.	Das geschlachtete schaf aber fuhr in den magen ihres hundes.	Алсн хөн теднэ нохән геснд орв.	Забитая овца досталась их собаке [букв. собаке в желудок попала].

2.1.3. Характеристика сказочного текста

Для анализа были использованы тексты на современном калмыцком языке. Проанализированы 22 сказки в записи Г. Й. Рамстедта вне зависимости от их жанра общим объемом 3 188 блоков (выровненных предложений текстов сказок в фонетической записи на старокалмыцком языке, на современном калмыцком, немецком и русском языках). Объем в словоупотреблениях составил 30 496. Сказки имеют разную длину: от 76 словоупотреблений до 3 991 словоупотребления (см. таблица 3)²¹.

Таблица 3. Жанровая и количественная характеристика текстов сказок

№ сказки	Жанр	Кол-во словоупотреблений
1	бытовая	135
2	сказка о животных	76
3	бытовая	246
4	волшебная	576
5	волшебная	452
6	бытовая	819
7	бытовая	281
8	бытовая	143
9	бытовая	922
10	волшебная	345
11	волшебная	2 124
12	волшебная	1 099

²¹ Следует отметить, что слово понимается как токен, т. е. от пробела до пробела.

13	волшебная	1 732
14	волшебная	575
15	волшебная	3 991
16	богатырская	1 778
17	волшебная	2 513
18	богатырская	2 056
19	волшебная	2 128
20	волшебная	1 720
21	богатырская	3 474
22	волшебная	3 311
ИТОГО:		30 496

Как видим из таблицы, наибольшее количество словоупотреблений (3 991 и 3 474) имеют сказки № 15 (волшебная) и № 21 (богатырская), наименьшее (76 и 135) — № 2 (сказка о животных) и № 1 (бытовая). Такие показатели вполне объяснимы: волшебные и богатырские сказки относятся к категории *ут туульс* ('длинная сказка')²², в то время как бытовые и сказки о животных — к категории *ахр туульс* ('короткая сказка'). Средняя длина сказок — 1 386 словоупотреблений. Подавляющее большинство сказок в записи Г. Й. Рамстедта относится к жанру волшебных сказок²³.

Возникшая в глубокой древности и содержащая мифологическое представление о мире, сказка занимает особое место и распространена не только у калмыков, но и у многих народов. Каждый этнос имеет свою национальную картину мира, которая находит свое отражение в сказках, и именно в сказочном тексте можно выявить дуальность этого феномена: как среду обитания с его онтологическими, пространственными, географическими и т. д. признаками, с одной стороны, и как коммуникативную среду («метафорическое пространство, смоделированное человеком с отражением социальных отношений и мировоззрения людей»), с другой [Левицкий, Никульшина 2017: 168].

Картина мира, отраженная в сказках, позволяет выявить особенности национального менталитета, восприятия окружающего мира, которая основывается на базовых культурных концептах: добро — зло, храбрость — трусость, ум — глупость и т. д. На сказочную картину мира²⁴ налагается языковая картина мира, выступающая «семиотическим результатом концептуальной репрезентации действительности в этносознании» [Левицкий, Никульшина 2017: 169].

Сказка служит бесценным источником изучения лингвокультурологических особенностей жанра, позволяющий

²² Но имеются и небольшие по объему волшебные сказки (см. таблицу).

²³ В количественном отношении сказки, записанные Г. Й. Рамстедтом, составляют: волшебные — 12, бытовые — 6, богатырские — 3 и сказки о животных — 1.

²⁴ По мнению А. Э. Левицкого и Т. Н. Никульшиной, сказочная картина мира представляет собой «образ возможного мира, сконструированного народом, с воображаемым ходом событий» и отражает «преобразованный человеком мир действительности», это «ментальная модель, в которой сосуществуют реальность и ирреальность» [Левицкий, Никульшина 2017: 169].

структурировать картину мира, выявляя национальную специфику вербализации.

Исследование особенностей фольклорного текста, основой которого можно считать устную традицию, является одной из важных в современной стилистике и лингвистике²⁵. Сказки, изначально существовавшие и существующие поныне как образцы словесного творчества народа, стали объектом изучения благодаря их фиксации на письме. Качественный анализ таких текстов возможен только при точном воспроизведении оригинального текста в транскрибированном виде. Г. Й. Рамстедт записывал образцы устного народного творчества под диктовку [Halén 1996: 99], фиксируя их в виде фонетической транскрипции без отображения интонационной мелодики, пауз²⁶ и проявления процесса параллельного обдумывания и порождения речи (обрывы, повторы, заполненные и незаполненные паузы хезитации), т. е. следует отметить, что любой фольклорный текст вторичен. И, несмотря на вторичность, текст содержит элементы спонтанной речи [Бутаева и др. 2016: 199].

Одним из проявлений спонтанности являются парцелированные конструкции — высказывания, которые интонационно в устной речи и при помощи пунктуационных знаков в письменной речи оформлены продуцирующим (говорящим или пишущим) специфичным образом в тех или иных целях [Бутаева и др. 2016: 199]²⁷.

Следует также отметить, что тексты сказок насыщены элементами, характерными для разговорного стиля: эллипсис гласных и согласных звуков, функционирование просторечной лексики и фразеологизмов, междометий, неполных предложений и др.

Жанр сказки интересен с точки зрения анализа фонетических особенностей языка. Сказки являют собой калмыцкий язык начала XX в., который практически не изучен, в особенности в области фонетики и фонологии. На примере сказочных текстов Г. Й. Рамстедта можно проследить все фонетические процессы, происходившие в живом калмыцком языке начала XX в. Записи насчитывают более 188 тыс. фонем, что свидетельствует о репрезентативности материала исследования с точки зрения его объема. Материал сказок в фонетической записи уникален и дает возможность более полного исследования речи информантов, проживавших в

²⁵ Как считает С. С. Бадмаева, сказка — это повествовательный текст, «отображающий национальное своеобразие создавшего его народа посредством особым образом структурированной системы языковых средств, символов, семантических пространств» [Бадмаева 2004: 4].

²⁶ Хотя пунктуационные знаки в некоторой степени отражают мелодику и паузы.

²⁷ В текстах сказок в записи Г. Й. Рамстедта выявлено 150 парцелированных конструкций (далее — ПК). Распределение типов ПК в зависимости от их типа показывает, что в материале исследования больше всего парцелируется подлежащее (86 из 150 примеров), что составляет чуть больше половины всех ПК. Затем следуют дополнение (43) и обстоятельство (20). Реже всего парцелируется определение (обнаружен всего один пример). Среди выделенных в зависимости от синтаксической роли парцеллята групп не встретилось ни одного примера, где парцеллят был бы сказуемым. Скорее всего, это связано с особенностью синтаксической организации высказывания в калмыцком языке, где финальное место в предложении всегда занимает предикат [Бутаева, Куканова и др. 2016: 199].

начале XX в. и являвшихся носителями дербетовского говора калмыцкого языка²⁸.

2.2. Методика исследования

Поскольку лингвокультурология — это комплексная область знания, изучающая взаимосвязь и взаимовлияние культуры и языка и интегрирующая в смежные научные области — культурологию, языкознание, этнолингвистику, социологию, культурную антропологию и др., то здесь используется комплекс методов, группирующихся вокруг понятий «язык» и «культура», где анализируются языковые явления, направленные на исследование национально-культурной специфики, рассматриваются этнокультурные особенности, закрепленные в языке и проявляющиеся в речи и т. д. Подобные исследования в современной лингвистике ведутся в рамках лингвострановедения [Верещагин, Костомаров 1980; Верещагин, Костомаров 1999; Ощепкова 1995], этнолингвистики [Герд 1995; Толстой 1995], этнопсихоллингвистики [Сорокин 1988], теории межкультурной коммуникации [Тер-Минасова 2008; Леонтович 2002] и т. д.

В соответствии с поставленными задачами использовались различные методы научного исследования: как общенаучные, характерные для любой науки, так и частные, используемые в конкретной науке, в данном случае — лингвокультурологии.

К общенаучным следует отнести:

- сопоставительный метод, способствующий установлению национально-культурных особенностей калмыцкой и немецкой лингвокультурных общностей на материале калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта;
- описательный метод, который включает приёмы сопоставления, распознавания, дифференциации, классификации и обобщения собранного материала;
- количественный метод, с помощью которых устанавливается частотность тех или иных лексем, той или иной языковой единицы в фольклорном тексте.

При исследовании семантической структуры таких категорий в языкознании, как, например, обращения и сравнения, а также при определении словарных дефиниций цветообозначений применялся метод компонентного анализа.

Так как данное исследование проводится на основе фольклорного текста, являющегося хранилищем культурной информации определенного

²⁸ Анализ материала исследования — образцов записи живой речи калмыков начала XX в. — показал, что: 1) в этот период происходили колебания в употреблении мягких и твердых гласных в первом слоге под опосредованным влиянием гласного [и], интенсивность процесса зависела от последующей согласной; 2) завершён процесс образования долгого [и]; 3) процесс образования долгих гласных также не завершён в словах, которые подверглись разного типа изменениям; 4) процесс формирования новой фонемы <в> начался с образования аллофона [w], появление которого было позиционно обусловлено; 5) сочетаемость увулярных с переднеязычными во многом зависела от позиции в слове и от исторических сочетаний [Куканова и др. 2016: 103].

этнoса, фиксирующего «мир» той культуры, на языке которой он создан, то использовались метод лингвокультурологического анализа фольклорного текста, предполагающего анализ единиц художественного текста с точки зрения их национально-культурной семантики, и метод концептуального анализа с целью реконструкции национальной языковой картины мира.

Теоретические положения ономастики, лингвостилистики, лингвокультурологии, теории перевода также послужили основой для методологии исследования.

В данном исследовании применялся корпусный подход, основанном не на случайном отборе материала исследования, а на методе сплошной выборки. В ходе диссертационного исследования анализировались все примеры, что исключает недостоверность полученных результатов.

Методы лингвистического описания и синхронно-динамического анализа, позволяющие совершенно по-новому осветить структуры и классификации безэквивалентной лексики и реалий, помогли выявить критерии адекватности перевода тех или иных слов, выявить основные закономерности образования лакун при переводе текста на немецкий язык и теоретически вывести собственное решение проблемы.

Таким образом, в диссертационном исследовании применяются как общенаучные, так и сугубо лингвокультурологические методы.

2.3. Выводы

Настоящая глава была посвящена описанию материала диссертационного исследования, а также методам и подходам, используемых в работе. В главе рассматривается история записи калмыцких сказок Г. Й. Рамstedтом, особенности публикации сказок в финно-угорской транскрипции и немецком переводе. Кроме того, дается общая характеристика материала с точки зрения объема, жанровой принадлежности. Особое внимание уделяется системе финно-угорской традиции, характеристике фонетических символов, используемых Г. Й. Рамstedтом для отображения особенностей звучащей речи. Всего в качестве материала исследования привлечены все 22 сказочных текста.

В следующей главе будут рассмотрены безэквивалентная лексика и способы ее перевода на немецкий язык, используемые Г. Й. Рамstedтом.

Глава 3. Лингвокультурологические особенности безэквивалентной лексики и стратегии ее перевода на немецкий язык

3.1. Общие замечания

В материале исследований обнаружено на лексическом уровне 185 безэквивалентных лексических единиц (2 041 словоупотреблений безэквивалентной лексики, в ее числе и реалии, с учетом повторов в исходных сказочных текстах) и соответственно 305 безэквивалентной лексической единицы в переводном тексте (в том числе синонимы к одной единице безэквивалентной лексики, которые использовались Г. Й. Рамстедтом при переводе). Исследование реалий в фольклорных текстах, зафиксированных Г. Й. Рамстедтом, позволяет нам разработать собственную дробную классификацию, исходя из разработок, представленных в разных работах по исследованию безэквивалентной лексики [Ахманова 1966: 370; Виноградов 1978: 145; Иванов 2006: 85; Нелюбин 2009: 50, 178; Федоров 2002: 27; и др.]. В материале исследования нами выделено 8 тематических групп, в свою очередь которые можно еще представить в виде подтем:

I) имена собственные²⁹;

II) реалии:

1) реалии государственного строя и общественной жизни (общественно-политическая лексика):

а) административно-территориальные единицы;

б) различные слои населения, носители власти (звания, титулы);

в) лексика, отражающая родственные отношения у калмыков;

г) деньги;

д) мера;

е) религиозная лексика;

2) реалии материальной культуры:

а) пища, напитки;

б) одежда и украшения;

²⁹ В лексике того или иного языка имеются две главные подсистемы, которые составляют его основу: имена нарицательные (апеллятивы) и имена собственные (онимы), которые относятся к безэквивалентной лексике. В любом языке количество онимов намного превышает число нарицательных (или апеллятивов). Как утверждает О. И. Фоякова, если ономастикон языка «исчисляется сотнями миллионов единиц», то лексикон — «только сотнями тысяч» [Фоякова 1990: 5]. Имена собственные в реальной жизни не обладают значением [Biber 1999: 245], о чем свидетельствует тот факт, что указанные лексические единицы не включаются в качестве заголовочных слов в словники различного рода словарей (если они даются, то только в виде приложения, которое является обычным списком слов, расположенным в алфавитном порядке). Однако для каждого языка этот список более или менее уникален и обладает детерминированной культурой и историей «значением», своего рода коннотацией. Однако корпус собственных имен может формировать ономастическое пространство внутри того или иного дискурса, в особенности художественного текста, поскольку здесь каждый элемент символичен и принимает участие в понимании смысла произведения. Вид дискурса определяет структуру онимов, их функцию и типологию, что позволяет в свою очередь создать дискурсивную проекцию того или иного текста, специфика репрезентации которого обусловлена прежде всего национальной культурой [Косоконова 2011: 4]. Значение имени собственного может состоять более чем из одной дескрипции: это своего рода пучок значений, коннотаций, исторического и культурного опыта этноса [Павиленис 1983: 140].

- в) жилье и хозяйственная утварь;
 - г) оружие, инструменты;
 - д) музыкальные инструменты;
 - 3) реалии природного мира:
 - а) растительный мир;
 - б) животный мир;
 - в) ландшафт;
 - 4) этнографические и мифологические реалии:
 - а) обычаи, обряды;
 - б) мифические и сказочные существа;
 - 5) ассоциативные реалии³⁰;
- III) случайные лакуны.

Частотность единиц безэквивалентной лексики в исходном и переводном текстах калмыцких сказок, записанных Г. Й. Рамstedтом, в зависимости от группы (или подгруппы) приводится в таблице 4.

Таблица 1. Частотность единиц безэквивалентной лексики в исходном и переводном текстах калмыцких сказок, записанных Г. Й. Рамstedтом, в зависимости от группы (или подгруппы)

№	Группы (подгруппы)	Кол-во безэквивалентной лексики в исходном тексте	Кол-во безэквивалентной лексики в переводном тексте	Среднее кол-во переводов на одну лексему
I.	ономастические реалии (имена собственные)	73 (514 ³¹)	73 (514)	1,00
II.	реалии			
1)	реалии государственного строя и общественной жизни (общественно-политическая лексика):	36 (711)	90 (692)	2,50
	а) административно-территориальные единицы	5 (47)	20 (47)	4,00
	б) различные слои населения, носители власти (звания, титулы)	6 (366)	17 (366)	2,83
	в) лексика, отражающая родственные отношения у калмыков	11 (183)	31 (176)	2,82
	г) деньги	1 (11)	1 (11)	1,00
	д) мера	2 (5)	2 (5)	1,00
	е) религиозная лексика	11 (99)	19 (87)	1,73

³⁰ Данный тип реалий рассматривается в следующей главе «Лингвокультурологические особенности цветообозначений и способы их перевода на немецкий язык» в связи с тем, что ассоциативные реалии относятся к особой группе безэквивалентной лексики.

³¹ Здесь и далее в скобках указана общее количество словоупотреблений в сказочных текстах.

2)	реалии материальной культуры:	37 (162)	59 (155)	1,60
	а) пища, напитки	8 (49)	13 (48)	1,63
	б) одежда ³²	7 (21)	11 (20)	1,57
	в) жилье и хозяйственная утварь	22 (92)	35 (87)	1,59
	г) оружие, инструменты ³³	—	—	—
	д) музыкальные инструменты ³⁴	—	—	—
3)	реалии природного мира:	24 (89)	32 (89)	1,33
	а) растительный мир	9 (26)	11 (26)	1,22
	б) животный мир	12 (47)	16 (47)	1,33
	в) ландшафт	3 (16)	5 (16)	1,66
4)	этнографические и мифологические реалии:	6 (118)	20 (118)	3,33
	а) обычаи, обряды	—	—	—
	б) мифические и сказочные существа	6 (118)	20 (118)	3,33
5)	ассоциативные реалии ³⁵	7 (445 ³⁶)	29 (445)	4,14
III.	случайные лакуны	2 (2)	2 (2)	1,00
	Итого:	185 (2 041)	305 (2 015)	1,66

Как видно из таблицы № 4, общее количество безэквивалентной лексики в исходных текстах составляет 185 разных лексических единиц, которые идентифицируются нами как безэквивалентная лексика и которые встречаются по всем сказочным текстам 1 904 раз, что составляет 6,24 % от общего объема словоупотреблений. В переводном же тексте Г. Й. Рамстедт переводил их различными способами, используя разные переводные стратегии. Так, 185 лексических единиц он перевел 305 способами. В материале исследования не обнаружено безэквивалентной лексики, обозначающей оружие, инструменты, в том числе и музыкальные. Остальные группы представлены в сказочных текстах в той или иной мере (см. таблицу 1). Исходя из количества употребляемой безэквивалентной лексики в текстах, можно сделать следующие выводы. Во-первых, Г. Й. Рамстедт придерживался принципа единообразия в переводе имен собственных: все 73 имени собственных переводятся на немецкий язык своим эквивалентом, ученый не вносит в текст полных или контекстуальных синонимов, что в принципе понятно, поскольку имена собственные, как правило, переводятся

³² Терминов, обозначающих украшения, не обнаружено в материале исследования.

³³ Терминов, обозначающих украшения, не обнаружено в материале исследования.

³⁴ Терминов, обозначающих украшения, не обнаружено в материале исследования.

³⁵ К ассоциативным реалиям мы относим только лексику, которая в прямом своем значении обозначает цвет, хотя очевидно, что в разных, в особенности в сказочных, текстах будут использоваться слова, которые в переносном значении передают цвет.

³⁶ Здесь указывается количество ассоциативных слов без учета тех примеров, когда они входят в состав имени собственного, других групп реалий. Кроме того, при подсчете учитывались также однокоренные слова, которые сохранили прочную связь с номинативным значением.

единообразно. Одинаково передаются на немецкий язык и лексемы, обозначающие реалии природного мира. Во-вторых, остальные группы безэквивалентной лексики Г. Й. Рамстедт переводит на немецкий язык различно, используя полные и неполные эквиваленты. Группы реалий, которые, видимо, наиболее трудны для перевода, что видно из количества переводных эквивалентов, которые ученый выбрал для перевода, — это административно-территориальные единицы, не совпадающие у восточного кочевого народа с терминологией западных оседлых народов. Например, *отг* ‘оток’ — *lager* ‘стан, кочевье’, *reich* ‘государство, империя’, *volksstamme* ‘племя’, *grossestadt* ‘большой город’, *land* ‘страна, край; деревня’; *эамг* ‘аймак’ — *land und volk* ‘страна и народ’, *untertanen* ‘подданные’, *heimat und untertanen* ‘родина и подданные’; *хотн* ‘хотон’ — *zeltdorf* ‘село из кибиток’, *dorf* ‘село’, *aulzelte* ‘букв. палатка, шатер’. Кроме того, термины, обозначающие те или иные слои населения и родственные отношения, также передаются в переводном тексте разными способами (в среднем 2,83 и 2,82 переводных эквивалента на одну реалию соответственно). Так, например, *ээжс* ‘мать’ переводится несколькими способами: *mütterchen* ‘мамочка’, *mutter* ‘мать’, *mana* ‘мама’, *edži* ‘ээджи’.

Ассоциативные реалии (цветовые слова), несмотря на то, что имеется эквивалент на немецком языке (имеется в виду эквивалент в прямом значении), тем не менее, сложны для перевода, поскольку, как правило, подобные слова имеют переносные значения, которые характерны для той или иной культуры и весьма трудно передать их семантику на другой язык. Кроме того, в силу имеющихся особенностей, сложившихся в мифической и сказочной картине мира калмыков, достаточно сложно найти полный эквивалент на другом (неродственном) языке для перевода мифических и сказочных персонажей. Скорее всего, по этой причине Г. Й. Рамстедт прибегает к разным вариантам перевода на немецкий язык. Так, например, сказочный персонаж *šulm* = *шулм* ученым переводится на немецкий язык несколькими способами: *unhold* ‘чудовище’, *hexe* ‘ведьма, колдунья, чародейка’, *muss* ‘мус’, *böse geister* ‘злой дух’, *bösen verhexer* ‘злой колдун’.

По частотности встречаемости безэквивалентной лексики в сказочных текстах наиболее употребительны имена собственные (514), термины родства (183), социальных групп (366), термины, обозначающие мифические и сказочные существа (118), что связано, на наш взгляд, с тем, что в сказочных текстах они выполняют функцию наименования персонажей, где их «круг ... достаточно широк» [Горяева и др. 2015: 136]. Сказитель, дабы разнообразить текст, стремится использовать разные способы наименования повторяющихся акторов в тексте, прибегая к контекстуальным синонимам, которые чаще всего относятся к безэквивалентной лексике.

3.2. Ономастические реалии³⁷

Закономерности функционирования имен собственных, их определение и классификация всегда представляли особый интерес не только для лингвистов, но и этнографов, и фольклористов. Исследования, посвященные ономастике, можно разделить на две группы: 1) общие и 2) частные вопросы и проблемы. К теоретическим проблемам относятся семантика [Суперанская 1973; Ермолович 2001], классификация [Суперанская 2009; Фоякова 1990], структура [Суперанская 1969; Садохина 1981], функционирование [Андреева 1965] и другие вопросы. «Частная» ономастика на примере материалов из разных языков и типов дискурса выявляет и описывает особенности функционирования, структуры онимов и др. В калмыковедении также исследуются отдельные проблемы ономастики. Так, например, вопросами этимологии топонимов занимались В. Э. Очир-Гаряев [Очир-Гаряев 1983], Ц. К. Корсункиев [Корсункиев 1983], исторические аспекты топонимики рассматривал И. В. Борисенко [Борисенко 1983]. Исследования в области антропонимии проводили М. У. Монраев [Монраев 2007], Т. Г. Борджанова [Борджанова 1983], Л. Б. Олядыкова [Олядыкова 2009], Г. Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 1971; Пюрбеев 1973; Пюрбеев 1976а; Пюрбеев 1976б; Пюрбеев 1995] и др.

3.2.1. Имена собственные: структура, виды и количественные характеристики

В сказочном дискурсе, созданном в рамках той или иной традиции и отражающем мировоззрение этноса, архаичную картину мира, собственные имена, которых, заметим, не так много, несут определенную коннотацию и семантику. Целью данного раздела диссертационной работы являются систематизация имен собственных и их классификация в сказочном дискурсе.

Гипотеза исследования заключается в том, что, во-первых, сказка как полистадиальный продукт духовной культуры калмыцкого народа вобрала в себя следы наивного мировосприятия и мировоззрения, на которое наложилась буддийская картина мира, что нашло отражение в употреблении определенных онимов в сказочных текстах. Во-вторых, на текст сказки значительное влияние оказывает и личность сказителя, его мировосприятие, жизненный опыт, мастерство, умение в использовании традиционных для сказки художественно-изобразительных средств, что косвенным образом проявляется в использовании определенных типов собственных имен. В-третьих, тип и количество онимов зависит, думается, от жанровой разновидности калмыцкой сказки. Так, в богатырских сказках у героев есть свои имена, в бытовых, напротив, антропонимы отсутствуют.

В сказках Г. Й. Рамстедта проанализированы все сказки на предмет наличия онимов вне зависимости от ее жанра, в семи сказках из которых не

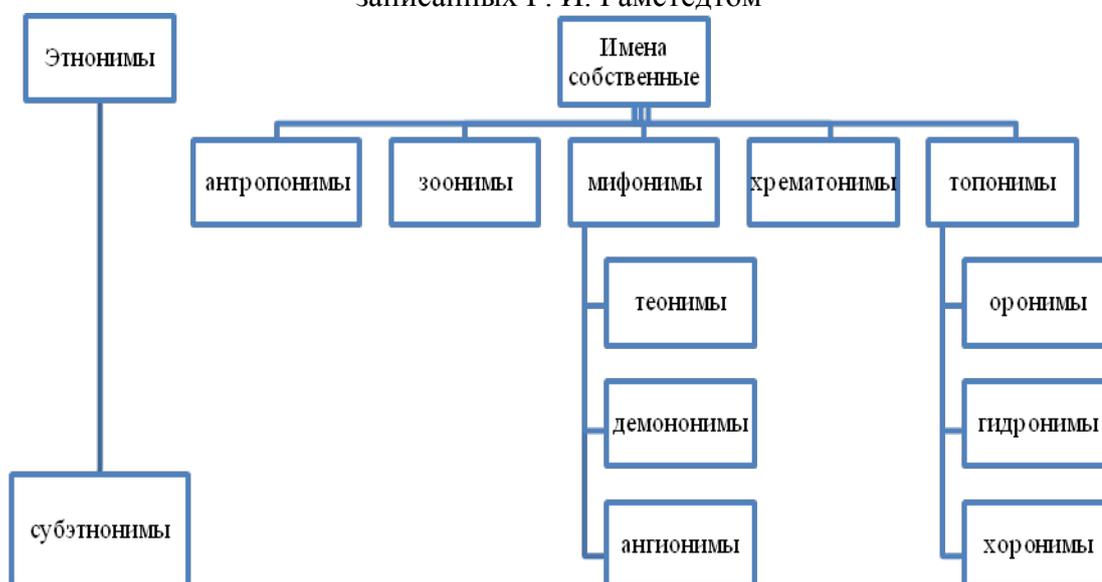
³⁷ Данный параграф основан на ранее опубликованной статье автора диссертационной работы: Баянова А. Т. Система и структура онимов в калмыцкой сказочной традиции (на материале записей Г. Й. Рамстедта) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2015. № 59. С. 54–63 (в соавторстве с Б. Б. Горяевой, А. О. Бугаевой, В. В. Кукановой).

были обнаружены имена собственные³⁸. Материал не сбалансирован по жанру и по объему: количество сказок не одинаковое, их объем разный (от 75 словоупотреблений до 3 961 словоупотребления). Этот факт не позволяет говорить о достоверности результатов в полной мере. Далее, когда описываются результаты анализа в разрезе по сказкам, то следует оговориться, что они требуют проверки на более обширном материале.

В 15 сказках в записи Г. Й. Рамстедта зафиксировано 73 разные единицы, которые имеют статус имени собственного, некоторые из которых повторяются в разных сказочных текстах (ониимы *Хурмстн*³⁹, *Эрлг Номин хан*⁴⁰, *Зуңкв*⁴¹, *Төгә Бүс*⁴² и др.), всего с повторами получается 514 единиц.

Согласно тематической классификации, все ониимы, которые встречаются в текстах сказок, можно разделить на группы⁴³, в двух из которых в свою очередь можно выделить подгруппы (см. рис. 1).

Рисунок 1. Группы ониимов и этнонимов в калмыцких сказках, записанных Г. Й. Рамстедтом

³⁸ В следующих сказках были обнаружены ониимы: 4 бытовые сказки (№№ 3, 7, 8, 9), 1 сказка о животных (№ 2), 7 волшебных сказок (№№ 4, 11, 13, 15, 19, 20, 22), 3 богатырские сказки (№№ 16, 18, 21).

³⁹*Хурмстн* (Хормуста) — верховное небесное божество в мифологии монгольских народов. В ламаистской космологии является главным среди 33 тенгри, проживающих на вершине мировой горы Сумеру [Мифы, 2 1988: 595].

⁴⁰*Эрлг Номин хан* (монг. *Эрлик Номун-хан*) — владыка царства мертвых, верховный судья в загробном мире, дьявол. Имя восходит к древнеуйгурскому *Эрклиг каган* ('могучий государь') — эпитету владыки буддийского ада Ямы. Прозвище *Номин (номун) хан* — калмыцкая (монгольская) калька титула Ямы — 'царь закона', 'владыка веры' [Мифы, 2 1988: 667].

⁴¹*Зуңкв* (Цзонхава) (1357–1419) — тибетский религиозный деятель, философ и проповедник.

⁴²*Төгә Бүс* (букв. *төгә* 'колесо' + *бүс* 'пояс') — персонаж фольклорной традиции калмыков, фигурирует в сказках (например: [Хальмг туульс 1961: 58]), а также в героическом эпосе «Джангар» [Джангар 1990: 95], является небожителем, о чем свидетельствует его полное трехкомпонентное имя *Теңгрин Төгә Бүс* (букв. 'небесный Тегя Бюс') [Хальмг туульс 1968: 95, 102].

⁴³ В отечественной науке до сих пор ведется полемика по поводу включения этнонимов (от греч. *ethnos* племя, народ и *онума* имя) в класс собственных имен. Так, исследователь В. А. Никонов в свое время относил этнонимы к именам собственным [Никонов 1970: 5–6]. Известный ономазиолог А. В. Суперанская считает, что данная группа слов по лингвистическим характеристикам принадлежит именам нарицательным [Суперанская 1973: 205–209]. Но при этом этнонимика как научная дисциплина, изучающая названия племен, народов и других этнических общностей, а также происхождение и функционирование этнонимов, является разделом ономастики, которая изучает имена собственные. В связи с этим считаем целесообразным рассмотреть также этнонимы, встречаемые в текстах сказок.

Как видно из рисунка 1, в сказочных текстах представлены пять групп онимов (антропонимы, зоонимы, мифонимы, хрематонимы, топонимы) и этнонимы.

Остановимся в первую очередь на единичных примерах онимов — хрематонимах и зоонимах. В текстах сказок Г. Й. Рамстедта выявлен оним, который можно отнести к хрематонимам (названиям предметов духовной и материальной культур: книг, газет, кинофильмов и т. д.). В сказке № 20 старик читает молитвенник «Дорж жодв»⁴⁴ («Алмазная сутра»), считающийся каноническим сочинением и одной из самых почитаемых сутр в буддизме. В текстах сказок Г. Й. Рамстедта обнаружен только один зооним, компонентом которой является лексема *хар* ‘черный; вороной’, кличка лошади⁴⁵ — *jasṅ doldā ɣar* = *Ясн Долдә Хар* (букв. *ясн* ‘кость’ + *долдә* (долда) ‘круглый’⁴⁶ + *хар* ‘вороной’ (масть лошади)) (сказка № 20).

Количественное соотношение онимов в сказках Г. Й. Рамстедта представлено в табл. 2.

Таблица 2. Соотношение групп онимов и этнонимов в калмыцких сказках, записанных Г. Й. Рамстедтом

Виды онимов	Антропоним	Мифоним	Топоним	Зооним	Хрематоним	Этноним
Количество онимов без повторяющихся элементов	41	12	12	1	1	6
Количество онимов с повторяющимися элементами (т. е. синонимов)	378	59	25	4	1	47

Как видим из таблицы, наиболее употребительными в тексте сказок являются антропонимы, мифонимы и топонимы. Антропонимы практически все разные, за исключением двух единиц, которые употребляются в виде вариантов: *bäǰū ɣar*⁴⁷ *bätṙ* = *Бәру Хар баатр* (*бәру* ‘скупой, жадный, алчный’ [Ramstedt 1935: 39], *хар* ‘черный’, *баатр* ‘богатырь’), — *bäǰūl ɣar*⁴⁷ *bätṙ* = *Бәрул Хар баатр*⁴⁷ (*бәрул* ‘рукоять’, *хар* ‘черный’, *баатр* ‘богатырь’); *zegṙ*

⁴⁴ «Дорж жодв» («Алмазная сутра») — «Сутра о совершенной мудрости, рассекающей [тьму невежества], как удар молнии» из цикла «Праджняпарамиты», основополагающий текст буддизма махаяны, созданный приблизительно в III в. н. э., но не позднее середины IV в. [Торчинов 2000: 234–251].

⁴⁵ У калмыков, как и у всех народов, существует традиция наречения именем представителей животного мира, в частности домашних животных. Издавна калмыки занимались животноводством: разводили овец, верблюдов, лошадей, коров. Из всех этих животных лошади чаще всего имели индивидуальные прозвища. Богатырей героического эпоса «Джангар» в боевых походах сопровождали лошади: Джангара — *Арнзл Зеерд* (*Арнзл* ‘Аранзал’, *Зеерд* ‘рыжий’), Савра — *Курң Галзн* (*Курң* ‘темно-рыжий’, *Галзн* ‘белая полоса на лбу’), Санала — *Буурл Галзн* (*буурл* ‘чальный’) и т. д. В качестве компонента зоонима довольно часто выступают лексемы, обозначающие масть (окрас) лошади: *зеерд* ‘рыжий’, *буурл* ‘чальный’, *курң* ‘темно-рыжий’.

⁴⁶ Думается, что *Ясн Долдә Хар* переводится именно как мосластый вороной конь, хотя в словаре Г. Й. Рамстедта дается иное толкование: *doldā* — *heftig* ‘сильный, резкий, вспыльчивый’, *feurig* ‘огненный, пылающий’, *unstet* ‘непостоянный, изменчивый, беспокойный’ [Ramstedt 1935: 94].

⁴⁷ Указанные две единицы употребляются в разных текстах — сказках № 18 и № 20. В переводе на немецкий язык ученый также фиксирует их по-разному: *Bäǰū Chara Bätur* (сказка № 20) — *Bäǰūl Chara Bätur* (сказка № 18). В общем количестве антропонимов мы считаем их как две разные единицы.

boɣd° χān = *Зегр Богд хан* (*зегр* ‘серьезный’ [Ramstedt 1935: 469], *богд* ‘великий’, *хан* ‘хан’) — zägɣ boɣd° χān = *Зэгр Богд хан*⁴⁸ (*зегр* ‘серьезный’ [Ramstedt 1935: 469], *богд* ‘великий’, *хан* ‘хан’).

Антропонимы появляются почти во всех сказках, наряду с обезличенными персонажами, не имеющими собственных имен (например, emɣŋ = *эмгн* ‘бабушка’, öwɣŋ = *өвгн* ‘старик’, kŷkŋ = *күүкн* ‘девочка, дочка’, kōwŷŋ = *көвүн* ‘мальчик, сын’, ек° = *эк* ‘мать’, ет°g° = *эцк* ‘отец’, χān = *хан* ‘хан’, bātɣ = *баатр* ‘богатырь’ и т. д.).

Часть мифонимов повторяется в разных сказочных текстах, что и предполагалось, поскольку пантеон божеств, как правило, не изменен и стабилен. Такая же ситуация обстоит и с этнонимами: номинации групп людей по национальному и этническому признакам закреплены исторически. Система антропонимов более гибче, более индивидуализирована, нежели структура мифонимов и этнонимов. Группа топонимов состоит из различных лексических единиц и не содержит повторов по разным сказкам: для каждой сказки характерен свой набор топонимов на материале сказочных текстов в записи Г. Й. Рамстедта⁴⁹.

Рассмотрим соотношение исследуемой группы слов в разрезе по разным жанрам сказок (см. табл. 3).

Таблица 3. Группы онимов и этнонимов в зависимости от жанра сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом

Вид онимов	Антропоним	Мифоним	Топоним	Зооним	Хрематоним	Этноним
Жанр сказки						
Богатырские	11	6	1			2
Волшебные	22	15	8	1	1	5
Бытовые	5		3			3
Сказки о животных	3					
Итого:	41	21	12	1	1	10

В сказках, записанных Г. Й. Рамстедтом, самый большой блок имен собственных составляют антропонимы, как было замечено ранее. Больше всего антропонимов встречается в волшебных сказках (*awχā tsetsəg* = *Авха Цецг* (*авха* ‘княгиня, принцесса’ [Ramstedt 1935: 19] + *цецг* ‘цветок’), *ajū tšikt°* = *Аю Чикт* (*аю* ‘медведь’ + *чикт[ə]* ‘с ушами’), *zōlŋ* = *Жөөлн* (*жөөлн* ‘мягкий’) и т. д.) и богатырских (*marc χar° bātɣ* = *Марс Хар баатр* (*марс* ‘тигр, барс’ [Ramstedt 1935: 257]) + *хар* ‘черный’ + *баатр* ‘богатырь’), *nāχɣl* = *Нээхл* (ср.: монг. *найлзуур* ‘побег, молодая ветка, мелкие прутья, поросль’

⁴⁸ Данные орфографические варианты встречаются в пределах одной сказки (№ 20), что позволяет утверждать, что это опечатка автора или фонетические варианты, причем в переводах на немецкий язык Г. Й. Рамстедт дает различное написание (*Zeger Bogdo Chan* — *Zägir-Bogdo Chan*). При анализе онимов данный антропоним считается как одна единица. Кроме того, в словаре Г. Й. Рамстедта указано, что данные слова равнозначны: *zägɣ* = *zegɣ* [Ramstedt 1935: 469].

⁴⁹ Данное утверждение применимо в конкретном рассматриваемом случае, а именно, в материалах текстов калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта.

[БАРМС 2001: 386]), *χalā χōχ°š* = *Хала Хооһи* (*хала* ‘жесть’ + *хооһи* ‘челнок’) и т. д.), а в бытовых их употребление минимально.

Традиционно антропонимы подразделяются на одно-, двух-, трехкомпонентные. Часто антропонимы в калмыцком сказочном тексте сопровождают приложения, указывающие на половозрастные признаки, родственные отношения, сословную принадлежность, индивидуальные качества: *уχ°г öwг᠒* = *Ухр өвгн* (*ухр* ‘ложка’ + *өвгн* ‘старик’), *näl’χ᠒᠒ tsayān ēdžī* = *Нэльхн цаһан ээж* (ср.: *нэлх* ‘надеяться, уповать, доверять’ [КРС 1977: 371] + *цаһан* ‘белый’ + *ээж* ‘мать’), *mös᠒ āw* = *Мөсн Аав* (*мөсн* ‘лед’ + *аав* ‘отец’); *хан* ‘хан’ (*бай᠒ χān* = *Байн хан* (*байн* ‘богатый’ + *хан* ‘хан’), *zeg᠒ boγd° χān* = *Зегр Богд хан* (*зегр* ‘серьезный’ [Ramstedt 1935: 469] + *богд* ‘великий’ + *хан* ‘хан’); *баатр* ‘богатырь’ (*ba᠒ū χar° bāt᠒* = *Бэрү Хар баатр* (*бэрү* ‘скупой, жадный, алчный’ [Ramstedt 1935: 39] + *хар* ‘черный’ + *баатр* ‘богатырь’), *мергн* ‘стрелок’ (*χarādā merg᠒* = *Харадә*⁵⁰ *Мергн* (*харадә* ‘черный’ + *мергн* ‘стрелок’).

В образовании многокомпонентных антропонимов в калмыцкой ономастике, кроме имен существительных (28), могут участвовать и другие части речи: прилагательные (24), числительные (3). Часто в составе антропонимов используются прилагательные, обозначающие цвет, или производные от прилагательных, обозначающих цвет: белый (*näl’χ᠒᠒ tsayān ēdžī* = *Нэльхн Цаһан ээж*, *gind° tsayān* = *Гинд Цаһан*, *börögīn böк᠒ tsayān* = *Бөөрөгин Бөкн Цаһан*), красный (*ulādā merg᠒* = *Уладә Мергн*), желтый (*šarādā merg᠒* = *Шарадә Мергн*, *šar° күrm᠒* = *Шар Күрмн*), черный (*χarādā merg᠒* = *Харадә Мергн*, *marš χar° bāt᠒* = *Марс Хар баатр*). Здесь цвет передает определенную символику: белый цвет связан, прежде всего, с чистотой, сакральностью; черный, напротив, характеризует персонажи с отрицательной точки зрения; красный связывается с животворным теплом солнца [Басангова 2002: 19], а желтый — «чистый», «храбрый», «славный щедрой милостыней», «сутью ваджры побеждающий» [Жуковская 2002: 213]. Примером употребления производного от имени числительного⁵¹ может служить номинация *Йистр* ‘Девятый’ в сказке № 4.⁵² В тексте сказки № 6 действуют герои с именами-прозвищами *neg bārm᠒* = *Нег Бәрм* (‘букв. одна хватка’), *χoj᠒ bārm᠒* = *Хойр Бәрм* (‘букв. две хватки’), *g, urw᠒ bārm᠒* = *Гурвн Бәрм* (‘букв. три хватки’).

Так, в калмыцком тексте сказок Г. Й. Рамстедта имеются следующие структурные виды антропонимов:

⁵⁰ Непродуктивный суффикс *-dai* присутствует обычно в словах, обозначающих этнические и родовые названия. В монгольских языках чаще всего употребляется в «фольклорных текстах при обозначении собственных имен» [Орловская 2010: 58].

⁵¹ «Числовые» имена являются весьма распространенными в калмыцкой антропонимике. Так, существуют имена *Тавн* (‘пять’), *Зурһан* (‘шесть’), *Һучн* (‘тридцать’) и т. д. [Монраев 2007: 150, 182].

⁵² Число 9 у калмыков имеет сакральное значение. По утверждению Э. У. Омакаевой, на сакральность числа 9 указывают такие факты, как использование 9 предметов в различных магических обрядах, для совершения обряда кропления используют ритуальную ложку с 9 отверстиями., девятилетний цикл имеет один из параметров жизни человека — биоритм «мэнге» [Омакаева 2001: 66]. Сакрально-магический смысл числа 9 мы встречаем и в калмыцком фольклоре: *йисн өңг алтн Торлг бәәшн* ‘девятицветный золотой дворец Торлок’ [Джангар 1990: 13].

- однокомпонентные антропонимы — 18 (152)⁵³: *χamχūl* = *Хамхул* (*хамхул* ‘перекати-поле’), *dawsŋ* = *Давсн* (*давсн* ‘соль’), *jiŋtʃ* = *Йистр* (от *йисн* ‘девять’), *Chädernäi* = *Хэдэрнэ* (*хадрн* ‘тарань’), *χatū* = *Хату* (*хату* ‘твердый’), *zōln*⁵⁴ = *Жөөлн* (*жөөлн* ‘мягкий’);
- двухкомпонентные — 31 (269): *χarādā mergŋ* = *Харадэ Мергн* (от *χар* ‘черный’, *мергн* ‘меткий’), *gind^o tsaγān* = *Гинд Цахан* (*гинд* ‘волшебный?’, *цахан* ‘белый’), *mars χar^o bātʃ* = *Марс Хар баатр* (*марс* ‘тигр, барс’, *χар* ‘черный’, *баатр* ‘богатырь’);
- трехкомпонентные — 3 (16): *börögīn bökn tsaγān* = *Бөөрөгин Бөкн Цахан* (от *бөөрг* ‘равнина с впадинами и буграми’, *бөкн* ‘горб’, *цахан* ‘белый’), *mönkēn χarīn tšildŋ* = *Мөңкэн Харин Чилдңг* (от *мөңк* ‘вечный’, *χар* ‘черный’, *чилдңг* ‘прочный’)⁵⁵.

Отметим, что двухкомпонентные преобладают над одно- и трехкомпонентными лексическими единицами.

Нарицательные слова, используемые в роли женских имен, в семантико-стилистическом плане всегда яркие, впечатляющие, поэтически благозвучны. «Вполне естественно, — пишет Г. Ц. Пюрбеев, — что женские имена ассоциируются с представлениями о достоинствах „прекрасного пола“. В них хорошо ощутимо стремление подчеркнуть благородство, изящество и красоту женщины. Сошлемся на такие примеры: *Герл* ‘свет’, *Чимиг* ‘украшение’, *Седкл* ‘душа’» [Пюрбеев 1971: 60]. Так, в сказке под № 22 главные героини названы следующими именами: *uχānī tšim^og* = *Ухани Чимг* (букв. ‘украшение ума’) и *setk^līn tšiməg* = *Седклин Чимг* (букв. ‘украшение души’).

Зооним и хрематоним встречаются только в волшебных сказках. Что касается этнонимов, то в волшебных сказках они используются единично (№№ 15, 22). В сказке № 15 встречаются основные наименования по национальному признаку: *орс* ‘русский’, *хальмг* ‘калмык’, *китд* ‘китаец’,

⁵³ Здесь и далее в скобках указывается общее количество словоупотреблений, при этом учитываются и мифонимы, так как их тоже следует отнести к антропонимам.

⁵⁴ В тексте сказок данное слово встречается всего два раза в соседних предложениях, при этом пишется именно таким образом, как указано, т. е. через символ *z*. Однако *dž* = *жс* в начальной позиции с последующим долгим звуком *o* встречается в родственном слове *džōlkŋ* = *жсөөлкн* ‘мягкий’ [Сказка № 17], которое передается через аффрикату *dž*. В тексте есть подобные слова, начинающиеся с этой аффрикаты, например, *džil* = *жил* ‘год’, [Сказка № 2, 4, 15, 22], *džirγvl* = *жсирһл* ‘счастье, радость’ [Сказка № 11, 15, 17, 21, 22] и др. Возникает вопрос: является ли это диалектной особенностью или это опечатка. Фонетические процессы перелома шипящего *дж* имеют место быть в монгольских языках [Владимирцов 1929: 398; Санжеев 1953: 101–103; Поппе 1955: 117]. Так, к примеру, Г. Д. Санжеев считает, что аффрикаты *дж* в ойратском языке соответствуют два звука — *дж* и *з*, в халхаском — *дж* и *дз*, в бурятском — *жс* и *з* [Санжеев 1953: 99]. Однако, если даже предполагать, что это является особенностью дербетского диалекта, то в этом случае остальные слова, начинающиеся с *dž* = *жс*, и в особенности однокоренные слова должны иметь в анлауте звук *z*, чего нет в материале исследования. Кроме того, по сведениям носителей дербетского говора для него не характерно использование *z* в начальной позиции [Полевые материалы автора]. Возможно, что это опечатка, однако, зная тщательное и внимательное отношение Г. Й. Рамстедта к транскрибированию не раз выверенного им текста, утверждать это с уверенностью мы не можем.

⁵⁵ В России до введения официального делопроизводства у калмыков отсутствовали фамилии и отчества, использовались двух или трехкомпонентные антропонимы, состоящие из имени отца в родительном падеже (имя отца в свою очередь состояло из имени также в родительном падеже его отца + личное имя) + личное имя (*Мөңкэн* (имя деда) *Харин* (имя отца) + *Чилдңг* (личное имя персонажа) [Монраев 2007: 210–211]).

maŋhd ‘татарин’, *шеркс* ‘черкес’. В бытовых же сказках (№№ 3, 7, 8) употребляется только *орс*. В сказке № 22 можно найти субэтноним *dərvd* ‘дербет’, что еще раз косвенным образом свидетельствует о том, что ученый проводил записи в Малодербетовском улусе у носителей дербетовского говора калмыцкого языка.

Рассмотрим отдельно в сказках, зафиксированных Г. Й. Рамstedтом (см. табл. 4), мифонимы (названия «вымышленного объекта любой сферы ономастического пространства в мифах и сказках» [Подольская 1978: 125]). В их состав входят ангионимы (имена канонизированных святых), теонимы (имена богов), демононимы (названия демонических существ) [Суперанская 1973: 183].

Таблица 4. Группы мифонимов в зависимости от жанра сказок, записанных Г. Й. Рамstedтом

Жанр сказки \ Вид онима	Богатырские	Волшебные	Бытовые	Итого:
Ангионим	0	3	—	3
Теоним	4	7	—	11
Демононим	2	4	—	6
Итого:	6	14	—	20

В рассмотренных текстах сказок встречаются следующие ангионимы: *zuŋkṵ* = *Зуңкв* (Зункава), *dalā lam^o* = *Дала лам* (Далай-лама). Шесть теонимов употреблены в 11 разных сказках. Дуалистический взгляд на мироздание обусловил существование принципа бинарности в теогонии (учении о происхождении богов). Так, божества делятся на светлых и темных, добрых и злых, женских и мужских. К добрым божествам относятся такие персонажи сказок, как *burxpn bakši* = *Бурхн багш* (Будда Шакьямуни)⁵⁶, *χirm^ustn_ḡ* = *Хурмстн* (Хормуста — в космологии ламаизма главный среди 33 тенгри, божеств, пребывающих на вершине мировой горы Сумеру), *nüd^wēr üz^ktš_i gegēp* = *Нүдвэр үзгч гегэн* (Авалокитешвара (тиб. Ченрези)⁵⁷ означает «взирающий очами» или «Владыка, смотрящий с высоты»); к злым — *erl^ḡ pot^on χān* = *Эрлг Номин хан* (владыка царства мертвых), *maχ^oγāl* = *Маххал* (Махакала в тибетском буддизме демон-защитник учения Будды)⁵⁸; к женским — *poγān dār^k* = *Ноһан Дэрк* (‘Зеленая Тара’), *tsaγān dār^k* = *Цаһан Дэрк* (‘Белая Тара’)⁵⁹; к мужским — *tögē-büs* = *Төгэ Бүс* (букв. *төгэ* ‘колесо’ +

⁵⁶ Будда Шакьямуни (калм. *Бурхн багш*) — в буддийской мифологии последний земной будда, проповедовавший дхарму (учение Будды), на основе которой сложилось буддийское вероучение [Мифы, 2 1988: 637].

⁵⁷ Авалокитешвара (калм. *Нүдвэр үзгч гегэн*) — один из главных бодхисатв (существ, стремящихся к просветлению), в буддийской мифологии — олицетворение сострадания [Мифы, 1 1987: 23].

⁵⁸ Махакала (калм. *Маххал*) — гневное божество. В буддийской мифологии изображается как божество, имеющее 2, 6 или 16 рук, темно-синего цвета [Мифы, 2 1988: 125].

⁵⁹ *Ноһан Дэрк* (‘Зеленая Тара’), *Цаһан Дэрк* (‘Белая Тара’) — самые известные из 21 тары в пантеоне божеств, наиболее популярные женские мифологические образы, являющиеся воплощением беспредельного сострадания. Они представляются одетыми в платье индийской царевны и различаются по положению рук и ног [Мифы, 2 1988: 494].

бус ‘пояс’). В составе вышеуказанных онимов есть слова, уточняющие сан, пол, качество: bakšĭ = *багш* ‘учитель’, gegēn = *гегэн* ‘свет, светлость’, dārk = *дарк* ‘богиня’, erliġ = *эрлг* ‘злой дух, нечистая сила’.

Среди мифологических персонажей различают не только божества (верхнего мира), но и представителей низшего мира (демоны, в калмыцких сказках — шулмусы, мусы), которые также имели имена, так называемые демононимы (*хотхр хар^о mūs* = *Хотхр Хар мус*).⁶⁰

В сказках, записанных Г. Й. Рамstedтом, сочетаются две картины мира: буддийская и добуддийская. Так, в сказке № 22 супругой хана становится Зеленая Тара — дочь Белой Тары, привезенная из мифической страны Шамбалы. Сам Умкя Тёрлт хан является воплощением Махакалы, что отражает представления о перерождении божеств в человеческие существа. Волшебные сказки как полистадиальные произведения обусловили изображение добуддийской и буддийской картин мира как единого целого. Еще одним фактором наложения друг на друга разного мировосприятия в определенных текстах сказок является то, что информантами, которых записывал известный лингвист, были представители буддийского духовенства (например, упомянутый ученым Босхонджи-гелюнг [Отчет д-ра ... 1904: 11–12]).

Проанализируем топонимы в сказках Г. Й. Рамstedта. В этой группе обнаруженные лексические единицы можно разделить на три подгруппы: оронимы (1), хоронимы (4), гидронимы (7) — см. табл. 5.

Таблица 5. Группы топонимов в зависимости от жанра сказок, записанных Г. Й. Рамstedтом

Жанр сказки \ Вид онима	Богатырские	Волшебные	Бытовые	Итого:
Ороним	—	—	1	1
Хороним	—	4	—	4
Гидроним	3	4	—	7
Итого:	3	8	1	12

В сказке № 8 упоминается гора Сумеру (*sömtġ-ül* = *Сөмр уул*)⁶¹, которая является мифической священной горой в буддийской космологии. Данный оним по объекту номинации можно отнести к оронимам, а по происхождению — к мифонимам. Этот пример наглядно свидетельствует о том, что иногда достаточно сложно определить тип онима.

В текстах сказок выявлено четыре онима, обозначающие названия административно-территориальных единиц, так называемые хоронимы: *kit'ḏ put'k* = *Китḏ нутг* (‘владения китайцев’), *maŋg, ḏdīn g, azġ* = *Маңһдын һазр* (‘земля татар’), *šamb'lin orn* = *Шамблин орн дала* (‘страна Шамбала’), *šerk's*

⁶⁰ О калмыцкой мифологии см. подробно [Неклюдов 1980б].

⁶¹ Сумеру (калм. *Сөмр уул*) — вселенская гора. Согласно буддийской картине мира, в центре вселенной стоит огромная гора Сумеру, вокруг которой вращаются солнце, луна и звезды [Мифы, 1 1987: 191].

nut^uḡ dālā = *Шеркс нутг дала* ('владения черкесов'). Данная группа зафиксирована только в текстах волшебных сказок №№ 15, 22. Сказка № 15 уникальна в этом отношении: единственный текст, где широко используются наименования по этническому принципу административно-территориальных единиц. В «Калмыцко-русском словаре» слово *нутг* переводится как 'родное место, родина', в фольклорных материалах может еще означать «владения» [КРС 1977: 387]. Топоним *Шамблин орн* (букв. 'страна Шамбалы')⁶² можно отнести и к мифониму, и к хорониму, так как согласно буддийской картине мира Шамбала — мифическая страна в Азии.

Большую группу по сравнению с другими подгруппами образуют гидронимы. Названия гидронимов в текстах сказок связаны с тремя лексемами: *g₁ol* = *хол* ('река'), *dalā* = *дала* ('море; океан'), *bul^uḡ* = *булг* ('источник', 'родник'). Гидронимы *šar^o g₁ol* = *Шар Хол* ('Желтая река'), *хаг^o g₁ol* = *Хар Хол* ('Черная река'), *ulān g₁ol* = *Улан Хол* ('Красная река') в своем составе имеют адъективы, обозначающие цвет (желтый, черный, красный)⁶³. В тексте сказки № 21 мы обнаружили гидроним *zost^o gedəḡ g₁ol* = *Зоста гидг хол* (букв. 'река с красной почвой'). В словаре Г. Й. Рамстедта слово *zosn* = *zosn* переводится как 'красная почва, земля, [богатая] охрой'⁶⁴ [Ramstedt1935: 476]. Еще один гидроним *tāw^lχptā gedəḡ g₁ol* = *Тэвлһтэ гидг хол* ('река Тявилгта') переводится буквально 'река, поросшая таволгой' [Ramstedt1935: 388]. Единственный гидроним с компонентом *дала* — *šikḡlīḡ dalā* = *Шикрлг дала*, что означает 'сахаристое, сладкое море'. В сказке № 21 персонаж *zegḡ boḡd^o χān* = *Зегр Богд хан* владел родником (источником) *almst-takā bul^uk* = *Алмст-Така булг* (букв. *алмст* 'околдованный' + *така* 'курица' + *булг* 'родник').

Интересно, что гидронимы встречаются только в волшебных сказках. Это не случайно, поскольку река в сказочном волшебном дискурсе может выступать в качестве границы мира живых и мертвых [Пропп 1986: 219]. В фольклорной традиции калмыков горы в сочетании с реками выступают обозначением царства, «земля-вода» идентифицирует богатыря на чужбине как его родина [Кичиков 1994: 31].

В результате анализа имен собственных в текстах сказок Г. Й. Рамстедта можно сделать следующие выводы. Во-первых, все основные типы онимов встречаются в текстах калмыцких сказок, в том числе хремотонимы («Алмазная сутра»), что не случайно, поскольку сказителями были гелюнг и послушник буддийского монастыря. Самыми распространенными видами онимов в сказочной традиции калмыков являются антропонимы, мифонимы и топонимы. Во-вторых, тип и количество онимов зависят от жанра сказки. Так, в бытовых сказках

⁶² В буддийской мифологии — страна. Согласно буддийским источникам, Шамбала находилась севернее реки Сита (отождествляется с рекой Амударья), ее окружали восемь снежных гор, которые напоминают лепестки лотоса [Мифы, 2 1988: 639].

⁶³ Данные лексемы используются и в образовании других онимов: *šar^o күгтḡ* = *Шар Күгтḡ*, *χoḡχḡḡ хаг^o маḡ ps* = *Хотхр Хар маḡ ps*, *maḡ хаг^o бātḡ* = *Марс Хар баатр*.

⁶⁴ Охра как природный пигмент имеется в почве (обычно глиняной), богатой железом.

единично встречаются онимы, но частотны, тем не менее, этнонимы. В волшебных и богатырских сказках широко употребляются мифонимы и топонимы, что обусловлено законами жанра и их символическим значением в культуре калмыцкого этноса. В-третьих, сказка как один из архаичных жанров устного народного творчества передается посредством языковой личности сказочника, и, являясь вторичным текстом, отражает наложение буддийского мировосприятия и мировоззрения на наивное, что можно проследить в частности по использующимся в сказочных текстах онимам.

3.2.2. Перевод имен собственных Г. Й. Рамстедтом на немецкий язык

В данном разделе диссертационного исследования рассматриваются способы перевода собственных имен с калмыцкого языка на немецкий⁶⁵. Выбор объекта не случаен, по утверждению Д. И. Ермоловича, они являются «опорными точками в межъязыковой коммуникации», «межкультурным мостиком», которые помогают преодолеть языковые барьеры [Ермолович 2001: 3]. На первый взгляд, процесс перевода онимов с одного языка на другой, где, как правило, максимально сохраняется звуковая форма (оболочка) слова, т. е. дается транскрипция слова, которая сходна по звучанию с языком оригинала, не составляет особого труда. Но проблема передачи имен собственных с языка оригинала на другие языки считается одной из трудных в переводоведении [Ермолович 2001: 14].

Как было выше сказано, в 15 переводных текстах Г. Й. Рамстедта зафиксировано 70 онимических единиц, имеющие статус имени собственного. При передаче имен собственных на другой язык, как правило,

⁶⁵ Теория перевода является прикладной наукой, которая начала развиваться еще с древних времен [Велединская 2010: 36], поскольку передача информации с одного языка на другой всегда оставалась важной задачей. Умение правильно и адекватно передать смысл и содержание текста (высказывания) всегда являлось значительной проблемой (вслед за И. Р. Гальпериным, мы разграничиваем данные понятия. Ср.: «Содержание применительно к тексту приобретает свое терминологическое употребление, отличное от понятий „смысл“ и „значение“. Содержание как термин грамматики текста будем относить лишь к информации, заключенной в тексте в целом; смысл — к мысли, сообщению, заключенных в предложении или в сверхфразовом единстве; значение — к морфемам, словам, словосочетаниям...» [Гальперин 1981: 20]), при этом всегда считалось, что главной задачей является сохранение смысла, стиля и коннотации речевого отрезка.

Для калмыцкого языкознания данная дисциплина является новой и весьма важной, но теоретически практически не выработанной. Перевод текстов с русского на калмыцкий и наоборот основным осуществляли не профессионалы, которые многие принципы вырабатывали непосредственно в работе с текстом-оригиналом. Проблемы, возникавшие в процессе перевода, решались в момент их появления и практически не фиксировались и научно не описывались. Актуальным является обращение к описанию проблем практического переводоведения, поскольку их выявление и знакомство с переводческими стратегиями тех или иных грамматических конструкций может послужить его становлению и развитию как самостоятельной дисциплины. В Калмыцком государственном университете им. Б. Б. Городовикова отсутствует данная дисциплина как самостоятельное направление специализации, так и в виде спецкурса, хотя, на наш взгляд, знания и навыки, полученные в ходе ее освоения, были бы крайне востребованы в калмыцком обществе, испытывающем крайнюю необходимость в переводных текстах и закреплении переводных эквивалентов иноязычной лексики, которая появилась в последние десятилетия в большом количестве в повседневной жизни представителей разных народов Российской Федерации, в том числе и у калмыцкого этноса.

используются следующие приемы: транскрипция⁶⁶, транслитерация⁶⁷ и калькирование⁶⁸.

Таблица 6. Варианты переводческих решений Г.Й. Рамстедта при передаче имен собственных и этнонимов в переводе на немецкий язык

Вид ИС	Подвид	Вид перевода	Пример	
			Фонетическая запись + современное написание	Перевод
антропоним		замена	хамхүл= хамхул‘перекати- поле’	Gipskraut ‘гипософила, качим’ ⁶⁹
		калькирование + замена	уχʰr öwŋɔ = Ухр өвгн	Löffelfresser
		калькирование	dawsɯ = Давсн	Salz
		калькирование + транскрипция	bajɯ χān= Байн хан	Reiche chan
		транскрипция	ajū tšiktʰ = Аю Чикт	Ajū Tschikte
		транскрипция + уточнение (калькирование)	setkʰlīn tšimɔɣ = Седклин Чимг	Setkilīn-Tschimek (des gemütes schmuck)
		транслитерация	šarʰ kürmɯ = Шар Курмн	Schara-kürmen
		транслитерация + транскрипция + уточнение (калькирование)	уχānī tšimʰɣ=Ухани Чимг	Uchānī-Tschimek (des verstandes schmuck)
		транслитерация + уточнение (калькирование)	nālʰɯn tsayān ēdži= Нэльхн цахан ээж	Nälīchan-Tsagān- Edži (mutter Nälīchan-Tsagān)
		транслитерация + транскрипция	mösɯ āwī = Мөсн Аав	Mösün-Aba
зооним		транслитерация + уточнение (калькирование)	jasɯ doldā = Ясн Долда	Jasun-Doldai (Knochenball)
мифоним	теоним	транслитерация + уточнение (калькирование)	tögē-büs (tögō-wüs) = Төгэ Бүс	Tögē-büs (Ringgurt)
		транслитерация + транскрипция	erlʰɣ nomīn χān= Эрлг номин хан	Erlīk Nomun Chan Erlīk Nomīn Chan
		транслитерация	tögō-wüs= Төгэ Бүс	Tögō-Büs

⁶⁶ Переводческая транскрипция — формальное «пофонемное воссоздание лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетическая имитация слова» [Казакова 2001: 63].

⁶⁷ Транслитерация — формальная передача имени собственного с одной графической системы на другую [Ермолович 2001: 15–18].

⁶⁸ Калькирование — переводческий прием, заключающийся в том, что «составные части слова (морфемы) или словосочетания заменяются их прямыми соответствиями на языке перевода» [Нелюбин 2011: 73].

⁶⁹ Качим (Gypsophila) — растение семейства гвоздичных, представляющее собой сильно ветвистый кустарник.

		транскрипция + замена	burχon bakši= <i>Бурхн багш</i>	Burchan-Bakši (Buddha)
		транскрипция	ṭsagān dārki = <i>Цаган Дэрк</i>	Tsagān Dārki
		транскрипция + уточнение (калькирование + дополнение)	nüd ^ʷ wēr üz ^ʷ ktši gegēn= <i>Нүдвэр үзгч гегэн</i>	„Der mit einem augen sehende“ (= Arjabalo)
		дополнение + транслитерация	χurm ^ʷ stṭ= <i>Хурмстн</i>	Gott Hormusta
	демоним	калькирование + транслитерация	χotχ ^ʷ r χar ^ʷ maŋg, ɔs = <i>Хотхр Хар мангас</i>	senk-rückiger, schwarzer Mangas
	ангионим	транскрипция	zuŋkṭ̄ = <i>Зункв</i>	Zungkawa
		замена	dalā lam ^ʷ = <i>Дала лам</i>	burchan
хремотоним		транслитерация + уточнение	dordži džodw ^ʷ = <i>Доржэ жодв</i>	Dordži-Džodba (gebetbuch)
топоним	ороним	транскрипция с опущением элемента + уточнение (калькирование)	sömṭ̄-ülī = <i>Сөмр уул</i>	der Sumeru (der weltberg)=
	гидроним	транскрипция + уточнение (калькирование)	almṭst-takā = <i>Алмст-Така</i>	Almast-takā (Verhexte Henne)
		калькирование + уточнение (транскрипция)	zost ^ʷ gedəg g, ol = <i>Зоста гидг хол</i>	Roterdereich (Zostä genannter Fluss)
		транскрипция + дополнение + калькирование	šikṭlīg dalā = <i>Шикрлг дала</i>	Schikirlik genanntes Meer
	хороним	транслитерация + калькирование	šamb ^ʷ līn or ^ʷ n = <i>Шамблин орн</i>	Schambala-reiche
		транслитерация + замена	šerk ^ʷ s nut ^ʷ g = <i>Шеркс нутг</i>	das tscherkessenvolk
		калькирование	kit ^ʷ d = <i>Китд</i>	China
		калькирование + опущение	maŋg, ^ʷ dīn g, azṭ = <i>Маңһдын һазр</i>	tataren
этноним		калькирование	kit ^ʷ d = <i>Китд</i>	chinesisch
		транслитерация + дополнение	dörw ^ʷ d = <i>дөрвд^ʷ</i>	Dörböt-volk

В большинстве случаев Г. Й. Рамстедт прибегает к транслитерации и транскрипции, сочетая две стратегии переводов собственных имен. При этом транслитерацию переводчик осуществляет с написания на «тодо бичиг» («ясного письма»). Интересно, что переводная транскрипция собирателем дается в идеальном виде без отражения редукции, характерной для разговорного калмыцкого языка. Видимо, Г. Й. Рамстедт брал за основу для

транслитерации написания имен собственных на «тодо бичиг». Отметим также, что ученый соблюдает системность в передаче собственных имен на немецком языке: как правило, он переводит оным при помощи транслитерации или транскрипции, а затем дает уточнения в скобках путем подбора эквивалентов на немецком языке.

В сказке № 16 *tögē-büs* = *Төгэ Бүс* (букв. 'колесо-пояс') переводится как *Ringgurt* (букв. 'кольцо-пояс'). Калькироваться может и часть слова. Например, *bajŋ χān* = *Байн хан* → *Reiche chan* (сказка № 8), *šikrlīg dalā* = *Шикрлг дала* → *Schikirlik meere*, *šamb^olīn or^on* = *Шамблин орн* → *Schambala-reiche* (сказка № 22). Те элементы, которые имеют полный эквивалент на немецком языке, даются без уточнений в скобках. Например, в сказке № 13 главные персонажи *χatū* = *Хату* 'твердый' и *zōlŋ* = *Жөөлн* 'мягкий' переводятся *Hart* и *Weich* соответственно. Однако для перевода мифонимов на немецкий язык лингвист старается найти эквивалентное соответствие путем добавления к ониму слов, определяющих родовую принадлежность персонажа. Например, *χirm^ustŋ* = *Хурмстн* → *Gott Normusta*, первая часть перевода обозначает 'бог, господь'.

При калькировании переводчик старается максимально сохранить семантику слова, его колорит. Однако ему не всегда это удается. Так, например, в сказке № 2 передача *kiŋ^usq^uχōl* = *Килхсн-хол* (букв. 'волосяное горло') → *Naarhals* ('волос' + 'горло'). В случае отсутствия полного эквивалента переводчик находит неполное соответствие, например *χamχūl* = *Хамхул* 'перекати-поле' → *Gipskraut* ('качим' = 'гипсофила') [НРС 1964: 372]. В немецком языке отсутствует лексическая единица, которая обозначала бы «перекати-поле».

Другим примером семантического несоответствия кальки являются имена собственные *neg bārŋ* = *Нег бәрм*, *χojŋ bārŋ* = *Хойр бәрм*, *g^uirwŋ bārŋ* = *Гурвн бәрм* (сказка № 6). В калмыцком языке *бәрм* обозначает меру длины, равную расстоянию между крайними точками сжатых в кулак пальцев [КРС 1977: 91]. В немецком переводе эти имена звучат как *Einspanne*, *Zweispinne*, *Dreispinne*, где *die Spanne* означает 'пядь' [НРС 1964: 762] — меру длины, равную расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев. В сказке № 9 главный персонаж *uχ^ut öwŋŋ* = *Ухр өвгн* (букв. 'старик Ложка') в немецком переводе дается как *Löffelfresser* (*der Löffel* 'ложка', *der Fresser* 'обжора').

Таким образом, Г. Й. Рамстедт использовал различные способы передачи имен собственных на немецкий язык и, хотя он и не являлся профессиональным переводчиком, ему удается передать смысл прозвищ героев, значение мифонимов и топонимов.

Таблица 7. Количественная характеристика способов перевода в зависимости от типа антропонима

Способ перевода \ Тип онима	замена	калькирование + замена	калькирование	калькирование + транскрипция	транскрипция	транскрипция + уточнение (калькирование)	транслитерация	транслитерация + уточнение (калькирование)	транслитерация + транскрипция	транскрипция + замена	дополнение + транслитерация	калькирование + транслитерация	транслитерация + замена	калькирование + опущение
Антропоним	1	1	8	1	15	1	12	1	1					
Зооним								1						
Мифоним	1		2		1	2	1	1	1	1	1	1		
Хрематоним					1									
Топоним			5	2	1	2		1					1	1
Этноним			6											
Итого:	2	1	21	3	18	5	13	4	2	1	1	1	1	1

Как видим из данных таблицы 7, самыми распространенными способами передачи онимов на немецкий язык являются калькирование (21), транскрипция (18) и транслитерация (13). Менее распространены транскрипция + уточнение (калькирование) (5) и транслитерация + уточнение (калькирование) (4). Остальные способы перевода онимов применяются единично. При переводе антропонимов автор предпочитает передавать имена собственные с помощью транскрипции (18) и транслитерации (13), что традиционно для обозначения иноязычных имен в переводных текстах. Калькирование является преобладающим способом перевода топонимов и этнонимов.

Далее мы подробно рассмотрим типологию реалий, обнаруженных в калмыцких сказочных текстах.

3.3. Типология калмыцких реалий в сказках в записи Г. Й. Рамстедта⁷⁰

В данной части диссертационного исследования будут рассмотрены реалии, за исключением ассоциативных реалий, которым в силу их особенностей посвящена отдельная глава.

3.3.1. Реалии государственного строя и общественной жизни (общественно-политическая лексика)

Как известно, лексика, обозначающая родственные отношения между людьми у калмыков, отражает более детализированное значение родственных отношений у калмыков. Так, например, в калмыцком языке слово *awyr = avh* означает 'дядя' по отцовской линии, *nahsyr = nahux* 'дядя' по материнской линии, в немецком же языке нет различий. Г. Й. Рамстедту, чтобы перевод не привел к потере различий между этими двумя словами,

⁷⁰ Данный параграф основан на ранее опубликованной статье автора диссертационной работы: Баянова А. Т. Особенности перевода безэквивалентной лексики на немецкий язык (на примере текстов калмыцких сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 9. № 4. С. 103–111.

приходится переводить слово *avh* как *onkel*⁷¹ ‘дядя’, а к слову *nahux* ‘дядя по матери, брат матери’ дает смысловой обобщенный перевод — как *mütterlicher verwandter* ‘родственник матери’ и при этом указывается на родство с матерью:

- (1) *kökšŋ awyr, en^o-tšŋn jün gedög jumŋ bē (jum-b)? = Көгшин avh, энчн юн гедг юмб? — Alter onkel, was ist den dies? ‘Старый дядя, что это такое?’ [Сказка № 22].*
- (2) *tšamäg naχts^oχp lam^o-tšŋn nārŋ^o gewā. = Чамэг nahux ламчн ‘наарн’ гевә. ‘Тебе твой дядя по матери (лама) сказал: «Иди сюда»’ — Dein mütterlicher verwandter, der lama, hat dir befohlen zu ihm zu kommen ‘Твой родственник матери — лама — велел тебе к нему прийти’ [Сказка № 22].*

В некоторых случаях он вообще избегает перевода слова *nahux*:

- (3) *tsārān naχtsχp lamīn talān g arāb jomnā. = Цааран nahux ламин талан harad йомнә. ‘Дальше к дяде по матери — к ламе отправились [они]’ — ‘Weiter wandern sie in der richtung, wo der lama wohnt. ‘Дальше они направляются в сторону, где лама живет’ [Сказка № 22].*

Слово *bāw^o* = *баав* в дербетском говоре означает ‘папа, отец’⁷².

Интересно, что именно в этом значении слово не используется. В текстах сказок был обнаружен пример, когда данная лексема имеет значение ‘старший брат’, а также выполняет функцию обращения к нему. Приведем фрагмент из сказки, чтобы продемонстрировать это значение:

- (4) *Марс Хар баатр келнә: «Кукн, чини ахчн би. Намэг эс таньчч?» — генә. «Ах мини [прав. ахинм] үсн[ь] үүрэд, ясн[ь] яарад одлә, кезәнә», — генә. «Кукн, ах нойн баавдчн ямаран темдг бәэлә?» — генә. «Баавд мини барун далднь ааһин амн дүңгә улан мең билә», — генә. Ахнь дарцг цаһан кишлгиг тә татад тәғлад үзүлнә. «Ах нойн баав минь, яһж харвута?» — генә. «Хааһас ирвч?» — генә. Күзүдәд, теврлдәд, ууляд, харһцад киисәд однә. ‘Марс Хара богатырь говорит: «Дитя, твой брат я. Меня не узнаешь?» — говорит. «Брата моего волосы истлели, кости в кучу собрались давно», — говорит. «Дитя, у твоего глубоководного баавы какие отметины были?» — спрашивает. «У моего баавы на правой лопатке величиной с чашу красное родимое пятно было», — говорит. Брат белоснежную рубашку скинул и показал. «Глубоководный баава мой, как [Вы] выбрались? — спрашивает. Откуда [ты] приехал?» — говорит. Обняв [его] за шею, расплакался и чувств лишился’ [Сказка № 17].*

Кроме того, встречается пример употребления слова *баав* в идентичном значении в сказке № 15, где девочка 14 лет обращается к названному старшему брату. По приведенным выше примерам можно допустить, что, кроме значения, которое свойственно дербетскому диалекту калмыцкого

⁷¹ В немецком тексте сказок все существительные написаны с прописной буквы.

⁷² На торгутском диалекте *баав* означает ‘мама, тетя (по матери)’ [КРС 1977: 71], что по происхождению более древнее [ЭСТЯ 1978: 12], впоследствии эта семантика в дербетском диалекте была переориентирована на мужскую линию [ЭСТЯ 1978: 12].

языка, vater, papa, onkel ‘папа, отец, дядя’, которое и указано и «Калмыцком словаре» [Ramstedt 1935: 38] с комментариями ученого о том, что *die enkel nennen ihren vater bāwⁿ und den grossvater ets²gə*, wenn dieser noch am leben ist und in demselben hause wohnt ‘внуки называют своего отца *баав* и деда *эцк*, если он жив еще и живет в том же самом доме’, данная лексема, согласно материалу исследования, имеет значение и старшего родственника, как правило, брата, независимо от того, кто называет его — младшая сестра: (5) *kūḱḱ köwūg* «ахⁿ nojḱ bāwⁿ» *gedž keldž-ādrc.* = *Күүкн көвүг «ах нойн баав» гезж келжэдг.* ‘Девочка говорит мальчику «**мноغوуважаемый нойн-баава**» — *Das mädchen pflegte den knaben „väterlicherher onkel“ zu nennen.* ‘Девочка к мальчику обращалась так: «**Глубокочтимый дядя**»’ [Сказка № 15]; (6) *ахⁿ nojḱ bāwⁿ, jün gēd ūl’w-tš?* = *Ах нойн баав, юн гед уульч?* ‘**Мноغوуважаемый баава**, почему ты плакал?’ — *Mein väterlicher onkel, warum weintest du?* ‘**Мой дядя, проявляющий отеческую заботу**, почему ты плакал?’ [Сказка № 15] — или младший брат: см. пример (4). В этих двух сказках все употребления слова *баав* имеют значение «старший брат». При этом здесь Г. Й. Рамстедт переводит его как *väterlicher beschützer* ‘букв. проявляющий отеческую заботу покровитель’, *geliebter beschützer* ‘букв. любимый покровитель’, *väterlicher herr onkel* ‘букв. отеческий господин-дядя’. Из контекстов, приведенных выше, видно, что лексема *баав* может употребляться как в номинативной функции, так и в функции обращения.

В фольклорном тексте, как показано выше, употребляется это слово в устойчивом сочетании *ах нойн баав*, где слово *баав* означает почтительное и уважительное обращение к старшему по возрасту человеку (в следующем примере мальчик обращается к старшему по возрасту посланцу Эрлик Номин хана): (7) *ахⁿ nojḱ bāwⁿ, nārtn, χαγῡj!* = *Ах нойн баав, наартн, харһуй!* ‘**Мноغوуважаемый батюшка-нойн**, идите сюда, встретимся! — *Mein väterlicher bruder und herr! Hierher, lasst uns uns begegnen!* ‘**Мой отеческий брат и господин!** Сюда, давайте познакомимся’ [Сказка № 20], а также к нойону или его наследнику независимо от его возраста (в ниже приведенном примере молодые девушки обращаются к сыну хана): (8) *ахⁿ nojḱ bāwⁿ, urḱdā täwḱj, χol^o g.azḱḱg ḱr^o bolḱjā!* = *Ах нойн баав, урлда тәвий!* ‘**Мноغوуважаемый нойн-баава**, устроим скачки!’ — *Hochgeehrter väterlicher beschützer, lass uns um die wette laufen!* ‘букв. **Глубокочтимый защитник, проявляющий отеческую заботу**, давайте скачки устроим!’ [Сказка № 18].

В выше и ниже приведенных примерах (4)–(10) в переводах на немецкий язык Г. Й. Рамстедт использует несколько вариантов: *väterlicher beschützer* ‘букв. проявляющий отеческую заботу покровитель (защитник)’, *hochgeehrter väterlicher beschützer* ‘букв. высокочтимый проявляющий отеческую заботу покровитель’, *väterlicher bruder und herr* ‘букв. брат и господин, проявляющий отеческую заботу’, *väterlicher onkel* ‘букв. дядя, проявляющий отеческую заботу’, *väterlicher herr onkel* ‘букв. господин дядя,

⁷³ *Väterlich* — ‘отеческий, проявляющий отеческую заботу’ [НРС 1964: 857].

проявляющий отеческую заботу». Все эти переводы объединяет одна общая сема «отеческая забота», которая вытекает из значения «отец»:

- (9) ā, aχ^o nojŋ bāw^o, täw^llyptä gedəg g_zold^o orād irwā. = А-а, **ах нойн баав**, Тэвлһтэ гедг холд орад ирвэ. ‘А-а, **многоуважаемый батюшка-нойон мой**, к реке Тавилгата приехали’. — Oh weh, du mein **väterlicher beschützer**, wir sind zu Spierstrauchreich (Täwilchatä) genannten flusse gekommen. ‘А-а, **мой защитник, проявляющий отеческую заботу**, мы подъехали к реке, называемой Спирея (Тавилгату)’ [Сказка № 16].
- (10) aχ^o nojŋ bāw^o, jū χāw-tä?⁷⁴ = **Ах нойн баав**, ю хээвт? ‘**Многоуважаемый батюшка-нойон**, что искали?’ — **Väterlicher onkel und beschützer**, was sucht ihr? ‘**Глубокочтимый дядя и покровитель**, что вы ищете?’ [Сказка № 21].

В калмыцком языке разделяют старших и младших братьев: aχ^o = ах ‘старший брат’, dū = дү ‘младший брат’⁷⁴, в переводе на немецкий — *der ältere bruder* и *der jüngere bruder* соответственно. Āw^o = аав ‘отец, папа’⁷⁵ переведено на немецкий соответственно как *vater* ‘отец’, но в названии персонажа *Mösn Aav* (‘букв. Отец Лед’) ученый передает его в транскрипции — *Mösün Aba*. В калмыцком языке слово *родители* переводится парным словом *ek^o ets^og* = эк-эцк (‘букв. мать-отец’) или āw^o ēdž^l = аав-ээж⁷⁶, в немецком переводе автор дает два варианта — *eltern* ‘родители’ и *vater und mutter* ‘мать и отец’:

- (12) kūkŋ, tši tšimēn-ugē bolād bādṅ-tšīn, ek^o ets^ogān sandž-ēn-tšī? = **Күүкн, чи чимән угэ болад бээдгчн эк-эцкән санжәнч?** ‘Девочка, ты стала молчаливой потому, что скупаешь по **отцу-матери?**’ — *Madchen, du bist so stumm, sehnst du dich nach deiner mutter und deinem vater?* ‘Девочка, ты стала такой молчаливой, ты соскучилась по своей **матери** и своему **отцу?**’ [Сказка № 15].
- (13) ek^o ets^og^odān odād kelnā. = **Эк-эцкдән одад келнэ**. ‘К **родителям** пришел и говорит’. — *Er begiebt sich zu seinen eltern und spricht*. ‘Он отправился к своим **родителям** и говорит’ [Сказка № 15].

Выбор различных вариантов при переводе слова *эк-эцк* в этих двух предложениях возможно объяснить тем, что в первом предложении логически важно отметить, что главный персонаж сказки ностальгирует не просто по родителям, она вспоминает отдельно и отца, и мать. Переводчик тонко уловил настроение героя и при переводе использует именно такой вариант.

⁷⁴ Обе лексемы в материале исследования используются и как номинатив, и как обращение.

⁷⁵ Интересно, что в текстах сказках употребляется две лексемы, обозначающие «отец», — *аав* и *эцк*, причем, согласно «Калмыцкому словарю», последнее слово, кроме значения «отец» (*vater*, *papa*), может обозначать старого мужчину (*alter mann*) [Ramstedt 1935: 129]. Однако из сказочного материала, который зафиксировал Г. Й. Рамстедт, обнаруживается, что лексема *эцк* не может выступать в роли обращения, в то время как *аав* может выполнять и номинативную, и вокативную функции: (11) *ets^og^odān (ets^oktān) odād kelwā, köwūn*: «āw^o, āw^o, miñ^l ner-ṅ χānād^o bād^o-w?» *genā*. = *Эцкдән одад келвэ көвүн*: «*Аав, аав, мини нерм хаанэд бээдвэ?*» — *генэ*. ‘К отцу своему пошел юноша и говорит: «Отец, отец, мое имя у хана есть?» — говорит’. — *Er geht zu seinem vater und sagt*: „*Vater, vater, ist mein name beim chan [eingetragen]?*“ ‘Он приходит к своему отцу и говорит: «Отец, отец, мое имя у хана [внесено в список]?»’ [Сказка № 15].

⁷⁶ В данном фольклорном тексте встречается только первый вариант.

При переводе слова *ürŋ sadŋ* = *үрн-садн* ‘семья; букв. дети, потомство’ автор применяет несколько вариантов перевода: *kind* ‘ребенок, дитя’, *sohn oder abkömmling* ‘сын или потомство (отпрыск)’, *sohn und abkömmling* ‘сын и потомство (отпрыск)’, *kinder und nachkommen* ‘дети и потомки’:

- (14) *tanā ürŋ sadŋ bāyā-wīlā*. = *Тана үрн-садн бәәһә билә*. — *Eure kinder sind ja noch am leben*. ‘Ваши дети живы еще’ [Сказка № 22].
- (15) *nand^o jün ürŋ sadŋ bilā?* = *Нанд юн үрн-садн билә?* ‘У меня какие дети были?’ — *Was habe ich für einen sohn oder abkömmling?* ‘Что за дети или отпрыски у меня?’ [Сказка № 21].
- (16) *tünā ürŋ sadīn xortīn xō g,alŋ moγā ezlḍəg bilā*. = *Түүнә үрн-садынь хортн хо халзн моһә эзлḍг билә*. ‘Его детей ядовитая светло-рыжая плешивая змея захватывала’. — *Seiner kinder und nachkommen pflegt ja die giftige gelbköpfige schlange sich zu bemächtigen*. ‘Его детей и потомство ядовитая желтоголовая змея имеет привычку захватывать’ [Сказка № 21].
- (17) *nand^o jün ürŋ sadŋ bilā, nanās kezē g,arlā?* = *Нанд юн үрн-садн билә, нанас кезә һарла?* ‘У меня какие дети были, когда я их родила’ — *Was habe ich für einen sohn und abkömmling, wann wurde er denn geboren?* ‘Что за дети и отпрыски у меня, когда я их родила?’ [Сказка № 21].

Следует отметить, что Г. Й. Рамстедт обладал определенными знаниями семейно-родственных отношений калмыков. Родство и продолжение рода у калмыков определяется по мужской линии, поэтому при переводе слова *үрн-садн* ‘семья; букв. дети, потомство’ он употребляет как один из вариантов словосочетание *sohn oder abkömmling, sohn und abkömmling*⁷⁷. Так, в «Калмыцком словаре» Г. Й. Рамстедт дает следующее толкование слову *үрн-садн* – *erbe* ‘наследник’ [Ramstedt 1935: 459].

Для слова *ēdži* = *ээж* ‘мама’⁷⁸ переводчик дает такие варианты, как *tama, Mutter*. Однако при переводе компонентов имени собственного Г. Й. Рамстедт прибегает, как и при переводе *Мөсн Аав*, к транскрипции: *Edži (Nälichan-Tsagān-Edži)*.

Религиозная лексика составляет обширный пласт лексических единиц, связанной в основном с буддизмом, а также с добуддийскими верованиями. Слово *бурхн* ‘бурхан; бог, покровитель и учитель всего сущего’ [Пюрбеев 1996: 152] переводится Г. Й. Рамстедтом на немецкий язык как *Gott* ‘бог’, а при именах собственных используется вариант перевода в транскрипции — *burchan*:

- (18) *xojr g,arīn säkād xäl’ān, xojr g,artŋ burxpn bolād üḍ=sn bānā*. = *Хойр һаринь сәкәд халәнә, хойр һартнь бурхн болад үүдсн бәәнә*. — *Er öffnet ihre hände und sieht nach: auf ihren beiden händen sind götter abgebildet*. ‘букв.

⁷⁷ По утверждению У. Д. Душана, «самое печальное явление в семье — это отсутствие детей, особенно мужского пола. Женщина, по старому убеждению калмыков, не наследница и не продолжательница рода» [Душан 2016: 94].

⁷⁸ В калмыцком языке начала XX в. параллельно используются для обозначения матери лексемы *эк* и *ээж*. Здесь отмечаются такие же отличия, которые присущи словам *аав* и *эцк*. Лексема *ээж*, кроме референтной и номинативной функции, может выполнять и роль обращения, причем и к лицу, с кем не имеет родственных отношений тот, кто обращается (например, в сказках №№ 15, 16).

Обе ладони ее раскрыл, посмотрел, на двух ладонях запечатлены **боги**' [Сказка № 17].

- (19) neg burxɔn bakši gedəg burxɔ bütē, negīn nüd=wēr üz=ktši gegēn gedəg burxɔ bütē, negīn dalā lam^o gedəg burxɔ bütē! = *Нег Бурхн багши гедг бурх бүтә, негинь Нүдвәр үзгч гегән гидг бурх бүтә, негинь Дала лам гедг бурх бүтә!* 'Одного **бога** по имени Бурхан-багши сотвори, одного **бога** по имени Нюдвар Узегчи гегян сотвори, одного **бога** по имени Далай-лама сотвори!' — Lass verfertigen einen **burchan**, der Burchan-Bakši (= Buddha) heisst, einen, der „Der mit einem augen sehende“ (= Arjabalo) heist und einen **burchan**, der Dalai-Lama heisst“, befiehlter'. 'Изготовь одного **бога**, Бурхан багши зовут, одного «тот, одним глазом видящий (Арьябала)» зовут и одного **бога**, которого Далай-лама зовут, приказываю!' [Сказка № 20].

Использование слова *burchan* в немецком переводе свидетельствует о знании языка, традиций и культуры калмыков автором перевода. Как отмечалось выше, Будда Шакьямуни (*Бурхн-багш*), Авалокитешвара (*Нүдвәр үзгч гегән*) являются верховными божествами буддийского пантеона, к которым калмыки испытывают особое почитание и благоговение, это не просто боги, это действительно, покровители и учителя всего сущего на земле.

Значение слов, обозначающих религиозных служителей, *лам* 'лама, буддийский монах', *гелң* 'гелюнг, буддийский монах', *багш* 'бакши; настоятель хурула', *хуврг* 'хуварак; монах, религиозный служитель', *манжэ* 'ученик (в калмыцком монастыре)' Г. Й. Рамстедт передает большей частью в транскрипции — *Lama, Bakši, geliing, mandschi* — или в транскрипции с поясняющим словом *geliing (geistliche)* 'священник', а также с помощью калькирования — *mönch* 'монах', хотя он четко различает их, о чем свидетельствуют словарные статьи в «Калмыцком словаре»: *лама* 'святой, высший святой калмыков' (heiliger; würde des höchsten geistlichen der Kalmücken) [Ramstedt 1935: 251]; *багш* 'учитель, мастер (почетно), главный монах' (Lehrer, meister (ehrend, kloster-vorsteher) [Ramstedt 1935: 30]; *гелң* 'монах, священник, высшая духовная ступень' (mönch, geistlicher, die höchste geistliche stufe) [Ramstedt 1935: 133]; *манжэ* 'мальчик в монастыре, юноша, который живет в монастыре и воспитывается ламой, ученик' (klosterjunge, knabe, der im kloster lebt) [Ramstedt 1935: 255]; *хуврг* 'священник, священнослужитель, духовенство' (geistlicher; die geistlichen, geistlichkeit) [Ramstedt 1935: 191]:

- (20) neg kes^og gelᅇgüdlā харγāв... = *Нег кесг гелңгүдлә харгад...* 'Встретившись с несколькими гелюнгками...' — Er begegnet einigen *gelings (geistlichen)*... 'Он встретил нескольких **гелюнгов (священников)**...' [Сказка № 1].

- (21) gelᅇ dēt bījᅇd^o күртš-irēв sūw.= *Гелң дед бийнд күрч ирэд суув.* — Der **gelung** kam und setzte sich auf den ehrenplatz. 'Гелюнг вошел и сел на почетное место' [Сказка № 11].

- (22) ā, lam^o zuŋk^{w̄}!» gēd sāk^o kün kelnā. = «А, лам Зуңкв!» — *geed saak kun kelnā*. — «Ach, mein *lama* Zungkawa!» sagt jener mensch. «О, лама Цзонхава!» — сказал тот человек [Сказка № 15].
- (23) ew^orān bāš^odān ēdž^o! āw^otāyān ɣamt^o tsuγār oγād ɣur^o! ɣuwr^oγān ömn^o bījdān būlyād, ums^o us^o dūr^ok^orwā. = *Эврәннь бэшиңдән ээж аавтәһан хамт цуһар орад хурл хуврһан өмн бийдән буулһад, умсн усн дүркрв*. ‘В своем дворце с матерью и отцом все вместе поселились, к югу от него расположили хурулы с хуvaraками, так в ликовании [все] пребывали’. — Als er mit vater und mutter in sein eigenes haus gelangt, gründet er sein kloster mit *geistlichen* auf der südlichen seite. ‘Когда он с отцом и матерью поселился в своем дворце, основал хурул со священниками в южной стороне’ [Сказка № 16].
- (24) mandž^o lamīndān kūr^oēd irnā. = *Манжэ ламиндан күрэд ирнэ*. ‘Манджик к ламе своему приходит?’ — Der *mandschi* geht zu seinem lama. ‘Манджик идет к своему ламе’. [Сказка № 17].
- (25) gel^ogūd gūgēd g^oarā jownā. = *Гелңгүд гүүһэд һарад йомнэ*. — ‘Die *mönche* laufen dahin’. ‘Монахи вышли и побежали’ [Сказка № 22].

Сложную иерархию буддийского духовенства очень сложно передать, она не соответствует ни католическим (у немцев), ни христианским (у русских) канонам, поэтому переводчик отдает предпочтение в переводе этих реалий путем их транскрипции, сохраняя иную культуру и подчеркивая отличительные черты культуры текста оригинала.

К религиозной лексике следует отнести и такие слова, как *zajātš^o* = *заяч* ‘защитник, покровитель судьбы, гений-хранитель’ — в переводе Г. Й. Рамстедта *schicksalskenner* ‘букв. знаток судьбы, предсказатель’⁷⁹; *arāγū^o* = *арагнь* ‘рагни; богиня’ *göttermädchen, göttermaid, göttliches mädchen* ‘букв. божественная девушка’, *göttin* ‘богиня’; *nom* = *ном* ‘священное писание, молитва’ — *ном*; *bumb^o* = *бумб* ‘маленький чайник для освященной воды’ [Пюрбеев 1996: 127] — *weihwasserkanne* ‘букв. кувшин со святой водой’; *aršān* = *аршан* ‘святая вода’ — *weihwasser* ‘букв. святая вода’; *ɣur^o!* = *хурл* ‘буддийская церковь’ — *kloster* ‘монастырь, обитель’, *klostergemeinde* ‘религиозный приход, община’, *tempel* ‘храм, святилище’⁸⁰.

К административно-территориальным единицам следует отнести слова: *āməg* = *әәмг* ‘аймак’, *nut^ok* = *нутг* ‘нутук’, *ot^ok* = *отг* ‘оток’, *ɣot^o* = *хотн* ‘хотон’. В зависимости от численности населения в этих административно-территориальных единицах самым крупным является *отг* ‘оток’, он может включать в себя несколько аймаков. По Г. О. Авляеву, оток — административная единица, включающая от 500 до 1 000 кибиток или семей,

⁷⁹ На наш взгляд, перевод Г. Й. Рамстедта не точен, так как здесь имеется в виду *заяч* в значении существа или ангела, который хранит человека, является его покровителем. Термин *заяч* связан с буддийскими верованиями, функции его связаны с первоосновой жизненного начала — *кишг* ‘счастье’, т. е. он является творцом, создателем жизни человека [Шараева 2009: 639]. Следует отметить, что Г. Й. Рамстедт в своем словаре правильно передает значение лексемы *заяч* ‘создатель (творец)’, наряду с значением ‘знаток судьбы, бог судьбы’ (*der schicksalskenner; die gottheit des schicksals; der schöpfer*) [Ramstedt 1935: 464].

⁸⁰ Здесь, возможно, не нужен был такой перевод. Лучший вариант — транслитерация.

аймак насчитывает от 300 до 800 кибиток (семей), хотон — это селение численностью в среднем от 10 до 100 кибиток (семей) [Авляев 2002: 49]. Согласно Н. Л. Жуковской, хотон представляет собой общину из нескольких кровнородственных групп, восходивших к одному общему предку и объединенных территориально [Жуковская 2002: 27]. Сущность понятия «аймак» известный востоковед Б. Я. Владимирцов объясняет следующим образом: «Аймак — это союз или объединение родственных между собой семей, разных ветвей, происходящих от дробления древних родов» [Владимирцов 1934: 137].

Слово *нутг* однозначно является многозначным понятием, на что указывают исследования Э. П. Бакаевой, М. М. Содномпиловой и др. М. М. Содномпилова связывает происхождение слова *нутг* с представлением кочевника о родовой территории и месте рождения [Содномпилова 2009: 195]. Э. П. Бакаева, опираясь на фольклорные и этнографические материалы о калмыках, пришла к выводу, что данное понятие обусловлено ранними периодами в истории развития ойратов и связано не только с понятием «кочевье» [Бакаева 2011: 106]. Проанализировав письма Убаши-хана, она утверждает, что понятие *нутг* в период функционирования Калмыцкого ханства означало наряду с территорией (местом кочевий) и «сам движущийся улус», т. е. население [Бакаева 2011: 100]. Г. Й. Рамстедт также указывал в словарной статье, что оно имеет значение «родина, местожитительство» (*heimat, wohnort*) [Ramstedt 1935: 281]. Из материала же исследования следует, что, кроме значения «родины», лексема может иметь и значение административной единицы. Так, например, в сказке № 15 упоминаются *шеркс нутг* ‘нутуг черкесов’, *Китд нутг* ‘Китай’.

В «Калмыцко-русском словаре» отмечается несколько значений данного слова: 1. родное место, родина, родной улус; 2. владения (фольк.); 3. кочевье, место откочевки [КРС 1977: 387]. Отсутствие в немецкой лингвокультуре таких слов затрудняет их перевод. Этим объясняется наличие многовариантности перевода Г. Й. Рамстедтом данных реалий.

Так, слово *дамг* ‘аймак’ переводится Г. Й. Рамстедтом как ‘страна; народ; родина и люди (население)’, живущие в нем — *land und volk* ‘страна и народ’, *untertanen* ‘подданные’, *heimat und untertanen* ‘родина и подданные’.

При переводе слова *хотн* автор использует несколько вариантов: *zelt Dorf* ‘choton’ — калькирование + транслитерация (‘букв. село из кибиток, шатров’), *Dorf* ‘село’, *aul*⁸¹), *zelte* ‘букв. палатка, шатер’ — калькирование.

(26) *neg хот°nā ömn⁸ bījd° otš būγād хојг mod° gazrt° šāγād...* = *Нег хотнә өмн бийд оч бууһад, хојр мод һазрт шаһад...* ‘Перед одним **хотоном** спешился, две палки воткнул в землю’ — *Vor einem zelt Dorf (choton) stieg er ab, schlug zwei stöcke in die erde...* ‘Перед одним **селом из кибиток (хотоном)** слез с лошади, забил две палки в землю’ [Сказка № 9].

⁸¹ Айл — несколько родственных семей, а значит рядом расположенных юрт [Жуковская 2002: 27].

- (27) neg bajṅ ik° xotṅd° kürš-irēd... = *Нег байн ик хотнд күрч ирэд...*
 ‘Добравшись до одного богатого большого **хотона**...’ — *Sie kamen zu einem grossen und reichen dorfe*... ‘Они пришли в одну большую и богатую **деревню**...’ [Сказка № 14].
- (28) tedū neg xotṅd° šidṛtēd kürēd irnā. = *Тедү нег хотнд шидрдэд күрэд ирнэ.*
 ‘К одному **хотону** приблизился’ — *Nach einer weile kommt er in die nähe eines auls*. ‘Через некоторое время он оказался вблизи одного **аула**’ [Сказка № 16].
- (29) neg olṅ xotṅ bāsṅd° kürēd irwā, neg gērt orād irwā. = *Нег олн хотн бааснд күрэд ирв, нег герт орад ирв.*
 ‘Добрался до одного многочисленного **хотона**, зашел в один дом’ — *Er kam dahin, wo viele zelte standen, in ein zelt trat er ein*. ‘Он пришел туда, где стояло много **шатров**, в один шатер вошел он’ [Сказка № 9].
- При переводе слова *нутг* автор использует шесть вариантов передачи этого слова: *wohnort* ‘место жительства’, *reich* ‘государство, империя’, *lager* ‘стан, лагерь, бивак’, *dorf* ‘деревня, село’, *heimat* ‘родина’, *land* ‘страна, край, земля’.
- (30) börgin bökn tsayān mal gerān ez°lēd bāwγāγān awād xūtšṅ nut°ktān nūgēd...
 = *Бөөргин Бөкн Цаган мал-герэн эзлэд, баавһэхан авад, хуучн нутгтан нүүхэд...*
 ‘Бёргин Бёкн Цаган забрал свое имущество, забрал свою жену, в свой старый **нутук** переехал...’ — *Börögīn Bökön Tsagān nahm sein vieh und gut in besitz, mit seiner frau zog er an seinen früheren wohnort zurück*... ‘Бёрёгин Бёкон Цаган забрал свой скот и имущество, со своей женой вернулся в прежнее **место жительства**’ [Сказка № 11].
- (31) neg xānā nut°γār orād irnā. = *Нег хаана нутгэр орад ирнэ.*
 ‘Прибыл в **нутук** одного хана’ — *Er kommt in das reich eines chans*. ‘Он прибыл в **империю** одного хана’ [Сказка № 13].
- (32) xar° kits°gḡ nut°γin kiš°g. = *Хар кичгнь — нутгин кишг...*
 ‘Черный щенок — счастье **нутука**...’ — *Der schwarze hund ist das glück des lagers*... ‘Черная собака – счастье **стана**’ [Сказка № 15].
- (33) nut°γāsḡ g, arād g, ars°nās awṅ = *Нутгаснь харад харнас авн...*
 ‘С тех пор, как выехал из **нутука**...’ — *Als er zu dem dorfe herauskam*... ‘Когда он выехал из **села**...’ [Сказка № 18].
- (34) köwün nut°γān temtsēd g, arwā... = *...көвүн нутган темцэд харв...*
 ‘...мальчик направился в свой **нутук**...’ — *...reiste der knabe nach seiner heimat*... ‘поехал мальчик на свою **родину**...’ [Сказка № 18].
- (35) tūnā nut°kt° nut°γ|dž-wādṅ nāl°xṅn tsayān ēdži gedəg emṅ sandži. = *Түүнэ нутгт нутглэж вээдг Нальхн цаган ээж гедг эмгн санжэ*
 ‘В его **нутуке** жила старушка по имени Нальхан Цаган’ — *In seinem lande wohnte eine alte frau namens Nälichan-Tsagān-Edži*. ‘В его **стране (краю)** жила одна старая женщина по имени Нальхан Цаган Эджи’ [Сказка № 21].

К этой группе относятся также слова, обозначающие представителей различных слоев населения, профессий, рода занятий: *хан* ‘хан’, *нойн* ‘нойон’, *түшмл* ‘сановник’, *цахр* ‘дворовый, дворовые люди’, *хөөч* ‘чабан, пастух овец’, *адуч* ‘табунщик’.

Слово *хан* передается в переводе на немецкий язык в транскрипции — *chan*, в одном случае это слово Г. Й. Рамстедт переводит как *könig* ‘король’ (*königstochter* ‘дочь короля’):

(36) *χānād° ik° nār boldž-āsṅ sandžl...* = *Хаанэд ик нэр болжэсн санж...* У хана большой пир затеян, оказалось... — *Beim chan war ein grosses fest.* ‘У хана был огромный пир’. [Сказка № 4].

(37) = *bi ax° dū dolāyīn ārtīṅ bayṅ jistr moγād° χānā kūk° oldž-ökk° bolsīg sonsāb...* = *Би ах-дү долаһинь әмтин баһнь Йистр моһэд хаанә күүк олж өгх болсиг соңсад...* ‘Услышав, что Йистер, самый младший из семерых братьев, дочь хана должен найти и доставить змею...’ — *Jister, der jüngste unter neun brüdern, um eine königstochter für die schlange werben soll...* ‘Йистер, самый младший из девятерых братьев, дочь короля должен доставить змею...’ [Сказка № 4].

Слово *хатн* ‘хатун; ханша, супруга хана’ он переводит как *chanin*, где -in — суффикс, определяющий женский род существительного, два других перевода слова являются калькой — *gemahlin des chans*, *gattin* ‘супруга хана’. При переводе слов *нойн* ‘нойон’ и *түшмл* ‘сановник’ Г. Й. Рамстедт использует транслитерацию — *nojon*, *tüschmel*, а также применяет приближенный (уподобляющий) перевод, т. е. при передаче реалий на переводящий язык используется слово, которое не совпадает с исходным, но оно способно раскрыть его суть. Слова *нойн* и *fürst* ‘князь’, *түшмл* и *minister* ‘министр’ нельзя считать абсолютно идентичными, но они имеют значительное семантическое сходство. Реалии *хөөч* ‘чабан, пастух овец’ и *адуч* ‘табунщик, пастух лошадей’ имеются в немецкой лингвокультуре и переводятся соответственно *schäfer* и *pferdewächter* ‘букв. сторож лошадей’:

(38) *χōtšīn undwṅ χоṅg, °rīg öwgnṅ unsṅ kürēb irnā.* = *Хөөчин ундг хоңһриг өвгн унсн күрэд ирнә.* ‘Старик примчался верхом на саврасом, на котором ездил пастух овец’ — *Ein alter mann kommt angeritten auf dem hellroten pferd, das die schäfer zu reiten pflegten.* ‘Старик подъехал на светло-красном коне, на котором имел обыкновение ездить верхом чабан’ [Сказка № 18].

(39) *adūtš°nṅr mordāb g, arāb dalṅ bāsṅ gū aptš irnā.* = *Адучнр мордад һарад далн бәәсн гү апч ирнә.* ‘Табунщики отправились и пригнали семьдесят трехлетних кобылиц’ — *Die pferdewächter stiegen zu pferde, ritten weg und bringen die siebzig unfruchtbaren stuten.* ‘Сторожа лошадей сели на коней, поскакали и пригнали семьдесят бесплодных кобылиц’ [Сказка № 16].

Из вариантов перевода слова *цахр* ‘дворовый, дворовые люди’ наиболее близко по значению *hofdiener* ‘придворная челядь’, другие варианты — *schlösser* ‘слесарь’, *insassen* ‘батрак’, *handwerker* ‘ремесленник, мастеровой’, *arbeitsleute* ‘работники’ — дают лишь приблизительное значение данного слова.

(40) *...bum küts°sṅ tsax°rān ār° bījdṅ būlyṅ!* = *...бум күцсн цахран ардан буулһ!* ‘...стотысячный сахар на северной стороне расположи!’ — *...zu*

- hunderttausenden lass **hofdiener** wohnen nordwärts! ‘...ста тысячам *придворной челяди* позволено жить к северу!’ [Сказка № 17].
- (41) ...bum bolsŋ tsāχ^rrān öndēlgədž awād... = ...бум болсн **цахран** өндэлхэж авад... ‘...стотысячный **сахар** возвысив...’ — ...seine nach hunderttausenden zählenden **insassen** aufgehoben... ‘...своих насчитывающих сто тысяч **батраков** поднял...’ [Сказка № 17].
- (42) tsāχ^rrītšīn ardŋ būlypdž awχār jomnā-w = ...**цахричинь** арднь буулхэж авхар йомнав ‘...**сахар** твой, чтобы к северу [от себя] расположить, я еду’ — ...um deine **handwerker** nordwärts zu entfernen, bin ich unterwegs! ‘...чтобы твоих **мастеровых** удалить к северу, еду я’ [Сказка № 20].
- (43) bāsŋ bolsŋ tsāχ^rgī-m ardān būlyād jāy^pdž amnā-tšī? = ...баасн болсн **цахрим** ардан буулхад яхэж амнэч? ‘Почему мой никчемный **сахар** к северу [от себя] расположить желаешь?’ — Wieso willst du meine **arbeitsleute** nordwärts entfernen? ‘Почему ты хочешь моих **работников** удалить к северу?’ [Сказка № 20].

У калмыков, как и у любого народа, есть свои меры измерения, которые не имеют эквивалентов в другом языке. В текстах сказок встречается одна из мер — bāŋŋ = *бэрм* ‘мера длины, равная расстоянию между двумя крайними точками сжатых в кулак пальцев’ [КРС 1977: 91]. На немецкий язык это слово переводится в сказках как spanne ‘пядь — расстояние от конца большого пальца до конца указательного пальца при наибольшем возможном их раздвижении’, что не соответствует оригинальному значению лексемы *бэрм*. Некоторые меры длины и денег заимствованы из русского языка: aršŋŋ = *аршм* — рус. ‘аршин’ (нем. *arschinstab*); arslŋŋ_ç = *арслң* — ‘рубль’ (нем. *rubelschein*).

- (44) ...bas neg arš^mmīn mod^o awtŋ! = ...бас нег **аршмин** [олжс] мод автн! — ...nehmt weiter einen **arschinstab**! ‘...возьмите палку длиной в **аршин!**’ [Сказка № 8].
- (45) negŋ tsārān būk²l zūn arslŋŋ_ç ās öktšī!... = *Негнь царан бүкл зун арслңгас өгч...* ‘Один волон за сто **рублей** продал...’ — Der eine gab seine ochen für einen hundert **rubelschein**... ‘Один своих волон за сто **рублей** отдал...’ [Сказка № 7].

3.3.2. Реалии материальной культуры

Самая большая тематическая группа представлена бытовыми реалиями. В силу разницы исторических, природных, культурных и т. д. условий проживания калмыцкого и немецкого народа данные реалии не имеют аналогов в немецкой лингвокультуре, поэтому при переводе ученый дает транслитерацию, но большей частью описательный перевод — способ передачи реалий при помощи развернутых словосочетаний, которые раскрывают сущность того или иного понятия.

Bōrts^oç = *боорцг* ‘борцок — разные по форме изделия из теста, которые жарятся в кипящем масле или жиру’ [Пюрбеев 1996: 103]: в немецкой лингвокультуре нет подобного слова, поэтому Г. Й. Рамстедт дает транслитерированный вариант данного понятия и описательный перевод к

нему: *börtsok (eine art kleiner runder kuchen)* — ‘букв. вид маленького круглого пирога’.

Повседневную пищу калмыков составляли молоко и продукты, изготовленные на его основе. Из молока готовился чигян, из которого потом выкуривали араку — молочную водку. В процессе выкуривания араки получали бозо. При переводе калмыцких напитков Г. Й. Рамстедт дает описательный перевод: *arz*^o = *арз* ‘крепкая молочная водка двойной перегонки’ [Пюрбеев 1996: 102] — нем. *branntwein, zweimal gereinigten* ‘букв. водка, дважды очищенная’; *χorz*^o = *хорз* — очень крепкая молочная водка тройной перегонки [Пюрбеев 1996: 109] — нем. *branntwein, dreimal gereinigten* ‘букв. водка, трижды очищенная’. *Boz*^o = *боз* у калмыков означает густую творожную массу, остающуюся после перегонки молочной водки в виде накипи на стенках большого котла [Пюрбеев 1996: 103]. Г. Й. Рамстедт дает перевод слова в транслитерации *boza*, а также как *käse* ‘сыр’ и *maische* ‘брага, отвар солода’; *чигян* ‘напиток из квашеного кобыльего, коровьего или верблюжьего молока’ [Пюрбеев 1996: 110] — *kumys, zandŋ* = *зандн* [Пюрбеев 1996: 102] — *zandan genannten tee* ‘букв. чай, называемый зандан’, хотя здесь имеется в виду крепкий чай. Сандаловое дерево всегда почиталось калмыками, предметы, сделанные из этого дерева, имели сакральный смысл, чистоту и благородство и выполняли защитную функцию. На эту семантику указывал и Г. Й. Рамстедт: ‘чистый, благородный’ (*fein, edel*) [Ramstedt 1935: 466]. Так, в сказке № 19 престол изготовлен из прочного сандала. Он является символом власти, которая должна быть прочной, а также считается, что сандал является оберегом от злых сил. Кроме того, «запах священных растений выполнял важнейшую функцию „чужого“ в „свое“, наделяя земных людей сверхъестественными качествами и способностями. <...> Верхний мир маркирует запах сандалового дерева» [Содномпилова 2020: 39–40].

Слово *dēdž*[!] = *дееж* имеет в калмыцком языке сакральное значение, оно означает почетное жертвенное угощение (первая чашка чая, еды, которые ставятся в качестве жертвоприношения божеству) [Пюрбеев 1996: 105]. При переводе данного слова автор использует калькирование: *brautgeschenk* ‘свадебный подарок’, *das erste von dem essen* ‘букв. первое из еды’, *speiseopfer* ‘букв. жертвенная еда’. При переводе слова *χurs*ⁿ = *хурсн* (сушеные лепешки из творога) [Пюрбеев 1996: 109] ученый дает описательный перевод: *rande eines käses, band mit käsen* ‘кусочек сыра’.

При переводе реалий, обозначающих одежду, Г. Й. Рамстедт использует транскрипцию: *büšm*^d = *бүшмүд* ‘бешмет; калмыцкий мужской халат’ — нем. *bišmet*, *χad*^o_ç = *хадг* ‘хадак; голубой или белый шелковый платок, шарф, который преподносится гостю в знак особого уважения’ [Пюрбеев 1996: 136] — нем. *chadak*. Бешмет считался мужским видом одежды, он надевался поверх рубахи, носили его обычно в праздничные дни.

Слова *lawš*^o_ç = *лавшг* ‘накидка, халат’, *tsegdæg* = *цегдг* ‘сарафан, женское платье без рукавов’ [Пюрбеев 1996: 137] не имеют эквивалентов в немецком языке и передаются с помощью описательного перевода

соответственно: *überrock* ‘сюртук, пальто’ или *rock* ‘юбка, сюртук’ и *abgenutzten rock* ‘изношенное пальто’:

- (1) *börgin bökn tsagān neg šar^o lawš^o ömsēd...* = *Бөөргин Бөкн Цаган нег шар лавшиг өмсэд...* ‘Бёргин Бёкен Цаган желтый лавшиг надев...’ — *Börögin Bökön Tsagān zog einen gelben überrock an...* ‘Бёргин Бёкен Цаган надел желтый **сюртук...**’ [Сказка № 11].
- (2) *en^o lawšiq aptš ömsēd or!* = *Эн лавшиг апч өмсэд ор!* ‘Этот лавшиг возьми, накинь и войди!’ — *Nimm diesen rock, ziehe ihn ihr an und bringe sie herein!* ‘Возьми этот **сюртук**, надень его на себя и вноси его!’ [Сказка № 17].
- (3) *ēdži-tšīn^h xojr^g art^h xojr^g ik^o üt^u ölg^oktš^hkād (ölg^otš^hkād), särsn^h tsegdæg öm^oskēd, šödrgün^h taw^h zün tu^hl^h xäf^hūd^hyād bānā...* = *Ээжичн хойр хартнь хойр ик уут өлгчкэд, сэрсн цегдэг өмскэд, шоодргин тавн зун туһл хэрүлһад бээнэ...* ‘Мать твою, на обе руки ей два больших кожаных мешка повесив, тонкий **цегдек** на нее надев, бегающих от укусов овода пятьсот телят пасти заставляют...’ — *Deiner mutter hat man zwei grosse säcke an die arme gehängt, sie in einen haarlosen, abgenutzten rock gekleidet, sie fünfhundert, von stechfliegen verfolgte kälber zu hüten genötigt...* ‘Повесив два больших мешка твоей матери на руки, надев ей лысое **изношенное пальто**, ее заставляют пасти пятьсот телят от преследующих их мух...’ [Сказка № 21].

В последнем примере (3) Г. Й. Рамстедт домысливает ситуацию: *сэрсн* во втором значении ‘кожа (тонкая)’ [КРС 1977: 446], по этой причине он считает, что *цегдэг* был тонким и, следовательно, изношенным. Он старается передать свое видение ситуации: у женщины из бедного сословия может быть только изношенная тонкая одежда, при этом он подменяет понятие *цегдэг*, которое является повседневным видом летней одежды у женщин-калмычек и представляет собой длинную до пят безрукавку, обычно из ткани темного цвета, и одевается поверх нижнего платья *терлг*. *Цегдэг* однозначно не является пальто.

Лексема *xad^og* = *xadg* передается автором также как транслитерация + описательный перевод — *ein chadak (seidenes tuch)* и как калькирование — ‘*seidentuch*’. При помощи калькирования переводятся слова *iškā kemnæg maχ^olā* = *ишкэ кемнэг махлэ* ‘шапка из войлока’ — *filzmütze*, *iškā dewl* = *ишкэ девл* — ‘шуба из войлока’ — *filzrock* ‘букв. сюртук из войлока’, *tirtsæg* = *тиирцэг* ‘шляпа’ — *mönchsmütze* ‘букв. монашеская шапка’.

Основным видом жилищ у калмыков вплоть до начала XX в. являлась кибитка — покрытая войлоком разборная постройка, приспособленная к кочевым условиям: прочная и легкая переносная деревянная конструкция позволяла быстро разобрать ее и установить на новом месте. В тексте калмыцких сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом, встречаются слова, обозначающие элементы калмыцкого жилища: *džolm* = *жолм* ‘юрта из жердей и кошмы’ [Пюрбеев 1996: 114] — нем. *haus* ‘букв. дом’, *zaw^ok* = *завк* ‘щель в юрте между войлоком стены и крышей, используемая для хранения мелких вещей’ [Пюрбеев 1996: 114] — нем. *kroch zwischen die wand und das*

filzdach ‘букв. дырка между стеной и войлочной крышей’, irg = ирг ‘низ внутренней стены войлочной юрты’ [Пюрбеев 1996: 115] — нем. filzwandecke ‘букв. войлочный угол стены’, term = терм ‘стенная решетка войлочной юрты’ — нем. wandgitter ‘стенная решетка’, örk = өрк ‘дымоход’ — нем. rauchfang ‘дымоход’, rauchloch ‘дымовое отверстие’, ха̄с̄а = ха̄ша ‘забор, загон’ — нем. vienstall ‘хлев’, schafstall ‘загон для овец’.

Слова, обозначающие хозяйственную утварь, большей частью переводятся способом калькирования: аҕхрт = архд ‘архад — большой кожаный бурдюк для приготовления и хранения кумыса’ [Пюрбеев 1996: 126] — нем. lederne flasche ‘букв. кожаный мешок’, sack ‘мешок’, lederne sack ‘букв. кожаный мешок’, kumyssack ‘букв. мешок для кумыса’; баран = баран ‘баран — место, где собрано и аккуратно сложено имущество семьи’ [Пюрбеев 1996: 112] — нем. ehrenplatz ‘почетное место’⁸²; ширдг = ширдг ‘ширдык — войлок, шитый в два слоя и украшенный орнаментом’ [КРС 1977: 676] — нем. filzteppich ‘букв. войлочный ковер’, дәлиң = даальң ‘переметная кожаная сума’ [Пюрбеев 1996: 94] — нем. reitsäcke ‘сумка для верховой езды’, dondžik = донжг ‘чайник удлиненной формы’ [Пюрбеев 1996: 127] — нем. kanne ‘кувшин, чайник’, teekanne ‘чайник’, дөр^в = дөр ‘волосяное кольцо’ — нем. maulkorb ‘намордник’, тулм = тулм ‘кожаный мешок’ — нем. ledersacke ‘кожаный мешок’, sack ‘мешок’, säckchen ‘мешочек’, тулҫ = тулҫ ‘тренога для котла’ [Пюрбеев 1996: 119] — нем. dreifuss ‘треножник, тренога, таган’, üt^в = уут ‘кожаный мешок’ [Пюрбеев 1996: 99] — нем. grosser sack ‘большой мешок’, ішкә = ишкә ‘кошма, войлок’ — нем. filz ‘войлок, фетр’, köpštšik = көвицг ‘седельная подушка’ — нем. sattelpolster ‘седельная подушка’, ма̄л̄а = маля ‘плеть, плетка из плетеных в 8 рядов полосок ремня’ [Пюрбеев 1996: 94] — нем. reitsche ‘бич, плеть, кнут’, ед^гң = эдрң ‘рубель, кожемялка’ [Пюрбеев 1996: 124] — нем. hölzerne säge ‘деревянная пила’.

Некоторые слова, обозначающие предметы быта, Г. Й. Рамстедт переводит с помощью калькирования: tsalm^в = цалм ‘аркан’ — нем. lasso ‘аркан’, транслитерации и калькирования: jildңg = елдңг ‘нагайка’ — нем. Jeldeng-reitsche ‘букв. елдңг-кнут’. Не совсем точно передает ученый слово tewš^л = тевиш ‘продолговатое деревянное блюдо’ [Пюрбеев 1996: 130] — нем. mulde ‘корыто деревянное, лохань’, также Г. Й. Рамстедт ошибается при переводе олңт^оҫ = олңцг ‘тебенек’, передавая его как schabracke (олңт^оҫ) ‘чепрак’, поскольку они имеют два разных значения: «боковая кожаная лопасть седла, крыло седла» и «суконная, ковровая, меховая подстилка под конское седло, кладётся на спину поверх потника».

⁸² Слово баран также имеет значение «почетное место», именно в нем оно употребляется в сказке: (4) öwgn̄, barān dēr bolsñ g. aḡān tolyā üzē d, öltš̄i jowḡp öwgn̄ bolād, «g. aḡān tolyāyār bārd̄w» gedž kelwā. = Öвгн баран дээр болсн хахэн толһә үзәд, өл[с]ч йовх өвгн болад: «Хахэн толһәһар бәрд[ү]в», — геж келвә. ‘Старик, увидев, что там, где баран, [на блюде] стоит сваренная свиная голова, а старик был очень голоден, сказал: «На свиной голове гадаю», — так он сказал’ — Der alte, der auf dem ehrenplatze einen gekochten schweinskopf sah und der schon sehr hungrig war, sagte: „Ich wahrsage mit einem schweinskopf” ‘Старик, увидев, что на почетном месте стоит сваренная свиная голова, а он был уже голоден, сказал: «Я гадаю на свиной голове»’ [Сказка № 13].

3.3.3. Реалии природного мира

В калмыцком языке существует разветвленная и многокомпонентная система названий животных, при которой указываются различия в поле, возрасте и масти. Так, например, различия по возрасту и полу наблюдаются в таких словах, как *döndžn* = *дөнжн* ‘четырёхгодовалая самка домашних животных’, *dönn* ‘четырёхгодовалый самец домашних животных’, *g,undžn* = *гунжн* ‘трехгодовалая самка домашних животных’ [КРС 1977: 169], *g,unŋ* = *гунн* ‘трехгодовалый самец домашних животных’, которые на немецкий язык переводятся с помощью описательного перевода: *vierjähriger ochse* ‘четырёхлетний вол’, *dreijähriger ochse* ‘трехлетний вол’, где *ochse* имеет значение «кастрированный самец».

При переводе возрастных и половых различий овец Г. Й. Рамстедт применяет приближенный перевод: *irg* = *ирг* ‘кастрированный баран, валух’ — нем. *schafbock* ‘баран’, *χuts* = *хуц* ‘баран-производитель’ — нем. *hammel* ‘кастрированный баран, валух’, *zusc* = *зусг* ‘овца в возрасте двух лет’ — нем. *zweijährigen schaf* ‘двухлетняя овца’, *jungen schaf* ‘молодая овца’. В тексте сказок встречается слово, обозначающее породу овец: *šodŋ* = *шодн* ‘овца русской породы: тонкохвостая, без курдюка’ переводится [*russische*] *schafe* ‘букв. русская овца’. У калмыков существует четкая возрастная градация у таких животных, как верблюд и лошадь, для немецкой культуры аспект возраста животного не является важным. Так, слово *botχ^on* = *ботхн* означает верблюжонка в возрасте до года — нем. *kamelkalb* ‘букв. детеныш верблюда’, *iŋŋ* = *иңгн* ‘верблюдица в возрасте старше пяти лет’ [Пюрбеев 1996: 79] — нем. *kamelkuh* ‘самка верблюда, верблюдица’, *unŋn* = *унһн* ‘жеребенок до года’ — нем. *fohle* ‘молодая кобылица’, *füllen* ‘жеребенок’. Частым персонажем богатырских сказок является *arŋzl* = *арнзл* ‘волшебный богатырский конь’, на немецком языке Г. Й. Рамстедт дает описательный перевод слова — *das edle gute streitross* ‘букв. благородный боевой конь’. *Būr^u* = *буур* ‘верблюдо-производитель’ [Пюрбеев 1996: 77] в немецком переводе звучит *kamelhengst* ‘верблюдо-жеребец’. Название рыбы *тул* ‘таймень’ Г. Й. Рамстедт переводит при помощи калькирования *lachs*, а также при помощи транслитерации — *Tula-fisch* ‘тула-рыба’.

Лексемы, обозначающие растения, переводятся на немецкий язык способом полукальки — частичного заимствования, когда переводящее слово состоит частью из собственного «материала», а частью из «материала» иноязычного слова: *zandŋ* = *зандн* ‘сандал’ — нем. *sandelbaum* ‘деревосандал’, *nägr zandŋ* = *нәгр зандн* ‘сандал’ — нем. *Nagir-sandel-holz* ‘Нягр-деревосандал’, *e^o jarγ^o* = *эр ярһ* ‘кизил’ — нем. *Jarga genanntem holze* ‘дерево, называемое ярга’, *jaš^l* = *яшил* ‘ясень’ — нем. *Jaschilholz* ‘яшил-дерево’, *zaç* = *заг* ‘саксаул’ — нем. *zak-genanntes holz* ‘дерево, называемое зак’. Калькированием переданы такие растения, как *kersŋ* = *керсң* ‘лебеда’ —

нем. melde ‘лебеда’, täw¹lɣp = тәвлh ‘таволга’ — нем. spierstrauch ‘спирея’⁸³, üjñ tsayān = үйн цаһан ‘ковыль перистый’ — нем. weissgliederige gras ‘букв. белая расчлененная трава’, ɣатхүл = хамхул ‘перекати-поле’ — нем. gipskraut ‘качим, гипсофила’. Слово ɣул^usq = хулси ‘камыш’ переводится Г. Й. Рамстедтом не совсем точно — bamburohr ‘бамбук’, röhricht ‘заросли тростника’.

В калмыцком фольклоре имеются сказочные персонажи, не имеющие коррелятов в немецком языке. Поэтому и перевод их представляет собой сложную задачу, так как эти образы вызывают своеобразные ассоциации у калмыков, как и у любого другого этноса. Персонажи mūs = мус ‘мус — многоголовое одноглазое чудовище, пожирающее людей’, maŋg.ɔs = маңһс ‘мангас — сказочное чудовище’ [Пюрбеев 1996: 156] передаются Г. Й. Рамстедтом с помощью транскрипции — *mus* и *mangas*. При переводе слова *мус* ученый использует и вариант *koboldgreise* ‘букв. старик-гном’, что совсем не передает истинного значения данного слова. Теңгᠢᠷ = теңгр ‘тенгрии’ в мифологии монголоязычных народов являются небесными духами. В «Толковом словаре традиционного быта калмыков» дается слову *теңгр* следующее определение: ‘гений-хранитель, божество’ [Пюрбеев 1996: 160]. Следует отметить, что в зависимости от лексико-семантической сочетаемости в тексте переводчик подбирает такое переводческое решение, которое позже входит в язык и превращается в устойчивое лексическое сочетание: так, к примеру, лексему *теңгр* ‘тенгрии’ он переводит как *himmelssohn* ‘букв. сын неба’. С помощью транскрипции ученый переводит слово jakts^o emgᠢ = ягц-эмгн ‘ягц-эмген — старуха-ведьма’ — *Jaktsa-greisin*. В калмыцком фольклоре встречается много персонажей-чудовищ: помимо мусов и мангасов, существуют erliḡ = эрлг ‘эрлик — злой дух, сатана’ [Пюрбеев 1996: 164] и šul᠓ = шулм ‘шулма — бес, нечистая сила, злой дух’ [Пюрбеев 1996: 164]. При переводе слова *эрлг* автор использует кальку + транскрипцию — нем. *unholde* (*erlik*).

Слово *шулм* автором переводится на немецкий язык в нескольких вариантах: 1. *unhold* ‘чудовище’, *hexe* ‘ведьма, колдунья, чародейка’ — калькирование; 2. *muss* ‘мус’ — транскрипция; 3. *böse geister* ‘злой дух’, *bösen verhexter* ‘злой колдун’ — описательный перевод; 4. *racker* ‘мучитель, плут’.

- (1) bi neg nüts^gᠢ ṣul᠓ kōdž jowlā-w. = Би нег нуцкн **шулм** көөж йовлэв. ‘Я гнался за одной голой **шулмой**’. — Ich verfolgte einen nackten **unhold**. ‘Я преследовал голое **чудовище**’ [Сказка № 6].
- (2) tsöstā šul᠓ sandžī, tünūḡ tūmᠷᠲ^o orūlāb alḡim᠓! = Цөстә **шулм** санжэ, тунүг түүмᠷт орулад алхмн! ‘Оказывается **шулма** с желчью, ее надо в огонь бросить и убить!’ — Das war ein galliger **racker**, den muss man ins feuer werfen und töten! ‘Это был желчный **плут**, которого надо бросить в огонь и умертвить!’ [Сказка № 19].

⁸³ В переводе на немецкий язык Г.Й. Рамстедт использует слово *spierstrauch* ‘спирея’, одно из многочисленных названий таволги (в различных местностях в зависимости от вида он имеет также следующие названия — таволожник, лабазник, иванов цвет, живокост и т. д.) [Даль 1980: 385].

- (3) *tīg°dž bāsŋ tsakt° neg tawŋ zūn šulm* «šamb°līn orīg dāldž awχ-īm» *gēd g arād jomnā.* = *Тиигж бээсн цагт нег тавн зун шулм: «Шамблин ориг дээлж авхим[н]», — геед, харад йомнэ.* ‘В это время пятьсот **шулмусов** выходят со словами: «Завоюем страну Шамбалу»’ — *Während sie dies tat, ziehen fünfhundert böse geister aus in der absicht das reich Schambala zu erobern.* ‘В то время, как она это делала, пятьсот **злых духов** намереваются захватить страну Шамбалу’ [Сказка № 22].
- (4) *gertān odād tši:* «aw°, bi aw|yīn šulmīg darχār īrᠦ-w» *ge!* = *Гертэн одад чи: „Аав, би авлһин шулмиг дархар ирв[ү]в“, — ги!* ‘Вернувшись в свой твой дом, [скажи]: „Отец, я пришел, чтобы **шулму** убить!”’ — *Geh du jetzt dahin und sage: “vater, ich bin gekommen um den bösen verhexer zu töten!”* ‘Иди сейчас туда и скажи: „Отец, я пришел, чтобы убить злого **колдуна!**”’ [Сказка № 22].

Слово *шулм*, обозначающего представителя женского рода, переводится по правилам немецкого языка, т. е. добавляется суффикс *-in*, определяющий женский род в немецком языке: *inholdin* ‘чудовище женского пола’, *hexin* ‘ведьма, колдунья, чародейка’.

- (5) *šulm emŋ sülēs-ŋ gurwŋ kil°γs° tas|dž awsīg mednā-w...* = *Шулм эмгн сүүлэсм хурвн килһс таслж авсиг меднэв...* ‘Старая **шулмуска** вырвала три волоска из хвоста, знаю я ...’ — *...die alte hexin mir drei haare aus dem schweife gerissen, weiss ich...* ‘Старая **ведьма** мне три волоса вырвала из хвоста, знаю я...’ [Сказка № 19].
- (6) *kit°d χal°mᠦс χōdrŋd° jūm jowūld-ugē šulm°s-tšī tedŋ* = *Китд хальмг хоорнд юм йовулдго шулмсч теднь.* ‘Они были **шулмусками**, никого не пропускающими между калмыками и китайцами’. — *Sie war gerade eine von den unholdinnen, die zwischen dem kalmückenland und China nichts durchkommen lassen..* ‘Она была одной из **чудовищ**, которая никого не пропускала между калмыками и китайцами...’ [Сказка № 15].

3.3.5. Случайные лакуны

К случайным лакунам следует отнести слова, которые нельзя отнести ни к одной из вышеназванных групп. Так, например, слово *arχs°n* = *арһсн* ‘кизяк, высушенный в форме кирпичей навоз, употребляемый как топливо’ [СРЯ 1982: 47] переводится Г. Й. Рамстедтом с помощью транскрипции и пояснительного перевода — *argasun (trocknenmist)* — ‘букв. аргасун (высушенный навоз)’. Лексема *borān* = *боран* ‘ненастье, непогода, дождь’ [КРС 1977: 110] переводится целым словосочетанием — *graudunkler, heftiger regensturm* ‘темно-серый сильный ураган с дождем’.

Далее в работе рассмотрены стратегии перевода реалий, а также количественные характеристики в зависимости от способа перевода разных группы.

3.4. Перевод реалий на немецкий язык⁸⁴

К распространенным приемам передачи безэквивалентной лексики относятся транскрипция, транслитерация и калькирование. Л. Л. Нелюбин добавляет к данным способам также лексико-семантическую замену, переводческий комментарий, адекватную замену, включающую описательный перевод, антонимичный перевод и перевод при помощи компенсации [Нелюбин 2009: 51]. Л. Е. Бархударов указывает следующие способы перевода безэквивалентной лексики: переводческая транслитерация и транскрипция, калькирование, описательный перевод, приближенный перевод (перевод при помощи аналога), трансформационный перевод [Бархударов 1975: 97].

Анализ безэквивалентной лексики по видам перевода в различных группах в сказках Г. Й. Рамстедта показал следующее.

Таблица 8. Способы перевода в зависимости от группы реалий

Группы	Всего единиц	Транслитерация	Транскрипция	Калькирование	Описательный перевод	Приближенный перевод	Описательный перевод +	Транскрипция калькирование +	Транслитерация калькирование +	Транскрипция описательный +	Калькирование транслитерация +	Калькирование описательный перевод +
I. Реалии												
1) реалии государственного строя и общественной жизни (общественно-политическая лексика):	36	8	5	44	7	18	1	1	1	—	—	—
а) административно-территориальное деление	5	—	—	4	6	12	1	—	—	—	—	—
б) различные слои населения, носители власти (звания, титулы)	6	3	—	9	1	3	—	—	—	—	—	—
в) лексика, отражающая родственные отношения калмыков	11	1	2	12	—	3	—	—	—	—	—	—
г) деньги	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
д) мера	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
е) религиозная лексика	11	2	3	19	—	—	—	1	—	—	—	—
2) реалии материальной культуры:	36		2	47	4	12	—	2	1	1	1	—

⁸⁴ Данный параграф основан на ранее опубликованной статье автора диссертационной работы: Баянова А. Т. Калмыцкие реалии на фоне немецких эквивалентов (на материале записей сказок Г. Й. Рамстедта) // Монголоведение. 2016. Т. 9. № 2. С. 89–102.

	а) пища, напитки	7	—	2	1	3	6	—	—	—	—	—	—
	б) одежда	22	—	—	6	1	1	—	—	—	1	1	—
	в) жилье и хозяйственная утварь	—	—	—	40	1	5	—	2	1	—	—	—
3)	реалии природного мира:	24	—	—	13	3	14	—	5	—	—	—	—
	а) растительный мир	9	—	—	5	—	2	—	3	—	—	—	—
	б) животный мир	12	—	—	5	3	11	—	2	—	—	—	—
	в) ландшафт	3	—	—	3	—	1	—	—	—	—	—	—
4)	этнографические и мифологические реалии:	6	2	—	8	—	13	—	1	—	2	2	—
	а) обычаи, обряды	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	б) мифические и сказочные существа	6	2	—	8	—	13	—	1	—	2	—	—
II.	Случайные лакуны	2	—	—	—	—	2	—	—	—	—	2	—
	Итого:		9	7	112	15	59	1	9	2	3	3	—

Как видим из таблицы № 2, наиболее часто встречающимися видами переводов с калмыцкого на немецкий язык являются калькирование (112 вариантов), приближенный перевод (59 вариантов) и описательный перевод (15 вариантов).

Способ перевода путем **калькирования**, т. е. путем замены ее составных частей — морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) — соответствиями в переводном языке [Нелюбин 2009: 55], чаще всего встречается в лексике, отражающей хозяйственную утварь и жилище (40), религию (19): *хаша* — *schafstall* ‘загон для овец’; *тулм* — *der lederne sack* ‘кожаный мешок’; *арша(н)* ‘святая (живая) вода’ — *weihwasser* ‘букв. святая вода’.

Популярность калькирования при переводе с калмыцкого на немецкий объясняется тем, что слова, обозначающие некоторые предметы быта, жилища и вероисповедания, существующие у калмыков, можно найти и в немецкой лингвокультуре.

Приближенный перевод (перевод при помощи аналога) чаще всего применяется при переводе следующих лексических групп: мифические и сказочные персонажи (13), административно-территориальное деление (12) и животный мир (11). Например: *шулм* — *böse geist* ‘букв. злой дух’, *омг* ‘оток (административная единица в дореволюционной Калмыкии)’ — *das lager* ‘стан, кочевье’, *зусг* ‘двухлетняя овца’ — *jungen schaf* ‘букв. молодая овца’.

Описательный перевод — специфический прием передачи безэквивалентной лексики с помощью развернутого объяснения смысла слова. Данный вид встречается часто при переводе следующих групп: административно-территориальное деление (6), пища и напитки (3),

животный мир (3): *эамг* ‘аймак’ — *land und volk* ‘букв. страна и народ’; *арз* ‘крепкая молочная водка двойной перегонки’ — *branntwein, zweimal gereinigten* ‘водка, очищенная дважды’; *хорз* ‘очень крепкая молочная водка тройной перегонки’ — *branntwein, dreimal gereinigten* ‘водка, очищенная трижды’; *арнзл* ‘волшебный богатырский конь’ — *edles heldengross* ‘букв. благородный героический конь’

Единично встречаются при переводе безэквивалентной лексики и другие виды перевода: транскрипция, транслитерация, описательный перевод + транслитерация, транскрипция + калькирование, транслитерация + калькирование, транскрипция + описательный перевод, калькирование + транслитерация (см. табл. 9).

Таблица 9. Примеры нераспространенных видов перевода

Вид перевода	Пример	
	Фонетическая запись + современное написание	Перевод
Транскрипция	geŋg = <i>гелң</i> ‘гелюнг’	gelüŋg
Транслитерация	χān = <i>хан</i> ‘хан’	Chan
Описательный перевод + транслитерация	χotŋ = <i>хотн</i> ‘хотон’	zeldorf (choton)
Транскрипция + калькирование	nāgɣ zandŋ = <i>нәгр зандн</i> ‘сандал’	Nagir-sandel-holz ‘Нягр-дерево-сандал’
Транслитерация + калькирование	jildŋ g = <i>елдң</i> ‘плеть’	Jeldeng-peitsche
Транскрипция + описательный перевод	büşmʷd = <i>бушмүд</i> ‘бешмет’	bišmet (unteren kaftan)
Калькирование + транслитерация	iškā kemnəc maχʷlā = <i>ишкә кемнә</i> <i>махла</i> ‘[сшитая из] войлочной накладки шапка’	filzmütze (kemnek-mütze)
Калькирование + описательный перевод	tolγā = <i>толһа</i> ‘холм’	erdhügel (kurgan)

Анализ текстов сказок Г. Й. Рамстедта показал, что проблема перевода безэквивалентной лексики — исключительно важная и вместе с тем сверхсложная проблема, требующая от переводчика знаний специфики национальной культуры и традиций того или иного народа.

3.5. Выводы

Настоящая глава диссертации посвящена анализу лингвокультурологических особенностей безэквивалентной лексики и реалий.

Подробно рассмотрены ономастические реалии и стратегии их перевода на немецкий язык. По нашему мнению, они заслуживают отдельного рассмотрения, так как они достаточно ярко проявляются в фольклорном материале. В ходе исследования выявлены наиболее

распространенные виды онимов, закономерность частоты их употребления в зависимости от жанра сказки и способы передачи имен собственных на немецкий язык.

Сказка, являясь одним из архаичных жанров устного народного творчества, передается посредством языковой личности сказочника, и, по сути ее можно отнести к вторичным текстам. Наложение буддийского мировосприятия и мировоззрения на наивное четко прослеживается в материале исследования, в частности, и по используемым в сказочных текстах онимам.

Анализ реалий, проведенный в настоящем разделе работы, показывает, что фольклорный текст, а именно сказки, имеют в своем составе культурно-маркированную лексику, которая раскрывает самобытность народа и отражает характерные черты сложившейся лингвокультурной общности этноса.

Подробно рассмотрена типология калмыцких реалий в сказках в записи Г. Й. Рамстедта: реалии государственного строя и общественной жизни (общественно-политическая лексика), материальной культуры, природного мира, мифологические реалии.

Проанализировав тексты калмыцких сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом, мы выявили способы перевода реалий с калмыцкого на немецкий язык и выделили семь тематических групп реалий на фоне их немецких эквивалентов. Способами перевода, используемыми Г. Й. Рамстедтом, являются транскрипция, транслитерация, калька и полукалька, пояснительный и описательный перевод. Лексемы, не имеющиеся в немецкой лингвокультуре, передаются с помощью транскрипции, транслитерации и полукальки.

Тексты сказок имеют в своем лексическом составе слова-реалии, которые раскрывают самобытность народа и отражают сложившуюся лингвокультурную общность этноса

Глава 4. Лингвокультурологические особенности употребления цветообозначений и способы их перевода на немецкий язык

4.1. Общие замечания

В данной главе диссертационного исследования рассмотрены следующие цвета на материале сказок в записи Г. Й. Рамстедта: белый, черный, красный, желтый, серый, зеленый и синий. В сказочных текстах употребляются почти все основные колоронимы *цаһан* ‘белый’ (101 словоупотреблений, в том числе в составе антропонимов – 57), *хар* ‘черный’ (143 словоупотреблений, в том числе в составе антропонимов — 43), *улан* ‘красный’ (63 словоупотреблений, в том числе в составе антропонимов — 6), *шар* ‘желтый’ (77 словоупотреблений, в том числе в составе антропонимов — 11), *бор* ‘серый’ (20 словоупотреблений), *ноһан* ‘зеленый’ (6 словоупотреблений, в том числе в составе антропонимов — 6), *көк* ‘синий, зеленый’ (35 словоупотреблений, в том числе в составе антропонимов — 13). Интересно посмотреть, как эти данные коррелируют с другими исследованиями, в фокусе которых находилась частотность цветовых слов на материале разных фольклорных текстов.

Частотность колоронимов в тексте эпоса «Джангар» определена монголоведом Б. Х. Тодаевой в 70-е гг. прошлого века при исследовании этого памятника устного народного творчества калмыков, содержащего богатейшей лингвистический материал [Тодаева 1976]. Б. Х. Тодаева утверждает, что самыми частотными цветообозначениями являются *шар* ‘желтый’ (320), *хар* ‘черный’ (291), *цаһан* ‘белый’ (197) [Тодаева 1976: 487, 446, 469]. Остальные колоронимы менее употребительны: *улан* ‘красный’ — 100, *көк* ‘синий, зеленый’ — 116, *бор* ‘серый’ — 1, *ноһан* ‘зеленый’ — 3 [Тодаева 1976: 421, 314, 220, 345].

По «Частотному словарю калмыцкого героического эпоса „Джангар“» количество выявленных колоронимов следующее: *улан* ‘красный’ — 995, *хар* ‘черный’ — 736, *цаһан* ‘белый’ — 667, *шар* ‘желтый’ — 637, *көк* ‘синий, зеленый’ (473), *ноһан* ‘зеленый’ — 3, *бор* ‘серый’ — 0 [Частотный словарь 2017: 27, 39, 73].

В. В. Салыкова, осуществляя сопоставительный анализ «Главы о женитьбе Хонгора» в калмыцкой и синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар», пришла к выводу, что самыми частотными колоронимами являются: *улан* ‘красный’ — 11 и 99 соответственно, *цаһан* ‘белый’ — 38 и 86 соответственно, *хар* ‘черный’ — 47 и 63 [Салыкова 2013: 35].

Результаты количественного подсчета колоронимов нашего исследования частично совпадают с данными В. В. Салыковой, которая выявила, что лексема *хар* самое частотное.

Рассмотрим частотность в зависимости от жанра сказки. Сравнение носит, конечно, условный характер, поскольку объем сказок по жанрам не сбалансирован., но все же можно прийти к определенным выводам.

Таблица 1. Распределение колоронимов в зависимости от жанра сказки

Жанр сказки Колороним	Богатырская сказка		Волшебная сказка		Сказка о животных		Бытовая сказка		Итого:	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
<i>цаһан</i> 'белый'	58	0,8	38	0,2	—	—	5	0,2	101	0,3
<i>хар</i> 'черный'	69	0,9	74	0,4	—	—	—	—	143	0,5
<i>улан</i> 'красный'	9	0,1	48	0,2	—	—	6	0,2	63	0,2
<i>шар</i> 'желтый'	12	0,2	65	0,3	—	—	—	—	77	0,25
<i>бор</i> 'серый'	18	0,3	2	0,01	—	—	—	—	20	0,06
<i>ноһан</i> 'зеленый'	—	—	6	0,03	—	—	—	—	6	0,02
<i>көк</i> 'синий'	6	0,1	29	0,1	—	—	—	—	35	0,11
Итого:	172	2,4	262	1,24	—	—	11	0,4	445	1,5

Анализ материала исследования показывает, что употребление наибольшего количества колоронимов наблюдается в волшебных сказках. В разрезе этого жанра частотность колоронимов распределяется следующим образом: *хар* 'черный' — 74 (что составляет 0,4 % от общего количества словоупотреблений в волшебных сказках и 17,6 % от общего количества колоронимов), *шар* 'желтый' — 65 (0,3% и 14,6 % соответственно) и *улан* 'красный' — 48 (0,2% и 10,8 % соответственно). Относительная доля колоронимов в волшебных сказках составляет 1,24 % от общего количества словоупотреблений и 58,9 % от общего количества цветообозначений в анализируемых фольклорных текстах.

В богатырских сказках чаще всего употребляются колоронимы *хар* 'черный' — 69 (что составляет 0,9 % от общего количества словоупотреблений в богатырских сказках и 15,5 % от общего количества колоронимов) и *цаһан* 'белый' — 58 (0,8 % и 13 % соответственно). Объясняется это тем, что большая часть антропонимов имеет в своем составе колоронимы *хар* 'черный' и *цаһан* 'белый' и является именами богатырей.

В бытовых сказках употребляются колоронимы *улан* 'красный' — 6 (0,2 % от общего количества словоупотреблений в бытовых сказках и 1,3 % от общего количества колоронимов) и *цаһан* 'белый' — 5 (0,2 % и 1,1 % соответственно).

В целом колоронимы составляют 1,5 % от общего количества словоупотреблений.

В данном разделе впервые в калмыцком языкознании приводятся данные по частоте цветообозначений в зависимости от их значения — прямого или переносного.

Таблица 2. Распределение цветообозначений в зависимости от значения

Значение Колороним	Прямое значение	Переносное значение	Итого:
<i>цаһан</i> 'белый'	38	5	43
<i>хар</i> 'черный'	60	40	100
<i>улан</i> 'красный'	55	2	57
<i>шар</i> 'желтый'	65	1	66
<i>бор</i> 'серый'	20	—	20

<i>ноһан</i> 'зеленый'	—	—	—
<i>көк</i> 'синий'	22	—	22
Итого:	260	48	308

Большая часть цветообозначений актуализируется в прямом цветовом значении — 260 единиц. Согласно табл. 2, наиболее частотными колоронимами, употребляющимся в своем основном значении — *шар* 'желтый' (65), *хар* 'черный' (60) и *улан* 'красный' (55). В переносном значении употребляются 48 колоронимов, из них самым частотным является *хар* 'черный' (40).

Рассмотрим распределение колоронимов в прямом и переносном значении в зависимости от типа сказки.

Таблица 3. Распределение типа значения колоронимов в зависимости от типа сказки

Жанр сказки Значение	Богатырская сказка	Волшебная сказка	Сказка о животных	Бытовая сказка	Итого:
Прямое значение	80	169	—	11	260
Переносное значение	24	24	—	—	48
Итого:	104	193		11	308

В прямом значении колоронимы чаще всего встречаются в волшебных сказках (169), менее частотно в богатырских сказках — 80, совсем редко используются в бытовых сказках — 11. В переносном значении количество употребляемых цветообозначений одинаковое в волшебных и богатырских сказках, в бытовых сказках не зафиксировано. Использование меньшего количества колоронимов в переносном значении объясняется недостаточно сильной метафоризацией фольклорного текста.

По способам перевода колоронимов количественные характеристики можно проанализировать, исходя из ниже приведенной таблицы.

Таблица 4. Количественная характеристика способов переводов цветовой лексики

Колороним	Всего единиц	Транслитерация	Транскрипция	Калькирование	Описательный перевод	Приближенный перевод	Описательный перевод + транслитерация	замена	Транслитерация + калькирование	упущение	Упущение+транскрипция	Транскрипция+калька+описательный перевод
<i>цаһан</i> 'белый'	101	13	47	30	7	4	—	—	—	—	—	—
<i>хар</i> 'черный'	143	2	38	86	—	1	2	11	2	—	1	—
<i>улан</i> 'красный'	63	4	—	34	—	—	—	22	—	3	—	—
<i>шар</i> 'желтый'	77	5	3	51	—	—	—	15	—	3	—	—
<i>бор</i> 'серый'	20	—	—	16	—	—	—	—	—	4	—	—
<i>ноһан</i> 'зеленый'	6	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	1
<i>көк</i> 'синий'	35	—	—	8	6	—	—	19	—	2	—	—
Итого:	445	24	93	225	13	5	2	67	2	12	1	1

Как видим из табл. 4, калькирование как способ передачи иноязычного слова путем буквального перевода наиболее часто применяется Г. Й. Рамстедтом в исследуемом фольклорном тексте — 225 калек. Из рассматриваемых колоронимов наиболее активно калькируются лексемы *хар* (86), *шар* (51) и *улан* (34):

- (1) «ökk^ö-š-w !» gedž *хар*^o kitš^ʼg keldž-ēnā. = «Өгхи[и]в!» — *геж хар кичг келжэнэ*. ‘«Не дам!» — говорит черный щенок.’ — „Nein, ich gebe dir nichts“, antwortet der **schwarze** hund. ‘«Нет, я тебе ничего не дам!» — отвечает **черная** собака’ [Сказка № 15].
- (2) šaryp dāyṅ,šar^o noxā, malzṅ tūlā, iškā xoptssṅ, iškā kemnəg maχ^olā, ṭm jum amnā-w. = *Шарф дааһн, шар нохэ, малзн туулэ, ишкэ хопцн, ишкэ кемнэ махлэ — иим юм амнэв*. ‘Солового двухлетку, **желтую** собаку, косоного зайца, одежду из войлока, из войлочной накидки [сшитую] шапку — вот это возьму’ — Ein gelbes zweijähriges fohlen, einen **gelben** hund, einen hasen mit blässe, einen filzrock, eine grobe filzmütze, das ist es, was ich begehre. ‘Желтого двухлетнего жеребенка, **желтую** собаку, бледного зайца, одежду из войлока и грубую шапку из войлока, это то, чего я желаю’ [Сказка № 13].
- (3) χōnā amṅ tsuyār ulān tsusṅ bolād bānā = *Хөөнэ амн цуһар улан цусн болад бээнэ* ‘У всех овец рты красные от крови’ — Die mäuler aller schafe sind rot von blut ‘Рты у всех овец красные от крови’ [Сказка № 9].

Одним из часто употребляемых способов перевода является транскрибирование слов, не поддающихся передаче на другой язык. В данном тексте мы обнаружили 93 случая перевода четырех колоронимов с помощью транскрипции: *цаһан* (48), *хар* (37), *ноһан* (5) и *шар* (3). Переводческая концепция доместикации, когда культурные особенности лексемы исходного языка максимально адаптируются к нормам языка перевода, является одной из двух основных стратегий (вторая — форенизация), применяемых в современной переводческой деятельности. Максимальное сохранение особенностей языка достигается с помощью транскрибирования. В анализируемом тексте автор чаще всего использует этот прием при переводе антропонимов:

- (4) nāl^ʼχpn tsayān ēdžin gert^o kügēb irnā. = *Нальхн Цаһан ээжин герт күрэд ирнэ*. ‘До кибитки Налихан Цаган ээджи добрался [он].’ — Der kommt zu dem zelte der mutter Nälīchan-Tsagān ‘Он приходит к кибитке матери Налихан Цаган’ [Сказка № 21].

Третьим по численности способом перевода является замена (67) — лексический прием, применяющийся автором, где лексема трансформируется в слово с совершенно иной, но близкой по значению лексической единицей. Среди цветовых обозначений чаще всего замену использует Г. Й. Рамстедт при переводе лексем *улан* (22) и *көк* (19):

- (5) okṭṛ ulān möfṅ intsyāyād okkṅ. = *Оһтр улан мөрнь инцхаһад оркв*. ‘Короткохвостый красный конь его заржал’ — Das kurzgeschwänzte braune ross wieherte. Короткохвостый коричневый конь заржал’ [Сказка № 12].

- (6) en^o kök^ü arsiḡ abdrtān kümḡd^ḡ üzül^ḡ-uḡā dürtš^ḡk^o! = Эн **көк** арсиḡ абдртан күмнд [прав. күүнд] үз[ү]лл уга дүрчк! ‘Эту **синюю** шкуру никому не показывай, в сундук спрячь!’ — Lege dieses **graublau**e fell in einen kasten, ohne es einem menschen zu zeigen! ‘Положи эту серо-голубую кожу в сундук, не показывая ни одному человеку!’ [Сказка № 17].

В рамках нашего исследования интересным представляется рассмотрение количественной характеристики способов перевода колоронимов в зависимости от типа значения.

Таблица 5. Количественная характеристика способов переводов в зависимости от типа значения цветовой лексики

Тип значения Способ перевода	Прямое значение	Переносное значение	Итого:
Транслитерация			
Транскрипция			
Калькирование	186	31	217
Описательный перевод	13	2	15
Приближенный перевод		4	4
Описательный перевод + транслитерация	2		2
Транскрипция + калькирование+ ОП	1		1
Транслитерация + калькирование	1		1
Транскрипция + описательный перевод			
упущение	12		12
Упущение + транскрипция		1	1
Замена	45	10	55
Итого:	260	48	308

Из таблицы мы видим, что колоронимы чаще всего употребляются в прямом значении (260). По способу перевода лексем в номинативном значении в данной группе частотными является калькирование (186), замена (45) и описательный перевод (13).

Далее рассмотрим отдельные лексемы.

4.2. Лексема *цаһан* в сказках в записи Г. Й. Рамстедта⁸⁵

В культуре многих народов белый цвет является сакральным, божественным. В цветовом спектре у монголоязычных народов он считается

⁸⁵ Данный параграф основан на ранее опубликованной статье автора диссертационной работы: Баянова А. Т. Символика белого цвета в фольклорном тексте: лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта) // Монголоведение. 2020. № 4. С. ???.

главным цветом, матерью цветов [Цултэм 1982: 95]⁸⁶. Он символизирует чистоту помыслов, безгрешность, привлекает добрых богов и отпугивает злые силы. Этот цвет является символом всего «чистого, светлого, священного и божественного» [Пюрбеев 2015: 76].

В словаре калмыцкого языка лексема *цаһан* зафиксирована в следующих значениях: 1. 1) белый; 2) незлопамятный, добродушный; 2. 1) седина; 2) белок; 3) белизна; 4) в составе ботанических и зоологических названий; 3. праздник весны [КРС 1977: 622–623].

Рассмотрим семантику лексемы *цаһан* на основе анализа текстов калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта.

В своем основном номинативном значении, что и обозначено в КРС, лексема *цаһан* обозначает белый цвет предметов — конкретных реалий, который воспринимается человеческим зрением. В русском языке существует 96 слов-синонимов, обозначающие оттенки белого цвета⁸⁷. Диапазон данного цвета в калмыцком языке недостаточно широк, как и в русском, он варьируется от чисто белого до серого. В ниже приведенной таблице выделена шкала оттенков белого цвета, примеры которых присутствуют в тексте сказок в записи Г. Й. Рамстедта.

Таблица 6. Шкала оттенков белого цвета
(на материале сказок в записи Г. Й. Рамстедта)

№	Цвет	Калмыцкий текст	Перевод на русский язык
1.	белый	(1) <i>ахъ dartsɔɕ tsayān kīl̥gīg tā tatāw tālād üzŭlnā. = Ахнь дарцг цаһан кишлгиг тэ татад тэлад үзүлнэ. [Сказка № 16]</i>	‘Брат белую рубашку скинул и показал’.
2.	серый или белый (?)	(3) <i>bōrögīn bökn̥ tsayān tūlā kertā bögn̥ dōšēd, ɣasn̥ sumn̥ kertā ɣāgn̥ dōšēd, gŭŷā g.ardɔɕ bolnā. = Бөөргин бөкн цаһан туулэ кертэ[н] бөгн дөшэд, хасн сумн кертэ[н] хэгн дөшэд, гүүһа[д] хардг болнэ. [Сказка № 21]</i>	‘Словно по бугоркам скачущий горбатый белый заяц, сгорбившись, побежал, словно вылетевшая стрела, дрожая, побежал’
3.	молочно-белый	(2) <i>gŭdž̥ jowt̥ neg tsayān ger ɣaɣɔpɔdž̥ irwā. = Гүүжэ йовтл нег цаһан гер харһэж ирвэ. [Сказка № 11]</i>	‘Мчался он так, и в пути одна белая кибитка повстречалась’
4.	кремовый	(4) <i>tawŋ zūn maj̥ temēndān kūrēd irnā, ik̥ tsayān būrīn orā dēr̥ irēd g. aŋg ɔŋ gēgēd dū g. arnā. = Тавн зун май темэндэн күрэд ирнэ, ик цаһан буурин орэ деер ирэд, «һаң-һуң» гегед ду харнэ. [Сказка № 17]</i>	‘Подлетел к пятиста одnogорбым верблюдам своим, над большим белым верблюдом-самцом пролетая, «ганг-гунг» прокричал’
5.	серовато-	(5) <i>«bi tsayān möŋgān sul̥ öwr̥t̥s̥k̥lā-</i>	‘«Я свои серебряные монеты

⁸⁶ В живописи монголоязычных народов существовала четкая иерархия цветов: мать цветов, отец цветов и цвета слуги. К отцам цветов относились желтый, зеленый, синий, красный. Белый цвет считался матерью, так как при смешении его с другими цветами образовывались новые тона. Тона, образованные при смешении черного цвета с другими, назывались цветами-слугами [Цултэм 1982: 95].

⁸⁷ Данные взяты из словаря синонимов русского языка на сайте sinonim.org

	белый	w» <i>gedž kelnä.</i> = « <i>Би цаһан мөңгән сул өврлчкләв</i> », — <i>геж келнә.</i> [Сказка № 7]	за пазуху просто положил», — говорит’
б.	серебристый	(б) <i>üjñ tsayān öwsīg üjñ oldž ɣarwād, ükʷrīn tšigā ɣadīɣ ɣamɣɔlɣ ɣarwād, jī gedəg g. olīg iptə ɣayād sumīn gedž orkw.</i> = <i>Үйн цаһан өвсиг үйинь олж харвад, үкрин чигэ хадыг хамхлн харвад, Үи гедг холыг ивт хаһад, суминь геж оркв.</i> [Сказка № 18]	‘ Ковыля перистого стебля узел найдя, выстрелил, скалу величиной с корову разрушив, выстрелил, через реку, называемую Йи, стрела перелетела и потерялась’

1. Для определения белого цвета одежды, в нашем случае рубашки, в русском языке из 69 оттенков можно использовать следующие: белоснежный, кипенно-белый, белокипennyй (от цвета кипения — белой пены, которая образуется при кипении воды), иссиня-белый, изголуба-белый (вероятно, эти оттенки белого возникли из того, что во время стирки для придания белизны использовали различные средства). В кочевых условиях весьма сомнительно, что пользовались кипячением или подсиниванием белья. Из вышеназванных оттенков белого больше подходит *белоснежный* как показатель чистоты и святости. Перед лексемой *цаһан* стоит слово *дарцг*, что означает ‘флажок, вымпел’. Флажок переводится также на калмыцкий как *маань* (название одного из буддийских молитвенных формул) [КРС 1977: 337]. И. А. Житецкий описывает *дарцг* как «род хоругвей» — «живописные изображения бурханов на четырехугольных кусках материи», к которым прикреплялось древко [Житецкий 1893: 44]. На этих флажках могли располагаться и молитвенные тексты. Считалось, что флажки, вывешенные на крышах домов и храмов, на деревьях, развеваясь на ветру, разносили эти божественные тексты и привлекали благополучие в дом, устраняли препятствия и т. д. [Гедеева, Гантулга 2020: 148]. Из этого следует, что *дарцг цаһан* означает ‘белый’, при этом в «Калмыцком словаре» Г. Й. Рамстедт приводит пример *dartsɔɣ tsayān kīʷgñ sein hemd, so weiss wie die tempelflagge* ‘его рубашка такая белая, как хурульное знамя’ [Ramstedt 1985: 78]. Из вышеназванных оттенков белого больше подходит *белоснежный* как показатель чистоты и святости.

В немецком тексте калмыцких сказок переводчик использовал прилагательное *fahnenweiß* (букв. ‘белый, как знамя’). Данное слово не найдено ни в одном словаре немецкого языка. Для передачи белого цвета рубашки можно было бы использовать прилагательные *schneeig, schneeweiß* ‘белоснежный’. Специфичность символики белого цвета в калмыцкой лингвокультуре наложило отпечаток на немецкий перевод. Таким образом, *fahnenweiß* — это неологизм, созданный Г. Й. Рамстедтом. Такая метафоризация является относительно новой и необычной для показателя белизны одежды в немецком языке.

Согласно классификации перевода цветообозначений, предложенной З. О. Давидян [Давидян 2008: 135], применительно к данному примеру мы

наблюдаем полное совпадение оригинала и перевода на морфологическом уровне, т. е. они выражены одной и той же частью речи — прилагательным.

2. В данной группе сочетание *цаһан туулэ* ‘букв. белый заяц’ вызывает вопрос о том, о каком зайце идет речь. Это может быть и заяц-беляк, и заяц – русак. Здесь у них не совпадает ареал обитания: первый обитает в лесной зоне, а второй — в степной. В сказке может идти речь и о зайце-беляке, поскольку изначально предки монголоязычных народов традиционно относились к «лесным» народам и поэтому однозначно были знакомы с этим животным, и о зайце-русаке, ареал обитания которых совпадает с местами кочевий калмыков.

Что касается цвета, то зимой беляк чисто белый, за исключением чёрных кончиков ушей, окраска летнего меха в различных частях ареала — от рыжевато-серой до аспидно-серой с бурой струйчатостью, а для русака характерен серо-коричневый окрас летом и серебристо-серый зимой. Из текста сказки не ясно, в какой период года происходят события в сказке. В дербетской свадебной традиции мать жениха исполняла ритуальный танец в белых штанах, декорированных в определенных местах мехом (*цаһан шалвр*). Такие штаны называют еще *туулан шалвр* ‘заячьи штаны’, символизирующие замену невесты в качестве неопита свекровью, которая передает свои функции молодой девушке [Бакаева 2008: 171, 175]. «Особенности кроя и наименования белых штанов в свадебном ритуале калмыков-дербетов, символика обрядовых действий свидетельствуют о древнейших корнях обычая ритуального танца в белых штанах, восходящих к эпохе родового строя и архаической праздничной культуре» [Бакаева 2008: 176].

3. Цвет традиционного жилища калмыков *ишкэ гер* являлся определителем имущественного состояния владельца. Черная кибитка *хар гер* являлась жилищем простолюдина [Пюрбеев 1996: 113]. Белый цвет кибитки *цаһан гер* указывал на то, что хозяином жилища является представитель высших слоев общества. По утверждению У. Э. Эрдниева, «кибитки, покрытые белой кошмой, принадлежали богатым, гелюнгам» [Эрдниев 1970: 128], устанавливали их также во время свадьбы новобрачным, так как считалось, что белый цвет кибитки ограждал молодую семью от воздействия злых сил [Батырева 2019: 136]⁸⁸.

Исходным материалом войлока служила овечья шерсть. Преобладающим цветом шерсти калмыцких овец был рыжий, черных же и белых овец было мало. Шерсть черных овец для валяния войлока вообще не использовалась, а белая шерсть из-за небольшого ее количества была недоступна для бедных слоев населения [Житецкий 1893: 4]. Следовательно, кибитка, о которой говорится в сказке, принадлежала состоятельному калмыку, возможно, нойону.

⁸⁸ В свадебной традиции многих народов присутствовал войлок, принципиальным различием был только цвет войлока. К примеру, у народа коми своеобразным маркером счастливой и безбедной жизни молодоженов служил *лӧз гын* ‘синий войлок’ [Низовцева 2017: 42-43].

Определить оттенок белого цвета кибитки можно, исходя из трудоемкого и веками отработанного ручного процесса валяния войлока. Перед валянием шерсть промывали и высушивали, а затем подвергали тереблению для полного очищения от сора, грубых волосинок и свалявшихся комков, при этом периодически смачивали молочной сывороткой [Батырева 2017: 156]. Для придания особой белизны войлок пропитывали «известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче» [Путешествие... 1957: 91]. Но отбелить войлок до цвета снега невозможно. В палитре белого цвета ему близок молочно-белый тон. Как утверждает А. П. Василевич и др. белый цвет ассоциируется со снегом и относится к холодным цветам [Василевич и др. 2005: 84], но белую кибитку очень трудно отнести к предмету с холодным цветом. Теплоту и мягкость ему придает желтый подтон, слияние белого и желтого дает оттенок молочно-белый.

Применительно к жилищу на немецкий язык Г. Й. Рамстедт переводит лексему *цахан* как *weiß* ‘белый’, *blendendweiß* ‘ослепительно-белый’, *hellweiß* ‘ярко-белый’:

- (7) *tīgēd jowdž-āt! neg tsayān ger харγунā.* = *Тигэд йовжэтл нег цахан гер харһнэ.* ‘Шел он так и на какую-то белую кибитку набрел’ — *Während er so geht, trifft er auf ein weisses zelt.* ‘В то время, как он шел, встретилась ему белая кибитка’ [Сказка № 11].
- (8) *neg or tsayān gerγ̄r oγāb irwā.* = *Нег ор цахан герγ̄р орад ирвэ.* ‘К совершенно белой кибитке пришли [они]’ — *Sie kamen zu einem blendendweissen zelte.* ‘Они подошли к ослепительно-белой кибитке’ [Сказка № 4].
- (9) *ömn⁸⁹ neg ösr büts-ugē or tsayān örgē üz⁹⁰gd³-ādεε bolnā.* = *Өмннь нег ооср бүч угэ ор цахан өргэ үздэжэдг болнэ.* ‘Впереди показалась белоснежная кибитка без веревок-креплений’ — *Vorn wird ein bis auf band und gurt hellweisser hof sichtbar.* ‘Впереди показалась ярко-белая кибитка без перевязи’ [Сказка № 19].

Почему Г. Й. Рамстедт использует при переводе цвета кибитки оттенки белого цвета *blendendweiß*, *hellweiß*? В оригинале перед лексемой *цахан* стоит усилительная частица *ор*, т. е. совершенно белый [КРС 1977: 400].

4. Окрас шерсти верблюдов варьируется от песчано-желтого до темно-коричневого. Белая масть верблюдов довольно редка. По утверждению Ц. С. Санжаева, в природе только 2,8 % верблюдов бывают белыми⁸⁹ [Санжаев 2004: 7]. Но, если посмотреть строение шерсти у верблюда, то шерстный покров у него плотный и разной длины. Густой и нежный подшерсток, возможно, белого цвета. Но длинная шерсть внизу шеи, на верху горба, на загривке не может быть чисто белой ввиду особенностей

⁸⁹ Белый верблюд, как и другие животные белой масти, высоко ценился у калмыков. На белых верблюдах во время перекочевки возили самые ценные и сакральные вещи. К примеру, религиозные книгономы, к которым у калмыков было благоговейное отношение, перевозились во время перекочевок именно на белых верблюдах [Паллас 1773: 482]. Считалось особо почетным получить в дар белого верблюда. Так, например, дань цинскому императорскому двору монгольские ханы отдавали животными белой масти: в истории это известно как «девять белых» (белый верблюд и восемь белых лошадей) [Жуковская 2002: 132].

среды обитания (в основном пустыня), образа жизни (кочуют постоянно с одного места на другое) и питания (питаются грубой растительностью и долго обходятся без воды). В данном контексте окрас животного — кремевый.

5. В калмыцком языке словосочетание *цаһан мөңгн* (букв. ‘белая монета’) имеет два значения: 1) серебро (металл); 2) монеты (собирательное значение) [КРС 1977: 641]. В данном фольклорном тексте оно применяется в первом значении, скорее всего, потому, что в старину имели хождение именно серебряные деньги. В современный период чаще всего данное словосочетание употребляется во втором значении. Здесь мы наблюдаем метафорический перенос значения лексемы *цаһан* по цвету. В силу традиций и цвета советские монеты, изготовленные из медно-никелевого сплава серебристо-белого цвета, и современные монеты из стали калмыки тоже называли и называют *цаһан мөңгн*. В переводе на немецкий язык Г. Й. Рамстедт использовал слова *die silbermünze* ‘серебряные монеты’ и *das silbergeld* ‘серебряные деньги’.

6. В калмыцком языке лексема *цаһан* присутствует и в определении ботанических терминов — *цаһан өвсн* ‘ковыль перистый’ (букв. ‘белая трава’). Ковыль перистый — травянистое растение, после цветения выпускает серебристо-белые метелочки, в этот период степь кажется белой. В калмыцкой поэзии при описании ковыльной степи применяют также эпитет «седой». В алтайском языке словосочетание *ак өлөнг*, что тоже означает ‘белая трава’, является определителем растения пырей.

В немецком переводе Г. Й. Рамстедт использует выражение *weißgliederige gras* (букв. ‘белая расчлененная трава’), хотя в лексике немецкого языка есть два слова, обозначающие ковыль: *das Pflanzengras* и *die Federschmiele*. Почему он дословно переводит в данном случае название травы? Допускаем, что он не знал, что речь идет о ковыле, потому что в оригинале текста название травы — *цаһан өвсн* (букв. ‘белая трава’).

Шкала оттенков белого цвета, выделенных на основе фольклорного текста, позволяет сделать вывод, что его диапазон не обладает такой неограниченной сочетаемостью, как, например, в русском языке. Калмыки не выделяли в цвете сложных оттенков (к примеру, иссиня-белый, фарфорово-белый, сахарно-белый и т. д.).

Помимо того, что белый цвет определяет различные оттенки, он имеет и производные значения. В производно-номинативном значении, в котором присутствует сема «признак цвета», лексема *цаһан* означает ‘седой’ (при обозначении цвета волос человека):

(10) *tsal būrl̩ saχltā, tsayān būrl̩ öwŋŋ kürtš irēd serūldž-ēnā. = Цал буурл сахлтә, цаһан буурл өвгн күрч ирэд серүлжәнә.* ‘Белобородый седой старик, подойдя, стал будить [ее] — Der **schneeweisse** mann mit dem silberweissen barte kam herbei und weckte sie. ‘Белоснежный мужчина с серебристо-белой бородой подошел и разбудил ее’ [Сказка № 17].

Для перевода лексемы *цаһан* в значении ‘седой’ Г. Й. Рамстедт использует синонимы *weisshaarig* ‘беловолосый’, *schneeweiß* ‘белоснежный’, *weiß* ‘белый’:

- (11) *arɣpɫɣplā bitškɣ tsayān ūlīn orā dēr° tsal būrl̩ saɣpɫtā, tsayān būrl̩ öwɣɣ bāɣp, ter° arɣpɫdž üzk° = Арһлхлэ, бичкн цаһан уулын орэ деер цал буурл сахлтэ, цаһан буурл өвгн бээх, тер арһлжэ үзх* ‘Кто сможет помочь, так это живущий на вершине невысокой снежной горы белобородый седой старик, он сможет помочь’ — *Wenn hier etwas zu machen ist, so lebt auf dem gipfel des kleinen weissen berges ein weisshaariger greis mit silberweissem bart, der wird dir helfen können.* ‘Если здесь есть что-нибудь сделать, то на вершине маленькой белой горы живет беловолосый старик с серебристо-белой бородой, который сможет вам помочь’ [Сказка № 17].
- (12) *tsal būrl̩ saɣpɫtā, tsayān būrl̩ öwɣɣ күртš irēd serüldž-ēnā. = Цал буурл сахлтэ, цаһан буурл өвгн күрч ирэд серүлжэнэ.* ‘Белобородый седой старик, подойдя, стал будить [ее]’ — *Der schneeweisse mann mit dem silberweissen barte kam herbei und weckte sie.* ‘Белоснежный мужчина с серебристо-белой бородой подошел и разбудил ее’ [Сказка № 17].
- (13) *ömq̄ -tšɫ̩ tsal būrl̩ saɣpɫtā tsayān būrl̩ öwɣɣ, ɣojɣ nüdān tömʋrēr̩ telsɣ öwɣɣ ɣarkk°... = Өмнчн цал буурл сахлтэ цаһан буурл өвгн хойр нүдэн төмрэр телсн өвгн харһх...* ‘Впереди тебе с белой как снег бородой седовласый старик с железными распорками на глазах встретится...’ — *Auf deinem wege wird dir ein weisser greis mit silberweissem bart begegnen.* ‘На твоём пути встретится тебе **белый** старик с серебристо-белой бородой’ [Сказка № 22].

К группе переносных следует отнести значение лексемы *цаһан* ‘пустой, голый’:

- (14) «*bi mend° bānā-w*», *gedž kelʋdēd*, «*ēdž-ugē ērɣ tsayān ködēd° g arād kül°g möfnā šürügēr, kümñā zalūyīn tšidllēr, ɣurts° mes°dīn ɣurtsār awɫdijā!*» — «*Би менд бээнэв*» *гезж келдэд, «эжго эрм цаһан көдэд һарад күлг мөрнэ шүрүһэр, күмнэ залуһин чидлэр, хурц месдин хурцар авлдый!*» ‘«Я жив-здоров», — так друг другу сказав, в безлюдную белую степь выйдя, резвостью своих верховых коней, силой своей мужской, остротой своих острых мечей сразиться решили они’ — „Heil!“ *begrüssen sie einander. Danach sprechen sie: „Auf die herrenlose weisse steppe, wo man sich verirrt, hinausreitend, lass uns uns messen in der schnelligkeit der trefflichen renner, in der stärke der männer und der schärfe der schneidenden schwerter!“* “Цел и невредим!” приветствуют они друг друга. Затем они говорят: „В безлюдную белую степь, где можно заблудиться, выехав, давай измерим себя в быстроте превосходных бегунов, в силе мужской и остроте режущих мечей!“ [Сказка № 16].

Сходство данного значения можно наблюдать и с лексемой *ак* ‘белый’ в алтайском языке: *ак чӧл* ‘пустынная, голая степь’ (букв. ‘белая степь’) [Майзина 2008: 102]. В значении ‘пустой, голый’ определение лексемы *цаһан* отсутствует в словарях калмыцкого языка. В русском языке выражения *белая*

земля, белое место означает 'свободная земля', обычно это были земли церковные, свободные от податей [Даль 1978: 153]. В переводе на немецкий Г. Й. Рамстедт использует прилагательное weiß 'белый'.

Во фразеологически связанных значениях лексема *цахан* определяется как социальная принадлежность человека: аристократический *цахан яста кун* (букв. 'человек белой кости'):

(15) en° šidrt° tsayān jastā kūn ugē, möñkñ dörwñ tsakt° dötšñ zurγātāyār bāyān bādrc. = Эн шидрт цахан ястә күн угә, мөңкн дөрвн цагт дөчн зурхатәһар бәәһад бәәдг. 'Поблизости знатного человека нет, в вечные четыре времени [года] в сорокачетырёхлетнем возрасте пребывающий...' — in dieser gegend gibt es keine hochgeborenen leute, keine, die ewig und zu allen zeiten sechzehn jahre alt wären 'В этом краю нет высокорожденных людей, которые вечно и во все времена были бы шестнадцатилетними' [Сказка № 22].

У калмыков существовала строгая иерархия сословных групп: к категории *цахан яста* относились нойоны, зайсанги; к *хар яста* (букв. черная кость) — низшее сословие, крепостные. По воззрению калмыков, нойон был воплощением божества, так как происходил не от людей, а от богов. Как отмечает И. А. Житецкий, «обмануть, оскорбить нойона — все равно, что оскорбить бурхана» [Житецкий 1893: 41].

Данное значение лексемы *цахан* мы не находим в словаре калмыцкого языка. Так как большая часть словарей была создана в советский период, когда господствовал атеизм, то цензурой исключались такие понятия, как божественное происхождение человека и деление на классы. У разных народов различные представления о знатном происхождении человека и, следовательно, различное обозначение. У англичан для обозначения аристократического происхождения человека существует выражение «родиться с серебряной ложкой во рту», приписываемого прозаику О. Голдсмиту, т. е. у них признаком богатства считается столовое серебро. В русском языке для обозначения дворянского, аристократического происхождения существует выражение «голубая кровь» [ТСРЯ 1935: 592].

В немецком тексте сказок для определения аристократического происхождения человека используется причастие hochgeboren 'высокорожденный' (hoch 'высокий' + причастие от глагола gebären 'родиться'):

(16) tsayān jastā kūnā ōšk° zürkñ zokkīmñ » genā. = «Цахан ястә күүнә оошк-зүркн зокхимн», — генә. «Знатного* [букв. белой кости] человека легкие и сердце помогут мне», — отвечает' — Die lungen und das herz von einem hochgeborenen menschen werden mir geziemen. 'Легкие и сердце высокорожденного человека помогут мне' [Сказка № 22].

В немецком языке для определения аристократического происхождения существуют следующие слова и выражения: vornehm 'знатный, аристократический', adlig 'дворянский, знатный', von adliger Herkunft 'дворянского происхождения', edel 'знатный'. Переводчик не использует ни одно из этих слов, посчитав, что слово hochgeboren наиболее

точно передает божественное происхождение аристократа-нойона, он точно уловил понятие аристократизма в представлении калмыков: это человек, в крови которого есть частица божественности. В немецкой же культуре, в корне отличающейся от мировоззрения калмыков, такого понятия нет.

Переносное значение лексемы *цаһан* — ‘священный, сакральный’ — образуется путем метафорического переноса. Оно чаще всего используется в религиозной лексике: *цаһан ном* ‘священная сутра, священная молитва’ (букв. ‘белая сутра’):

(17) амҗ аҗҗүн дед° тсаҗән ном аңхргәд үлҗҗәд окнә. = Амн эрүн деед *цаһан ном* аңхрад үләһад окнә. ‘Священную молитву [брат] прочитал и дунул [на него]’ — Über ihm spricht Mars Chara sein heiligstes bestes reines gebet und bläst ihn an. ‘Над ним произносит Марс Хара свою **священную** молитву и дует на него’ [Сказка № 16].

В словарях калмыцкого языка данное значение лексемы *цаһан* отсутствует. При переводе выражения *цаһан ном* ‘священная молитва’ Г. Й. Рамстедт использует сразу несколько прилагательных: *heiligst* ‘наисвятейший’ (превосходная степень прилагательного *heilig* ‘святой, священный’), *best* ‘наилучший’ (превосходная степень прилагательного ‘gut’) и *rein* ‘чистый’:

При переводе выражения *цаһан ном* ‘священная молитва’ на немецкий язык отмечается отличие культур народов. У калмыков лексема *цаһан* в контексте со словом *ном* уже несет в себе сакральный смысл. У немцев же понимание священного должно иметь высшее проявление признака, что выражается употреблением превосходной степени прилагательных *heiligst* ‘наисвятейший’, *best* ‘наилучший’. Г. Й. Рамстедт употребляет также прилагательное *rein* ‘чистый’, и здесь мы видим совпадение в культурах двух народов: ‘белый’, ‘чистый’ значит ‘священный’.

Лексему *цаһан* в значении ‘священный, сакральный’ мы наблюдаем и в следующем предложении:

(18) bitškn̄ tsaʒān̄ ūl̄^u tal̄ gūgēd̄, gūgä jowdž̄. = Бичкн *цаһан* уул тал гүүһэд, гүүһә[d] йовж̄. ‘К невысокой белой (= **священной**) горе бегом побежала [она].’ — Da lief und lief sie nach dem kleinen, schneebedeckten berg zu. ‘Здесь побежала и побежала она к маленькой, покрытой снегом горе’ [Сказка № 17].

Выражение *цаһан уул* ‘белая гора’ наводит на мысль, что белой гора может быть только от того, что покрыта снегом. Но из контекста предложения выясняем, что гора маленькая — *бичкн*, следовательно, снежной она вряд ли может быть. Тогда почему же гора названа белой? Ответ, возможно, найдем, вспомнив культурные и религиозные традиции монголоязычных народов. Почитание гор, поклонение священным горам — явление древнее у многих народов. По преданию и это описано в «Сокровенном сказании монголов», священная гора, расположенная у истоков реки Онон в Монголии, спасла от смерти Чингис-хана: «Бурхан-халдуном защищена (как щитом) жизнь моя... Будем же каждое утро поклоняться (ползком взбираясь) ей и каждодневно возносить молитвы»

[Сокровенное... 2002: 30]. Священным был и *Өл Маңхн цаһан уул* 'Величественная сизо-белая гора' в стране Бумба, который высился как «средоточие земли и неба» [Джангар 1990: 197]. Культ гор существовал и на Алтае, где «каждый сеок имел свою родовую гору, которую он считал священной покровительницей рода» [Потапов 1946: 148]. Высота священной для калмыков горы Богдо, расположенной в Астраханской области, составляет всего лишь 149 метров. Исходя из культурных и религиозных традиций, можем констатировать, что лексема *цаһан* используется в значении 'священный'.

Выражение *цаһан уул* 'белая гора' Г. Й. Рамстедт перевел как *ein schneebedecktes Berg* 'покрытая снегом гора', что на калмыцкий язык можно перевести как *цасар бүркгдсн уул*. Здесь он ошибочно перевел данное выражение.

Следует отметить, что большее количество словоупотреблений лексемы *цаһан* наблюдается в именах собственных — 57 (56,4 % от общего количества лексемы). *Цаһан* является женским именем. В отличие от лексемы *хар* слово *цаһан* не присутствует в именах богатырей, так как само значение данной лексемы находится в прямой оппозиции к слову *хар*: не мощь и сила заложены в значениях этих антропонимов, а скорее нежность, мягкость, доброта в некоторой степени — слабость в силу юного возраста, поэтому данная лексема присутствует большей частью в женских именах и божествах, в именах младших членов семей: *Цаһан Дэрк* (Белая Тара — божество буддийского пантеона), *Бөкн Цаһан* (мужчина), *Гинд Цаһан* (младший брат богатыря Марс Хара), *Нээлхн Цаһан* (мать богатыря Найхала) и др. Из вышеназванного списка имен оним *Бөкн Цаһан* выступает особняком: во-первых, это мужчина, во-вторых, он не относится ни к божествам, ни к младшим членам семьи. Если рассмотреть этимологию слов, то получается следующее: *бөкн* 'горбатый, горбун', *цаһан*, возможно, употреблено в значении 'седой'. На немецком языке Г. Й. Рамстедт дает только транслитерацию этих имен.

Таким образом, проанализировав фольклорные тексты Г. Й. Рамстедта, приходим к выводу, что лексема *цаһан* обладает более широким спектром значений. Она является цветовым определителем предметов, воспринимаемых человеческим зрением, при этом диапазон цвета охватывает оттенки от белоснежного до серого, в немецком языке от ослепительно-белого *blendendweiß* до серебряного *silber*.

В языковой картине мира не только калмыков, но и других монголоязычных народов лексема *цаһан* выражает положительную коннотацию, что детерминировано символикой белого цвета, олицетворяющего чистоту и святость.

На основе анализа фольклорного текста Г. Й. Рамстедта следует дополнить структуру словарной статьи в Калмыцко-русском словаре следующими значениями лексемы *цаһан*:

- *Перен.* священный, сакральный; используется чаще всего в религиозной лексике: *цаһан ном* 'священная сутра, священная

молитва'. В силу того, что большинство словарей калмыцкого языка было издано в период господства атеизма в советский период, данное значение лексемы *цаһан* не описано в словарной статье.

- *Перен.* пустой, голый: *цаһан көдә* 'голая степь'. Рассматривая данное значение лексемы *цаһан*, можно провести межъязыковую параллель с лексемой *ак* 'белый' в алтайском языке: *цаһан көдә* (калм.) — *ак чӧл* (алт.) — 'голая степь'.
- *Перен.* аристократический; употребляется как социальная принадлежность человека: *цаһан яста күн* 'знатный человек'.

При переводе на немецкий язык лексемы *цаһан* Г. Й. Рамstedтом в отдельных случаях четко видно различие культур и традиций калмыцкого и немецкого народов.

4.3. Лексема *хар* в сказках в записи Г. Й. Рамstedта

Черный цвет в калмыцкой культуре, также как и во многих культурах других народов, являясь антиподом белого цвета, символизирует тьму, смерть, зло и т. д. По мнению Н. Л. Жуковской, черный цвет имеет у монголоязычных народов отрицательную коннотацию, с ним связано «все негативное (злое, темное, жестокое, несчастливое, профанное)» [Жуковская 2002: 203]. Черный цвет «вызывал суеверные страхи и представления о злых духах» [Кочешков 1973: 12].

В культурологическом аспекте слово *хар* имеет довольно широкую семантику. В калмыцко-русском словаре имеются следующие значения слова *хар* 'черный': 1. 1) черный, темный: *хар керә* 'черный ворон', *хар шир* 'черная краска'; 2) постный (в значении без молока), чистый (в значении без примесей): *хар цә* (незабеленный чай), *хар усн* 'чистая вода'; 3) простой, простонародный: *хар күн* 'простолюдин, мирянин'; *хар келн* 'просторечный (разговорный) язык'; 4) черный, физически тяжелый: *хар көдлми* 'черная (физически тяжелая) работа'; *хар күчн* 'физическая сила'; 5) дурной, скверный; вредный; порочный преступный: *хар саната* 'злонамеренный, коварный'; 6) самый сильный; самый...: *хар киитн* 'сильный холод'; *хар салькн* 'сильный (бесснежный) ветер'. 2. 1) очень, слишком: *хар өрлә* 'рано утром'; *хар нетрусн* 'тьма-тьмущая, видимо-невидимо'.

Согласно исследованному фактическому материалу в анализируемых калмыцких сказках Г. Й. Рамstedта, лексема *хар* по частотности употребления занимает лидирующее положение — 144 словоупотребления, что составляет 32,4 % от общего количества цветовой лексики.

Диапазон оттенков черного цвета варьирует от блестяще-черного до серо-рыжего (см. табл. 7).

Таблица 7. Шкала оттенков черного цвета
(на материале сказок в записи Г. Й. Рамstedта)

№	Оттенки черного цвета	Калмыцкий текст	Перевод на русский язык
1.	блестяще-черный	(1) <i>negŋ zamb^o ɣar^o maɣ^olā öms^odž</i> = <i>негнь замб хар махлә өмсч...</i>	'Один был в черной шапке'

2.	черный	(2) <i>ter° oktṙ ɣar° buyān ögl-tä!</i> » <i>genā.</i> = « <i>Тер оһтр хар бууһан өглтә!</i> » — <i>генә.</i>	‘«Короткоствольное черное ружье дайте мне!» — говорит’
3.	черно-бурый	(3) <i>en° miñ! ɣalā šoŋɣr šowün, ɣasṙ ɣar° noɣā ɣoj°rāy aldɔç kün ken bolnā?</i> = <i>Эн мини халә шоңр шовун хаср хар нохә хойрәг алдг кун кен болнә?</i>	‘«Этих моих кречет птицу и охотничью черную собаку что за человек убил?»’
4.	бурый	(4) <i>ardṙ omṙün ɣar° tsurɣr bolād ornā.</i> = <i>Арднь омргин хар цурх болад орнә.</i>	‘Следом бросился, обернувшись огромной черной щукой’
5.	темно-серый	(5) <i>dērēs° delt°rīn tšigē ɣar° ūlṙ šūyrdž kürtš-irēb awā(d)-jowād-odw</i> = <i>Дерәс делтрин чигә хар үүлн шуугж күрч ирәд, ава(д) йовад одв.</i>	‘Сверху с подпотник величиной черная туча с шумом налетела и унесла его’
6.	серо-рыжий	(6) <i>usṙ šar° maŋg. °sīn ār° bījnd° neg mū ɣar° gerbāɣr, ter° ger miñ! ger ter°</i> = <i>Усн шар маңһсин ар бийнд нег му хар гер бәәх, тер гер мини гер тер.</i>	‘«Позади [жилища] Усун Шара мангасов стоит убогая черная кибитка, эта кибитка и есть мой дом»’

1. Из контекста сказки следует, что носил черную шапку человек, находившийся в услужении хана, и скорее всего, он не был простолюдином. Как пишет И. А. Житецкий, «простонародье носит шапки, сделанные из сукна, нанки и пр.» [Житецкий 1893: 9]. Скорее всего, это была меховая шапка. Среди мужских шапок различали несколько ее видов: *хазг махла* ‘казачья шапка’ — самая распространенная, круглой формы, *бучтә махла* ‘шапка с ушками’, *тоорцг махла* ‘женская шапочка’, *хажлһ махла* ‘четырёхугольная шапка’. Для шапок использовали обработанную мерлушку — шкуру ягненка, причем забивали для этого детеныша курдючной овцы возрастом до месяца, так как стекловидный и первичный волосяной покров обладал особым свойством — блеском и имел мелкие кольцеобразные завитки, что служило дополнительным украшением головного убора. Мерлушка могла быть черного, белого и серого цветов. В данном контексте цвет шапки блестяще-черный. В немецком тексте автором использовано прилагательное *schwarz* ‘черный’:

(7) *negṙ zamb° ɣar° maɣ°lā öms°dž...* = *негнь замб хар махлә өмсч...* ‘один был в черной шапке...’ — ...*der andere hatte eine runde schwarze mütze aufgesetzt.* ‘Другой надел круглую **черную** шапку’ [Сказка № 10].

2. Лексема *хар* в своем номинативном значении используется при обозначении цвета предметов: *хар кевс* ‘черный ковер’, *хар бу* ‘черное ружье’, *хар маля* ‘черная плеть’ и т. д. В немецком тексте используется прилагательное *schwarz* ‘черный’:

(8) *ter° oktṙ ɣar° buyān ögl-tä!* = *Тер оһтр хар бууһан өглтә!* ‘То короткоствольное черное ружье дайте мне!’ — ...*gib mir jenes kurze*

schwarze gewehr! ‘Дай мне то короткоствольное **черное** ружье!’
[Сказка № 15].

3. Самой распространенной собакой у монголоязычных народов был банхар — одна из самых древних пород, являющаяся верным спутником кочевников во время охоты. Характерной особенностью шерсти собаки является ее бархатистость. Окрас шерстного покрова большей частью черный с подпалинами бурого, желтого, медного или рыжего цветов. Это означает, что охотничья собака монгольской породы не могла быть чисто черного цвета, она имела сложную многоцветную окраску, и скорее всего она была черно-бурого цвета. Г. Й Рамстедт в немецком варианте дает дословный перевод лексемы *хар* словом *schwarz* (‘черный’):

(9) tšiiñ' ḡalä šonḡr šowün ḡasḡ ḡarᶇ noḡā ḡojᶇgī-tšiiñ alḡr bātḡā, bījītšiiñ alḡr jowḡr kün-b = Чини халә шоңр шовун хаср хар нохә хойричн алх бәәтхә, бәәтхә, бийичн алхар йовх күнб ‘Не только твоих кречет-птицу и охотничью черную собаку убить, но и тебя самого убить я собираюсь!’ — Nicht genug damit, dass ich deinen jagdfalken und deinen **schwarzen** jagdhund getötet habe, ich bin ausgezogen, um dich selbst zu töten! ‘Недостаточно того, что я убил твоего кречета и твою **черную** охотничью собаку, но и тебя самого убить я собираюсь!’ [Сказка № 18].

4. Как отмечено в «Атласе пресноводных рыб», щука имеет обычно бурый цвет с поперечными серо-зелеными или белыми полосами [Атлас... 2003: 178]. По сюжету сказки сестра Марс Хара и Гинде Цагана Хала Хоогош пытается избавиться от братьев и посылает своих людей [Сказка № 16]. В ходе погони проходит несколько превращений как братьев, так и людей, пытающихся убить Марс Хара. Так, богатырь, увидя, что его могут настигнуть враги, превращается в малька и кидается в море. Сторонник сестры превращается в огромную черную щуку для того, чтобы догнать маленькую рыбешку, но это ему не удается. Щука как хтонический символ часто встречается в фольклоре монголоязычных народов. Согласно религиозным верованиям калмыков, она является «животным-поглотителем, олицетворяющим Нижний мир», а черный цвет рыбы «усиливает ее связь» с водным миром, который равнозначен миру потустороннему [Убушиева 2020: 79]. Правильнее в данном случае определять окрас щуки как бурый, но ее связь с хтоническим миром обуславливает наличие черного цвета.

В немецком переводе используется прилагательное *schwarz* ‘черный’:

(10) ardñ omḡün ḡarᶇ tsurḡr bolāb ornā. = Арднь омргин хар цурх болад орнә. ‘Следом огромной черной щукой обернувшись, в море бросилась’ — *Hinter ihr her stürzt sich [der hund] und wird ein reissender schwarzer hecht.* ‘Следом бросается за ней [собака] и превращается в быструю **черную** щуку’ [Сказка № 16].

Интересен и такой момент в данном предложении: в оригинале текста щука — ‘огромная черная’ (где цвет усиливает связь с Нижним миром, а размер указывает на масштабность этого непознанного и мрачного царства), в немецком же тексте — ‘быстрая черная’. В данном случае переводчик не

использует определенные нюансы религиозных воззрений калмыков, а, исходя из контекста сказки, видит процесс погони персонажей сказки, и важным для описания этого процесса является скорость.

5. В оригинале текста на калмыцком языке и в переводе на немецкий язык при обозначении цвета тучи используется прилагательное schwarz ‘черный’. Черные тучи в культуре любых народов — это всегда предвестник, беды, несчастья, зла. В контексте данного фольклорного текста лексема *хар*, и это отмечено в калмыцко-русском словаре, обозначает грозовое облако [КРС 1977: 577]. Из физики известно, что чем выше облака, тем разреженнее воздух, и через них беспрепятственно проходит солнечный цвет, и они кажутся белыми. В нижних слоях атмосферы их структура становится плотнее из-за капель воды, преломление света уменьшается, и они приобретают более темную окраску. Но абсолютно черных облаков в природе не бывает, они становятся скорее всего темно-серыми. Но в силу определенной картины мира тучи видятся черными (явная гиперболизация), что предвещает нечто плохое, беду, несчастье:

(11) *dērēs° delt°rīn tsigē ʁar° ūlŋ šūyād kürts-irēd unŷū awā jomnā.* = ... *деерас делтрин чигэ хар үүлн шуугад күрч ирэд, унһуг ава[d] йомнә.* ‘...сверху с подпотник величиной **черная** туча с шумом налетела и унесла жеребенка’ — ...*von oben eine schwarze wolke herabgesaust, so gross wie ein sattelpolster, und raubt das fohlen..* ‘...сверху спустилось **черное** облако, такое большое, как седло, и похитило жеребенка’ [Сказка № 11].

6. Как описывалось выше, кибитки калмыков *ишкә гер* были покрыты войлоком, цвет которого свидетельствовал о состоятельности хозяина. Черные кибитки *хар гер* имели простолоюдины. Следует отметить, что цвет простой кибитки *хар гер* не являлся черным. Кошму для кибитки бедняки делали из шерсти овец калмыцкой породы, преобладающим окрасом которых был рыжий цвет. Как отмечает И. А. Житецкий, кибитки покрывались «серо-рыжими кошмами и известны под именем *хар гер*» [Житецкий 1893: 4]. Кибитки казались черными и потому, что из-за бедности войлок, который должен меняться каждые три-четыре года, использовался часто долгие годы. За это время он становился черным от копоти, неблагоприятных климатических условий, частых латаний.

При переводе предложения: (12) *usŋ šar° maŋg,°sīn ār° bījnd° neg mū ʁar° gerbāʁ, ter° ger mīŋi ger ter°* = *Усн шар маңһсин ар бийнд нег му хар гер бәәх, тер гер мини гер тер* ‘Позади [жилища] Усун Шара мангасов стоит убогая черная кибитка, эта кибитка и есть мой дом’ — *Auf der nördlichen seite von dem der gelben Wassermangas steht ein schlechtes, schwarzes zelt, das ist mein haus.* ‘Позади жилища (букв. на северной стороне) Усун Шара мангасов стоит убогая **черная** кибитка, эта кибитка и есть мой дом’ [Сказка № 18] — ученый использует при обозначении цвета кибитки прилагательное schwarz ‘черный’. В этом же предложении следует отметить правильный перевод словосочетания *ар бий* ‘задняя (тыловая сторона) дома’ — *die nördliche seite* ‘северная сторона’. Это свидетельствует о том, что автор хорошо знаком с древней системой ориентации на восход у калмыков, где «север в калмыцкой

культуре обозначается как сторона, задняя к стороне полудня» [Бакаева 2009: 20].

Таким образом, в текстах Г. Й. Рамстедта найдено и выделено шесть оттенков черного цвета.

Лексема *хар* часто используется при обозначении масти лошадей. Так, в рассматриваемом фольклорном тексте обнаружены три случая употребления лексемы *хар* при описании масти: *хар кер мөрн* ‘черный гнедой конь’; *хар халзн мөрн* ‘черный с лысиной конь’; *хар маштг* ‘черный низкорослый’ (конь):

(13) $\text{хар}^{\circ} \text{k}\bar{\epsilon}\bar{r} \text{m}\bar{o}\bar{r}\bar{t}\bar{a}$, $\text{хар}^{\circ} \text{un}\bar{h}\bar{n} \text{dax}^{\circ}\bar{t}\bar{a}$, $\text{хар}^{\circ} \text{ul}\bar{a}\bar{n} \text{zal}\bar{u} \text{k}\bar{u}\bar{r}\bar{t}\bar{s}\bar{h} \text{ir}\bar{e}\bar{b}$ = ... *хар кер мөртэ, хар унһн дахтэ, хар улан залу күрч ирэд...* ‘...на вороном коне в дохе [из шкуры] вороного жеребенка смуглый мужчина подъехал’ — *Unterdessen kam ein schwarz und roter jüngling mit schwarzem fohlenledernem oberpelz und auf einem dunkelbraunen rosse herangeritten* ‘Тем временем подъехал смуглый мужчина в шубе из жеребячьей кожи на темно-коричневом коне’ [Сказка № 18];

(14) $\text{jis}\bar{n} \text{хар}^{\circ} \text{g}\bar{a}\bar{l}\bar{z}\bar{n} \text{m}\bar{o}\bar{r}^{\circ} \text{aw}\bar{a}\bar{d} \text{ir}\bar{n}\bar{a}$ = *Йисн хар халзн мөр авад ирнэ...* ‘Девять черных с лысиной коней привели’ — *Neun schwarze rosse mit einer blässe am maule holt er herbei* ‘Девять черных коней с бледной пастью он привел’ [Сказка № 16];

(15) $\text{neg} \text{ik}^{\circ} \text{хар}^{\circ} \text{ma}\bar{s}\bar{t}\bar{b}\bar{g} \text{aw}\bar{a}\bar{d}$, $\text{neg} \text{ik}^{\circ} \text{t}\bar{o}\bar{m}\bar{r} \text{terg}^{\circ} \text{aw}\bar{a}\bar{d}$, $\text{m}\bar{o}\bar{n}\bar{g}\bar{a}\bar{n} \text{at}\bar{s}'\bar{d}\bar{z} \text{aw}\bar{a}\bar{d}$, $\text{g}\bar{a}\bar{r}\bar{a}\bar{d} \text{jowd}\bar{b}\bar{g} \text{boln}\bar{a}$. = *Нег ик хар маштг авад, нег ик төмр терг авад, мөңгэн ачжс авад, һарад йовдг болнэ.* ‘Одного ширококостного черного низкорослого [коня] купили, одну большую железную телегу купили, деньги свои погрузили и поехали’ — *Danach kauften sie ein grosses schwarzes pferd und einen hohen eisernen karren, luden darauf das geld und fuhren von da zurück.* ‘Затем они купили большую черную лошадь и высокую железную тележку, погрузили на нее деньги и поехали обратно’ [Сказка № 15].

Переводчик дает следующие переводы мастей лошадей: *хар кер мөрн* ‘ein schwarzes Roß mit einer blässe am maule’ (букв. ‘черный конь с бледностью на носу’), *хар халзн мөрн* ‘ein dunkelbraunes Roß’ (букв. ‘темно-коричневый конь’), *хар маштг* ‘ein schwarzes Pferd’ (букв. ‘черная лошадь’).

Как отмечалось выше, черный цвет выступает для характеристики существ Нижнего мира — мусов, шулмусов, мангасов и т. д., которые относятся к фольклорным персонажам и являются «исключительной принадлежностью сказочно-эпической картины мира» монголоязычных народов, так как встречаются только в сказочных текстах [Неклюдов 2019: 241]:

(16) $\text{х}\bar{o}\bar{f}\bar{n} \text{taw}\bar{n} \text{tol}\bar{y}\bar{a}\bar{t}\bar{a} \text{хотх}\bar{r} \text{хар}^{\circ} \text{ma}\bar{n}\bar{g} \text{ps} \text{bol}\bar{a}\bar{d} \text{öwg}\bar{i}\bar{g} \text{sor}\bar{n} \text{ald}\bar{a}\bar{d} \text{zoksw}$. = *Хөрн тавн толһэтэ хотхр хар маңһс болад, өвгиг сорн алдад зогсв.* ‘В двадцатипятиголового кривого черного муса [он] превратился и старика чуть было не проглотив, стоял’ — *Jener wurde ein senkrückiger, schwarzer Mangas mit fünfundzwanzig köpfen, wollte den mann aussaugen, erreichte ihn nicht und blieb da stehen.* ‘Тот стал черным мангасом с

двадцатью пятью головами, захотел высосать кровь у мужчины, но не доастал его и остановился' [Сказка № 13];

- (17) $\ddot{u}d\dot{i}n \chi\ddot{o}r\dot{n}d^{\circ} k\ddot{u}rt\check{s} ir\ddot{e}b \chi\ddot{o}r\dot{n} taw\dot{n} toly\ddot{a}t\ddot{a} \chi\ddot{o}t\chi^{\circ}r \chi\ddot{a}r^{\circ} m\ddot{u}s keld\check{z}-\ddot{a}n\ddot{a}$: «jün esw - ugē dōjtā tüš[!]ktā bolād odw -ta?» = *Үүдин [прав. үүдн] хоорнд күрч ирэд, хөрн тавн толхэтэ хотхр хар мус келжэнэ: «Юн эсв угэ дөңтэ-түшгтэ болад одвта?»* 'К порогу подойдя, двадцатипятиголовый кривой **черный** мус говорит: «Что за помощника-опору нашли вы себе?»' — Als der fünfundzwanzigköpfige Chotchor Chara Mus zwischen den türpfosten angerückt ist, spricht dieser: "Was für eine grosse stütze und hilfe habt ihr jetzt bekommen? 'Когда двадцатипятиголовый Хотхор Хара Мус приблизился к дверному косяку, говорит этот: «Какую большую поддержку и помощь вы сейчас получаете?» [Сказка № 21].

В немецком тексте Г. Й. Рамстедт использует два варианта перевода лексемы *хар* — 1) прилагательное *schwarz* 'черный', 2) без перевода, дает транслитерацию лексемы в качестве онима — *Chotchor Chara Mus* 'Хотхор **Хара** Мус' (букв. кривой черный мус):

- (18) $\chi\ddot{o}r\dot{n} taw\dot{n} toly\ddot{a}t\ddot{a} \chi\ddot{o}t\chi^{\circ}r \chi\ddot{a}r^{\circ} ma\check{n}g, ps bol\ddot{a}d \ddot{o}wg\ddot{i}g sor\dot{n} ald\ddot{a}d zoksw$. = *Хөрн тавн толхэтэ хотхр хар маңһс болад, өвгиг сорн алдад зогсв.* 'В двадцатипятиголового кривого черного муса [он] превратился и старика чуть было не проглотил' — Jener wurde ein senk-rückiger, **schwarzer** Mangas mit fünfundzwanzig köpfen, wollte den mann aussaugen, erreichte ihn nicht und blieb da stehen. 'Тот превратился в кривого **черного** мангаса, захотел высосать кровь у старика, но не настиг его и остановился здесь' [Сказка № 13];

- (19) $\ddot{d}\dot{i}n \chi\ddot{o}r\dot{n}d^{\circ} k\ddot{u}rt\check{s} ir\ddot{e}b \chi\ddot{o}r\dot{n} taw\dot{n} toly\ddot{a}t\ddot{a} \chi\ddot{o}t\chi^{\circ}r \chi\ddot{a}r^{\circ} m\ddot{u}s keld\check{z}-\ddot{a}n\ddot{a}$: «jün esw - ugē dōjtā tüš[!]ktā bolād odw -ta?» = *Үүдин [прав. үүдн] хоорнд күрч ирэд, хөрн тавн толхэтэ хотхр хар мус келжэнэ: «Юн эсв угэ дөңтэ-түшгтэ болад одвта?»* 'К порогу подойдя, двадцатипятиголовый кривой **черный** мус говорит: «Что за помощника-опору нашли вы себе?»' — Als der fünfundzwanzigköpfige Chotchor **Chara** Mus zwischen den türpfosten angerückt ist, spricht dieser: "Was für eine grosse stütze und hilfe habt ihr jetzt bekommen?" 'Когда двадцатипятиголовый Хотхор **Хара** Мус приблизился к дверному проему, сказал: «Что за большую опору и помощь вы сейчас получили?»' [Сказка № 21].

С религиозными представлениями калмыков о Нижнем мире связан и фразеологизм, использующийся как проклятие: (20) $d\check{z}odw\dot{t}\ddot{a}y\ddot{a}n \chi\ddot{a}r^{\circ} g, az\check{r}t^{\circ} od!$ = „*Жодвтэһан*“ *хар һазрт од!* 'Со своим „Дждово“ сквозь землю провались!' (букв. 'Да провались в черную землю!') — «Scher dich in die hölle mit deinem Dordži-Džodba!» antwortete sie ihm. '«Убирайся в преисподнюю (проваливай в ад) со своим Дорджи Дждоба!» — отвечает она ему' [Сказка № 20].

Наряду с лексемой *цаһан* слово *хар*, как отмечалось выше, обозначает социальное положение человека: *хар яста кун* 'простолюдин' (букв. 'человек черной кости'), *хар кун* 'мирянин, простолюдин', *хара эмтн* 'простые смертные люди':

- (21) er^o χulyρν^o keldž-ānā: «jē , en^o-tšínı̄ χarā āmtı̄ biš^{ı̄}, enūgī-tšignı̄ idχ-ρν biš^{ı̄}!» gedž kelnā. = Эр хулһн келжәнә: «Э, энчн хара әмтн биш, энүгичн идхм биш!» — гезж келнә. ‘Мышь говорит: «Э-э, он не простой смертный, не будем его есть!» — говорит’ — Der mäuschenmann spricht: “Aha, dies ist nicht ein **umsonstiges** lebewesen. Dies dürfen wir nicht fressen”. ‘Мышь говорит: «Э-э, это **не прочее** живое существо. Этого мы не можем съесть’ [Сказка № 21].

Здесь при переводе на немецкий язык Г. Й. Рамстедт использует выражение *sonstiges lebewesen* ‘прочее живое существо’, хотя в немецком языке существует выражение *das gemeine Volk* ‘простонародье, простолюдин’.

Представляет интерес выражение *ут хар күн* ‘букв. длинный черный человек’. Если говорить о росте человека, уместнее было бы использовать слово *ик* ‘высокий’ вместо *ут* ‘длинный’, словосочетание *хар күн* означает ‘простолюдин’. И в переводе на немецкий язык автор переводит буквально: *lange schwarze mann* ‘букв. длинный черный человек’. Что же означает данное выражение? Явно, что этот персонаж, имеющий один глаз на макушке, олицетворяет зло:

- (22) ardāsı̄ orā dērı̄ nüttā ut^{ı̄} χar^o kün neg al^{ı̄}ktšı̄ gū unöksı̄ āšnā, köwūg tsok^odž alχār. = Ардаснь орә деернь [прав. деерән] нүдтә ут хар күн нег алгч гү унгсн аашнә көвүг цокж алхар. ‘Вдогонку за ним с глазом на макушке длинный черный человек на пегой кобыле поскакал, чтобы мальчика убить’ — Hinter ihm her nähert sich auf schwarz und weisser stute ein langer, schwarzer mann mit nur einem auge auf dem scheidel, — er nähert sich, um den burschen totzuschlagen. ‘Позади него приблизился на черно-белой кобыле длинный черный человек с одним глазом на макушке, он приблизился, чтобы убить мальчика’ [Сказка № 19].

Черный человек — это мифологический образ, существующий во многих культурах: черные великаны — в германо-скандинавской мифологии [Мифы, 1 1987: 288], Чернобог — злой бог, приносящий несчастье в мифологии балтийских славян [Мифы, 1 1987: 625], в русских сказках — это один из обликов черта. И в калмыцком фольклоре *ут хар күн* — это хтонический образ, являющийся представителем Нижнего мира.

При описании внешности человека в тексте встречается выражение *хар улан* ‘букв. черный красный’, в предложении его можно перевести как ‘смуглый’:

- (23) tīg^odž-ātı̄ χar^o kēr möftā, χar^o unı̄χ daχ^otā, χar^o ulān zalū kürtš irēd: «adūnd^o sanāyār jū χāw-tšı̄? » gegē d tsokāb orkwı̄. = Туигжәтл хар кер мөртә, хар уһн дахтә, хар улан залу күрч ирәд: «Адунд санаһар ю хәәвч?» — гегед, цокад оркв. ‘В это время на вороном коне в дохе [из шкуры] вороного жеребенка смуглый мужчина подъехал. «В табуне что ищешь?» — так сказав, ударил он [его]’ — Unterdessen kam ein **schwarz und roter** jüngling mit schwarzem fohlenledernem oberpelz uud auf einem dunkelbraunen rosse herangeritten. ‘Между тем пришел **красный и**

черный юноша в черной шубе из кожи жеребенка на темно-коричневом коне' [Сказка № 18].

Но в калмыцком языке для обозначения темного цвета лица существуют только два эквивалента — *хар чирэтэ* 'чернолицый', *хар шарвир* 'букв. черно-желтоватый'⁹⁰. Рассказчик же употребляет выражение *хар улан*, которого нет в словаре калмыцкого языка. Возможно, это локальное употребление, свойственное данной местности.

Немцы говорят о смуглом человеке — *braun* 'коричневый', *gebräunt* 'загорелый', *sonnverbrannt* 'загорелый'. Переводчик дословно переводит это выражение, не используя слов, употребляемых обычно в немецком языке: *schwarz und roter* 'красный и черный'.

Цветобозначение *хар* чаще всего встречается в именах собственных — 60 словоупотреблений (42 % от общего числа употребления колоратива *хар*). Лексема *хар* является составным элементом антропонимов, встречающихся в фольклорных текстах Г. Й. Рамстедта: *Харадэ Мергн*, *Марс Хар баатр*, *нойн Хар*. Данный факт подтверждает, что в культурологическом аспекте черный цвет калмыков имеет неоднозначную коннотацию. Данным эпитетом наделены многие персонажи калмыцких сказок, а именно ханы и богатыри: *Хадр Хар Авһ* (хан), *Хээрт Хар Күкл* (богатырь), *Бэрү Хар баатр* (богатырь), *Күдр Хар* (богатырь) [Калмыцкие богатырские сказки 2017: 541–542]. Лексема *хар* употребляется в качестве эпитета в данных случаях для того, чтобы подчеркнуть величие и могущество персонажа, т. е. выступает в значении «грозный, могучий».

Для усиления цвета используются наречие *лаш*: (23) *nāmŋ džild³ bost-uyē, laš ɣar³ kertüldž...* = *Нэамн жилд босд[г] угэ лаш хар [бууриг] кентүлж...* 'Не встающего восемь лет совершенно черного [верблюда] уложили...' — „Einen acht jahre lang nicht aufstehenden, klotzigen schwarzen kamelhengst (= den grabstein) hat man auf dich gelegt ... 'Не встающего восемь лет очень черного верблюда уложили ...' [Сказка № 16]. В немецком варианте наречию *лаш* соответствует прилагательное *klotzig*, 'неуклюжий, неотесанный', но оно может употребляться в разговорной речи и как наречие в значении 'очень'.

Таким образом, анализ фольклорных текстов Г. Й. Рамстедта показал, что лексема *хар* может обозначать оттенки цвета от блестяще-черного до серо-рыжего. Не все значения черного цвета, включенные в структуру словарной статьи Калмыцко-русского словаря, найдены в тексте. Во всех приведенных примерах в немецкой части текста автор осуществил переводы лексемы *хар*, максимально приблизив к калмыцкому тексту.

4.4. Лексема *улан* в сказках в записи Г. Й. Рамстедта

В лингвоцветовой картине мира калмыков красный цвет заключает в себе положительную коннотацию. По утверждению Е. В. Голубевой,

⁹⁰ *Смуглый* — «более темной окраски (по сравнению с обычным цветом кожи людей белой расы)» [СРЯ 1961: 222].

красный цвет является «воплощением жизненной силы, поддерживая ассоциации с кровью и огнем» [Голубева 2008: 24].

В калмыцком словаре выделены несколько значений лексемы *улан*. В первом номинативном значении она обозначает цвет предмета: красный, алый, румяный и др. Во-вторых, в сочетании с некоторыми предметами и явлениями, имеющими красный цвет, она может переводиться по-разному: *улан хол* ‘пищевод’ (букв. ‘красное горло’); *улан мөңгн* ‘медная монета’ (букв. ‘красные деньги’). В третьем значении употребляется исключительно со словами, обозначающими части тела человека и означает «голый»: *улан һар* ‘голые (собственные) руки’⁹¹. В-четвертых, исторически сложилось так, что красный цвет используется при обозначении политической лексики и коммунистической символики, на калмыцком языке эта лексика переводится с помощью калькирования с русского языка: *улан ээрм* ‘Красная армия’, *улан булң* ‘красный уголок’.

Проанализировав тексты сказок, выделяем диапазон оттенков красного цвета: от темно-коричневого до оранжевого.

Таблица 8. Шкала оттенков красного цвета
(на материале сказок в записи Г. Й. Рамстедта)

№	Оттенки красного цвета	Калмыцкий текст	Перевод на русский язык
1.	темно-коричневый	(1) <i>oktŕ ulān tsar ordž ögl-ugē ol'ān g, arāb bānā. = Оһтр улан цар орж өгл угэ оолад һарад бәәнә. [Сказка № 12]</i>	‘Короткохвостый красный волник не хотел заходить, прочь отбегал’
2.	темно-красный	(2) <i>öwgn g, arāb ulān tsustā jas^o aptširēb buslǰdž-āsŋ maχ^ond^o dürēb ork^ow. = Өвгн һарад, улан цустә яс апч ирәд, буслǰәсн махнд дүрәд оркв. [Сказка № 9]</i>	‘Старик вышел, красной кровью измазанную кость принес и бросил ее [в котел, где] варилось мясо.’
3.	розово-красный	(3) <i>emgn mašin ulān χal^omγā bānā. = Эмгн машин улан халмһә бәәнә. [Сказка № 17]</i>	‘Старуха изрядно захмелевшая* [букв. очень красная захмелевшая] [сидит]’
4.	красноватый	(4) <i>dalŋ möfnā del sūl awŋ-tšl, dapt^omŋ ulān kīr^o utχ awŋ-tšl? = Далн мөрнә дел-сүл авнч, даптмр улан киир-утх авнч? [Сказка № 16]</i>	‘Семидесяти лошадей гривы-хвосты возьмешь или кованые красные кинжалы-ножи возьмешь?’
5.	оранжевый	(5) <i>edū tedū boldž-ātł χānā talās nāŋχŋn ulān tōsŋ g, arγ ā. = Эдү-тедү болжәтл, хаанә талас нәрхн улан тоосн һарва. [Сказка № 13]</i>	‘Через некоторое время с той стороны, где жил хан, тонкий столб красной пыли показался’.

⁹¹ В алтайском языке в данном контексте эта лексема может иметь значение ‘нищий, бедный’: *кызыл бут* букв. ‘красные ноги’ [Майзина 2008: 175].

1. При описании масти животного в фольклорных текстах, в частности в сказках Г. Й. Рамстедта, часто используется лексема *улан* ‘красный’⁹²: *улан маитг* ‘красный низкорослый (конь)’; *улан халзн бух* ‘красный с лысинкой бык’; *улан укр* ‘красная корова’; *улан цар* ‘красный вол’; *улан мортэ кун* ‘человек на красном коне’.

При переводе автор использует прилагательные *rot* ‘красный’, *braun* ‘коричневый, бурый’ (как оттенок красного цвета):

(6) *oktr̥ ulān tsar ordž ögl̥-ugē ol̥ād g, arād bānā.* = *Оһтр улан цар орж өгл угэ ооляд һарад бээнэ.* ‘Короткохвостый красный вол никак не хотел заходить, прочь отбегал’ — Ein kurzgeswänzter **brauner** ochs will nicht hineingehen, sondern macht sich los und entflieht. ‘Короткохвостый **коричневый** вол никак не хотел заходить, а освобождался и убежал’ [Сказка № 12];

(7) *buldž orkāw öwgn̥ ulān mašt̥yān unā(d) g, arā(d) joww.* = *Булж оркад, өвгн улан маитган уна(д), һара(д) йовв.* ‘Спрятав [ее] там, старик сел на своего красного низкорослого [коня] и ускакал’ — Nachdem er sie so versteckt hatte, ritt er auf seiner **roten** mähre fort. ‘После того, как спрятал ее, он сел на свою **красную** клячу и ускакал’ [Сказка № 9].

Согласно классификации перевода цветообозначений, предложенной З. О. Давидян [Давидян 2005: 135], применительно к данному примеру мы наблюдаем полное совпадение оригинала и перевода на морфологическом уровне, т. е. они выражены одной и той же частью речи — прилагательным.

2. Данный случай применения лексемы *улан* рефлектирует истинное значение цвета красный — это цвет крови. В народном представлении кровь являлась символом жизни⁹³. От количества красных кровяных телец эритроцитов и направления кровотока зависит и окрас крови: алая, светлая, ярко-красная (артериальная) и темная, вишнево-бордовая, с синеватым оттенком (венозная).

В данном контексте определить цвет крови животного как темно-красный позволяет нам тот факт, что это уже свернувшаяся кровь после забоя скота:

(8) *öwgn̥ g, arād ulān tsustā jas^o aptširēw busldž-ās̥n̥ maχ^ond^o dürēw ork^ow.* = *Өвгн һарад, улан цустэ яс апч ирэд, буслжэсн махнд дүрэд оркв.* ‘Старик вышел, красной кровью измазанную кость принес и бросил ее [в котел, где] варилось мясо’ — Der mann ging hinaus, holte seinen rotblutigen knochen und steckte ihn unter das kochende fleisch. ‘Мужчина вышел, принес свою красную с кровью кости бросил ее в кипящее мясо’ [Сказка № 9].

При переводе ученый использует частичное совпадение, когда смысл тождествен, но в калмыцком тексте он выражен словосочетанием *улан цуста*

⁹² Из 74 случаев употребления лексемы *улан* в сказках Г. Й. Рамстедта 30 обозначают масть (окраса) животных.

⁹³ В русском языке существует выражение «в крови», т. е. от рождения; человека, имеющего много жизненных сил и энергии, говорят: кровь играет [ТСРЯ 1935:1522].

яс ‘кость с красной кровью’, а в немецком одним словом rotblutig ‘кроваво-красный’:

3. В зависимости от определенных эмоциональных состояний человека кожа лица может приобретать различные оттенки красного цвета: багровый (в момент, к примеру, когда человек выходит из себя от злости или гнева), пунцовый (при испытании чувства стыда) и т. д. В данном контексте от прилива крови кожа человека приобретает розовато-красный цвет (раскрасневшейся после употребления крепких напитков).

Согласно классификации З. О. Давидян, Г. Й. Рамстедт использует частичное переводческое совпадение, когда при тождественном смысле слову *улан* соответствует словосочетание *sehr rot im gesicht* (‘букв. с очень красным лицом’):

(9) emgŋ mašīn ulān χal^omyā bānā. = Эмгн машин улан халмһә бәәнә. ‘Старуха изрядно захмелевшая* [букв. очень красная захмелевшая] [сидит].’ — Seine Frau ist sehr rot im Gesicht und angeheitert. ‘Его жена подвыпившая, с очень красным лицом’ [Сказка № 17].

В немецкой лингвокультуре, также как и в калмыцкой, выражение *rot im Gesicht* ‘красное лицо’ (‘букв. красный в лице’) означает эмоциональное состояние человека.

4. В данном контексте «кинжалы-ножи» красноватого оттенка. Как известно, ножи, мечи и кинжалы отливали из булата — сплава железа и углерода. По цвету он делился на серый, бурый или черный. При падении солнечных лучей на изделия из булата они отливали красноватым или золотистым цветом. Красноватый оттенок получался из-за того, что в углероде присутствовала посторонняя примесь [О булатах... 1841: 223].

Автору не составило труда перевести данное выражение на немецкий, так как здесь присутствует полное тождество смысла:

(10) dapt^omŋ ulān kīr^o utχ awŋ-tšī? = ...дантмр улан киур-утх авнч? ‘...кованные красные кинжалы-ножи возьмешь?’ — ... willst du ein geschmiedetes, **rotes** messer haben? ‘...хочешь ты иметь кованый **красный** меч?’ [Сказка № 16].

5. Выражение *нәрхн улан тоосн* ‘букв. тонкая красная пыль’ часто встречается в калмыцком фольклоре. Столб или вихрь из пыли может появляться спереди (символизирует появление человека, скачущего на лошади, и приносящего какую-либо весть) или сзади (погоня): (11) en^o χū sālk^onā tōsŋ gek^olā mel mintšigŋ boldž ökk^o-s (ökk^o-wš); en^o neg-ugē tōsŋ biš^o! = Эн хү сәлькнә тоосн гехлә, мел мин чигн болж өгхш (өгхвш), эн нег угә тоосн биш, негтә тоосн. ‘Вихрь это сказать — как будто не так, не простой это столб пыли, а [конем] вздымаемая это пыль’ — Wenn ich sage, es sei die staubwolke eines wirbelwindes, so wird das doch nicht gerade das sein. ‘Das ist nicht ein staub ohne etwas, das ist ein staub mit etwas Когда я говорю, что это облако пыли от вихря, то это будет не совсем так. Это не пыль без чего-то, это пыль с чем-то’ [Сказка № 20]. (12) ardāsŋ neg nāfχŋn ulān tōsŋ χurdllūlān āš^odž jowdŋc bolnā. = Ардаснь нег нәрхн улан тоосн хурдлулад аашж йовдг болнә. ‘Позади него спеша идет **тонкий столб пыли**’ — Hinter ihm nähert

sich hurtig eine schmale **rote staubwolke**. ‘Позади него быстро приближается тонкое **красное облако** пыли’ [Сказка № 20]. В переводе на немецкий язык наблюдается частичное совпадение. В понимании калмыка пыль — это масса, принимающая вертикальную форму (столб), она окутывает всадника и лошадь. В понимании немца она имеет форму облака.

В обоих вариантах присутствует красный цвет: *улан* ‘rot’. Но цвет пыли или песка бежевый, ближе к оранжевому, следовательно, здесь применим именно этот оттенок красного цвета.

В текстах Г. Й. Рамстедта выявлено пять оттенков красного цвета. В родственном монгольском языке диапазон оттенка красного цвета намного широк — 22: от кроваво-красного *цусаан улаан* до красно-фиолетового *улаан ягаан* [БАМРС 2001: 316]. Многочисленны оттенки красного цвета и в русском языке: алый, багровый, вишневый, рубиновый, карминный, малиновый и т. д.

Красный цвет является одним из стойких ассоциаций к слову *солнце*. В русском фольклоре неразложимыми сочетаниями являются выражения *красно солнышко*, *солнце красное*, которые являются синонимом красоты, так как *красный* употреблялся в значении *красивый*. В калмыцкой культуре выражение *улан нарн* обозначает время суток — *өрүн улан нарнла* ‘на рассвете’; *асхн улан нарнла* ‘на закате’:

(13) *örün ulān narṅlā g,arād, asḥn ulān narṅlā irēd... = Эрүн улан нарнла һарад, асхн улан нарнла ирэд.* ‘Утром **на рассвете** выходит, вечером **на закате** возвращается’ — *Bei der frühen Morgensonne geht der unhold aus, am Abend bei sich rötender Sonne kommt er zurück.* ‘При **раннем утреннем солнце** чудовище выходит, вечером при **краснеющем солнце** приходит’ [Сказка № 22].

При переводе автор использует несколько вариантов значения данных слов: *die frühen Morgensonne* ‘букв. раннее утреннее солнце’, *die rote Morgensonne* ‘красное утреннее солнце’, *die rötende Sonne* ‘краснеющее солнце’, *der rötlichen Sonnenaufgang* ‘красноватый восход солнца’:

(14) *...örün ulān narṅ g,arsṅnās nārṅ enṅ ḫālṅṅ dērṅ sūyā-w.* = *...өрүн улан нарн һарснас наар[а]н эн хаалһ деер сууһав.* ‘...с самого рассвета на этой дороге сажу’ — *Seit der frühen, roten Morgensonne habe ich hier am Wege gesessen.* ‘С раннего **красного утреннего солнца** сидел я здесь на дороге’ [Сказка № 22].

(15) *...örün ulān narṅlā sūr sūr sälkṅtā, güṅ güṅ ḫurtā ird-īmṅ.* = *...өрүн улан нарнла сүр-сүр сәльктә, гүр-гүр хуртә ирдимн.* ‘...на рассвете сильный ветер поднимая, проливной дождь вызывая, приходит’ — *Mit diesen Worten pflegt er bei dem rötlichen Sonnenaufgang mit heftigem Sturm und platschendem Regen zu kommen.* ‘С этими словами он имел обыкновение при **красноватом восходе солнца** прийти с сильной бурей и проливным дождем’ [Сказка № 21].

Данный синонимичный ряд следует отнести к частично-адекватному совпадению оригинала и перевода, когда несколько компонентов структуры изменены.

Автор прибегает также к вариантному переводческому совпадению, когда «в языке перевода существует несколько слов для передачи одного и того же значения исходного слова [Давидян 2008: 135]: *abends, wenn die sonne rot untersinkt* ‘букв. вечером, когда солнце погружено в красный цвет’, *die morgensonne rot aufgeht* ‘утреннее солнце восходит красным’: (16) *асхн улан нарнлэ шимэд өрүн улан нар[н] күртл шимэд шимнэ*. ‘...с вечернего заката до самого рассвета [кровь] у него выпивает.’ — **Abends, wenn die Sonne rot untersinkt, fängt er an zu Saugen und saugt und saugt, bis die Morgensonne rot aufgeht.** ‘Вечером, когда **солнце погружено в красный цвет**, приступает он к сосанию, и сосет, сосет, до того, пока **утреннее солнце восходит красным**’ [Сказка № 22].

Лексема *улан* встречается в выражении *зам улан хаалһ* ‘тракт, столбовая дорога’: (17) *köwün zam ulān xālγār gūgē g, arγ.* = *Көвүн зам улан хаалһар гүүһә[д] [прав. гүүж] харв.* ‘Юноша по проезжей дороге дальше побежал’ — *Der knabe läuft den roten, grossen weg entlang.* ‘Юноша бежит вдоль красно большой дороги’ [Сказка № 11].

В калмыцкой языковой картине мира слово *хаалһ* ‘дорога’ часто ассоциируется с белым цветом, что означает ‘счастливый путь’, путь без препятствий и трудностей: *Цаһан хаалһта болтха!* ‘Счастливого пути!’ Символика красного цвета при обозначении дороги имеет, безусловно, положительную коннотацию: указывает на качественную просторную широкую дорогу, в переносном значении — на правильность пути⁹⁴. Автор старается максимально близко перевести значение данного цвета, что приводит к некоторой спорности, так как в немецком языке лексема *rot* не используется в данном значении:

(18) *köwün zam ulān xālγār gūgē g, arγ.* = *Көвүн зам улан хаалһар гүүһә[д] [прав. гүүж] харв.* ‘Юноша по проезжей дороге дальше побежал’ — *Der knabe läuft den roten, grossen weg entlang.* ‘Юноша бежит вдоль красной большой дороги’ [Сказка № 11].

(19) *köwün g, arāb jowvā, zam ulān xālγār.* = *Көвүн һарад йовва, зам улан хаалһар.* ‘Юноша вышел и по проезжей дороге отправился в путь’ — *Der knabe begab sich weiter, die rote, grosse strasse entlang.* ‘Юноша пошел дальше вдоль красной большой дороги’ [Сказка № 11].

В немецком языке есть синонимы, которые могут передать это же значение: *die landstraße* ‘большая дорога’, *die poststraße* ‘почтовый тракт, столбовая дорога’⁹⁵.

Таким образом, цветообозначение вообще и красный цвет в частности, помещается человеком в пространство национальной картины мира, в чем и находится объяснение некой амбивалентности представленного цвета. Специфика перевода цветообозначений состоит в том, что в немецком и

⁹⁴ Столбовой — 1) большая, проезжая дорога с верстовыми столбами; 2) главное направление в движении или развитии чего-либо [СРЯ 1961: 373].

⁹⁵ Столбовой — 1) большая, проезжая дорога с верстовыми столбами; 2) главное направление в движении или развитии чего-либо [СРЯ 1961: 373].

калмыцком языке дифференциация денотата происходит по-разному. Она зависит от ассоциативно-образного мышления и мировосприятия переводчика, а также от лексико-семантических и морфологических средств, характерных для калмыцкого языка. Фольклорные тексты имеют особую структуру, что требует тщательного внимания и лингвистической интуиции переводчика, иначе это может привести к неточности передачи цветовой парадигмы, находящейся в исходном тексте. Проблема перевода цветообозначений в тексте, в частности, в фольклорном, сложна для переводчика, так как он должен быть одновременно носителем лингвокультур двух народов.

Анализ фольклорного текста показал, что лексема *улан* как один из основных цветов часто употребляется в фольклорных текстах и большей частью имеет положительную семантику. Но часть ученых считает, что лексема *улан* может иметь и отрицательную коннотацию [Санжеев 1941; Куканова, Омакаева 2011], которая чаще всего встречается во фразеологизмах: *улан махн болтл цокх* ‘жестоко избивать кого-либо до полусмерти’ (букв. ‘до красного мяса избить’); *улан холднь курх* ‘задевать за живое’; ‘мучить, терзать’; *улан хорха* ‘очень жадный человек’ [Куканова, Омакаева 2011: 46]. Г. Д. Санжеев считает, что денотативным значением лексемы *улаан* является выражение *улаа гаргах* ‘заколоть мясо на овцу’ (‘букв. вынести нечто красное’, т. е. мясо или кровь [Санжеев 1941: 36]).

4.5. Лексема *шар* в сказках в записи Г. Й. Рамстедта

Как считает Г. Ц. Пюрбеев, желтый цвет символизирует священность, ритуальную жертвенность и является сакральным в силу того, что это цвет желтой буддийской религии [Пюрбеев 2015: 73].

Желтый цвет также ассоциируется у всех монголоязычных народов с золотом. С. Ю. Неклюдов, говоря о символике золота у монголов, подчеркивал взаимозаменяемость и изначальную мифологическую равнозначность этих слов [Неклюдов 1980а: 80]. С этим универсальным космическим символом связано «появление земли и первого человека, предков правителей и самих правителей, понятие вечности, нетленности, прочности, истинности» [Жуковская 2002: 210]. По представлению монголоязычных народов сотворение мира начинается с того, что птица поднимает из глубины океана «золотую землю» [Санжина 2018: 96], правитель Хубилай родился от того, что его мать Эши-хатун открывает золотой ларец, из которого вылетают три золотые мошки, которые через ноздри вошли в ее золотое чрево [Лубсан Данзан 1973: 223].

Лексема *шар* имеет три значения, согласно данным Калмыцко-русского словаря. Первое из них обозначает собственно цвет: желтый, рыжий, русый. В устойчивых сочетаниях с элементом *шар* данная лексема приобретает совершенно иные значения: *шар усн* ‘сыворотка’; *шар тосн* ‘топленое молоко’; *шар уург* ‘молозиво’ и т. д. Второй лексико-семантический вариант лексемы *шар* заключается в значении ‘красный, прекрасный, красивый’: *шар нарн* ‘солнце красное’; *шар нойхн* ‘красная девица’. Третье значение лексемы

шар — она входит в состав ботанических и зоологических названий: *шар өрг* ‘абрикос’; *шар харһа* ‘сосна’; *шар өтг* ‘гиена’; *шар толһата моһа* ‘уж’ [КРС 1977: 665].

Таблица 9. Шкала оттенков желтого цвета
(на материале сказок в записи Г. Й. Рамстедта)

№	Оттенки желтого цвета	Калмыцкий текст	Перевод на русский язык
1.	желтый	(1) börgin bökn̄ tsayān neg šar ^o lawš ^o ḡ ömsēd, neg tirsäg: ömsēd, neg хонхḡ g.artān bāfād хожḡ ах ^o dān күрēd irnā. = <i>Бөөргин Бөкн Цаһан нег шар лавшг өмсэд, нег тишрүг өмсэд, нег хоңх хартан бәрэд, хойр ахдан күрэд ирнэ.</i> [Сказка № 11]	‘Бергин Бекн Цаган, надев желтый лавшг и шляпу, держа в руке колокольчик, к двум братьям явился’
2.	зеленовато-желтый	(2) худ ^u γin šar ^o mek ^l ā «wāḡ, wāḡ!» gegēd dū g.arnā. = <i>Худгин шар меклә «ваг! ваг!» гегед ду харнэ.</i> [Сказка № 13]	‘Колодезные желтые лягушки заквакали «ваг! ваг!»’
3.	рыжий	(3) ardḡ aldḡ-ugē šürdäg a ^l wḡ šar ^o šur ^u ḡ bolād kōnā. = <i>Арднь алдл угэ шүүрдг альвн шар шург болад көөнэ.</i> [Сказка № 16]	‘Следом, не упуская, хватающей рыжей гончей обернувшись, [ястреб] погнался’
4.	светлый (цвет кожи)	(4) ...tünā dotḡ orād irk ^l ā tawḡ zūn mintšyḡr šar-šar kün bānā. = ... <i>түүнэ дотр орад ирхлә, тавн зун минчһр шар-шар күн бээнэ.</i> [Сказка № 17]	‘Когда вошли в них, там оказались пятьсот светлых человек с пухлыми и румяными щеками’
5.	светло-желтый; желтоватый (соловый)	(5) iškā dewḡ ömsēd, iškā kemnäg maḡ ^l ā ömsēd, šaryḡ dāyān unād, = <i>Ишкэ девл өмсэд, ишкэ кемнэг махлә өмсэд, шарһ дааһан унад...</i> [Сказка № 13]	‘Из войлока шубу надев, из войлочной накидки [сшитую] шапку надев, на солового двухлетку сел’
6.	желтовато-коричневый (горчичный)	(6) enḡgēr g.urwḡ šar ^o tolyātā хун ^u jowdž jowād... = <i>Энүгэр гурвн шар толһэтэ хун йовж йовад...</i> [Сказка № 17]	‘Здесь три желтоголовых лебедя пролетали...’

В рассматриваемом фольклорном тексте мы выделяем шесть оттенков желтого цвета. В монгольском языке выявлено пять оттенков желтого цвета: *шар* ‘желтый’, *шар-улаан* ‘красно-желтый’, *шар халтар* ‘светло-соловый’, *шар цоохор* ‘желто-пегий’, *цэвэр шар* ‘чисто-желтый’ [БАРМС 2002: 341].

1. Лавшг является церемониальным типом одежды калмыков, представляющий собой вид распашного халата с расширенным к подолу краем. Его носили как духовенство, так и простые миряне [Бакаева 2017: 54]. Согласно И. В. Бентковскому, лавшиг («тот же бешмет, только подлиннее и без всяких украшений» [Бентковский 1869: 135]) носили мужчины «солидных лет». Для лавшиг калмыки использовали шерстяные или хлопчатобумажные фабричные ткани различной расцветки [Эрдниев 1970: 137], в том числе и желтого цвета. Но стоит предположить, во-первых, что это был не ярко-желтый цвет, так как лавшиг носили мужчины пожилого

возраста, во-вторых, хотя и считалось, что одежда желтого цвета была исключительно прерогативой духовенства, такого цвета одежду могли носить и простые миряне.

При переводе на немецкий язык Г. Й. Рамстедт использует полное переводческое совпадение: (7) *börgin bökn tsagān neg šar^o lawš^og ömsēd, neg tirtsäg: ömsēd, neg хоңхр g,artān bāfāb хојг ах^odān күгēd irnā.* = *Бөөргин Бөкн Цаган нег шар лавшиг өмсэд, нег тиирцг өмсэд, нег хоңх хартан бэрэд, хойр ахдан күрэд ирнэ* ‘Бёргин Бёкен Цаган надел желтый лавшиг, шляпу надел, в руке держа колокольчик, к двум братьям явился’ — *Börögin Bökön Tsagān zog einen **gelben** überrock an, setzte eine mönchsmütze auf, nahm eine glocke in die hand und kommt zu seinen brüdern.* ‘Бергин Бекн Цаган, надел **желтый** лавшиг, надел шляпу, взял в руку колокольчик и пришел к своим братьям’ [Сказка № 11].

2. Наиболее часто встречающимся видом лягушек в степной зоне являются озерные. Характерным окрасом таких лягушек является не чисто желтый, а зеленовато-желтый цвет. Они являются отличными маскировщиками, благодаря такому окрасу их очень трудно найти в степи. В шкале оттенков желтого цвета следует отметить зеленовато-желтый.

В переводе на немецкий язык здесь тоже использовано переводческое совпадение: (8) *хид^uγīn šar^o mek^llā «wāg, wāg!» gegēd dū g,arnā.* = *Худгин шар меклэ «ваг! ваг!» гегед ду харнэ.* [‘А там’ колодезные желтые лягушки заквакали «ваг! ваг!»] — *Die **gelben** frösche im brunnen rufen: „quak-quak!”.* ‘**Желтые** лягушки в колодце кричат «квак! квак!»’ [Сказка № 13].

3. Гончие относятся к охотничьим видам, которые привлекаются к охоте на мелких диких животных. Помимо хорошего чутья для преследования добычи, им просто необходимо быть незаметными, сливаясь с ландшафтом. Поэтому и окрас шерсти должен быть неприметным на плоской местности, в частности в степи. При описании гончих собак барон Г. Д. Розен⁹⁶ утверждал, что окрас шерсти у них различный: «багряная разных оттенков, чепрачная, черная, соловая, но непременно с подпалинами рыжими или соловыми разных теней» [Розен 1896: 139]. Наиболее часто встречающимся окрасом у данной породы собак считали ярко-рыжий, переходящий в коричневый («багряно-муругий») [Розен 1896: 42]. Таким образом, в данном примере мы имеем рыжий как оттенок желтого цвета: (9) *ardñ ald^l-ugē šūrdäg al’wñ šar^o šur^og bolād kōnā.* = *Арднь алдл угэ шүүрдг альвн шар шург болад көнэ.* ‘Следом, не упуская, хватающей рыжей гончей обернувшись, [ястреб] погнался’ — *Im rücken des hasen wird [der falke] ein unfehlbar angreifender, spielender **gelber** jagdhund und verfolgt ihn.* ‘Позади зайца ястреб превращается в играючи хватающего **желтого** охотничьего пса и следует за ним’ [Сказка № 16].

4. Лексема *шар* употребляется при описании внешности человека и означает ‘светлый’: (10) *tūnā dotḡ orād irk^llā tawñ zūn mintšypr šar-šar kūn bānā.*

⁹⁶ Розен Г. Д. (1946–1897) — барон, заядлый охотник и заводчик собак, автор книг «История борзых собак» (Москва, 1891), «История гончих собак» (Москва, 1896).

= ...*түүнэ дотр орад ирхлэ, тавн зун минчһр шар-шар кун бээнэ*. ‘Когда вошли в них, там оказались пятьсот светлых людей с пухлыми и румяными щеками’ — *Als man in diese eintritt, sind fünfhundert prunkvoll gekleidete, geräuschvoll sich bewegendende männer da*. ‘Когда вы входите в него, там находятся пятьсот роскошно одетых и с шумом движущихся мужчин’ [Сказка № 17].

В калмыцких и монгольских словарях указано одно из значений лексемы *шар* как ‘светловолосый, рыжеволосый’ [КРС 1977: 665; БАМРС 2002: 341]. Но в данном контексте речь идет все-таки о цвете кожи, а не волос. Согласно определению антрополога Д. О. Ашиловой, типичным для калмыков является смуглый (темный) оттенок кожи, хотя более светлыми по цвету кожи являются торгуты, проживающие компактно в восточных районах республики [Ашилова 1976: 19]. Для калмыка же светлый цвет кожи имеют инородцы, в частности русские. Из контекста предложения следует вывод, что речь идет не о калмыках. В немецком тексте Г. Й. Рамстедт ошибочно переводит редупликатив *шар-шар*, путая его с выражением *шар шар гих*, которое существует в калмыцком языке и приводится в словарной статье на лексему *шар* в «Калмыцком словаре» [Ramstedt 1935: 349]: *sausen* ‘(про)шуметь, (про)свистеть, мчаться, нестись’ [НРС 1965: 706], *brausen* ‘бушевать, шуметь’ [НРС 1965: 170]. Аналогичное выражение существует и в монгольском языке: *шар шир хийжэ* ‘с шумом, шумно’ [БАРМС 2002: 342]. Скорее всего, ученый посчитал, что *шар-шар* — это звукоподражание шуму движения при ходьбе, но в данном случае, как видно из оригинала текста, речь идет о цвете кожи лица человека: *шар-шар кун* ‘светлый человек’. Если бы в этом предложении в описании подразумевались бы люди, производящие шум при ходьбе, то правильно было бы сказать на калмыцком языке: *тавн зун минчһр кун шар-шар гихэд бээнэ*. Другими словами, *шар-шар гихэд* занимало бы препозицию перед сказуемым *бээнэ*. Кроме того, звукоподражания в калмыцком языке редко используются без глагольных форм, которые вместе составляют единый комплекс, передающий имитацию звуков при том или ином действии.

Подобное мы наблюдаем и в алтайском языке: лексема *сары* ‘желтый’ характеризует «человека со светлым (белым) лицом, светлыми волосами *сары чачту* ‘светло-русый, белокурый’, *сары чырайлу* ‘со светлым лицом’» [Майзина 2008: 96], т. е. опять же речь идет о представителях другой национальности. В культуре монголоязычных народов, в частности калмыков, такое различие в восприятии людей также существует.

В немецком тексте автор при переводе вообще пропускает лексему *шар*. Это свидетельствует о том, что в немецкой культуре особого внимания к цвету кожи как к идентификатору национальности не обращают.

5. При определении окраса животного лексема *шар* обозначает соловую масть: (11) *iškā dewl̥ ömsēd, iškā kemnæg maχ^{lā} ömsēd, šaryp dāyān unāb...* = *Ишкэ девл өмсэд, ишкэ кемнэг махлэ өмсэд, шарһ дааһан унад...* ‘Из войлока шубу надев, из войлочной накидки [сшитую] шапку надев, на солового двухлетку сев... — *Er zog einen filzrock an, setzte eine grobe filzmütze*

auf den kopf, setzte sich auf sein gelbes zweijähriges fohlen. ‘Он надел на себя шубу из войлока, надел на голову шапку из войлока, сел на своего желтого двухгодовалого жеребца’ [Сказка № 13]. При переводе автор использует кальку.

В соединении с лексемой *цоохр* данная лексема приобретает другой оттенок желтого цвета — желто-пегий: (13) *tünā χāfūd° keldž-ēnā: «ülīn tšīnā oktr šar° tsōχr kül°g toχ°tn! = Туунә хәрүд келжәнә: «Үүлн чинә оһтр шар цоохр күлг тохтн!..»* ‘На это он сказал: «Величиной с облако короткохвостого желто-пегого коня оседлайте!..»’ — Zur antwort hierauf spricht Ringgurt: „Sattelt mir das berggrosse, kurzgeschwänzte gelbgetiegerte streitross! ‘букв. В ответ на это говорит Кольцевой Ремень: «Оседлайте мне эту гору, короткохвостого желто-тигрового боевого коня!..»’ [Сказка № 16]. При переводе автор точно передает значение данного слова: *gelbgetiegert* ‘желто-пегий, желто-пятнистый’.

6. В фольклорном тексте часто описывается желтый цвет головы лебедя. Типичным представителем орнитофауны Калмыкии является *шиигдг хун* ‘лебедь-шипун’. Он отличается от других видов отряда пластинчатоклювых тем, что при белом оперении голова птицы имеет горчичный окрас. Горчичный цвет относится к палитре желтого: это сложный цвет — смесь желтого, коричневого и зеленого. При переводе автор использует переводческое совпадение: (14) *enūgēr g, urwṇ šar° tolyātā χun° jowdž jowād = Энүгәр һурвн шар толһәтә хун йовжә йовад... ‘Здесь три желтоголовых лебедя пролетали...’* — Hier zogen nur drei gelbköpfige schwäne vorbei. ‘Здесь три желтоголовых лебедя пролетали’ [Сказка № 17].

Таким образом, в текстах сказок мы определили шесть оттенков желтого цвета: от светло-желтого до желтовато-коричневого.

Символика желтого цвета довольно противоречива у разных народов. В европейской культуре желтый цвет часто имеет отрицательную коннотацию. Он ассоциируется с коварством, хитростью и другими человеческими пороками: так, в желтую одежду облачались шуты. В Китае это символ «царственности, достоинства» и «оптимистический свадебный цвет юности, девственности, счастья и изобилия» [Тресиддер 1999: 97].

В буддизме желтый цвет имеет большое значение. Гаутама Будда был облачен в желтое одеяние в знак «смирения и отделения от суетного мира» [Тресиддер 1999: 97]. Монахи школы Гелуг носят шапки желтого цвета («желтошапочники»). Буддийская религия считалась желтой верой (*шар шажн* ‘желтая вера’). В фольклорном тексте мы находим подтверждение этому: (15) *sāfsṇ daχ°tā šarmṇ dṇg šar° mandžī: «bi daχ°nā-w» gegē d g, arād irnā. = Сәрсн дахтә шармдг шар манжә: «Би дахнәв», — geged, һарад ирнә. ‘В дохе из овчины желтой веры манджик: «Я последую», — сказав, вышел’ — Ein gelblicher, gelber mandschi in einem abgenutzten (haarlosen) ziegenpelz tritt hervor und sagt: „Ich will dich begleiten“. ‘Желтоватый желтый манджик в своей поношенной козьей шубе, выступив вперед, сказал: «Я тебя провожу»’ [Сказка № 15]. В переводе на немецкий язык данное понятие буддийской (желтой) религии звучит довольно странно и непонятно.*

Лексема *шар* часто употребляется в антропонимах и топонимах: *Шарада Мерген* ‘Шарада Мерген’; *Шар Күрмн* ‘Шара Кюрман’; *Усн Шар маңһс* ‘Усун Шар мангас’; *Шар хол* ‘Желтая река’ и т. д.

Таким образом, лексема *шар* может выражать цветовую характеристику предметов, окрас животных, цвет кожи человека, а также имеет прочную ассоциацию с буддизмом.

4.6. Лексема *бор* в сказках в записи Г. Й. Рамстедта

Лексема *бор* согласно словарю имеет несколько значений: 1. сивый (о масти), серый, бурый: *бор өңг* ‘серый цвет’; 2. смуглый (о цвете лица); 3. невзрачный, неприхотливый, простой; 4. в составе ботанических и зоологических названий: *бор уласн* ‘осина’; *бор гөрәсн* ‘косуля’.

В сказочных текстах Г. Й. Рамстедта выделены следующие семантические группы, имеющие отношение к лексеме *бор*:

1) обозначение масти животных и окраса оперения птиц: *бор дааһн* ‘сивый двухлетний жеребец’, *бор харцх* ‘серый ястреб’, *бор нуһсн* ‘серая утка’: (1) *bōdžūrīn bor° nuysŋ bolād nesēd g, arnā*. = *Боожурин бор нуһсн болад нисэд харна*. ‘Обернувшись **серой** прудовой уткой, полетел [воробышек]’ — Er verwandelte sich in eine graue teichente und flog fort. ‘Он превратился в серую прудовую утку и улетел’ [Сказка № 16].

2) описание природных объектов: *бор эрг* ‘серый берег’, *бор товхн* ‘серый холм’: (2) «*g, al üdīn aŋrɔnd° bor° erg°d° ir°dž unt°nā*» *genā*. = «*Һал үдин аңһнд бор эргд иржэ унтнэ*», — *генэ*. ‘«В полдень на **сером** берегу он спит», — говорит’ — „Zur nahenden, glühenden mittagszeit kommt er und schläft an dem grauen ufer“, antwortet er. ‘Близко к раскаленному полудню он приходит и спит на сером берегу“, - отвечает он’ [Сказка № 16].

3) описание зоологических терминов: *бор богшурһа* ‘полевой воробей’: (3) *χojr köwūn nād°dž-awād tolyān sūyās bor° bokšrḡā oldž aptš*. = *Хойр көвүн нааджэ йовад толһән сууһас бор богш[у]рһә олжэ апч*. ‘Два мальчика, играя у подножия кургана, серого воробышка нашли’ — Als diese zwei söhne spielten, fanden sie am hügel eine graue lerche. ‘В то время, как два мальчика играли, нашли они на холме серого жаворонка’ [Сказка № 10].

4) описание пищевых продуктов: *бор махн* ‘постное мясо’ (мясо без сала и костей, филе): (4) «*ńē, arɣ-ugē*» *gēgēd g, ujīn bor° maχ°nāsān āyīn tšigē bor° maχ° utlād awχplārḡ χōnā tšigē bor° maχ° utlād awād oktš-ādvoç bolnā*. = «*Нэ, арһ угэ*», — *гегед, һуйин бор махнасан ааһин чигэ бор мах утлад авхларн, хөөнэ чигэ бор мах утлад авад өгчэдг болнэ*. ‘«Так дело не пойдет!» — решил он и, с бедра своего с чашу величиной кусок мяса отрезая, с барана кусок мяса отрезал и дал [ей]’ — “Gut, etwas anderes ist nicht zu machen”, denkt er, aus seinem schenkel schneidet er ein stück fleisch von der grösse eines trinknapfes; als er das tut, wird es ein stück fleisch von der grösse eines schafes, und er gibt es dem vogel. ‘Хорошо, что-то еще не сделано’, — думает он, вырезая из своего бедра кусок мяса размером с чашу для питья; когда он это делает, кусок мяса становится куском мяса размером с овцу, и он отдает его птице’ [Сказка № 21].

Рассмотрим шкалу оттенков серого цвета на основе примеров из исследуемого фольклорного текста.

Таблица 10. Шкала оттенков синего цвета
(на материале сказок в записи Г. Й. Рамстедта)

№	Оттенки синего цвета	Калмыцкий текст	Перевод на русский язык
1.	буровато-коричневый	(5) <i>ter° keldž jowsŋ eg°tšŋ medēd</i> : « <i>en° bor° bokšādād° bor° ergŋ ɣarts°yɔ təw°ɣɔ jumŋ!</i> » <i>gedž kelnā</i> . = <i>Тер келж йовс[и]н[ь] эгчнь медэд: «Эн бор богшадэд бор эргн харцх тэвх юмн!» — геж келнэ.</i> [Сказка № 16]	‘То, что [воробышек] говорил, сестра поняла: «На этого серого воробышка надо серого, парящего у берега ястреба напустить!» — говорит [сестра]’
2.	буровато-серый	(6) <i>bōdžūrīn bor° nuysŋ būyād tūlā bolād gūdæg bolnā</i> . = <i>Боожурин бор нуисн буухад туулэ болад гуудг болнэ.</i> [Сказка № 16]	‘[Тем временем] прудовая серая утка, спустившись, обернулась зайцем и побежала’
3.	коричневый	(7) <i>ter° keptŋ mars ɣar° g arād bor° erg° temtsēd ɣurdldɔç bolnā</i> . = <i>Тер кептнь Марс Хар арад, бор эрг темцэд хурдлдг болнэ.</i> [Сказка № 16]	‘В тот же миг Марс Хара поскакал к серому берегу’
4.	коричнево-серый	(8) <i>dākād neg aŋç ps aŋç ps genā, ɣōnā tšigē bor° maɣ° ɣajād ögnā</i> . = <i>Дакэд нег аңс-аңс генэ, хөөнэ чигэ бор мах хаяд өгнэ.</i> [Сказка № 21]	‘Снова клюв свой [она] раскрывает, [и снова] с барана кусок мяса срезав, [он ей] бросает’

1. Полевой воробей, обитающий в степной зоне, имеет как и всякая мелкая птица, остерегающаяся от более хищных представителей фауны, окрас, максимально приближенный к окружающей природе. Так, он большей частью буровато-коричневый с каштаново-коричневой «шапочкой» на голове [Кукиш 1982: 105].

2. Широко распространенный вид семейства утиных серая утка обитает в степной и лесостепной районах Евразии и имеет неяркое буровато-серое оперение.

3. Берег реки может быть серым в холодное время года. Но один из персонажей, как видно из контекста, спит на берегу, т. е. действие происходит скорее всего летом. Если это пустая безлесная местность, то цвет берега может быть окрашен в цвет земли, которая большей частью бывает коричневой.

4. *Бор махн* — это филейная часть мяса, мякоть, «мясо без сала и костей» [КРС 1977: 110], которое после отваривания имеет серо-коричневый цвет.

Нами определено 4 оттенка серого цвета в калмыцком языке на основе фольклорного текста. В отличие от других колоронимов лексема *бор* в материале сказочных текстов не имеет переносных значений, основанных на устойчивых ассоциациях.

4.7. Лексема *көк* в сказках в записи Г. Й. Рамстедта

Символика лексемы *көк* связана с культом неба у монголоязычных народов, которое отождествлялось с богом, высшей силой. В самобытном жанре устного народного творчества калмыков лексема *көк* присутствует в загадке-триаде «Һурвн көк»:

- (1) *Деер теңгүр көк* 'Небо синее над нами,
Хаврин теегин ноһан көк Степная весенняя трава [синее] по утрам,
Хээртә Ижэлин усн көк Синяя вода в любимой Волге'.
 [Орчлнгин... 2001: 45].

В данной триаде следует обратить внимание на сочетание слов *көк ноһан* 'зеленая трава' ('букв. синяя трава'). Способность номинирования колоративно близких оттенков, как считает Э. У. Омакаева, исходит из того, что лексема *көк* изначально «обозначала различные оттенки синего, голубого, зеленого и серого тонов, впоследствии получивших самостоятельное наименование как отдельных цветов» [Омакаева 2009: 271].

Лексема *көк* имеет, по данным Калмыцко-русского словаря, имеет несколько значений: 1. синий, голубой, зеленый; 2. серый, сивый (чаще о масти); 3. зеленый, незрелый, неспелый; 4. синяк, кровоподтек; 5. обозначение в зоологических и ботанических терминах: *көк шовун* 'кукушка лесная'; *көк хутн* 'цапля'; *көк неткл* 'лишайник'; *көк тул* 'голубой кит' [КРС 1977: 312–312].

Рассмотрим шкалу оттенков синего цвета на основе примеров из исследуемого фольклорного текста.

Таблица 11. Шкала оттенков синего цвета
 (на материале сказок в записи Г. Й. Рамстедта)

№	Оттенки синего цвета	Калмыцкий текст	Перевод на русский язык
1.	синий	(1) <i>öwḡḡ odāb ɣalʼānā: ɣōsḡ kökʷ arḡḡ g,arḡā. = Өвгн одад халәнә: хоосн көк арсн һарнә. [Сказка № 17]</i>	'Старик пошел, посмотрел — только серая шкура вылезла'
2.	серо-голубой (сизый)	(2) <i>tīkʷlār kökʷ tsar kelwā: «ewḡ ɣōrḡḡḡ-m dewḡʷtškāb g,arḡāb odw» gedž kelwā. = Тишкләр көк цар келвә: «Эвр хоорндм девсчкәд, һарад одв», — геж келвә. [Сказка № 13]</i>	'Тогда сивый вол сказал: «Между рог он мне пнул, выходя», — сказал'
4.	зеленый	(3) <i>kökʷ dewēn öwsḡ, kītḡ bulʷḡin usḡḡ kūrḡš irēb möfḡ taḡ bolāb etsʷnā. = Көк девән өвсн, киитн булгин уснд күрч ирәд, мөрнь таг болад эцнә. [Сказка № 18]</i>	'Пока добрался до места, где зеленые луговые травы росли, где холодная ключевая вода была, конь сильно исхудал'

Согласно исследованному материалу, в текстах сказок Г. Й. Рамстедта вычленены пять оттенков синего цвета: от синего до зеленого. В монгольском языке для определения оттенков синего цвета используются дополнительные слова: *хар хөх* 'иссиня-черный', *хөх цэнхэр* 'светло-голубой,

светло-синий⁹⁷, *хөх ягаан* ‘лиловый, сиреневый’, *хөх саарал* ‘буланный с сизым’, *хөх бор* ‘серовато-пепельный’ [БАМРС 2002: 149]. В калмыцком языке лексема *көк* в составе словосочетаний может отражать оттенки серого цвета: *көк бор* ‘сивый, серый’; *көк саарл* ‘мышастый’; *көк буурл* ‘серо-сивый’ [КРС 1977: 313].

При переводе на немецкий язык Г. Й. Рамстедт использует слова *blau* ‘голубой’, *graublau* ‘серо-голубой’, *aschfarbig* ‘пепельного цвета’, *grün* ‘зеленый’:

- (4) *tünēs tsārān jowχplā neg ködēgīn ik° kök^θ buχ^u χarkkr.* = *Түүнэс цааран йовхлэ, нег көдэһин ик көк бух хархх.* ‘Дальше поедешь, большой сизый бык, в пустыне обитающий, встретится тебе’ — *Wenn du dann weiter kommst, wird dir ein grosser blauer stier in der wüste begegnen.* ‘Если ты дальше поедешь, встретится тебе в пустыне большой голубой бык’ [Сказка № 18];
- (5) *āmū bījdū ugē kīn bilā, kök^θ arsnd^o bilā.* = *Эмн бийднь угэ күн билэ, көк арснд билэ.* ‘Он был человеком, у которого душа не в теле была, а в серой шкуре’ — *Seine seele war nämlich nicht in seinem körper, sondern in dem graublauen felle.* ‘Его душа была не в его теле, а в серо-голубой шкуре’ [Сказка № 17];
- (6) *Šēdž-āt! χānā χatŋ g, artš-irēb kök^θ tsarlā kīnd^owā.* = *Шеежэтл, хаанэ хатн харч ирэд, көк царлэ күүндэ.* ‘Пока он оправлялся, хатун вышла и с сивым волом стала говорить’ — *Während er pisste, kam die chanin und sprach mit dem aschfarbigen ochsen.* ‘Пока он оправлялся, пришла ханша и разговаривала с пепельного цвета волом’ [Сказка № 13];
- (7) *kök^θ dewēn öwsŋ, kītŋ bul^uγīn usnd^u kürtš irēb būdž-ādṛç bolnā.* = *Көк девэн өвсн, киитн булгин уснд күрч ирэд, буужэдг болнэ.* ‘Туда, где зеленые луговые травы, холодная ключевая вода есть, приехал [он] и спешился’ — *So kommen sie zum grünen wiesengrase, zum frischen quellwasser und lassen sich dort zur ruhe nieder.* ‘Так они приехали к зеленым луговым травам, к свежей ключевой воде и остановились на отдых’ [Сказка № 19].

Лексема *көк* в текстах сказок Г. Й. Рамстедта встречается в следующих группах:

- 1) антропонимах: *Көк Арсн* ‘Кёк Арсан’ ‘букв. Серая Шкура’;
- 2) при описании масти животных: *көк цар* ‘сизый вол’; *көк бух* ‘сивый бык’;
- 3) при обозначении травы: *көк девэн өвсн* ‘зеленая луговая трава’.

В переносном значении в материале исследования лексема *көк* не обнаружена.

⁹⁷ В калмыцком языке для обозначения голубого цвета используется лексема *цеңкр* [КРС 1977: 632].

4.8. Лексема *ноһан* в сказках в записи Г. Й. Рамстедта

По данным Калмыцко-русского словаря в ядро семантического поля лексемы *ноһан* входят ассоциации, объединенные в следующие группы: 1. молодая трава, зелень; 2. зеленый [КРС 1977: 380].

В исследуемых фольклорных текстах это слово употребляется в значении ‘зеленый’ в антропониме: *Ноһан Дэрк* ‘Ноган Дярке’ (Зеленая Тара). Зеленая Тара — самая известная из 21 тары в пантеоне божеств, наиболее популярный женский мифологический образ, являющийся воплощением беспредельного сострадания [Мифы, 2 1988: 494]. Зеленый оттенок кожи свидетельствует о готовности помочь страждущим от восьми видов печали и восьми проявлений несчастья.

В немецком тексте автор не дает перевода лексемы *ноһан*. Простая транслитерация объясняется тем, что автор посчитал необходимым передать имя собственное в том звучании, какое оно существует в калмыцком языке: (1) *noγān dārkiṅ gegēnā ek° tsayān dārkiṅ gegēn kōγād g,arγād bādṁḡ bolnā.* = *Ноһан Дэркин гегәнә эк Цаһан Дэркин гегән көһад һарһад бәәдг болнә.* ‘Зеленой Тары гегян мать — Белая Тара гегян — их отгоняла [оказалось]’ — *Die mutter der Nogān Dārki, die Tsagān Dārki, vertreibt sie immer.* ‘Мать Ноган Дярки Цаган Дярки отгоняет их всегда’ [Сказка № 22].

4.9. Семантика и коннотации цветообозначений

Белый

Основным цветообозначением белого цвета является лексема *цаһан*. Она обозначает все предметы белого цвета. В фольклорном тексте по частотности занимает второе место (101 словоупотребление) после лексем *хар* и имеет ярко выраженную положительную коннотацию.

Цветообозначения *цаһан* ‘белый’ и *хар* ‘черный’ при описании дома или кибитки являются, как описывалось выше, определителем состоятельности хозяина, т. е. по цвету кибитки можно определить, к какому социальному слою относится тот или иной персонаж (*цаһан гер* ‘белая кибитка’, *цаһан өргә* ‘белоснежная кибитка, дворец’, *хар гер* ‘черная кибитка’, *хар урц* ‘черная лачуга’):

- (1) *ömn°ñ neg ösr büts-ugē or tsayān örgē üz°gd°-ādṁḡ bolnā.* = *Өмннь нег ооср буч угә ор цаһан өргә үздәжәдг болнә.* ‘Впереди показалась белоснежная кибитка без веревок-креплений’ — *Vorn wird ein bis auf band und gurt hellweisser hof sichtbar* ‘Впереди показался белоснежный дворец’ [Сказка № 19].
- (2) *gūdž jowt! neg tsayān ger ḡarγpdž irwā.* = *Гүүж йовтл нег цаһан гер харһж ирвә.* ‘Мчался [он] так, и в пути одна белая кибитка повстречалась’ — *Während er lief, kam ein weisses zelt zum vorschein.* ‘В то время как он бежал, перед ним появилась белая кибитка’ [Сказка № 11].
- (3) *mū ḡar° gert° kürēḡ irwā: ekḡ bādṁḡ bolnā.* = *Му хар герт күрәд ирвә: экнь бәәдг болнә.* ‘Пришел он к убогой черной кибитке, [а там] мать его была’ — *Er kam zu dem schlechten, schwarzen zelt, seine mutter ist darin.*

‘Он пришел к плохой черной кибитке, его мать там была’ [Сказка № 18].

- (4) «min ter^o ger» gēb ūlⁱ ɣar^o urts^o zādž ögnā. = «Мин[ь] тер гер» — *geed*, ууль **хар** урц зааж өгнә. ‘«Вон тот дом», — так сказав, указала на **ветхую** лачугу’ — „Jenes da“, sagt sie und zeigt auf eine elende **schwarze** hütte. ‘Вот этот – сказала она и показала на убогую **черную** лачугу’ [Сказка № 16].

Часто встречается белый цвет и при описании масти животных. В исследуемых фольклорных текстах мы находим двух персонажей, разных по окраске — белого и черного верблюдов, цвет которых имеет различную коннотацию.

Белый верблюд (*цаһан буур*) издавна почитался в народе. Так, например, самые ценные вещи во время сезонной перекочевки перевозились только на белых верблюдах. По свидетельству П.-С. Палласа «одногогорбые белые верблюды ... употребляют только для возки духовных книг, истуканов, то есть бурханов и прочих по их закону священных вещей» [Паллас 1778: 482].

В тексте по сюжету белый верблюд является предводителем большого стада, впоследствии главный герой превращает его в птицу:

- (5) tawŋ zūn maj^o temēndān kürēd irnā, ik^o tsayān būrīn orā dēr^o irēd g. aŋg . uŋ gēgēd dū g. arnā. = *Тавн зун май темэндән күрәд ирнә, ик цаһан буурин ора дээр ирәд, «һаң-һуң» гегед ду һарнә.* ‘Подлетел к пятиста одногорбым верблюдам своим, над большим белым верблюдом-самцом пролетая, «ганг-гунг!» прокричал’ — So kommen sie zu den fünfhundert kamelen; er setzt sich auf den scheidel eines hochgewachsenen weissen kamelhengstes und singt sein „gang-gung!“ ‘Так подходит они к пятиста верблюдам, он садится на макушку высокого белого верблюда и поет свое „ганг-гунг!“’ [Сказка № 17].

Черный верблюд (*хар буур*) так же, как и черная щука, является хтоническим символом, олицетворяющим зло, и как хтоническое существо обладает огромной деструктивной силой (на клыках его висят по сто человек):

- (6) ńē, kŭkŋ minī, zŭrk^o dāsŋ ik^o jumŋ, ɣojŋ sojadān nedžēγād zūn kŭ ölg^osŋ ik^o ɣar^o būr^o ɣarkk^o (ɣarγrɣr) = *Һә, күүкн мини, зуурк дэәсн ик юмн, хойр соядан нежәһад зун кү өлгсн ик хар буур харһх.* ‘Ну, дитя мое, в пути много врагов встретится, большой черный верблюд, у которого на двух клыках по сто человек висят, встретится [тебе]’ — Ja, ja, mein kind, die feinde auf dem wege sind mächtig! Solch ein grosser schwarzer kamelhengst, dem je hundert mann an den beiden hauptzähnen hängen, wird dir begegnen. ‘Да, да, мое дитя, враги на пути сильны! Такой большой черный верблюд, у которого по сто мужчин на обеих клыках его висят, встретится тебе’ [Сказка № 18].

В фольклорном тексте дихотомия добра и зла посредством оппозиции белый и черный проявляется в сюжете сказки № 18, где маленький герой побеждает черного верблюда, обладающего недюжинной силой.

Черный

Цветообозначение *хар* ‘черный’ является самой частотной группой 143 словоупотребления). Большей частью оно имеет отрицательную коннотацию.

При описании внешности человека встречается выражение *ут хар кун* ‘длинный черный человек’. Персонаж *ут хар кун* ‘длинный черный человек’, появляющийся в двух сказках (№ 12 и 19), следует отнести также к хтоническим персонажам, так как является символом зла и существом Нижнего мира, как и мусы, шулмусы, мангасов и т. д.:

- (7) *negīn tsokān, bas negērŋ awān negīn tsokān g,urwülāy aldž orkān gertān kūrēb irwā.* = *Тееклэ ут хар кун уурлад, негэрнь негинь цокад, бас негэрнь авад негинь цокад, хурвулаг алж оркад, гертэн күрэд ирвэ.* ‘Тогда длинный черный человек рассердился, одного одним побив, другого еще одним побив, всех троих убив, домой вернулся’ — *Da ergrimte der lange schwarze mann, nahm einen und schlug mit ihm den anderen, nahm wieder einen und schlug den anderen, — tötete so alle drei und geht von dannen nachhause.* Тогда длинный черный человек рассердился, одного одним побив, другого еще одним побив, всех троих убив, домой вернулся [Сказка № 12].

При описании характера человека используются лексема *хар* ‘черный’ — *хар саната* ‘злой, коварный’:

- (8) *odā χāndŋ odnā, dolān χarⁿ sanātā āwγp.* = Ода хаанднь однэ долан хар санатэ авх ‘Тем временем к хану отправились семь коварных дядей’ — *Nun begeben sie sich zum chan, die sieben neidisch gesinnten onkel.* ‘Тогда к хану отправились они, семь коварных дядей’ [Сказка № 21].

При описании объектов природы часто употребляется цветообозначение *хар* ‘черный’, имеющее ярко выраженное негативное значение. К примеру, черный курган, черная земля в лингвокультуре калмыков имеет отрицательную коннотацию. На черном кургане не было растительности, его обходили стороной не только люди, но и животные:

- (9) *bārŋ χarⁿ tolyān ör^b kŋn χonⁿdīmⁿtšignⁿ biš[!], üdld-īm-tšignⁿ biš[!]» genā.* = *Бэарн хар толһан өөр кун хондим чигн биш, үдлдим чигн биш!» — генэ.* ‘Возле здешнего **черного** кургана люди не ночуют и не полдничают!» — говорит’ — *In der nähe des schwarzen erdhügels pflegt man ja weder zu übernachten noch mittagsrast zu halten“*, erwidert er. ‘Вблизи **черного** кургана ни ночевать, ни обедать нельзя’ [Сказка № 15].

Как описывалось выше, выражение *хар hazp* ‘черная земля’ во фразеологизме, используемом как проклятие, имеет значение ‘преисподняя, ад’:

- (10) *džodwⁿ tāyān χarⁿ g,azrtⁿ od!* = „*Жодвтəһан*“ *хар hazpt od!* ‘Со своим „Дждво“ сквозь землю провались!’ (букв. ‘Да провались в черную землю!’) — «*Scher dich in die hölle mit deinem Dordži-Džodba!*» *antwortete sie ihm.* ‘«Убирайся в преисподнюю (проваливай в ад) со своим Дорджи Дждоба!» — отвечает она ему’ [Сказка № 20].

При описании природы лексема *хар* может употребляться как предвестник несчастья: *хар үүлн* ‘черное облако’:

- (11) bas sōn örēlīn tšigēd° delt°rīn tšigē хар° ūlŋ dērēsŋ šūyodž irēb awā jowād odnā. = *Бас сөөнь өрэлин чигэд [алднд] делтрин чигэ хар үүлн деерэснь шуугжс ирэд, ава[д] йовад однэ.* ‘Также примерно в полночь с подпотник величиной **черная** туча сверху с шумом налетела и унесла [жеребенка]’ – Abermals kam um mitternacht eine **schwarze** wolke, so gross wie ein sattelpolster, von oben herabgesaut und raubt es weg. ‘И снова в полночь **черная** туча, размером с седло, спустилась сверху и унесла его прочь’ [Сказка № 11].

Но лексема *хар* ‘черный’ может иметь и нейтральную коннотацию, к примеру, при описании внешности человека. Проанализировав фольклорный текст, мы нашли описание цвета кожи калмыков. Как отмечалось выше, цвет кожи описывается с помощью лексем *хар* ‘черный’ и *улан* ‘красный’:

- (12) tīg°dž-ātŋ хар° kēr mörtā, хар° unŋ daχ°tā, хар° ulān zalū күртš irēb: «adūnd° sanāyār jū χāw-tšī? » gegē b tsokād оркв. = *Тиигжэтл хар кер мөртэ, хар унһн дахтэ, хар улан залу күрч ирэд: «Адунд санахар ю хээвч?» — гегед, цокад оркв.* ‘В это время на вороном коне в дохе [из шкуры] вороного жеребенка смуглый мужчина подъехал. «В табуне что ищешь?» — так сказав, ударил он [его]’ — Unterdessen kam ein schwarz und roter jüngling mit schwarzem fohlenledernem oberpelz uud auf einem dunkelbraunen rosse herangeritten. ‘Тем временем подошел черный и красный юноша в черной дохе из кожи жеребенка на своем темно-коричневом коне’ [Сказка № 18].

- (13) barūn öwd°g dērān tāwād zūmbīn ulān χalχīn ümsēb ger talān daχūlād g arād jomnā. = *Барун өвдг деерэн тэвэд, зүмбин улан халхинь үмсэд, гер талан дахулад һарад йомнэ.* ‘На правое колено к себе посадив, [старик] в румяные щеки его поцеловал и повел к себе домой’ — Der greis setzt ihn auf sein rechtes knie und küsst seine frische wange, er setzt ihn auf sein linkes knie und küsst seine jugendlich rote wange, und er geht mit ihm, ihn nach seinem hause mitnehmend. ‘Старик сажает его на правое колено и целует в щеку, сажает его на левое колено и целует его в красную щеку, идет с ним, забрав домой’ [Сказка № 12].

Цвет волос в фольклорном тексте Г. Й. Рамстедта описывается нечасто, найдено всего два примера. Для описания цвета волос употребляются лексемы *хар* ‘черный’ и *цаһан* ‘белый’ (в значении ‘седой’), другие цветообозначения при этом не применяются: (3) dākŋ burχŋn хар° tolyān sawyŋr хар° üs°nēsŋ awldād ergldŋ tatldād odnā: es bolŋtsād bāw. = *Дэкн бурхн хар толһән савһр хар үснэсн авлдад, эрглдн татлдад однэ: эс боллцад бээв.* ‘Затем, за растрепанные черные волосы божественных черных голов хватая друг друга, кружились, но не могли одолеть друг друга [они]’ — Darauf fingen sie an bei dem wulstigen schwarzen haare des schwarzen gesegneten kopfes einander zu fassen, zu drehen und zu packen, alles dies hatte aber keinen erfolg. ‘Затем они начали хватать друг друга за пышные черные волосы черной благословенной головы, вертеть и хватать, но все это не имело успеха’ [Сказка № 16]; (14) tsal būrl saχoltā, tsayān būrl öwgn күртš irēb serūldž-ēnā. = *Цал буурл сахлтэ, цаһан буурл өвгн күрч ирэд серүлжэнэ.* ‘Белобородый

седовласый старик, подойдя, стал будить [ee]’ — Der schneeweisse mann mit dem silberweissen barte kam herbei und weckte sie. ‘Белоснежный мужчина с серебристо-белой бородой подошел и будит ее’ [Сказка № 17].

Анализируя цветообозначения при описании человека, следует отметить, что в тексте встречаются описания цвета волос и кожи, прежде всего, носителей языка, но они не настолько часто применимы потому, что все персонажи сказок являются этнически обусловленными.

Красный

Анализируя калмыцкий сказки, мы пришли к выводу, что лексема *улан* как один из основных цветов часто употребляется в фольклорных текстах и большей частью имеет положительную семантику, хотя некоторые ученые считают, что лексема *улан* может иметь и отрицательную коннотацию [Санжеев 1941; Куканова, Омакаева 2011], например, *улан махн болтл цокх* ‘жестоко избивать кого-либо до полусмерти’ (букв. ‘до красного мяса избить’); *улан холднь курх* ‘задевать за живое’; ‘мучить, терзать’; *улан хорха* ‘очень жадный человек’ [Куканова, Омакаева 2011: 46].

Улан ‘красный’ является прототипическим цветом крови в калмыцком языке. Найден один пример, где описан цвет крови убитого животного: (15) $\chi\ddot{o}n\ddot{a}-t\ddot{s}i\ \text{am}\ddot{n}\ \text{ul}\ddot{a}n\ \text{tsus}\ddot{n}\ -l-\ddot{m}$, $kept^{\circ}s\ddot{n}\ g\ \text{az}\ddot{r}\ \text{ma}\chi^{\circ}n-l^{\circ}-m$, $od\ddot{a}\ bi\ ja\gamma^{\circ}d-\ddot{i}mb\ddot{e}?$ » $ged\ddot{z}\ ke\ddot{l}\ddot{e}d\ \ddot{u}l^{\circ}a\ddot{b}\ b\ddot{a}w\ddot{a}$. = «*Хөөнэ[н]ч амн улан цуснлм, кептсн һазр махнлм, ода би яһдимбэ?*» — *гежэ келэд, уулад бэвэ*. «У всех твоих овец рты красные от крови, а там, где они лежали, мясо на земле, что же мне теперь делать?» — так говоря, стал плакать [он].’ — «Die mäuler deiner schafe sind ja rot von blut! Was soll ich jetzt tun?» sagte er und weinte. ‘Рты твоих овец красные от крови! Что я должен теперь делать?» — сказал он и заплакал’ [Сказка № 17].

При описании масти животных часто встречается лексема *улан* ‘красный’: (16) $taw\ddot{n}\ \text{jam}\ddot{a}t\ddot{a}\ \text{sand}\ddot{z}i$, $ok\ddot{t}\ddot{r}\ \text{ul}\ddot{a}n\ \ddot{u}k\ddot{r}t\ddot{a}\ \text{sand}\ddot{z}i$, $\ddot{s}ar^{\circ}\ \text{no}\chi\ddot{a}t\ddot{a}\ \text{sand}\ddot{z}i$, $neg\ \text{tem}\ddot{e}t\ddot{a}\ \text{sand}\ddot{z}i$. = *Тавн яматэ санжэ, оһтр улан үкртэ санжэ, шар нохэтэ санжэ, нег темэтэ санжэ*. ‘Пять коз было у них, короткохвостая красная корова, желтая собака и один верблюд были у них’ — Sie hatten fünf ziegen, sie hatten eine kurzgeschwänzte rote kuh, einen gelb-mäuligen hund und ein kamel. ‘У них было пять коз, короткохвостая красная корова, желтая собака и верблюд’ [Сказка № 14].

Цвет солнца в калмыцком языке, как правило, описывается лексемой *шар* ‘желтый’. Семантика колоронима *шар* ‘желтый’ при обозначении солнца тоже различна. В значении ‘желтый’ он употребляется, к примеру, в устойчивых словосочетаниях *намрин шар нарн* — ‘бабье лето’; *шар нар* — *бор хонг* ‘день и ночь’ [БАРМС 2001: 396].

Примеры желтого цвета солнца мы встречаем в эпосе «Джангар»:

(17) ...*шар нарн доркан эзлсн*... ‘...став владыкой живущих под желтым солнцем ...’ [Джангар 1990: 11, 197];

(18) ... *шар нарндан мөргэд, шаһа чимгэн бэрцэд*... ‘... кланяясь желтому солнцу и берцовую кость держа...’ [Джангар 1990: 30, 197].

Колороним *шар* ‘желтый’ может употребляться и в значении ‘красный, красивый, прекрасный’: *шар нарн* ‘солнце красное’ [КРС 1977: 665], что

собственно наблюдается и в русском языке: красно солнышко, красна девица (ср. калм. *шар нойхн* ‘красная девица’).

При описании солнца встречается и употребление лексемы *улан* ‘красный’. Красным солнце становится при описании восхода и заката:

(19) «*manā ajū tšikt° irk° bolz°γṅ boldž jowχ-īmṅ*» *gedž emgṅdān keltškāw öṅṅ ulān narṅ g,ars°nās nārṅ en° χālγṅ dēr° sūγā-w.* = «*Манэ Аю Чикт ирх болзгнь болж йовхимн*», — *гежэ эмгндэн келчкад, өрүн улан нарн харснас наар[a]н эн хаалh deer сууhav.* «Нашего Аю Чикти возвращение близится», — так старухе своей сказав, [отправился я], с самого **рассвета** на этой дороге сижу — «*Der zeitpunkt ist schon da, dass unser Ajū Tschikte kommen soll*», so sagte ich zu meinem alten weibe, und seit der frühen, **roten morgensonne** habe ich hier am wege gesessen. ‘Время уже наступило, когда наш Аю Чикте должен прийти”, – так я сказал своей старой жене, и с восходом **красного утреннего солнца** я сидел здесь у дороги’ [Сказка № 22].

(20) *bādž idūlnā, idūlēḅ söw°dḅ ald° delṅ χoṅšārān dürtškāw asχṅ ulān narṅlā šimēḅ öṅṅ ulān nar° күртl šimēḅ šimnā.* = *Шал-шул гегед түүкэ болсар ид гегед бээжэ идүлнэ, идүлэд, сөвднь алд-делм хоңшаран дүрчкад асхн улан нарнлэ шимэд өрүн улан нар[n] күртл шимэд шимнэ.* Разбрызгивая, полусырым [вынимает], ешь говоря, есть его заставляет, а когда он поест, в подмышку ему с сажень-полусажень клюв свой засунув, с вечернего **заката** до самого рассвета [кровь] у него выпивает. — *Eilends und roh, wie das fleisch ist, sagt er “iss!” und zwingt ihn zu essen; nachdem dein vater so gegessen, sticht [der böse geist der verhexung] zwischen seinen rippen den anderthalb klafter langen rüssel hinein und abends, wenn die sonne rot untersinkt, fängt er an zu saugen und saugt und saugt, bis die morgensonne rot aufgeht.* ‘Наспех сырое мясо [вынимает] и говорит “Ешь!” и заставляет его есть; после того, как отец поел, [злой дух] вонзает между его ребер полутораметровый длинный хобот, а вечером, когда солнце опускается **красное**, он начинает сосать и сосать, пока утреннее красное солнце не восходит’ [Сказка № 22].

Использование колоронима *улан* ‘красный’ при описании восхода и заката наблюдается в латинском и древних германских языках [Норманская 2005: 126]. Г. Й. Рамстедт при переводе калмыцких сказок на немецкий язык также использует колороним **rot**: *rote morgensonne* ‘красное утреннее солнце’ (восход), *die sonne rot untersinkt* ‘солнце красное опускается’ (закат).

Желтый

Желтый цвет у калмыков, как и у других монголоязычных народов, является сакральным: это цвет веры (буддизма), он также ассоциируется с золотом: (21) *sāfsṅ daχ°tā šarṅ dṅč šar° mandžī*: «*bi daχ°nā-w*» *gegē ḅ g,arāḅ irnā.* = *Сарсн дахтэ шармдг шар манжэ: «Би дахнэв», — гегед, харад ирнэ.* ‘В дохе из овчины желтой веры манджик: «Я последую», — сказав, вышел. — Ein gelblicher, gelber mandschi in einem abgenutzten (haarlosen) ziegenpelz tritt hervor und sagt: „Ich will dich begleiten“. ‘Желтоватый, желтый манджик в

поношенной шубе из козьего меха выходит и говорит: „Я буду сопровождать тебя“ [Сказка № 15].

Лексема *шар* ‘желтый’ часто употребляется при описании масти животных (*шар ноха* ‘желтая собака’, *шар шург* ‘рыжая гончая’, *шарһ дааһн* ‘соловый двухлетний жеребенок’):

(22) *šar^o noχā šarγo dāγān kötlēd ārdāsŋkögē g. arnā.* = *Шар нохэ шарһ дааһан көтлэд ардаснь көөж харнэ.* ‘Желтая собака, таща за собой солового двухлетку, в погоню бросилась.’ – *Der gelbe hund lief hinter ihm her und zog das gelbe fohlen am leitseil mit sich.* ‘Желтая собака побежала за ним, волоча за собой желтого жеребенка на веревке.’ [Сказка № 13].

(23) *šar^o noχā šarγo dāγo χojr ārdās kögēd äfllād-^odγ , tömr kürzān g. artān bārdž üld^ow-γ.* = *Шар нохэ шарһ дааһн хойр ардас[нь] көөһэд, эрлад [о]дв, төмр күрзэн хартан бэрж үлдв[γ]в.* ‘Желтая собака и соловый двухлетка бросились за ним, а [я] остался с железной лопатой в руках.’ – *Der gelbe hund und das gelbfarbene fohlen jagten ihm nach und verschwanden, ich blieb allein mit dem eisernen spatens in der hand.* ‘Желтая собака и соловый жеребенок погнались за ним и исчезли, я остался один с железной лопатой в руке’ [Сказка № 13].

Калмыки считают, что светлый цвет кожи имеют инородцы, в частности русские. Для описания кожи человека таких людей используется лексема *шар* ‘желтый’: (24) ... *tawŋ zūn mintšγpr šar-šar kün bānā.* ... = ...*тавн зун минчһр шар-шар күн бээнэ.* ‘...там оказались пятьсот светлых человек с пухлыми и румяными щеками.’ — ... *fünfhundert prunkvoll gekleidete, geräuschvoll sich bewegendende männer da.* ‘...там находятся пятьсот роскошно одетых и с шумом движущихся мужчин’ [Сказка № 17].

Синий, зеленый

Лексемы *көк* ‘синий’ (35), и *ноһан* ‘зеленый’ имеют наименьшую частотность и считаются колоративно близкими оттенками, так как лексема *көк* изначально «обозначала различные оттенки синего, голубого, зеленого и серого тонов, впоследствии получивших самостоятельное наименование как отдельных цветов» [Омакаева 2009: 271]. Оба цветообозначения имеют положительную коннотацию: *көк* ‘синий’ связана с культом неба, *ноһан* употребляется в антропониме *Ноһан Дэрк* ‘Ноһан Дярке’ — известный женский образ богини Тары:

(25) *kök^o dewēn öwsŋ, kītŋ bul^oγīn usŋd^o kürts irēd būdž-ādγ bolnā.* = *Көк девэн өвсн, киитн булгин уснд күрч ирад, буужэдг болнэ.* ‘Туда, где зеленые луговые травы, холодная ключевая вода есть, приехал [он] и спешился.’ – *So kommen sie zum grünen wiesengrase, zum frischen quellwasser und lassen sich dort zur ruhe nieder.* ‘Так приезжают они к луговым травам, к свежей ключевой воде и останавливаются там для отдыха’ [Сказка № 19].

(26) *odā neg dolān χon^oγīn dund^o odān noγān dārkin gegēnlā neg χāl^otšāγād irs^o-wī» gēgē d kelnā.* = *Ода нег долан хонгин дунд одад, Ноһан Дэркин гегенлә нег халдчәһад ирсв», — гегед келнэ.* ‘Через три-четыре дня*

[букв. семи дней в середине] доберусь, с Зеленой Тарой гегян сражусь и вернусь», — говорит. ' – Jetzt will ich gehen und während sieben tagen einmal die Nogān Dārki anzugreifen versuchen; danach komme ich zurück", sagt er. 'Сейчас я пойду, в течение семи дней один раз попытаюсь напасть на Ноган-Дарки; после этого вернусь», — говорит он' [Сказка № 22].

Таким образом, в материале исследования не столь широко представлена семантика и коннотация цветообозначений, но при этом дополнительные значения, приобретаемые в ходе функционирования в тексте, связаны с историей и культурой калмыцкого народа.

4.10. Выводы

В данной главе рассмотрены ассоциативные реалии, особенности функционирования цветообозначений в фольклорных текстах Г. Ё. Расмтедта. На основании анализа сказок можно сделать следующие выводы.

1. Наиболее частотными цветообозначениями в фольклорных текстах Г. Ё. Расмтедта являются *хар* 'черный' (143 словоупотребления), *цаһан* 'белый' (101) и *шар* 'желтый' (77). Колороним *улан* 'красный' (63) менее употребим в рассматриваемых сказках. Наименьшая частотность наблюдается у лексем *көк* 'синий' (35), *бор* 'серый' (20) и *ноһан* 'зеленый' (6).
2. Цветообозначения *цаһан* 'белый' и *шар* 'желтый' являются сакральными цветами у калмыков. Черный и синий цвета имеют неоднозначную коннотацию. Все остальные цвета относятся к положительным или нейтральным лексемам.
3. Почти все цветообозначения, кроме *бор* 'серый', входят в состав антропонимов и топонимов.
4. Цветообозначения *шар*, *цаһан*, *көк*, *бор* являются цветовым определителем во многих ботанических и зоологических терминах.
5. В обозначении масти и окраса животных и птиц присутствуют шесть описанных цветообозначений, кроме *ноһан*.

В калмыцкой языковой картине мира цвет играет большую роль. Цветовая палитра калмыков обладает ярко выраженной национально-культурной семантикой, что позволяет констатировать, что лингвоцветовая картина мира калмыков составляет основу традиционной культуры калмыков. Специфические особенности восприятия цвета отражаются и в фольклорном тексте.

Глава 5. Сравнения и обращения в сказках в записи Г. Й. Рамстедта

5.1. Сравнение⁹⁸

С точки зрения синтаксиса сравнительные конструкции могут иметь две различные структуры — предикативную (придаточное предложение) и непредикативную (сравнительный оборот). Конституэнтами поля компаративности являются простые предложения с обстоятельствами сравнения и сложные предложения с придаточными сравнительными. Сравнение отличается своими, присущими только ему, конструктивными признаками. Многие исследователи сходятся во мнении, что сравнение имеет трехчленную структуру, название которых различно, но, по сути, обозначает одно и то же. Сравнение состоит из следующих элементов: объект сравнения (или предмет сравнения, тема), образ сравнения (или эталон сравнения, образец для сравнения) и основание сравнения (или общий признак, показатель сравнительного отношения, признак-основание, модуль).

В калмыцких сказках большей частью употребляются простые сравнительные конструкции:

1) сравнительные группы с именами прилагательными:

- (1) *χal'ā, χal'moç kün sandži» gēb ulm sänār asṅnā.* = «Халә, хальмг күн санжә», — *гед, улм сәәнәр асрнә.* ‘«Смотри-ка, калмык оказывается!» — так сказав, еще лучше стала выхаживать его’ — „Sieh da, es ist ein kalmücke!“ sagt sie und wird noch sorgfältiger “«Смотри-ка, это калмык!» — сказала она и стала еще добросовестнее’ [Сказка № 15].
- (2) «*mandži-lārṅ jir ülṅ in'g bän-l - wē» gedž keldž-ēn.* = «Манжләрн йир үлү иньг бәән[ә]лв», — *гедж келжән[ә].* ‘«С манджиком мы наилучшие друзья», — говорит’. — „Ich und der mandschi sind ja die allertrautesten freunde“, antwortet er. ‘«С манджиком мы наилучшие друзья», отвечает он’ [Сказка № 15].

2) простые компаративные группы со словами *кептә, мет, әдл, дүңгә, чигә*:

- (3) *ömnk^θ keptā namāg bitšgē χajtṅ, bi-tšign tañīg χajl-ugā χamā joww-wtšign kündlā bās²-w.* = *Өмнк кептә[н] намәг бичгә хайтн, би чигн таниг хайл угә хама йовв чигн күндлә[д] бәәсв.* ‘Как и всегда, меня не бросайте, и я вас не брошу, где бы я ни был, уважать всегда буду’. — **Wie früher,** lasst mich nicht im stich, auch ich werde euch nie vergessen, sondern, wo ich auch gehe, euch in ehren halten ‘Как и раньше, не оставляй меня, и я тебя никогда не буду забывать, но где бы я не находился, всегда тебя буду уважать’ [Сказка № 4].
- (4) *ürnlā-m ädl^l kün-l-om», genā.* = *Үрнләм әдл күнлм», — генә.* ‘Я такой же человек, как и ваш сын», — говорит’. — Du bist ein mensch, der meinem eigenen sohn ähnlich sieht“, sagt sie. ‘Ты человек, подобный моему собственному сыну» — говорит он’ [Сказка № 16].

⁹⁸ Данный параграф основан на ранее опубликованной статье автора диссертационной работы: Баянова А. Т. Категория сравнения и способы ее выражения в фольклорном тексте: лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта) // *Oriental Studies*. 2019. Т. 12. № 1. С. 123–133.

(5) ...ük²rīn tšigā̄ ḡadīy ḡamḡolḡ ḡarwād... = ...укрин **чигә** хадыг хамхлн харвад... ‘...скалу **величиной как с** корову разрушив...’ — ..er schoss den ochsengrossen stein... ‘...он выстрелил в камень **размером с быка...**’ [Сказка № 16].

К простейшей сравнительной конструкции можно отнести и соположение эпитетов: (6) mösḡ bol^oḡ üldērḡ tšaptšād aptšādḡc bolnā. = **Мөсн болд** үлдәрн чапчад апчәдг болнә. ‘Сверкающим, **словно** лед, булатным мечом ударил [его]’. — Mit seinem **eisig-stählernen** schwert schlägt er zu. ‘Своим **льдиисто-железным** мечом ударил его’ [Сказка № 20].

Рассмотрим объекты сравнения в сравнительных конструкциях, встречающихся в тексте сказок. Объект сравнения может выражаться:

1) именем существительным: (6) «šorḡoldž^onās olḡ, šorāḡās nikt^o ik^o dān āštḡg^o-džī. = **Шорһлжнас олн, шорәһас нигт ик дән аашдгж.** ‘Муравьев многочисленнее огромное войско [к нам] приближается’ — Zahlreicher als die ameisen, dichtgepackter als die erde, ist ein grosses feindliches heer im anzug. ‘Многочисленнее муравьев, плотнее Земли, большое вражеское войско приближается’ [Сказка № 13];

2) местоимением: (7) «tšamlā̄ ādl’ bi tarḡon mörnā̄ ärwḡ šim^od-īmḡ uḡo-wḡ gedž köwḡn kelnā. = «**Чамлә әдл би тарһн мөрнә әрвң шимдимн [прав. шимдн] угов**», — **геж көвүн келнә.** ‘«Как ты, я тучный конский брюшной жир не ем* [букв. не сосу]», — мальчик говорит’ — “So wie du es tust, pflege ich nicht an dem bauchfett fetter pferde zu saugen”, sagt der knabe. ‘Так же, как и вы, я не забочусь о том, чтобы сосать брюшной жир лошадей’ [Сказка № 21].

Образ (эталон) сравнения может репрезентироваться:

1) именем существительным: (8) ömn^ok^o ḡatnlā̄ ādl’ sōd^o gurḡ bosād āmḡc alḡtān ergūl^oēḡ bādḡc bolnā. = **Өмнк хатнлә әдл сөөд һурв босад, әәмг-алван эргүләд бәәдг болнә.** ‘Как и прежняя хатун, за ночь трижды владения свои [она] обходила’ — Gerade wie die frühere gattin steht sie dreimal während der nacht auf und macht ihren rundgang durch das volk und die untertanen. ‘Как и прежняя супруга, встает она трижды в течение ночи и обходит свой народ и подданных’ [Сказка № 22];

2) местоимением: (9) «nand^o ādl’ īgēḡ öwrḡḡ bas dürtš^okšīḡ [tšī]» gedž-ē nā. = «**Нанд әдл иигәд өвртнь бас дүрчкскн [чи]**» — **гежәнә.** ‘Подобно мне, за пазуху [ты] положил их, наверное», — говорит’ — “Du hättest, wie ich, das geld so in die brust stecken sollen”. ‘Ты, как и я, должен был засунуть деньги за пазуху’ [Сказка № 7].

3) наречием: (10) maḡḡūr örḡndḡ bas ömn^ok^olārḡ ādl’ kistš odḡ. = ...**маңһ[д]ур өрүнднь бас өмнкларн әдл кишч одв.** ‘Назавтра поутру, как и раньше, чувств лишилась она’ — In ihrem hause sitzend wurden Ajū Tschikte und Awchai Tsetsek unerwartet von ihr gesehen. — Nachdem sie die kinder gesehen, wird sie wieder früh am folgenden tage in derselben weise wie zuvor krank und fällt zu erde. ‘Увидев детей, она утром на следующий день таким же образом, как и раньше, становится больной и падает на землю’ [Сказка № 22].

4) именем прилагательным: (11) *dalā balyṛm° ik° wā, ūl^u örg^öm° ik° wā, nār° ḫarγūl!* = *Далә балһм ик вә, уул өргм ик вә, наар харһул!* ‘Огромно настолько я, что могу море в рот набрать, огромно настолько я, что горы могу поднять, иди сюда, сойдемся!’ — Sei es so gross, dass es meere verschluckt, sei es so gross, dass es berge in die höhe hebt, lass es nur kommen! ‘Будь он так велик, что поглотит море, будто он так велик, что поднимет горы, пусть он только придет!’ [Сказка № 16].

5) глаголом: (12) «*örün aldnd° ḫöjürṅ ä tšimēn-ugē ük[°]dž odṅä.* = «*Өрүн алднд хоюрн ә-чимән угә үкж одна.* ‘К утру они вдвоем затихают, словно умерли.’ — Früh bei tagesanbruch werden beide laut-und piepslos und liegen wie gestorben. ‘Рано утром оба становятся бесшумными и лежат как будто умерли.’ [Сказка № 22].

6) причастием: (13) *manā g₁urwṅṅä öws^ö šimdəḡṅ šimēb dalṅ džil bolsnd° ädṅ tsälγād-oknā.* = *Манә һурвнә өвс шимдгнъ шимәд, далн жил болснд әдл цәәлһад окнә.* ‘Из нас троих тот, кто стебельки трав обсасывал, то обсосал их так, что они побелели, как будто семьдесят лет им исполнившиеся’ — Von unseren drei [gefährten] bleicht der grassauger sie durch saugen, sodas sie siebzig jahre [alt] gewordenen ähnlich wurden ‘Из нас троих, сосущих траву, отбеливает один так, что она выглядят, будто семьдесят лет ей’ [Сказка № 4].

В нижеприведенной таблице выявлена частотность употребления частей речи (см. табл.).

Таблица 1. Частотность употребления частей речи в качестве образа сравнения

Часть речи	Абсолютное кол-во	Относительное кол-во (%)
Имя существительное	63	69,2
Местоимение	4	4,4
Наречие	7	7,7
Прилагательное	4	4,4
Глагольные формы	13	14,3
Итого:	91	100

Данная таблица наглядно показывает, что наиболее часто в качестве образа сравнения употребляются имена существительные (69 примеров) и глаголы (11 примеров). Также в результате анализа сравнительных конструкций выделены следующие типы образов сравнения (см. таблицу).

Таблица 2. Типы образов сравнения

Тип	Чем выражено	Пример
Образ-предмет	Имя существительное	(14) <i>mösṅ bol[°] üldērṅ tšaptšād aptšādṅc bolnā.</i> = <i>Мөсн болд үлдәрн чапчад апчәдг болнә.</i> ‘Сверкающим, словно лед, булатным мечом ударил [его].’ — Mit seinem eisig-stählernen schwert schlägt er zu. ‘Своим ледяным стальным мечом он бьет’ [Сказка № 20].
Образ-признак	Прилагательное	(15) <i>dalā balyṛm° ik° wā, ūl^u örg^öm° ik° wā, nār° ḫarγūl!</i> = <i>Далә балһм ик вә, уул өргм ик вә, наар харһул!</i> ‘Огромно настолько я, что могу море в рот набрать, огромно настолько я, что горы могу поднять, иди сюда, сойдемся!’ — Sei es so gross, dass es meere verschluckt,

		sei es so gross, dass es berge in die höhe hebt, lass es nur kommen! ‘Будь он так велик, что поглотит море, будто он так велик, что поднимет гору, пусть он только придет!’ [Сказка № 16].
Образ-ситуация	Глагольные формы	(16) neg maryān odā ük ² sn mörnä jasīg dalŋ džil bolsn ^o äd ^l tsäl ^l yāb okk ^o . = <i>Нег марһань — ода үксн мөрнә ясиг далн жил болсн^o [прав. болснла] әдл цәлһад өгх.</i> ‘Одно состязание [было таким] — кости только что павшей лошади выбелить так, чтобы они выглядели, будто семьдесят лет прошло’ — Das erste wettspiel war die knochen eines eben gestorbenen pferdes so zu bleichen, dass sie gleich siebzig jahre [alt] gewordenen aussehen. ‘Первое состязание заключалось в том, чтобы отбелить кости только что умершей лошади так, чтобы они выглядели так, как будто им семьдесят лет’ [Сказка № 4].

С точки зрения семантики следует выделить несколько групп сравнений в калмыцком языке: животный мир, растения, орнитонимы, вещный мир, компаративные обозначения величины, объема и размеров предметов или людей по ассоциации с масштабами различных географических объектов.

Компоненты сравнений в большинстве своем представлены животными кодами национальной культуры калмыков. Жизнь калмыка невозможно представить без домашних животных. Поэтому частотность сравнений с различными зоонимами довольно высока. Все они имеют положительную коннотацию и чаще всего характеризуют описание схватки богатырей.

При сравнении в тексте рассказчик использует слова, которые обозначают повадки животных: богатыри, сражаясь, ходят кругами не просто как верблюды, а именно как самцы. Возможно, за основу сравнения взято то, как самцы-верблюды выбирают себе верблюдиц в брачный период, тоже в неравной борьбе отстаивая себе партнершу. Сравнение с трехгодовалыми жеребцами также не случайно. К этому возрасту происходит полное физическое формирование животного: они набираются сил и достигают половой зрелости. Глаза навькат, характерные для глаз быков, наблюдаются также при их схватке с противником.

Так, в тексте при описании схватки богатырей Марс Хара и Тегя Бюс используются следующие сравнения:

(17) būr^o keptā nūr^lldēb odw , bux^o keptā gilw^l ldēb odw , adžr^o keptā suñaldāb odw . = *Буур кептә[н] нүүрллдәд одв, бух кептә[н] гилвлдәд одв, ажрһ кептә[н] суналдад одв.* ‘Словно верблюды-самцы, голова к голове* сошлись, словно быки, [глаза свои] выкатили, словно жеребцы [на бегу] вытянулись’ — Wie kamelhengste einander anschauend, wie stiere einander anschielend, wie pferdehengste nach einander sich reckend, stehen sie da. ‘Как верблюжата смотря друг на друга, как быки смотря друг на

друга, как конские жеребцы тянувшись друг к другу, стоят они там’ [Сказка № 16];

При описании бега лошади рассказчик применяет компарацию именно с двухгодовалым жеребцом, так как в этом возрасте животное еще обладает детской непосредственностью, прытью и задором:

(18) *dāγʷtšildž tūlʹŋ irēb, es kīstš ögnā.* = *Дааһчлэж туульн ирэд, эс киисч өгнэ* ‘Словно двухлетний жеребенок, брыкаясь, примчался [конь], не поймал тот его* [букв. не падает тот].’ — *Als er wie ein zweijähriges fohlen ausschlägt, fällt der andere nicht um.* ‘Когда он бьется, как двухлетний жеребенок, другой не падает’ [Сказка № 20].

Наблюдения над повадками домашних животных легли в основу подобных сравнений.

При описании двадцатипятиголового кривого черного муса, в большом страхе позорно и панически бежавшего от трехлетнего Найхала, рассказчик сравнивает его с трусливым зайцем: (19) *börögīn bökn̄ tsayān tūlā keptā bögn̄ dōšēb, ɣasŋ sumŋ keptā ɣägn̄ dōšēb, gūyā g.ardɔç bolnā.* = *Бөөргин бөкн цаһан туулэ кептэ[н] бөгн дөшэд ... гүүһа[д] һардг болнэ.* ‘Словно по буеракам скачущий горбатый белый заяц, сгорбившись, ... побежал...’ — *Wie der krummrückige weisse hase des hügelns sich bückend fliehend..* ‘Как кривоногий белый заяц, наклоняясь и убегая ...’ [Сказка № 21].

В данном случае речь идет не о виде животного (горбатый заяц — агути), а сгорбленность — признак страха перед опасным соперником. Для усиления рассказчик использует различные части речи однокоренного слова дважды: *бөкн* (горбатый) и *бөгн* (горбатиться).

Анализ компаративных конструкций с зоонимами подтверждает утверждение Г. Ц. Пюрбеева о том, что отличительным свойством калмыцкого фольклорного текста является то, что оформление сравнений в них происходит большей частью по опорному слову-существительному [Пюрбеев 2016: 117].

Компонентами сравнений могут являться фитонимы: (20) *suɣā keptā mandāyāb untāb okts-ādbɔç bolnā...* = *...сухэ кептэ[н] мандэһад, унтад окчэдг болнэ.* ‘...словно таволга, раскинулся и заснул...’ — *...sich rötend wie ein spierstrauch.* ‘...краснея как спирея...’ [Сказка № 19].

Растение таволга часто встречается в калмыцком фольклоре: река под названием Тавилгату, вдоль рек растет таволга, герой превращается в сухие веточки таволги, лошадей стреножат путами, связанными из таволги. Таволга является культовым растением у калмыков. Она считалась оберегом. Ее активно использовали в летний праздник Урюс-Сар. Использовали ее и для лечения домашних животных: распаренную траву прикладывали к больным или раненым копытам лошади. Пастбища с таволгой долговечны, так как растение обладает большой выживаемостью и способностью быстро восстанавливаться после того, как были вытоптаны животными. Само растение представляет собой раскидистый куст, побеги которого стелются по земле, отсюда и сравнение — раскинулся, словно таволга. Фитонимы в фольклорном тексте встречаются значительно реже, чем зоонимы. Это

объясняется не тем, что флора степи довольна скудна, а скорее всего тем, что животный мир составлял основу бытия и существования калмыков как представителей номадной культуры. Как было сказано уже выше, в переводе на немецкий язык Г.Й. Рамстедт использует слово *spierstrauch* ‘спирея’, одно из многочисленных названий таволги (в различных местностях в зависимости от вида он имеет также следующие названия — таволожник, лабазник, иванов цвет, живокост и т. д.) [Даль 1980: 385].

В качестве сравнений используются в тексте и орнитонимы:

(21) ...*ḡarādā keptā šūrldēd, elē keptā ergēd, taš-waš bāfldēd, tatš awān degēldēd*... = ... *харадә кептә[н] шүүрлдәд, элә кептә[н] эргәд, таи-баш бәрлдәд, тач авад дегәлләд*... ‘...словно ласточки, насакивали друг на друга, словно коршуны, кружили, притягивая к себе, подсекали друг друга’ — “ ... wie schwalben heranstürzend, wie habichte sich drehend, mit geprassel und gekrach einander packend, ziehend und den fuss unterstellend... ‘...как ласточки бросаются, как ястребы вращаются, с грохотом и грохотом хватая друг друга, волоча и подставляя ноги...’ [Сказка № 21];

(22) *ḡarādā šowünā dew¹l¹ktāyār, ḡarts¹γ¹ šowünā šūr¹l¹ktāyār, ḡarānā g¹az¹rās šūrldēd, ḡam bāfldēd odw .* = *Харадә шовунә девлтәһар, харцх шовунә шүүрлһтәһар, харанә һазрас шүүрлдәд, хам бәрлдәд одв.* ‘Ласточки-птицы парению подобно, ястреба-птицы хватке подобно, с расстояния, взору доступного, [разбежавшись] схватились [они]’ — Mit dem fluge der schwalbe, mit dem stoss des falcken stürzten sie aus der ferne heran und kämpften so mit einander. ‘Подобно полету ласточки, подобно удару сокола они неслись издалека, сражаясь друг с другом’ [Сказка № 16];

Данные сравнения также используются при описании схватки героев в богатырской сказке. Ласточки, являясь перелетными птицами, обладают превосходной координацией, высокой скоростью, маневренностью, острым зрением, легкостью и плавностью движения в полете, что важно для борцов. Напротив, в русском фольклоре ласточка несет в себе женское начало, это святая птица, любимая богом, ее щебетание похоже на молитву. В христианской мифологии обращающиеся с мольбой к богу уподобляются голодной и страждущей ласточке [Мифы, 2 1982: 39]. У монголов ласточка отождествляется с юной красавицей, которая тоскует, разлучившись с любимым [Скородумова 2014: 56].

Ястреб и коршун относятся к классу ястребиных. В национальной картине мира многих народов эти птицы являются символом хищника и имеют отрицательную коннотацию. Характерным признаком птиц является внезапное, стремительное, вероломное, злобное нападение на свою жертву, при этом безжалостно, коварно и кровожадно уничтожая противника.

Следует отметить, что национальная борьба у калмыков — зрелище действительно захватывающее и требующее особого мастерства, победа в которой «венчает победителя славой неомрачимой, быстро разносящеюся по целому калмыцкому миру» [Небольсин 1852: 114]. Для победы в схватке необходима и легкость, подобно парению ласточки, и железная хватка,

подобно тому, как ястреб настигает свою добычу, и неудержимость, с какой коршуны нацелены на свою жертву.

В фольклорных калмыцких текстах встречаются в сравнениях и названия географических объектов: (23) *negū, neg zalū, sōmr-ülīg met° šikṛ surwā...* = *Негнь, нег залу, Сөмр уулыг [уул] мет шикр сурвэ* ‘Еще один мужчина с гору Сумеру величиной комков сахара попросил’ — *der andere von ihnen, ein mann, bat um zucker, [so gross] wie der Sumeru (der weltberg), ‘другой из них, мужчина, попросил сахар размером с гору Сумеру (гора мира)’* [Сказка № 8].

Гора Сумеру (*Сөмр уул*) является мифической священной горой, центром всей Вселенной. В индийской мифологии считается, что высота горы составляет 80 тысяч йоджан (примерно равно диаметру Солнца). Подобное сравнение предмета с гигантскими размерами горы возможно, как мы понимаем, только в фольклорном тексте. В данном примере в семантике приведенного сравнения выражена национальная картина мира, представление видения мира народом.

Вещный мир представлен в сравнительных конструкциях предметами быта калмыков: (24) *χasṇ sumṇ keptā χägṇ döšēd, gūṗā g ardcṛ bolnā* = *хасн сумн кептә[н] хәгн дөшәд, гүүһа[д] хардг болнә*. ‘...словно вылетевшая стрела* [букв. словно вылетевшая пуля], дрожа, побежал’ — *wie der abgeschossene pfeil gleitend entschlüpfend läuft er eilends davon. ‘...как сбитая стрела скользя, убегает он поспешно’* [Сказка № 21]; (25) *bījū sur met° sunāb* = *...бийнь сур мет сунад...* ‘...а сам, словно кожаный ремень, растянулся...’ — *... sich streckend wie ein riemen... ‘...растянувшись как ремень...’* [Сказка № 19]. Среди сравнительных конструкций также можно выделить группу компаративных обозначений объема и размеров предметов или людей по ассоциации с масштабами различных географических объектов (см. пример (7)).

В фольклорном тексте в качестве репрезентантов признака величины и размеров могут выступать различные предметы быта: (26) *bāw°d°-mīḥ baḡūn daldḥ āṗīn amṇ dūṅgā ulān meṅgə bilā* = *Баавд мини барун далднь ааһин амн дүңгә улан мең билә* ‘У моего баавы на правой лопатке величиной с чашу красное родимое пятно было’ — *Mein geliebter beschützer hatte auf seinem rechten schulterblatt ein rotes geburtsmal von der grösse der mündung eines trinknapfes ‘У моего любимого защитника на правой лопатке было красное родимое пятно размером с горлышко чаши для питья’* [Сказка № 16]; (27) *...g.ujīn bor° maḥ°nāsān āṗīn tšigē bor° maḥ° utllād awḥplārḥ* = *...һуйин бор махнасан ааһин чигә бор мах утлад авхларн...* ‘...с бедра своего с чашу величиной кусок мяса отрезая...’ — *...aus seinem schenkel schneidet er ein stück fleisch von der grösse eines trinknapfes... ‘...из своего бедра он вырезает кусок мяса размером с чашу для питья...’* [Сказка № 21]; (28) *kūḥṇ neg šayān tosān öktš-ānā.* = *Күүһн нег шаһән [чиңгә] тосан өгчәнә*. ‘Девочка с альчик кусок масла ему дает.’ — *Das mädchen gibt ihm ihr fettstück. ‘Девочка дает ему свой кусок жира’* [Сказка № 22]; (29) *...doš bolsṇ sārār-tšīḥ kenḗrəkt° būrēs° kegēd oknā-w!* = *...дөш болсн сээрәрчн кеңкрет бүрәс кәһәд окнәв!*

‘...шкурой с широкого, как наковальня, крупа твоего барабан обтяну!’ — *werde ich aus deinen acht rippenknochen trommelstöcke machen, aus deiner lende (spiegelhaut) trommelfelle machen*, ‘сделаю я из ваших восьми реберных костей барабанные палочки, сделаю из вашей поясицы барабанные перепонки’ [Сказка № 20].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Сравнения и сравнительные конструкции в фольклорном тексте являются одними из системообразующих элементов языковой картины мира, так как отражают свойства эмоционально-образного осмысления окружающего мира и реальности народом.

Анализ сравнительных конструкций в текстах сказок в записи Г. Й. Рамстедта показал, что они представляют собой большей частью трехчленную структуру: объекта сравнения, образ сравнения и основания сравнения. Количественные характеристики частотности употребления различных частей речи в структуре сравнительных конструкций свидетельствуют о том, что в калмыцком языке совсем иная картина. Так, если, например, в русском языке преобладают глагольные конструкции, то в калмыцком языке, наоборот присутствует наибольшая частотность субстантивной группы в разрезе рассмотрения частеречной принадлежности опорного слова. Объясняется это тем, что рациональность и аскетичность кочевого быта калмыков накладывает отпечаток и на своеобразие менталитета, а фольклор, аккумулирующий когнитивный национальный опыт, отражает лингвокультурологические особенности языка народа. По утверждению Г. Ц. Пюрбеева, сказочный фольклор калмыков отличается от творчества других народов тем, что в нем мало сравнений, основанных на эпитетах, и это является «значимым с точки зрения структурирования картины мира народа», такая «ярко выраженная предметность сравнительных конструкций свидетельствует о «якорности» связанных с ним понятий, о большей статичности и глубокой спаянности когнитивных элементов» [Пюрбеев 2016:119].

Сравнения как этнокультурная составляющая фольклорного текста соотносится с различными национальными кодами культуры, наиболее продуктивными из которых являются зооморфные коды. Так, например, часто употребляются при сравнении такие виды животных, как бык (*buχ = бух*), верблюд-самец (*būr = буур*), жеребец (*adžγγ = ажрh*) и т. д. В качестве сравнений используются также орнитонимы, фитонимы, географические объекты, предметы быта, вещный мир. В основе семантики данных сравнительных конструкций лежит культурно значимая информация, которая понятна при разъяснении лингвокультурологического аспекта исследуемых единиц. При переводе на немецкий язык ученый максимально приближенно переводил сравнительные конструкции, что свидетельствует о его способности осмысливать и адекватно передавать фольклорный текст, сохраняя при этом точность языка оригинала и в то же время делая его вполне понятным на языке перевода.

5.2. Обращение⁹⁹

В тексте сказок Г. Й. Рамстедта методом сплошной выборки выявлено 254 обращения, которые введены в структуру диалогической речи персонажей сказок. Количество обращений в зависимости от жанра сказок существенно отличается. Обращения чаще всего используются в волшебных сказках (166), в богатырских и бытовых — их значительно меньше (51 и 36 соответственно), что в принципе обусловлено как общим объемом самих сказок, так и их количеством. Ни одного обращения не выявлено в единственной сказке о животных. Бытовые и богатырские сказки не имеют развитого сюжета («сюжет развивается благодаря столкновению не с волшебными силами, а со сложными жизненными обстоятельствами»), в основе их лежит «народный повседневный быт», действие развивается «в одном пространстве» отсюда и меньше персонажей, которые не требуют персонализации и индивидуализации [Зуева, Кирдан 2002: 157–158]. Множество персонажей в волшебных сказках предполагает наличие динамичного сюжета, активных отношений и взаимодействий между героями, что отчасти отражается в диалогах.

Все обращения можно условно разделить на 9 групп (блоков), исходя из общей семантики лексем:

1) лексемы, обозначающие степень родства: $\bar{a}w^{\circ}$ = *aav* ‘отец’, $\bar{e}d\check{z}i$ = *ээжэ* ‘мать’, $\bar{e}d\check{z}i \bar{a}w^{\circ}$ = *ээжэ-аав* ‘мать-отец (родители)’, $a\check{x}^{\circ}$ = *ax* ‘старший брат’, $d\bar{u}$ = *дү* ‘младший брат’, $e\check{g}^{\circ}t\check{s}i$ = *эгч* ‘сестра’, $\bar{a}w\check{y}\check{r}$ = *авһ* ‘дядя по отцовской линии’, $be\check{r}^{\circ}$ = *бер* ‘невестка’;

2) лексемы, обозначающие половозрастные признаки персонажей: $\bar{o}w\check{g}\check{r}$ = *өвгн* ‘старик’, $e\check{m}\check{g}\check{r}$ = *эмгн* ‘старуха’, $z\bar{a}l\bar{u}$ = *залу* ‘мужчина’, $k\bar{o}w\check{w}\bar{u}\check{n}$ = *көвүн* ‘мальчик’, $k\bar{u}\check{k}\check{r}$ = *күүкн* ‘девочка’, $k\bar{u}\check{k}k\check{r}$ = *кукн* ‘дитя’;

3) лексемы, обозначающие совокупность предметов, людей: $ul^{\circ}s$ = *улс* ‘люди’;

4) имена собственные персонажей сказок: $\check{c}o\check{j}\check{r} \bar{b}\bar{a}\check{r}\check{m}$ = *Нег бэрм*, $ne\check{g} \bar{b}\bar{a}\check{r}\check{m}$ = *Хойр бэрм*, $g \check{u}\check{r}\check{w}\check{r} \bar{b}\bar{a}\check{r}\check{m}$ = *Гурвн бэрм*, $u\check{x}^{\circ}r \bar{o}w\check{g}\check{r}$ = *Ухр өвгн*, $\bar{a}j\bar{u} t\check{s}i\check{k}t^{\circ}$ = *Аю Чикт*, $\check{s}a\check{r}^{\circ} k\bar{u}\check{r}\check{m}\check{r}$ = *Шар Күрмн*, $na\check{m}d\check{z}i \bar{b}u\check{m}\check{b}$ = *Намжл Бумб*, $k\bar{o}k^{\circ} \bar{a}rs\check{r}$ = *Көк арсн*, $ma\check{r}\check{s} \check{c}a\check{r}^{\circ}$ = *Марс Хар*, $\bar{b}\bar{o}\check{r}^{\circ}g\bar{i}\check{n} \bar{b}\bar{o}k\check{r} \check{t}sa\check{y}\bar{a}\check{n}$ = *Бөөргин Бөкн Цаһан*;

5) лексемы, обозначающие социальный или религиозный статус, род занятий (титулы, профессии, звания, чины и должности): $ma\check{n}\check{d}\check{z}i$ = *манжэ* ‘манджик’, $ge\check{l}\check{r}\check{g}$ = *гелң* ‘гелюнг’, $\check{c}\bar{a}\check{n}$ = *хан* ‘хан’, $la\check{m}^{\circ}$ = *лам* ‘лама’, $po\check{j}\check{r}$ = *нойн* ‘нойон’, $t\bar{u}\check{s}m\bar{e}l$ = *түшмл* ‘сановник’;

6) лексемы, передающие коннотацию адресанта к адресату: $e\check{l}m\check{r}$ = *элмр* ‘негодник, негодяй’, $\check{c}\bar{a}-m\check{r}$ = *хэамнь* ‘бедняга’, $k\bar{o}k\check{s}\check{r} \check{z}\bar{u}l\check{g}^{\circ}d\bar{e}g$ = *көгшин зүлгдг* [прав. зүгдг] ‘старый недотепа’, $ki\check{s}-u\check{g}\bar{e} \bar{k}\bar{u}\check{n}$ = *киш угэ күн* ‘негодник’, $k\bar{o}k\check{s}\check{r} d\bar{o}\check{s}k^{\circ}$ = *көгшин доск* ‘старый негодник’, $k\bar{o}\check{r}k^{\circ}s$ = *көөркс* ‘бедняги’;

⁹⁹ Данный параграф основан на ранее опубликованной статье автора диссертационной работы: Баянова А. Т. Категория обращения и способы ее выражения в калмыцком языке (на примере сказок в записи Г. Й. Рамстедта) // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2018. Т. 28. № 6. С. 957–971.

7) лексемы, обозначающие природные объекты: *teŋgɣ* = *теңгэр* ‘небо’, *g.azɣ* = *һазр* ‘земля’;

8) лексемы, обозначающие животных: *bars* = *барс* ‘барс’, *g.ɑrdʲ* = *һард* ‘орел’, *tul^u* = *тул* ‘кит’, *tem̄ɛn* = *темән* ‘верблюд’;

9) условно называемые безличные обращения, не относящиеся ни к одной из вышеназванных семи групп: *g.az^rr̄ɪn tʃitʃētʃi* = *һазрин чичәч* ‘роющий землю’, *dalā balγātʃi* = *далә балһач* ‘глотающий [воду] океана’, *g.ɑr-uḡɛ* = *һар угә* ‘безрукий’, *soɣɣ* = *сохр* ‘слепой’, *nüdn-uḡɛ* = *нүдн угә* ‘слепой’.

Обращения могут содержать несколько семантических признаков. Например, обращение *ээж* ‘мать, бабушка’ содержит семантический признак пола (женщина) и возраста (старая), обращение *манж* ‘манджик’ — пола (мужчина) и социального статуса (священник), *хан* ‘хан’ — пола (мужчина) и титула, обращение *көөрк дү көвүн* ‘бедный мой младший брат’ — пола (мужчина), родственных отношений (брат) и возраста (младший).

Но этого нельзя отметить в обращениях, связанных с поведением адресата речи. Так, адресатом обращения *хәәмнь* ‘бедняга’, *кишго кун* ‘негодник’ может быть и мужчина, и женщина или даже ребенок, так как оно содержит только дифференцирующий семантический признак оценочной характеристики адресата адресантом.

Ниже приведена таблица, в которой показана частотность употребления слов в обращениях в зависимости от группы.

Таблица 4. Частотность применения слов в обращениях

Группы	Лексема	Кол-во примеров
1. Лексемы, обозначающие степень родства	<i>аав</i>	12
	<i>ээж</i>	18
	<i>ээж-аав</i>	1
	<i>ах</i>	3
	<i>дү</i>	3
	<i>эгч</i>	6
	<i>баав</i>	11
	<i>авһ</i>	2
	<i>бер</i>	1
	Всего:	57
2. Лексемы, обозначающие половозрастные признаки персонажей	<i>өвгн</i>	39
	<i>эмгн</i>	14
	<i>залу</i>	16
	<i>көвүн</i>	12
	<i>күүкн</i>	12
	<i>кукн</i>	12
Всего:		105
3. Лексемы, обозначающие совокупность предметов, людей	<i>улс</i>	3
	Всего:	3
4. Имена собственные	<i>Һурвн бәрм</i>	2
	<i>Ухр өвгн</i>	4
	<i>Хойр бәрм</i>	2

	<i>Нег бэрм</i>	9
	<i>Аю Чикт</i>	3
	<i>Шар Курмн</i>	1
	<i>Намжл Бумб</i>	3
	<i>Көк арсн</i>	1
	<i>Марс Хар</i>	2
	<i>Бөөргин Бөкн Цаһан</i>	1
	<i>Авха Цецг</i>	3
Всего:		31
5. Лексемы, обозначающие социальный или религиозный статус, род занятий (титулы, профессии, звания, чины и должности)	<i>Манжэ</i>	3
	<i>Гелң</i>	1
	<i>Хан</i>	3
	<i>Лам</i>	1
	<i>Нойн</i>	6
	<i>тушмл</i>	4
Всего:		18
6. Лексемы, передающие коннотацию адресанта к адресату	<i>шулм</i>	3
	<i>элмр</i>	2
	<i>Хэамнь</i>	9
	<i>көгшин зүгдг</i>	2
	<i>кишиго күн</i>	3
	<i>көгшин доско</i>	1
	<i>көөркс</i>	4
Всего:		24
7. Лексемы, обозначающие природные объекты	<i>теңр</i>	1
	<i>һазр</i>	1
Всего:		2
8. Лексемы, обозначающие животных	<i>барс, һард, тул</i>	3
	<i>темән</i>	1
Всего:		4
9. Безличные обращения	<i>чичэч</i>	1
	<i>балһач</i>	1
	<i>Һар уга</i>	2
	<i>Сохр</i>	1
	<i>Нүдн уга</i>	2
	<i>седкл</i>	3
Всего:		10
Итого:		254

По частоте употребления в конструкции обращений занимают лексемы, обозначающие половозрастные признаки персонажей (108), термины родства (57) и имена собственные персонажей сказок (31). Из 85 выявленных нами имен персонажей сказок [Горяева 2015: 136] 44 используются в сказке как обращения. Все выявленные обращения в тексте сказок Г. Й. Рамстедта находятся в форме именительного падежа, собственно, как и в русском языке.

Наибольшее количество употребления в качестве обращения лексем, обозначающих половозрастные признаки, объясняется выявленными нами раннее наиболее частотными персонажами, которые появляются в текстах сказок Г. Й. Рамстедта, и универсальностью: *кун* ‘человек’ (в 14 из 15 текстов), *көвүн* ‘мальчик’ и *эмгн* ‘старуха’ (в 13 текстах из 15), *куүкн* ‘девушка’ (в 12), *өвгн* ‘старик’ (в 10) [Горяева и др. 2015: 140].

В группе обращений-антропонимов выявлено, что в фольклорном тексте не характерно наличие фамилий¹⁰⁰ и уменьшительно-ласкательных личных имен¹⁰¹. Чаще всего в тексте сказок имена больше соответствуют прозвищам¹⁰²: *Аю Чикт* ‘Медвежье ухо’, *Көк арси* ‘Серая шкура’ и т. д. Имена собственные в обращении могут употребляться в сочетании с титулом. В отличие от русского языка, титул употребляется после имени собственного: *Айңһ түшмл* ‘Аянгу сановник’, *Марс Хар баатр* ‘Марс Хар богатырь’ [Монраев 2012: 237]. Не приняты в калмыцком языке и многочисленные формы обращения по имени, что характерно для русской языковой личности, когда у одного имени в зависимости от отношения и настроения к обращаемому может быть целый ряд словоформ: Таня, Тань, Танюша, Танюха, Танька и т. д. Экспрессивное словообразование имен в русском языке объясняется более широким диапазоном эмоционального отношения к собеседнику («своего рода широта русской души» [Жданова 2017: 77]), коммуникативное же поведение калмыков отличается от коммуникативного поведения русских, что отражается и в формах обращения¹⁰³.

Обращения с лексемой, связанной с поведением адресата речи, передают эмоционально-психологическое состояние говорящего: гнев, жалость, сочувствие, отвращение и т. д. Коннотацию положительной оценочности сочувствия имеют слова *хэамнь* ‘бедный’, *көөрк* ‘бедняга’, используемые в обращении. Отрицательная коннотация в обращении достигается с помощью инвективной лексики (*элмр*, *көгшн зүгдг*, *көгшн доско*), которая вызывает резко негативную реакцию у говорящего по отношению к адресанту¹⁰⁴.

¹⁰⁰ Как утверждает Л. Б. Олядыкова, у калмыков фамилии, как таковой, не существовало, а использовались двучленные именованья, состоящие из «формы родительного падежа имени отца и личного имени: Нарна Нимгр...» [Олядыкова 2004: 123].

¹⁰¹ Уменьшительно-ласкательное значение имени передается с помощью суффиксов: *-хн* — *Дулахн*; *-аши* — *Цедэши* (от *Цедн*); *-ка* — *Харка* (от *Хар*); *-уш* — *Наруш* (от *Нарн*); а также полностью может меняться слово вследствие замены другой буквой или отсутствия отдельного звука: *Доожэ* (от *Доржэ*), *Ууш* (от *Убуши*) [см.: Монраев 2012: 72].

¹⁰² В «Словаре русского языка» дается определение прозвища — это название, данное человеку и «содержащее в себе указание на какую-либо заметную черту его характера, наружности, деятельности и т. п.» [СРЯ 1959: 657].

¹⁰³ Под коммуникативным поведением понимается совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т. д. групп, а также отдельной личности [Стернин 2015: 3].

¹⁰⁴ По мнению Г. В. Токарева, «оценочные и эмотивные коннотации могут быть результатом соотнесения с культурными установками, стереотипами, фоновыми знаниями денотативно-сигнификативного компонента значения либо дескриптивных коннотативных сем» [Токарев 2009: 69].

Количество обращений с лексемами, обозначающих элементы природы (*теңгр* ‘небо’, *һазр* ‘земля’) и животных (*барс* ‘барс’, *һард* ‘орел’, *тул* ‘кит’, *темән* ‘верблюд’), незначительно, так как они встречаются в тексте только трех сказок (сказки №№ 9, 12 и 14). Единичны также обращения, условно называемые безличными обращениями: *һазрин чичәч* ‘роющий землю’, *дала балһач* ‘выбирающий [воду] из океана’, *һар уга* ‘безрукий’, *сохр* ‘слепой’, *һудн уга* ‘слепой’ (сказки №№ 11 и 19).

В текстах сказок Г. Й. Рамстедта активно используется устаревшая форма вежливости, до XX в. широко бытовавшая в калмыцком этикете: (1) *ах^о нојн бāw^о, мeнд^о јовв^о-t?* = *Ах нойн баав, мeнд йоввт?* ‘Глубокочтимый баава, благополучно ли приехали?’ — *Hochgeehrter väterlicher beschützer, seid Ihr glücklich angekommen?* ‘Высокочтимый отеческий покровитель, благополучно ли вы приехали?’ [Сказка № 18]¹⁰⁵.

Далее приводим частоту групп обращений в сказках в зависимости от их жанра (см. таблицу).

Таблица 5. Частотность групп обращений в разрезе жанров сказок

№	Группы обращений	Жанры сказок							
		Волшебные		Богатырские		Бытовые		Сказки о животных	
		Абс. кол-во	Отн. кол-во, в %	Абс. кол-во	Отн. кол-во, в %	Абс. кол-во	Отн. кол-во, в %	Абс. кол-во	Отн. кол-во, в %
1	Лексемы, обозн. степень родства	39	22,5	14	31,8	4	10,8	—	—
2	Лексемы, обозн. половозрастные признаки	74	42,8	20	45,5	11	29,7	—	—
3	Лексемы, обозн. совокупность предм., людей	2	1,2	1	2,3	—	—	—	—
4	Имена собственные	12	6,9	2	4,5	17	45,9	—	—
5	Лексемы, обозн. соц. или религиозный статус, род занятий (титулы, профессии, звания, чины и должнос-ти)	14	8,1	4	9,1	—	—	—	—
6	Лексемы, передающие коннотацию адресанта	18	10,4	3	6,8	3	8,1	—	—

¹⁰⁵ Слово сочетание *ах нойн баав* является устойчивым в фольклорной традиции калмыков. Так, например, оно довольно часто используется при обращении к богатырям страны Бумбы в текстах песен эпоса «Джангар» [Баянова и др. 2015: 39]. Известный лингвист Г. Ц. Пюрбеев считает, что данное выражение означает ‘бабушка-нойон’, ‘бабушка-князь’ [Пюрбеев 1996: 141]. Вполне логичным является и утверждение Э. П. Бакаевой, что устаревшее значение слова ‘баав’ — ‘прародитель, мифический праотец калмыков’ [Бакаева 2009: 47].

	к адресату								
7	Лексемы, обозн. природные объекты	—	—	—	—	2	5,5	—	—
8	Лексемы, обозн. животных	4	2,3	—	—	—	—	—	—
9	Безличные обращения	10	5,8	—	—	—	—	—	—
Итого:		173	100	44	100	37	100		

В таблице показано, что наиболее частотной группой обращения во всех жанрах являются лексемы, обозначающие половозрастные признаки (в богатырских — 45,5%, в волшебных сказках — 42,8, в бытовых — 29,7%) и лексемы, обозначающие термины родства (31,8; 22,5 и 10,8 % соответственно). В сказках о животных (сказка №2) отсутствуют обращения.

Обращение в калмыцком языке, как и в любом другом языке, занимает различное положение в предложении:

- в препозиции: (2) *öwḡḡ gert orāḡ untḡḡ!* = *Өвгн, герт орад унттн!* ‘Старик, зайдите в кибитку, там ночуйте!’ — сказал [хозяин]’ *Tretet, alter, in das haus und schlafet!* ‘Ступай, старик, в дом и спи’ [Сказка № 9];
- в интерпозиции: (3) *g,ar, šulḡḡ, namāḡ alḡār irḡ -tš!* = *Гар, шулм, намэг алхар ирвч!* ‘Уйди, шулма, чтобы меня убить ты явился!’ — *Weg mit dir, du ungeheuer! du bist wohl gekommen, um mich zu töten?* ‘Прочь, чудовище! Ты, наверное, пришел, чтобы убить меня?’ [Сказка № 11];
- в постпозиции: (4) «*āwḡ jūn gewā, ēdž!*» = *Аав юн гевә, ээж?* ‘Отец что сказал, ээдже?’ — *Mutter, was sagte vater?* ‘Мама, что сказал отец?’ [Сказка № 17].

Частотность положения обращений в предложении выглядит следующим образом:

Таблица 6. Позиция обращений в предложении

Положение в предложении	Абсолют. кол-во	Относит. кол-во
Препозиция	190	74,8
Интерпозиция	55	21,6
Постпозиция	9	3,6
Итого:	254	100 %

Как видим из таблицы, по месту расположения обращение подавляющей частью занимает положение в препозиции, меньше — в интерпозиции и совсем редко — в постпозиции. Преимущественное положение обращения в препозиции объясняется тем, что это необходимо для осуществления коммуникативных связей в диалогической речи, для привлечения внимания персонажей сказок.

Если рассмотреть позиции обращений в предложении по жанрам сказок, то в препозиции чаще всего употребляются обращения в волшебных (134 или 70,5 %), реже встречаются в бытовых (32 или 16,9 %) и богатырских

(24 или 12,6 %) сказках. В интерпозиции также большей частью находятся обращения в волшебных сказках (40 или 72,7 %), богатырские и бытовые составляют соответственно 11 (или 20 %) и 4 (или 7,3 %) ¹⁰⁶.

Обращение может состоять как из одного слова (нераспространенное обращение), так и из двух, трех и более слов, т. е. выражаться целым словосочетанием (распространенное обращение). Например:

1) нераспространенное обращение: (5) *kūk^ɔ, ɣamāŋ otš jomnā-tā?* = *Күүкд, хамар[а]н оч йомнэтэ?* ‘Девушки, куда направляетесь?’ — *Mädchen, wohin seid ihr unterwegs?* ‘Девочки, куда вы идете?’ [Сказка № 18];

2) распространенное двучленное: (6) *kökšŋ ēdžⁱ, lam^ɔ jū zār^lg bolw^ɔ?* = *Көгшн ээж, лам ю[н] зэрг болв?* ‘Старая ээджи, что лама сказал вам?’ — *Alte mutter, was sagte der lama?* ‘Старая мать, что сказал лама?’ [Сказка № 15];

3) распространенное трехчленное: (7) *köl^ɔstā mörtā öwŋ, tsārŋ jowtŋ* = *Көлстэ мөртэ өвгн, цааран йовтн!* ‘На вспотевшей лошади едущий старик, подальше отсюда держитесь!’ — *Du, alter, mit deinem schweissigen pferde, halte weiter weg!* ‘Ты, старик, со своим потным конем, держись подальше!’ [Сказка № 19];

4) распространенное многочленное: (8) *kesŋ atšīg ɣäfūldž tšäšš-ugē zalūs, jū kedž-ān-tā?* = *Кесн ачиг хэрүлж ча[д]ш угэ залус, ю кеджэн[э]тэ?* ‘Отблагодарить неумеющие мужчины, что же вы делаете?’ — *ihr männer, die ihr eine erwiesene wohlthat nicht belohnen könnt, was gedenkt ihr zu machen?* ‘Вы, мужчины, которые не могут вознаградить вас за доброе дело, что вы собираетесь делать?’ [Сказка № 21].

Нераспространенные обращения выражаются, как правило, именем существительным, совпадающим по форме с именительным падежом: (9) *kōwūn, šulūyār nārŋ gū!* = *Көвүн, шулуһар наар[а]н гү!* ‘Парень, скорее беги сюда!’ — *Bursch, laufe schnell hierher!* ‘Парень, беги скорее сюда!’ [Сказка № 12]. Значительно реже нераспространенное обращение может выражаться субстантивированным прилагательным: (10) *soɣ, tši emg^ɔ bārdž авв-тši?* = *Сохр, чи эмг бэрж аввч?* ‘Слепой, ты старуху поймал?’ — *Augenlos, hast du die greisin gefangen?* ‘Слепой, ты поймал старуху?’ [Сказка № 11]. Однако это единственный пример употребления субстантивированного прилагательного в текстах сказок Г. Й. Рамстедта.

Для калмыцкой речи в сказочном тексте для усиления характерных качеств персонажа свойственны очень длинные описательные обращения, описывающие героя с различных сторон (25 примеров). Например: (11) «*tōrsŋ buɣ^ɔ bolsŋ, tōrsŋ g udul^ɔ bolsŋ, nūrtān nūttā, nūdndān tsoktā, šilndān šiltā, šilwŋdān tšimg^ɔtā, zūn gerīn zutāyūl bolsŋ, arwŋ gerīn andŋ bolsŋ, nāmŋ gerīn nār bolsŋ, dolān gerīn dūr^ɔg bolsŋ нохā, jū ɣāw-tši?*» *gedž keldž-ānā, ɣān.* = «*Төрсн бух болсн, төрсн худль болсн, нүүртән нүдтэ, нүдндән цогтэ, шилндән шилтэ, шилвндән чимгтэ, зун герин зутаһул болсн, арвн герин андн болсн, нэамн герин нэр болсн, долан герин дүүрг болсн нохэ, ю хээвч?*» — *геж келжэнэ хан.*

¹⁰⁶ Данные цифры не представляют объективной картины частотности положения обращений в предложении, так как количество сказок по жанрам не одинаково: волшебных сказок — 12, бытовых — 6, богатырских — 3, сказок о животных — 1.

‘Заблудшему быку подобный, мимо цели пролетевшей стреле подобный, на лице твоём глаза, а в глазах — искры, на загривке твоём сухожилия, а в голени — костный мозг, в ста кибитках позором клейменному подобный, в десяти домах опороченному подобный, в восьми кибитках потехой ставшему подобный, в семи кибитках нежеланным гостем ставшему подобный, пес, что тебе надобно?» — говорит ему хан’ — “Du weggelaufener stier, du weggeflogener pfeil, du mit augen im angesichte und licht in deinem blicke, du mit sehen in deinem nacken und mark in deinen hacken, du ein schrecken für hundert zelte und ein freund für zehn zelte, du ein gast für acht zelte und ein feind für sieben zelte, du hund, was willst du hier?” spricht der chan. ‘«Ты сбежавший бык, ты улетевшая стрела, ты с глазами на лице и светом в твоём взгляде, ты с сухожилиями на шее и костями в пятках, ты ужас для ста шатров и друг для десяти шатров, ты гость для восьми и враг для семи шатров, ты, собака, что тебе здесь нужно?» – говорит хан’ [Сказка № 19]. Наличие длинных описательных обращений, где дана подробная характеристика персонажа, служит средством выразительности сказочного текста и признаком сказки как эпического жанра устного народного творчества.

Обратимся к структурной классификации обращений.

Таблица 7. Классификация обращений по структуре

Структура обращений	Абсолют. кол-во	Относит. кол-во
Нераспространенные	163	64
Распространенные двучленные	45	18
Распространенные трехчленные	21	8
Распространенные многочленные	25	10
Итого:	254	100 %

Анализ текстов сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом, показал, что чаще всего (64 %) используются нераспространенные обращения. Это объясняется тем, что первоочередная цель обращения — выделить и назвать лицо (персонаж) или предмет, которому адресована речь.

Распространенные обращения содержат в себе элемент оценочности, отношения обращаемого к персонажу, описания персонажа обращаемым. Исследование структур двучленных и трехчленных обращений позволяет сделать следующие выводы (см. табл. 5 и 6):

Таблица 8. Структура двучленных обращений

Частеречная структура	Абсолют. кол-во	Относит. кол-во
Числ. + сущ.	15	33
Прил. + сущ.	13	29
Сущ. + сущ.	11	24
Сущ. + част. <i>uga</i>	3	7
Сущ. + мест.	3	7
Итого:	45	100 %

В составе двучленных обращений чаще всего используются конструкции имя числительное + имя существительное (33 %), имя

прилагательное + имя существительное (29 %) и имя существительное + имя существительное (24 %):

- (12) $\chi o j r a \chi^{\nu} - m, j \ddot{a} y \ddot{a} d b \ddot{a} d r \ddot{e} - t \ddot{a} ? = \text{Хойр ахм, яһад баадг тэ?}$ ‘Два моих брата, как вы там?’ — *Meine beiden älteren brüder, wie lebt ihr jetzt?* ‘Два моих старших брата, как вы живете сейчас?’ [Сказка № 11];
- (13) $k \ddot{o} k \ddot{s} \eta a w \ddot{y} \nu, e n^{\nu} - t \ddot{s} \eta j \ddot{u} n g e d \ddot{e} g j \ddot{u} m \eta b \ddot{e} (j \ddot{u} m - b) ? = \text{«Көгшин авһ, энчн юн гедг юмн бэ?»}$ — *генә.* ‘Старый дядюшка, что это такое?’ — *Alter onkel, was ist denn dies?* ‘Старый дядя, что это такое?’ [Сказка № 22];
- (14) $j a k t s^{\nu} e m g \eta \ddot{o} m n^{\nu} - t \ddot{s} \eta j \ddot{e} n j \ddot{o} m n \ddot{a} ? = \text{Ягц эмгн, өмнчн кен йомнә?}$ ‘Ведьма-старуха, впереди тебя кто едет?’ — *Jaktsa-greisin, wer reitet vor dir?* ‘Старуха Ягца, кто едет впереди тебя?’ [Сказка № 19].

Таблица 9. Структура трехчленных обращений

Структура	Абс. кол-во	Относит. кол-во
Сущ. + сущ. + сущ.	9	43
Прил. + сущ. + мест.	7	35
Числ. + прил. + сущ.	2	11
Прил. + прил. + числ.	1	5
Сущ. + сущ. + прил.	1	5
Сущ. + част. <i>уга</i> + сущ.	1	5
Итого:	21	100 %

В составе трехчленных обращений четко выделяются две группы наиболее часто встречающихся конструкций имя существительное + имя существительное + имя существительное (43 %) и имя прилагательное + имя существительное + местоимение (35 %), редко имя числительное + имя прилагательное + имя существительное (11 %).

Для обращений характерна специфическая звательная интонация. Если объект обращения находится на значительном расстоянии, то интонация звательности передается долгой гласной: (15) $k \ddot{u} k \eta \ddot{a} ! m a \chi^{\nu} b \ddot{u} l y \ddot{o} d \ddot{z} a v ! = \text{Күүкн-әә! Мах буулһжэ ав!}$ ‘Сестра-а! Мясо принимай!’ — *Mädchen, hallo! Nimm das fleisch [vom sattel] herunter!* ‘Девочка! Сними мясо [с седла]’ [Сказка № 11].

Обращение может иметь при себе притяжательную частицу *мини* (*минь*) или аффикс притяжательного падежа:

- (16) $\eta \ddot{e}, k \ddot{u} k \eta m \ddot{i} \eta, z \ddot{u} r k^{\nu} d \ddot{a} s \eta i k^{\nu} j \ddot{u} m \eta = \text{Нә, күүкн [прав. кукн] мини, зуурк дээсн ик юмн...}$ — ‘Дитя мое, в пути много врагов встретится...’ — *Ja, ja, mein kind, die feinde auf dem wege sind mächtig!* ‘Да, да, дитя мое, враги на пути твоём сильны’ [Сказка № 18].
- (17) « $\ddot{a}, \ddot{e} d \ddot{z}^{\nu} - m \ddot{i} \eta$ » $d \ddot{u} t \ddot{a} g e n \ddot{a} . = \text{«А-а, ээж минь»}$, — *дуутә генә.* ‘«А-а, ээдже моя!», — громко воскликнул [он]’ — *„Oh, meine mutter!“ ruft er mit hörbarer stimme.* ‘О, моя мама! – кричит он громким голосом’ [Сказка № 16].
- (18) $\ddot{a} w - m, \langle b i a w l y \ddot{i} n \ddot{s} u l m \ddot{i} g d a r n \ddot{a} - w = \text{Аавм, би авһин шулмиг дарнәв.}$ ‘Отец мой, я шулму-колдуна убью!’ — *vater, ich werde den bösen verhexer töten* ‘Отец, я убью это злое чудовище!’ [Сказка № 22].

Для усиления звательной интонации применяется прием повторения обращений, который характерен в предложениях, где в качестве обращений употребляются термины родства (26) и элементы природы (2):

- (19) «öwgn, öwgn, jünd^u adg. pw?» gedž keldž-ādng bolnā. = «**Өвгн, өвгн, юунд адһв?**» — *гежж келжэдг болнэ. «Старик, старик, что заставило вас так спешить?» — спрашивает* — Nun, männchen, männchen, warum solche eile? ‘Ну, мужичок, мужичок, к чему такая спешка?’ [Сказка № 13];
- (20) «teŋgr, teŋgr, en^o kenā adūn-b?» = «**Теңгр, теңгр, эн кенэ адунб?**» — *гижж сурв. «Небо, небо, это чей табун?» — спросил* — himmel, himmel, wessen pferdeherde ist das? ‘Небо, небо, чей это табун?’ [Сказка № 9].

В отличие от других единиц речи обращение передает эмоции человека. Для эмоциональной окраски обращений в калмыцкой речи обычно используются междометия:

- (21) ā, körk^o, bitš'kn jum bolāb aḡān sanḡ^olārān namāg nādlnā biltā-l-dā = *А-а, көөрк, бичкн юм[н] болад ахан санхларан, намэг наадлнэ билтэл-дэ [прав. билтэл] ‘А-а, бедняжка, маленький он еще, вспомнив брата, так надо мной пошутил, видимо’* — Ach, der arme, weil er so kindisch ist, macht er nur spass mit mir, aus sehnsucht nach seinem älteren bruder; so scheint es gewesen zu sein! ‘Ах, бедняга, потому что он такой маленький ребенок, он и шутит со мной только из-за тоски по своему старшему брату; так вроде бы было!’ [Сказка № 16];
- (22) jā, ḡā-miñ, odā bolš-ugē bolw! = *Я-а, хээмнь, ода боли угэ болв! ‘О-о, бедняжка, теперь ничего не получится!’* — Ei, meine lieben kinder, jetzt geht es nicht mehr! ‘О, мои любимые дети, теперь это невозможно’ [Сказка № 22];
- (23) ō, kökšn duskō, tīg^odž keldəg-tšīñ! jūn-bā? = *Ө-ө, көгшин дуско, тиигжж келдгчнюнбэ? ‘О-о, старый нищий, зачем ты так сказал?’* — Oh, du alter lump, was hast du wieder gesagt? ‘Ах, ты старый негодяй, что ты снова сказал?’ [Сказка № 13];
- (24) jō, ḡā-miñ, tīm bolḡ^olā g. ujī-tšīñ edgēdž öks^o-w = *Йо, хээмнь, тиим болхлэ һуйичн эдгэж өгсв ‘О-о, милый ты мой, если так, то я бедро твое исцелю’* — Oh weh! Mein liebster! Wenn dem so war, will ich deinen schenkelwieder gesund machen! ‘О, мой любимый! Если это было так, я исцелю твое бедро!’ [Сказка № 21].

Большинство исследователей считают, что в зависимости от конкретной речевой ситуации обращение может выполнять различные функции: фатическую, эмотивную, регулятивную.

Фатическая функция обращения заключается в установлении контакта между участниками речевого акта, в привлечении внимания собеседника. Для этого большей частью используются нераспространенные и двучленные обращения. Фативная функция оформляется через слова, обозначающие термины родства, названия людей и имени собственного и чаще находится в препозиции:

(25) zalū, namāg tānd^o-w-tš? = *Залу, намэг тэньдвч?* ‘*Мужчина*, меня знаешь ли [ты]?’ — Junger mann, kennst du mich? ‘Юноша, знаешь ты меня?’ [Сказка № 9];

(26) g.ugwŋ bāfŋ , jū χāw-tš? = *Бурвн бэрм*, ю хэвч? ‘*Гурван Бярм*, что ищешь [ты]?’ — Dreispanne, was suchst du? ‘Три пяди, что ты ищешь?’ [Сказка № 6].

Повторение обращения служит дополнительным средством привлечения внимания говорящего (так же, как и в русском языке): (27) ēdžⁱ, ēdžⁱ, maīg jāksŋ-tŋ en^o-wē? = *Ээж, ээж, маниг яхснтн энвэ?* ‘*Ээдже, ээдже*, что же сделали вы с нами?’ — mutter, mutter, was tut ihr jetzt mit uns? ‘Мать, мать, что вы сейчас с нами сделали?’ [Сказка № 22].

Демонстрация субъективно-психологического отношения к адресату является *эмотивной функцией* обращения, которая реализуется посредством эмоционально-оценочной лексики: (27) jā, kiš-ugē kŋn, χamā bān? = *Я-а, киш угэ кун, хама бээн[э]?* ‘*Ах, негодник*, где он?’ — Oh, solch ein unglücksmensch, wo ist er denn? ‘О, несчастный человек, где же он?’ [Сказка № 15]; см. также примеры (21–24).

В задачи *регулятивной функции* обращения входит побуждение говорящего (адресанта) управлять поведением, стимулировать к действию собеседника (адресата). Данная функция оформляется с помощью имени собственного или слов, отражающих статусные отношения. Например:

(28) neg bāfŋ , neg χō awāb ir! = *Нег бэрм, нег хө авад ир!* ‘Неге Бярм, одну овцу принеси!’ — Einspanne, geh und bringe ein schaf!”sagte der herr.? ‘Одна пядь, иди и принеси мне овцу! – сказал господин’ [Сказка № 6].

(29) aŋg.ɸ tüšməl, bidŋ jāχɸ-jɸm bilē-wiɸ ŋ = *Айңһ түшмл, бидн яахм билэвидн?* ‘Аянгу-сановник, что нам делать?’ — Ajunga Tüschmel, was haben wir jetzt zu tun? ‘Аюнга Тюшмел, что нам теперь делать?’ [Сказка № 22].

Следует отметить различие форм обращения в зависимости от социальных ролей адресанта и адресата, их положения на иерархической лестнице (старший/младший, высший/низший, начальник/подчиненный), которые определяются такими параметрами как родственные отношения, соотношение возрастов, пол, социальное положение и т. д.

Рассмотрим, как родственные и возрастные отношения коммуникантов влияют на характер обращения. Позиционная роль коммуникантов старший/младший в обращениях ясно выделяется потому, что степеням родства в калмыцком языке соответствует четкая семейная иерархия. Так, например, старший брат — *ах*, младший брат — *дү*, старшая сестра — *эгч*, младшая — *дү күүкн*, при этом в обращениях адресант может и не указываться, но подразумеваться. К примеру, в следующем предложении нет адресата (кто спросил?), но по характеру обращения следует утверждать, что им является *дү* (младший брат), так как только младший по возрасту брат может обращаться к адресанту *ах* (старший брат): (30) аχ^o, tand^o en^o χān kŋkān jāyɸž ögwā? = «*Ах, танд эн хан күүкэн яһжэ өгвэ?*» — *гежэ келвэ*. ‘«**Брат**, вам этот хан как свою дочь в жены отдал?» — так спросил’ — mein bruder, wie hat

dir der chan seine tochter gegeben? ‘Брат мой, как тебе хан свою дочь отдал?’ [Сказка №5]. Это же утверждение относится и к следующим предложениям: (31) kōrk^u dū-m, jārw gil-tš = *Көөрк дум, яһв гилч?* ‘Бедный мой **младший брат**, как он там?’ — Mein armer jüngerer bruder, wie lebst du denn jetzt? ‘Мой бедный младший брат, как живет ему сейчас?’ [Сказка № 5] (адресатом является ах старший брат); (32) eg^utš!, undī-m ögē n, utš^urī-m surtŋ! = *Эгч, ундым өгэд, учрим суртн!* ‘**Сестра**, жажду мою утолите, а после о причине расспросите!’ — Tante, gebt mir etwas zu trinken, und dann fragt mich nach meinem anliegen! ‘Тетя, дай мне чего-нибудь выпить, а потом спроси, чего я хочу’ [Сказка № 11] (адресатом является младший по возрасту брат).

В обращениях могут отражаться родственные отношения *аав* — *көвүн* (‘отец’ — ‘сын’), *ээж* — *көвүн* (‘мать’ — ‘сын’), *аав* — *күүкн* (‘отец’ — ‘дочь’), *ээж* — *күүкн* (‘мать’ — ‘дочь’). В текстах Г. Й. Рамстедта коммуникантами в обращениях являются *аав* — *көвүн* (‘отец’ — ‘сын’), *ээж* — *көвүн* (‘мать’ — ‘сын’): (33) āw^udān күртš irēd kelwā. «āw^u, āw^u, namāg ‘jow^o ge!» = *Аавдан күрч ирэд келвэ: «Аав, аав, намг йов ге!»* ‘К отцу придя, сказал: «Отец, отец, разрешите мне ехать!»’ — Sowie er zu seinem vater gekommen ist, sagte er: „Vater, vater, sage doch: „gehe!“ zu mir“. ‘Когда он пришел к отцу своему, сказал он: „Отец, отец, скажи: "иди ко мне!”’ [Сказка № 15]; (34) «ēdž^u!, ēdž^u!, χān künā eltšīg g^urw^u-dūldoç biš^u! gedž kelēd köwūn g^uagād jomnā. = «*Ээж, ээж, хан күүнэ элчиг хурвдулдг биш*», — *геж келэд көвүн һарад йомнэ*. ‘«Ээдже, ээдже, хан посланцев трижды не отправляет», — сказал сын и отправился [за ними]’ — Mütterchen, mütterchen, die boten eines chans darf man nicht so dreimal kommen lassen”, macht er sich auf den weg. ‘Мамочка, мамочка, посланнику хана не разрешается трижды приходить ’ [Сказка № 21].

В калмыцком языке не существует дивергенции именования родителей при обращении к ним. Так, например, вокатив *аав* является единственным вариантом обращения к отцу¹⁰⁷: (35) āw^u, jomnā, χurm^ustŋ teŋg^urē tal^u jomnā-w = *Аав, йомнэв, Хурмстн теңгрэ тал йомнэв* ‘Отец, поеду я, к Хормуста-тенгрию поеду’ — Vater, ich gehe; ich gehe zu dem gott Normusta! ‘Отец, я поеду, к богу Хормуста я поеду!’ [Сказка № 18].

Но вокатив *ээж* и *аав* могут репрезентировать и отношение к посторонним (неродственным) лицам: младшего по возрасту человека к более старшей по возрасту женщине, как например, в русском языке человек старшего поколения может обратиться к молодому — сынок, равно как и молодой человек к пожилому — мать. Такие же случаи наблюдаются и в калмыцком языке. Так, например, адресантами обращения к *ээж* являются персонажи, не находящиеся в родственных отношениях: *көвүн* ‘мальчик’, *хойр көвүн* ‘два мальчика’, *хурвн көвүн* ‘три мальчика’, *ямана сүл* ‘хвост овцы’, *Көк арсн* ‘Серая шкура’, которые по возрасту являются моложе, чем адресат:

¹⁰⁷ В калмыцком языке *отец* может переводиться словом *эцк*, но при обращении оно не употребляется.

- (36) «ēdžī, maχ^o būlypǝdž av!» gedž kōwūn kelwā, temēnā gesŋ dotŋ. = «Ээж, мах буулхэж ав!» — гeжэ көвүн келвэ темэнэ гесн дотр [бээсн]. ‘«Ээдже, мясо принимай!» — крикнул мальчик из чрева верблюда.’ — „Mutter, nimm das fleisch ab!“ rief der knabe aus dem magen des kamels. ‘«Мама, сними мясо!» – крикнул мальчик из живота верблюда’ [Сказка № 14].
- (37) χojŋ kōwūn surdž-ān: «kōkšŋ ēdžī, lam^o jū zār!G bolw ?» genā. = Хойр көвүн суржээн[a]: «Көгшин ээж, лам ю[n] зэрлг болв?» — генэ. ‘Два мальчика спрашивают: «Старая ээджи, что лама сказал вам?»’ — Die beiden knaben fragen: “alte mutter, was sagte der lama?” ‘Два мальчика спрашивают: «Старая матушка, что сказа лама?»’ [Сказка № 22].
- (38) «ēdžī, ū nd^o neg öwgn irwī ugēī?» gedž surdž-ādɔç bolnā. = «Ээж, үүнд нег өвгн ирви, угэй?» — гeжэ суржэдг болнэ. ‘«Ээджи, сюда один старик не приходил?» — спрашивают’ — Mutter, ist ein mann hierhergekommen oder nicht? ‘Мать, приходил сюда мужчина или нет?’ [Сказка № 12].
- (39) tulūn šir^o dēr^o bāsŋ jamānā sūl keldž-ēn: «ēdžī, ēdžī, namāg bitšgē buldž id^o! = тулһин шиир деер бээсн яманэ сүл келжээн[э]: «Ээж, ээж, намэг бичгэ булжэ ид!» ‘В это время висевший козий хвост говорит: «Ээдже, ээдже, не запекай, не ешь меня!..»’ — Während sie bläst, spricht der ziegenschwanz auf dem dreifusse: „Мама, мама, stecke mich nicht in die asche und iss mich nicht auf! ‘Пока она дует, козий хвост на треноге говорит: «Мама, мама, не бросай меня в пепел и не ешь меня’ [Сказка № 14].
- (40) kōk^o arsn keldž-ēnā: «jā, ēdžī, tūnd^o sanāyān bitšgā zowtŋ! = Көк арсн келжээнэ: «Я-а, ээж, түүнд санаһан бичгэ зовтн!..» ‘Серая шкура говорит: «Ээдже, за это не переживайте!»’ — Das graublau feil spricht: „Oh, mütterchen, mache dir deswegen keine sorgen! ‘Серо-голубая шкура говорит: «О, мамочка, не беспокойся об этом!» [Сказка № 17].

Вокативы *күүкн* и *көвүн* в качестве обращения к дочери и сыну используются в тексте сказок крайне редко. В предложении вокатив *күүкн* часто адресуется к сестренке, младшей сестре: (41) «kūkŋ, maχ^o būlypǝdž av!» genā. = «Күүкн, мах буулхэж ав!» — генэ. ‘«Сестра, мясо принимай!» — говорят [три брата]’ — Mädchen, nimm das fleisch [vom sattel] herunter! ‘Девочка! Сними мясо [с седла]’ [Сказка № 11].

Вокатив *көвүн* может репрезентировать неродственное отношение пожилого человека к более юному: (42) «kōwūn, jū χālā-tš?» gedž emŋ kelwā. = «Көвүн, ю хээлэч?» — гeжэ эмгн келвэ. ‘«Мальчик, что ищешь ты?» — спрашивает старуха’ — „Knabe, was suchst du da?“ sagt die alte. ‘«Мальчик, что ищешь ты здесь?» – говорит старуха’ [Сказка № 18].

Вокативы *эмгн* ‘старуха’ и *өвгн* ‘старик’ могут репрезентировать родственные отношения муж — жена: (43) emŋ kelwā: «er^o kūn erdm tā boldɔç, öwgn jowtŋ zuç!» geš-kelwā. = Эмгн келвэ: «Эр күн эрдмтэ болдг, өвгн, йовтн зуç!» — гeжэ келвэ. ‘Старуха говорит ему: «Мужчина находчивым бывает, старик, отправляйтесь же!» — говорит’ — Die frau antwortete: „Ein mann ist immer ein pffikus, geht Ihr nur, männchen!“ ‘Женщина отвечает:

«Мужчина всегда бывает хитрым, отправляйся же, мужичок!» ’ [Сказка № 13]; (44) emgndān keldž-wādbɔg bolnā: «emgɳ, emgɳ, aŋg ūtš'la g arāb joww°-w. = Эмгндан келџ вәәдг болна: «Эмгн, эмгн, аңһучла[д] һарад йов[у]в. ‘Старухе своей он рассказывает: «Старуха, старуха, вот отправился я на охоту’ — Spricht zu seiner frau: „Frau, frau, ich zog auf sie jagd. ‘Говорит жене: «Женщина, женщина, я охотился за ней»’ [Сказка № 13].

Позиционная роль коммуникантов высший / низший, начальник / подчиненный также можно выделить в обращениях: (45) aχ° nojŋ bāw°, mend° joww°-t? = *Ах нойн баав, менд йоввт?* ‘Глубокочтимый баава, благополучно ли приехали?’ — „Hochgeehrter väterlicher beschützer, seid Ihr glücklich angekommen? ‘Высокочтимый отеческий покровитель, благополучно ли вы приехали?’ [Сказка № 18]; (46) «gelŋ, ta arɣpɫdž tšad°χp (tšadχp) bolw̄-zā-t?» gedž kelwā. = *Гелң, та арһлџ чадх болвзат? — геџ келвә.* ‘Гелюнг, вы можете нам помочь? — говорят’ — “Gelüng, Ihr könnt wohl einen ausweg ausdenken?”. ‘Гелюнг, вы можете придумать выход из положения?’ [Сказка № 11]. Обращение отражает роли коммуникантов, выражая соотношение родственных и статусных отношений, их возраста и пола.

Таким образом, в результате анализа обращений на материале калмыцких сказочных текстов в записи Г. Й. Рамстедта можно сделать следующие выводы:

1) анализ материала исследования показывает, что в качестве обращения в текстах сказок в записи Г. Й. Рамстедта выступает определенный ряд слов: имена собственные (*Аю Чикт, Шар Күрмн* и др.), термины родства (*авһ, дү, эгч, ээџ*), слова, обозначающие половозрастные признаки персонажей (*көвүн, күүкн, эмгн, өвгн, залу*), слова, связанные с поведением адресата речи (*шулм, элмр*), с обозначением социального статуса или рода занятий (*манџ, түшмл, хан*), с обозначением элементов природы (*теңгр, һазр*) и животных (*темән, барс*), условно называемые безличные обращения (*һазрин чичәч, дала балһач*). Лексемы, обозначающие половозрастные признаки персонажей, термины родства, и имена собственные персонажей сказок наиболее часто употребляются в качестве обращений;

2) обращения чаще всего встречаются в волшебных сказках, и это вполне объяснимо: сюжет этих сказок более динамичен, что обуславливает большее количество персонажей, а соответственно и обращений, введенных в структуру диалогической речи;

3) в текстах богатырских сказок, в отличие от других жанров сказок, встречаются чаще в качестве обращений лексемы, обозначающие половозрастные признаки и термины родства;

4) обращения в калмыцком языке могут занимать различное положение в предложении, но чаще всего в препозиции, что необходимо для привлечения внимания и установления контакта в процессе общения между участниками диалога. Препозиционное положение обращений чаще встречается в волшебных сказках;

5) с точки зрения структуры в текстах сказок на калмыцком языке чаще всего используются нераспространенные и распространенные двучленные обращения. Это объясняется тем, что выделение персонажа или предмета, к которому адресована речь, является первоочередной целью обращения. Для калмыцкой речи характерно также наличие распространенных многочленных обращений, служащее средством выразительности и усиления характерных качеств персонажа;

6) в фольклорных текстах обращение выполняет самые различные функции в процессе диалогического общения: фативную, эмотивную, регулятивную.

7) в обращении используются такие фонетические, лексические и грамматические средства и приемы, как долгота гласного, междометия, повторы, притяжательные частицы.

8) социальная роль коммуникантов, их социальный статус, возрастные и этнические особенности влияют на различие форм обращений.

5.3. Выводы

В главе диссертации были проанализированы сравнительные конструкции и обращения, которые являются одними из средств выражения языковой картины мира. Сравнения и сравнительные конструкции в материале исследования обусловлены своеобразием национальной картиной мира, не случайно, что в материале исследования нашли отражения зооморфные коды культуры, когда образом сравнения выступают животные, которые, как правило, разводятся кочевыми народами (бык, верблюд-самец, жеребец и т. д.), птицы, чей ареал обитания степь (ястреб, коршун и др.).

В основном сравнительные конструкции состоят из трех элементов, однако в материале исследования были обнаружены случаи отсутствия объекта сравнения в рассматриваемых конструкциях, что объясняется спонтанностью речи рассказчика. В результате анализа материала диссертации в роли опорного элемента сравнительной конструкции преимущественно выступают имена существительные.

Во втором параграфе были рассмотрены обращения, которые обозначают роли коммуникантов, передают эмоциональное отношение. В качестве обращения выступают аппелятивы и имена собственные, при этом существует строгая иерархия обращения адресата к адресанту, которая проявляется в определенных правилах, зависящих от социальной роли коммуникантов, их социального статуса, возрастных и этнических особенностей. В результате анализа материала исследования доказано, что наличие обращений в сказочном тексте зависит от сюжета, от жанра сказки.

Заключение

В настоящей диссертационной работе исследованы языковые единицы, содержащие национальную специфику картины мира и несущие в себе этнокультурную семантику. Рассмотрены культурно значимые языковые единицы: безэквивалентная лексика, включающая в себе онимы, реалии, цветовые лексемы, сравнения и обращения, способы их передачи на немецкий язык в сказочных текстах на калмыцком языке.

Объектом настоящей диссертационной работы являются языковые единицы, содержащие национальную специфику картины мира и несущие в себе этнокультурную семантику, и их переводы.

Целью исследования в настоящей работе является рассмотрение культурно значимых языковых единиц в сказочных текстах на калмыцком языке и в их переводе на немецкий язык.

Результаты этого анализа показали следующее.

1. Проблемы взаимодействия и взаимосвязи языка, культуры и фольклора, разрабатываемые на современном этапе развития лингвистики, активно рассматриваются в рамках исследования фольклорного текста, способного сохранить весь спектр функциональных средств выражения представлений народа об окружающем мире и человеке, что составляет основу национальной и языковой картины мира.

2. Рассмотренные в данном исследовании языковые единицы, функционирующие в сказочном тексте и имеющие культурно значимую маркированность, отражают лингвокультурные особенности картины мира калмыков. Лингвокультурологический анализ фольклорного текста выступает инструментом глубинного исследования и уточнения национальной и языковой картины мира.

3. Сказка, являясь одним из архаичных жанров устного народного творчества, передается посредством языковой личности сказочника, и, по сути ее можно отнести к вторичным текстам. Наложение буддийского мировосприятия и мировоззрения на наивное четко прослеживается в материале исследования, в частности, и по используемым в сказочных текстах онимам. Они заслуживают отдельного рассмотрения как в отношении семантики, так и в стратегии их перевода на немецкий язык. В ходе исследования выявлены наиболее распространенные виды онимов, закономерность частоты их употребления в зависимости от жанра сказки и способы передачи имен собственных на немецкий язык.

4. Подробно рассмотренная типология калмыцких реалий в сказках в записи Г. Й. Рамстедта (реалии государственного строя и общественной жизни, общественно-политическая лексика, материальной культуры, природного мира, мифологические реалии и т. д.) показывает, что фольклорный текст, а именно сказки, имеют в своем составе культурно-маркированную лексику, которая раскрывает самобытность народа и отражает характерные черты сложившейся лингвокультурной общности этноса.

5. Сравнительный анализ слов-реалий в калмыцком и немецком языках позволяет рассмотреть языковые и культурные особенности двух народов. Выявлены способы перевода реалий с калмыцкого на немецкий язык, выделены тематические группы реалий. Способами перевода, используемыми Г. Й. Рамstedтом, являются транскрипция, транслитерация, калька и полукалька, пояснительный и описательный перевод. Лексемы, не имеющиеся в немецкой лингвокультуре, передаются с помощью транскрипции, транслитерации и полукальки.

6. В калмыцкой языковой картине мира цветообозначения играют большую роль. Ярко выраженная национально-культурная семантика цветовой палитры калмыков позволяет констатировать о том, что лингвоцветовая картина мира калмыков составляет основу традиционной культуры калмыков. Анализ специфических особенностей цветовосприятия в исследуемом фольклорном тексте показал, что наиболее частотными цветообозначениями в фольклорных текстах Г. Й. Рамstedта являются лексемы *хар* 'черный' (144 словоупотребления), *цаһан* 'белый' (117) и *улан* 'красный' (74). Частотность лексем *бор* 'серый' (9) и *ноһан* 'зеленый' (6) невелика. Почти все цветообозначения, кроме *бор* 'серый', входят в состав антропонимов и топонимов. Цветообозначения *шар*, *цаһан*, *көк*, *бор* являются цветовым определителем во многих ботанических и зоологических терминах. В ходе исследования проведен анализ колоронимов по жанрам, выявлена частотность цветообозначений в зависимости от их значения – прямого и переносного, которые распределены также по жанрам сказок и по способам перевода лексем. Представляет интерес сравнение полученных данных с результатами других исследований, в фокусе которых находилась частотность цветковых слов на материале разных фольклорных текстов.

7. Одними из системообразующих элементов языковой картины мира являются сравнительные конструкции и обращения, так как они отражают свойства эмоционально-образного осмысления окружающего мира и реальности народом. В материале исследования нашли отражения зооморфные коды культуры, когда образом сравнения выступают животные, которые, как правило, разводятся кочевыми народами (бык, верблюд-самец, жеребец и т. д.), птицы, чей ареал обитания степь (ястреб, коршун и др.).

Спонтанность речи рассказчика обуславливает некоторые особенности анализируемого материала, так, например, в материале исследования были обнаружены случаи отсутствия объекта сравнения в рассматриваемых конструкциях.

Количественные характеристики частотности употребления различных частей речи в структуре сравнительных конструкций свидетельствуют о том, что в калмыцком языке, в отличие, например, от русского языка, в котором преобладают глагольные конструкции, выявлена наибольшая частотность субстантивной группы в аспекте рассмотрения частеречной принадлежности опорного слова.

8. В рамках лингвокультурологических особенностей фольклорного текста рассмотрена категория обращения. В качестве обращения выступают

апеллятивы и имена собственные, при этом существует строгая иерархия обращения адресата к адресанту, которая проявляется в определенных правилах, зависящих от социальной роли коммуникантов, их социального статуса, возрастных и этнических особенностей. В результате анализа материала исследования выявлено, что наличие обращений в сказочном тексте зависит от сюжета и от жанра сказки. В ходе исследования выявлена частотность применения слов в обращениях. По частоте употребления в конструкции обращений занимают лексемы, обозначающие половозрастные признаки персонажей (108), термины родства (57) и имена собственные персонажей сказок (31).

Анализ частотности позиций рассматриваемой категории в предложении показал, что обращение подавляющей частью занимает положение в препозиции (190), меньше — в интерпозиции (55) и совсем редко — в постпозиции (9). Преимущественное положение обращения в препозиции объясняется тем, что это необходимо для осуществления коммуникативных связей в диалогической речи, для привлечения внимания персонажей сказок.

Формы обращения могут различаться в зависимости от социальных ролей адресанта и адресата, их положения на иерархической лестнице (старший/младший, высший/низший, начальник/подчиненный), которые определяются такими параметрами как родственные отношения, соотношение возрастов, пол, социальное положение и т. д.

Литература

1. Bergmann 1804 — Bergmann B. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Riga: Verlag bei K. J. H. Hartmann, 1804. 351 s.
2. Berlin, Key 1969 — Berlin B., Key P. Basic colour terms: their universibility and evolution. Los Angeles: Berkeley University of California Press, 1969. 178 p.
3. Biber 1999 — Biber D. Longman Grammar of Spoken and Written English. Harlow: Pearson Education Limited, 1999. 1204 p.
4. Brown, Lenneberg 1954 — Brown R. W., Lenneberg E. H. A study in language and cognition // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1954. 49 (3). Pp. 454–462.
5. Glucksberg, Haught 2006 — Glucksberg S., Haught S. On the Relation Between Metaphor and Simile: When Comparison Fails // Mind & Language. 2006. Vol. 21. No. 3. Pp. 360–378.
6. Halén 1996 — Halén H. G. J. Ramstedt as a Recorder of Khalkha Epics // Oral Tradition. 1996. Vol. 11. Iss. 1. Pp. 99–107.
7. Haught 2013 — Haught C. A. Tale of Two Tropes: How Metaphor and Simile Differ // Metaphor and Symbol. 2013. Vol. 28. Iss. 4. Pp. 254–274.
8. Jülg 1866 — Jülg B. Die Märchen des Siddhi Kur. Kalmükische Text mit deutscher Übersetzung und einem kalmükisch-deutschen Wörterbuch. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1866. 223 s.
9. Kalmükische 1909 — Kalmükische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmükische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. 154 s.
10. Kalmükische 1919 — Kalmükische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmükische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1919. 155–237 s.
11. Kalmükische 1956 — Kalmükische Sprichwörter und Rätsel. Aufgezeichnet von G. J. Ramstedt. Bearbeitet und herausgegeben von Pentti Aalto // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. B. 58 (2). Helsinki, 1956. 38 p.
12. Kalmükische Lieder 1962 — Kalmükische Lieder. Aufgezeichnet von G. J. Ramstedt. Bearbeitet und herausgegeben von Pentti Aalto // Journal de la Societe Finno-Ougrienne 63: 1. Helsinki, 1962. 127 p.
13. Lohr 1820 — Lohr J. Das Buch der Märchen für Kindheit und Jugend. Erstes Bund. Leipzig. 1818. 419 s.; Zweites Bund. 1820. 471 s.
14. Palmer 1996 — Palmer G. B. Toward a theory of cultural linguistics. Austin: University of Texas Press, 1996. 348 p.
15. Poppe N. Introduction to Mongolian comparative Studies. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955. 300 p.
16. Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kamükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 s.
17. Setälä 1901 — Setälä E. N. Über Transskription der Finnisch-ugrischen Sprachen // Finnisch-ugrische Forschungen. 1901. № 1. S. 15–52.

18. Taube 1997–1998 — Taube E. Eine frühe kalmükische Märchenaufzeichnung und ihre mongolischen und altaisuwinschen Parallelen // Ural-Altäische Jahrbücher. 1997–1998. Pp. 181–201.
19. Zwick 1853 — Zwick H. A. Handbuch der Westmongolischen Sprache. Druck von Ferd. Forderer in Villingen Schwarzwald, 1853. 479 p.
20. Абрамова 2004 — Абрамова Г. И. Этносемантика фразеологических компаративных единиц как элемент национально-культурной специфики: на примере русского, казахского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 268 с.
21. Авляев 2002 — Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.
22. Агуляева Б. С. Изучение калмыцких говоров // Смальта. Публикации начинающих исследователей. 2015. №2. С. 95–97.
23. Азимов, Щукин 2009 — Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.
24. Алефиренко 2010 — Алефиренко Н. Ф. Стереотипы и прототипы в этнокультурном пространстве языка // Научные ведомости Белгородского госуниверситета. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 24 (95). С. 5–11.
25. Алимжанова 2010 — Алимжанова Г. М. Сопоставительная лингвокультурология: сущность, принципы, единицы: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Алматы, 2010. 50 с.
26. Алпатов 1995 — Алпатов В. М. Литературный язык в России и Японии (Опыт сопоставительного анализа) // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 93–116.
27. Андреева 1965 — Андреева Л. Н. Лингвистическая природа и стилистические функции «значащих» имен (антономасии): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1965. 17 с.
28. Аникин 1996 — Аникин В. П. Теория фольклора. М.: Изд-во МГУ, 1996. 428 с.
29. Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 768 с. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. VIII, 472 с.
30. Апресян 1999 — Апресян Ю. Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия АН. Серия лит. и языка. 1999. Т. 58. № 4. С. 39–53.
31. Артаев 2001 — Артаев С. Н. Калмыцкий речевой этикет: лингвистический и социокультурный аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001. 25 с.
32. Артаев 2008 — Артаев С. Н. Обращение как средство адресации в выражениях калмыцкого речевого этикета // Научная мысль Кавказа. 2008. № 5 (спецвыпуск). С. 157–159.

33. Арутюнова 1994 — *Арутюнова Н. Д.* Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. 317 с.
34. Атлас ... 2003 — Атлас пресноводных рыб России. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 2003. 379 с.
35. Ахманова 1966 — Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.
36. Ашилова 1976 — Ашилова Д. О. Этническая антропология калмыков: соматологическое исследование. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 215 с.
37. Аюшова Ц. Н. Концепт «родина» в калмыцкой лингвокультуре // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики: мат-лы постоянно действующего семинара. Элиста: КалмГУ, 2008. С. 58–61.
38. Бабайцева 2010 — Бабайцева В. В. Система языка как целостное образование // Бабайцева В. В. Избранное. 2005-2010: сб. научных и научно-методических статей. М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. С. 32–41.
39. Бадмаева 2004 — Бадмаева С. С. Язык и стиль сказок монгольских народов на материале лексики: дисс. ... канд. филол. наук. Элиста, 2004. 200 с.
40. Байдак 2011 — *Байдак А. В.* Лингвокультурная репрезентация селькупской диады «жизнь – смерть»: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Томск, 2011. 45 с.
41. Бакаева 2001 — Бакаева Э. П. Категории пространство и время в культуре калмыков: маркеры // Мат-лы IV Конгресса этнографов и антропологов России. Нальчик, 2001. С. 144.
42. Бакаева 2005 — Бакаева Э. П. Оппозиция «белый-черный» и проблема геосимволики монгольских народов // Азия в Европе: взаимодействие цивилизаций. Язык, культура, этнос в глобализованном мире: на стыке цивилизаций и времен: мат-лы Междунар. конгресса. Элиста: КалмГУ, 2005. С. 22–25.
43. Бакаева 2008 — Бакаева Э. П. Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста: Изд. дом «Герел», 2008. 189 с.
44. Бакаева 2009 — Бакаева Э. П. Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 159 с.
45. Бакаева 2011 — Бакаева Э. П. «Нутук»: к вопросу о понятии «кочевье» и территории расселения ойратов (на материалах фольклора) // Монголоведение. 2011. №5. С. 96–108.
46. Бакаева 2017 — Бакаева Э. П. Семантика традиционного костюма ойратов калмыков и современные художественные традиции. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 352 с.
47. БАМРС, 3 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. В 4 т. Т. 3. М.: Academia, 2001. 438 с.
48. БАМРС, 4 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. В 4 т. Т. 4. М.: Academia, 2002. 501 с.

49. Бархударов 1975 — Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
50. **Басангова 2002** — Басангова Т. Г. Сказочная традиция калмыков // Сандаловый ларец: калмыцкие народные сказки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. С. 3–38.
51. Батырева 2017 — Батырева С. Г. Войлок в традиционном быту калмыков: художественная обработка // Монголоведение (Монгол судлал). 2017. № 10. С. 154–161.
52. Батырева 2019 — Батырева С. Г. Войлок в обрядовой культуре калмыков // Монголоведение (Монгол судлал). 2019. № 1. С. 134–145.
53. Бахилина 1975 — Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.
54. Баянова и др. 2015 — Баянова А. Т., Бутаева А. О., Горяева Б. Б., Куканова В. В. Диалектная лексика в сказках как отражение региональной картины мира (на материале записей Г. Й. Рамстедта) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: мат-лы XV Всероссийской науч. конф. (г. Уфа, 19–21 ноября 2015 г.). Уфа: Изд-во ФГБУН «Институт истории, языка и литературы Уфимского НЦ РАН», 2015. С. 37–42.
55. Белозубова 2017 — Белозубова Н. И. Методика лингвокультурологического анализа русской народной сказки в иностранной аудитории // Русский язык и литература в образовательном пространстве азиатского региона: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Бур. гос. ун-т им. Д. Банзарова, 2017. С. 130–132.
56. Бентковский 1869 — Бентковский И. В. Одежда калмыков Большедербетского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. II. Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1869. С. 123–139.
57. Бережных 2009 — Бережных Е. Ю. Цветообозначения и их символика в русском и испанском языках. автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 26 с.
58. Берков 1996 — Берков В. П. Компаративность: семантика сравнения и типы ее выражения // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб.: Наука, 1996. С. 106–154.
59. Бертагаев 1971 — Бертагаев Т. А. Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках // Проблема общности в алтайских языках. Л., 1971. С. 90–110.
60. Биткеев 1976 — Биткеев Н. Ц. Сравнения и метафоры в «Джангаре» Ээлян Овла и его последователей: к проблеме эпической традиции // Вестник КНИИЯЛИ. Вып. 14. Элиста. 1976. С. 132–140.
61. Биткеева 1998 — Биткеева А. Н. Национальное своеобразие в переводах художественного текста в английском и калмыцком языках // Гегэрлт. 1998. № 3. С. 33–42.

62. Биткеева 2016 — Биткеева Г. С. Лингвокультурные традиции калмыцкого народа. Табу и эффемизмы. Элиста: Джангар, 2016. 151 с.
63. Блох 2007 — Блох М. Я. Проблема понятия концепта и картины мира в философии языка // Преподаватель: XXI век. 2007. № 1. С. 101–105.
64. Боваева 2012 — Боваева Г. М. Лингвокультурная специфика этнических пищевых предпочтений: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Элиста, 2012. 22 с.
65. Бовкунова 2006 — Бовкунова Ю. В. Культурно-историческая специфика фольклорного текста: дисс. ... канд. философ. наук. Белгород, 2006. 131 с.
66. Богатова 1995 — Богатова Г. А. Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка и проблемы менталитета // Этническое и языковое самосознание: мат-лы конф., 13–15 дек., г. Москва. М.: ТОО «ФИАНфонд», 1995. С. 22.
67. Богданов 2001 — Богданов В. К. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство, 2001. 438 с.
68. Богородицкий 1907 — Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). Казань: Типо-лит. Имп. унта, 1907. 268 с.
69. Борджанова 1983 — Борджанова Т. Г. Антропонимия калмыцких народных сказок // Ономастика Калмыкии: сб. науч. трудов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. С. 96–100.
70. Борисенко 1983 — Борисенко И. В. Топонимия Ергеней (дореволюционный период) // Ономастика Калмыкии: сб. науч. трудов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. С. 35–51.
71. Брагина 1999 — Брагина Н. Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 131–137.
72. Брутян 1973 — Брутян Г. А. Язык и картина мира // Философские науки. 1973. № 1. С. 108–111.
73. Буреаева Т. В. Язык калмыцких народных сказок (на материале «Калмыцких сказок» Г. Й. Рамстедта): дисс. ... канд. филол. наук. Элиста, 2006. 184 с.
74. Бурыкин, Басангова 2008 — Бурыкин А. А., Басангова Т. Г. Устойчивые сравнения в «Джангаре» и жанр примет-шинж (к проблеме интертекстуальности героического эпоса и генезиса жанра примет-шинж в калмыцком фольклоре) // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 9–14 мая 2007 г.). В 3-х ч. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 5–10.
75. Бутаева и др. 2016 — Бутаева А. О., Куканова В. В., Горяева Б. Б., Баянова А. Т. Парцеллированные конструкции в калмыцком языке: постановка проблемы (на материале сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом) // Мир фольклора в контексте истории и культуры

- монгольских народов: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Иркутск, 8–9 октября 2015 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. С. 199–209.
76. Вайсгербер 1993 — Вайсгербер Й. Л. Язык и философия // Вопросы языкознания. 1993. № 2. С. 114–124.
 77. Вайсгербер 2004 — Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
 78. Валгина 1978 — Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. Изд. 2-е. М.: Высш. школа, 1978. 438 с.
 79. Василевич 1987 — Василевич А. П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: на материале цветообозначения в языках разных систем. М.: Наука, 1987. 138 с.
 80. Василевич 2007 — Василевич А. П. Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ. М.: КомКнига, 2007. 320 с.
 81. Василевич и др. 2005 — Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и название цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
 82. Введенская 2000 — Введенская Л. А. Русский язык и культура речи: учебное пособие для вузов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 537 с.
 83. Вежбицкая 1996 — Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 411 с.
 84. Вежбицкая 1999 — Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки славянской культуры, 1999. 776 с.
 85. Вежбицкая 2001 — Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 287 с.
 86. Велединская 2010 — Велединская С. Б. Курс общей теории перевода: учебное пособие. Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2010. 230 с.
 87. Венде 1967 — Венде К. Финно-угорская транскрипция (ФУТ) в историческом аспекте и в сопоставлении с международным фонетическим алфавитом (МФА). Таллинн, 1967. 74 с.
 88. Верещагин 1976 — Верещагин Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976. 248 с.
 89. Верещагин 1990 — Верещагин Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
 90. Верещагин, Костомаров 1980 — Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Рус. яз., 1980. 320 с.
 91. Верещагин, Костомаров 1999 — Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1999. 84 с.
 92. Виноградов 1950 — Виноградов В. В. Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1950. 414 с.

93. Виноградов 1978 — Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Изд-во МГУ, 1978. 174 с.
94. Винокур 1959 — Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. 492 с.
95. Витгенштейн 1994 — Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 1–73.
96. Владимирцов 1934 — Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 224 с.
97. Владимирцов 1929 — Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Енукидзе, 1929. 436 с.
98. Власов 2015 — Власов А. Н. Фольклорный текст в контексте междисциплинарных исследований [электронный ресурс] // URL: <https://refdb.ru/look/1048700.html> (дата обращения 01.11.2015).
99. Влахов, Флорин 1980 — Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.
100. Волкова 2004 — Волкова Т. Ф. Сравнения в речи диалектной языковой личности: дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 237 с.
101. Вомперский 1964 — Вомперский В. В. К характеристике стиля М. Ю. Лермонтова: стилистические функции сравнения // Русский язык в школе. 1964. № 5. С. 25–32.
102. Воркачев 2004 — Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.
103. Воробьев 1997 — Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: РУДН, 1997. 331 с.
104. Воробьев, Полякова 2012 — Воробьев В. В., Полякова Г. М. Сопоставительная лингвокультурология как новое научное направление // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. №2. С. 13–18.
105. Воробьева 2014 — Воробьева Л. Б. Возможности репрезентации устойчивых сравнений в русско-литовском словаре. Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3. С. 219–221.
106. Ворошкевич, Казанникова 2016 — Ворошкевич Д. В., Казанникова Д. П. Пособие по лингвокультурологическому анализу текста. М.: МПГУ, 2016. 32 с.
107. Вульф Н.В. Орфографические инновации в немецком языке в конце XIX–XX веках: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 263 с.
108. Гак 1977 — Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М.: Междунар. отношения, 1977. 264 с.
109. Гак 1998 — Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
110. Галиуллина 2009 — Галиуллина Г. Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте: дисс. ... д-ра филол. наук. Казань, 2009. 403 с.

111. Гальперин 1958 — Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 460 с.
112. Гальперин 1981 — Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
113. Гацак 1989 — Гацак В. М. Устная эпическая традиция во времени: историческое исследование поэтики. М.: Наука, 1989. 254 с.
114. Гацак 2002 — Гацак В. М. Этнопоэтические константы в фольклоре: уровни, изоглоссы, «мультимедийные» формы (на славянском и неславянском материале) // Литература, культура и фольклор славянских народов: доклады российской делегации. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 311–324.
115. Гедеева, Гантулга 2020 — Гедеева Д. Б., Гантулга Д. Буддийская символика в системе калмыцких тамг // Монголоведение. 2020 № 1 С. 142–153.
116. Герд 1995 — Герд А. С. Введение в этнолингвистику: уч. пособие. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 91 с.
117. Герд 2005 — Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. Изд. 2-е, испр. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. 456 с.
118. Герц 1938 — Герц Г. Р. Исследования о распространении электрической силы // 50 лет волн Герца М., Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 156 с.
119. Голстунский 1860 — Русско-калмыцкий словарь, составленный исправд. должность экстраординарнаго профессора монгольскаго и калмыцкаго языков в императорском С. Петербургском университете Константином Голстунским. СПб.: В тип. Императорской Академии наук, 1860. 140 с.
120. Голубева 2006а — Голубева Е. В. Национально-культурная специфика картины мира в калмыцком языке (на примере культурных концептов): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006а. 212 с.
121. Голубева 2006б — Голубева Е. В. Национально-культурная специфика картины мира в калмыцком языке (на примере культурных концептов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006б. 25 с.
122. Голубева 2008 — Голубева Е. В. Цветоконцепт красный «улан» в фольклоре калмыков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1–2 (1). С. 22–25.
123. Голубева 2016 — Голубева Е. В. Устойчивые сравнения как способ когниции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12(66). В 4-х ч. Ч. 2. С. 88–91.
124. Гольдин 1987 — Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 129 с.
125. Горяева и др. 2015 — Горяева Б. Б., Баянова А. Т., Бутаева А. О., Куканова В. В. Фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере сказок, записанных Г. Й. Рамstedтом) // Вестник

- Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 128–140.
126. Гумбольдт 1985 — Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М. Прогресс, 1985. 448 с.
 127. Давидян 2008 — Давидян З. О. Способы перевода цветообозначений с французского языка на испанский // Вестник ВолГУ. Сер. 2. 2008. Вып. 7. С. 134–137.
 128. Даль 1978 — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. А–З. М.: Русский язык, 1978. 699 с.
 129. Даль 1980 — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. Р–V. М.: Русский язык, 1980. 683 с.
 130. Даутия 1997 — Даутия Ф. В. Сравнительные конструкции, переходные между сложными и простыми предложениями, с показателем сравнения как: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997. 16 с.
 131. Девятова 2010 — Девятова Н. М. Сравнения в динамической системе языка. М.: URSS, 2010. 318 с.
 132. Джангар 1990 — Джангар. Калмыцкий героический эпос. М.: Наука, 1990. 45 с.
 133. Джушхинова 2013 — Джушхинова К. А. “Белая дорога” как прецедентный знак калмыцкой лингвокультуры // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 2. С. 48–52.
 134. Дмитриева 2017 — Дмитриева Н. М. Этическая концептосфера русской языковой картины мира: диахронический аспект: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2017. 438 с.
 135. Добричев С. А. Этнокультурный потенциал языковых единиц различных уровней : монография / С. А. Добричев, Л. А. Козлова, Т. Г. Пшенкина. Барнаул: АлтГПА, 2013. 243 с.
 136. Дорджиева 2010 — Дорджиева Д. В. Лингвокультурный концепт «подвиг» в русском, калмыцком и английском героических эпосах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 23 с.
 137. Душан 2016 — Душан У. Д. Избранные труды. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 375 с.
 138. Дякиева 2016 — Дякиева Б. Б. Речевой этикет — универсальное средство отражения лингвокультурных традиций народа (на примере калмыцкого языка) // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 2 (30). С. 103–109.
 139. Евгеньева 1963 — Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1963. 348 с.
 140. Егодурова 2014 — Егодурова В. М. Лингвокультурологическое описание безэквивалентной лексики в составе регионального русского языка // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10 (30). С. 10–13.

141. Ермолович 2001 — Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001. 200 с.
142. Есенова 2004 — Есенова Т. С. Концепт «счастье» в менталитете калмыков // Гегэрлт. 2004. №1–2(20-21). С. 51–56.
143. Есенова 2012 — Есенова Т. С. Концепт өрк-бүл / семья в лингвокультуре калмыков // Язык, культура и межкультурная коммуникация: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Ховд, 14–15 сент. 2012 г.). Ховд: Ховд их сургууль, 2012. С. 181–185.
144. Ефанова 2013 — Ефанова Л. Г. Субъект нормативной оценки, выражаемой семантикой языковых единиц, как носитель национальной языковой картины мира // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 101–106.
145. Жданова 2017 — Жданова Ю. В. Лингвокультурологический анализ форм обращения на занятиях РКИ в японской аудитории // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер. Педагогика. Психология. Философия. 2017. № 1 (5). С. 77–82.
146. Житецкий 1893 — Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 75 с.
147. Жуковская 2002 — Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.
148. Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012 — Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.
149. Замалетдинова 2014 — Замалетдинова Г. Ф. Реалии как отражение самобытности татар // Филология и культура. 2014. № 4 (38). С. 101–105.
150. Зиновьева 2016 — Зиновьева Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике. СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. 182 с.
151. Зиновьева, Юрков 2009 — Зиновьева Е. И., Юрков Е. Е. Лингвокультурология: теория и практика. СПб.: Издат. дом «МИРС», 2009. 291 с.
152. Зуева, Кирдан 2002 — Зуева Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор: учебник для высших учебных заведений. М.: Флинта: Наука, 2002. 400 с.
153. Иванов 2006 — Иванов А. О. Безэквивалентная лексика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 192 с.
154. Иванова 2005 — Иванова С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: дисс. ... д-ра филол. наук. М.: РГБ, 2005. 364 с.
155. Игнатенко 1993 — Игнатенко О. Н. Фразеологизмы с компонентами, выраженными конкретно-предметной лексикой, в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь 1993. 15 с.

156. Игошина 2003 — Игошина О. А. Лингвокультурологический анализ фольклорного текста при обучении русскому языку немецкоязычных студентов: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. СПб., 2003. 19 с.
157. Ильясова 2009 — Ильясова Л. И. Устойчивые сравнения с колоративным компонентом в английском и русском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: Казань, 2009. 25 с.
158. Ипанова 2005 — Ипанова О. А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический и лексикографический аспекты. СПб., 2005. 24 с.
159. Казакова 2001 — Казакова Т. А. Практические основы перевода. СПб.: Изд-во «Союз», 2001. 320 с.
160. Калмыцкие богатырские сказки 2017 — Калмыцкие богатырские сказки. Т. 1. М.: Первая Образцовая типография, 2017. 561 с.
161. Калмыцкие и русские ... 2009 — Калмыцкие и русские лингвокультурные концепты Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2009. 252 с.
162. Калугина 2008 — Калугина Е. Н. Концепты «мужчина» и «женщина» в субстандарте русского и английского языков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2008. 22 с.
163. Калыкова 2013 — Калыкова Э. А. Лингвосемиотические характеристики родового сообщества в калмыцкой и шотландской лингвокультурах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 26 с.
164. Карамзин 1982 — Карамзин Н. М. Письма русского путешественника: повести. М.: Правда, 1982. 608 с.
165. Карасик 2002 — Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
166. Караулов 2010 — Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
167. Кирьякова 2009 — Кирьякова О. Н. Лексико-семантическая репрезентация концепта «радость» в английском и русском языках (ан материале переводов художественных текстов XIX века): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 27 с.
168. Кичиков 1994 — Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. Изд. 2-е, репринтное. М.: Вост. лит., 1994. 320 с.
169. Кичиков 1994 — Кичиков А. Ш. Дербетский говор (фонетико-морфологическое исследование). Элиста: Калмгосиздат, 1963. 87 с.
170. КЛЭ 1962 — Краткая литературная энциклопедия / под ред. А. А. Суркова. М.: Сов. энциклопедия, 1962. 1040 с.
171. Ковшова 1996 — Ковшова М. Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты): дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 244 с.

172. Комиссаров 1990 — Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): уч. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
173. Корнилов 2003 — Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 249 с.
174. Корсункиев 1983 — Корсункиев Ц. К. Топонимия Яшкульского района // Ономастика Калмыкии: сб. науч. трудов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. С. 57–72.
175. Косоконова 2011 — Косоконова О. В. Онимы в юридическом дискурсе: система и функционирование: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2011. 17 с.
176. Костомаров, Бурвикова 2000 — Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Логосистема как категория лингвокультурологического поиска // Лингводидактический поиск на рубеже веков: юбилейный сборник. М.: ИУЦ Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2000. С. 88–96.
177. Кочешков 1973 — Кочешков Н. В. Орнамент монголоязычных народов как исторический источник (в порядке постановки проблемы) // Этнографические вести. Вып. 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 3–24.
178. Красных 1998 — Красных В. В. От концепта к тексту и обратно (к вопросу о психолингвистике текста) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1998. С. 53–70.
179. Красных 2002 — Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
180. КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Изд-во «Русский язык», 1977. 754 с.
181. Кубрякова 1988 — Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141–172.
182. Куканова и др. 2016 — Куканова В. В., Горяева Б. Б., Баянова А. Т., Бутаева А. О. Фонетические явления и процессы калмыцкой речи начала XX в. (на примере сказок, записанных Г. Й. Рамstedтом) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2016а. № 4. Т. 10. С. 109–118.
183. Куканова, Омакаева 2011 — Куканова В. В., Омакаева Э. У. Фразеологические и онимические единицы с компонентом-цветообозначением улан в калмыцком языке в свете лингвокогнитивного подхода // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1. Ч. 2. С. 44–49.
184. Кукиш 1982 — Кукиш А. И. Птицы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 128 с.
185. Кукушкина 1984 — Кукушкина И. Е. Познание. Язык. Культура. М.: Изд-во МГУ, 1984. 261 с.

186. Кулешова 2012 — Кулешова Д. О. Символика белого цвета в калмыцких и китайских паремиях // Научное наследие профессора А. Ш. Кичикова и актуальные проблемы современной калмыцкой филологии и культуры: мат-лы региональной науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения профессора А. Ш. Кичикова. Элиста, 2012. С. 67–68.
187. Кульпина 2004 — Кульпина В. Г. Факторы динамизации эволюционных процессов в русской и польской цветономинации // Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии. М.: Институт языкознания РАН, 2004. С. 29–32.
188. Лагаева 2009 — Лагаева Д. Д. Лингвокультурный концепт «счастье» в калмыцком и английском языках: дисс. ... канд. филол. наук. Элиста, 2009. 200 с.
189. Леви-Стросс 2001 — Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
190. Левит 2005 — Левит И. В. Сложные сравнительные синтаксические конструкции как элемент функционально-семантического поля сравнения: дисс... канд. филол. наук. СПб., 2005. 166 с.
191. Левицкий, Никульшина 2017 — Левицкий А. Э., Никульшина Т. Н. Сказочная картина мира: пространство и время (на материале современного английского языка) // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: мат-лы II Междунар. научного конгресса (г. Симферополь, 3–28 апреля 2017 г.) / ред. Е. В. Полховская. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 168–172.
192. Леонтович 2002 — Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. Волгоград: Перемена, 2002. 435 с.
193. Лесевич 1899 — Лесевич В. В. Фольклор и его изучение // Памяти В. Г. Белинского: лит. сборник, сост. из трудов русских литераторов. М.: Тов-во Тип. А. И. Мамонтова, 1899. С. 343–349.
194. Лихачев 1997 — Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: антология / под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
195. Лотман 1998 — Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998. С. 1–281.
196. Лотман 2001 — Лотман Ю. М. Текст и функция // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2001. 703 с.
197. Лотман 2002 — Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.
198. Лубсан Данзан 1973 — Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание»). М.: Наука, 1973. 439 с.
199. ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 682 с.
200. Майзина 2008 — Майзина А. Н. Семантическое поле цветообозначений в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком). Горно-

- Алтайск: Научно-исслед. ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2008. 264 с.
201. Макеенко 1999 — Макеенко И. В. Семантика цвета в разноструктурных языках (универсальное и национальное): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 24 с.
 202. Маклакова 2011 — Маклакова Е. А. О понятии лингвокультурологической специфики // Текст – дискурс – картина мира. Вып. 7. Воронеж: Истоки, 2011. С. 3–9.
 203. Манджиева 2009 — Манджиева Э. Б. Формульные выражения традиционного этикета в русской и калмыцкой лингвокультурах: автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Волгоград, 2009. 27 с.
 204. Манджикова 2002 — Манджикова Б. Б. Лексика «Джангара» (цветовая символика) // Калмыки и их соседи в составе Российского государства: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 7–11 сентября 2001 г.). Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 189–196.
 205. Маслова 2001 — Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
 206. Маслова 2004 — Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Изд. Центр «Академия», 2004. 208 с.
 207. Маслова 2005 — Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: уч. пособие. Минск: ТетраСистемс, 2005. 255 с.
 208. Маслова 2014 — Маслова В. А. Лингвокультурология как наука о наиболее культураносных языковых сущностях // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 78–90.
 209. Мелетинский 1976 — Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 407 с.
 210. Мизин 1973 — Мизин О. А. Функции обращения в современном русском языке // Вопросы методики преподавания языка и литературы. Минск, 1973. С. 36–47.
 211. Минина 2000 — Минина О. Г. Обращение в английском языке (коммуникативно-прагматический аспект): дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2000. 202 с.
 212. Митиров 1981 — Митиров А. Г. О цветовой семантике орнамента монгольских народов // Этнография и фольклор монгольских народов. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 90–100.
 213. Мифы, 1 1987 — Мифы народов мира. В 2 т. Т. 1. А–К. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 671 с.
 214. Мифы, 2 1988 — Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 671 с.; Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1988. 719 с.
 215. Монраев 2006 — Монраев М. У. Концепт «цаган» («белый») в калмыцкой лингвокультуре // Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2006. С. 76–81.

216. Монраев 2007 — Монраев М. У. Калмыцкие личные имена (семантика). Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 224 с.
217. Монраев 2008 — Монраев М. У. Концепт улан «красный» в калмыцкой лингвокультуре // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития: мат-лы науч.-практ. конф. (г. Элиста, 13–14 сентября 2006 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 150–151.
218. Монраев 2009 — Монраев М. У. Цветообозначение в калмыцком языке (на материале ономастики) // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. С. 123–124.
219. Монраев 2012 — Монраев М. У. Калмыцкие личные имена (семантика). Изд. 3-е, перераб. Элиста: Издат. дом «Герел», 2012. 255 с.
220. Мулаева 2011 — Мулаева Н. М. Сравнения в произведениях Л. Инджиева «Харалта өдрмүд» («Проклятые дни») и «Большевикүд» («Большевики») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 136–139.
221. Мулаева 2015 — Мулаева Н. М. Формулы-толкования цветообозначающих имен прилагательных (на материалах эпоса «Джангар») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 80–85.
222. Мушаев 2017 — Мушаев В. Н. Средства сравнения в произведениях калмыцкого фольклора («72 небылицы» и «Седклин кюр») // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 4 (36). С. 91–99.
223. Мушаева 2010 — Мушаева О. К. Регулятивные концепты разносистемных лингвокультур. Элиста: КалмГУ, 2010. 158 с.
224. Наднеева 2013 — Наднеева К. А. Буддийское понятие «карма» и категория «судьба» в культуре калмыков // *Studia Culturae*. 2013. № 18. С. 203–214.
225. Наумова 2000 — Наумова И. М. Статус обращения в поэтической речи XIX века: на материале текстов А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Фета, Ф. И. Тютчева, Е. А. Баратынского: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2000. 21 с.
226. Небольсин 1852 — Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 190 с.
227. Неклюдов 1980а — Неклюдов С. Ю. Заметки о мифологической и фольклорно-эпической символике у монгольских народов: символика золота // *Etnografia Polska*. Т. 24. З. 1. Warszawa, 1980. С. 65–94.
228. Неклюдов 1980б — Неклюдов С. Ю. Ойрат-калмыцкая мифология // Мифы народов мира. Т. II. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 247–248.
229. Неклюдов 2019 — Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 520 с.
230. Нелюбин 2003 — Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. Изд. 3-е, перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.

231. Нелюбин 2009 — Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода: уч. пособие. М.: Флинта, 2009. 216 с.
232. Нелюбин 2011 — Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь. 5-е изд. М.: Флинта; Наука, 2011. 320 с.
233. Нерознак 1998 — Нерознак В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1998. С. 80–85.
234. Низовцева 2017 — Низовцева С. Г. Поэтика загадок коми: к вопросу о фольклорных формулах // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. № 2. С. 36–52.
235. Николаева 2003 — Николаева Т. Н. Типологическая параметризация компаративной фразеологии современного якутского и немецкого языков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Якутск, 2003. 23 с.
236. Никонов 1970 — Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы / отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 5–32.
237. Номинханов Ц.-Д. Очерк истории калмыцкой письменности. М.: Наука, 1976. 140 с.
238. НРС 1964 — Немецко-русский словарь / под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. Изд. 3-е. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 988 с.
239. Нуртдинова 2014 — Нуртдинова Г. М. Татарские реалии на фоне английских эквивалентов (на примере татарских народных сказок) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 16 (345). С. 102–107.
240. О булатах ... 1841 — О булатах (сочинение генерал-майора Аносова) // Горный журнал, или собрание сведений о горном и соляном деле, с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся. Ч. I. Кн. II. СПб.: Тип. И. Глазунова и Ко, 1841. С. 157–317.
241. Огольцев 1978 — Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 159 с.
242. Окунева 2009 — Окунева И. О. Концепт «красота» в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 25 с.
243. Ольшанский 1999 — Ольшанский И. Г. Лексика, фразеология, текст: лингвокультурологические компоненты // Язык и культура. Вып. 2. М.: ИНИОН РАН, 1999. С. 10–26.
244. Олядыкова 2004 — Олядыкова Л. Б. Отчества и фамилии у калмыков // Юг России: культурно-исторический феномен: сб. науч. ст. Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 121–134.
245. Олядыкова 2006 — Олядыкова Л. Б. Сакральный белый цвет в монгольских и русском языках // Научная мысль Кавказа: спецвыпуск. 2006. № 5. С. 118–124.
246. Олядыкова 2007 — Олядыкова Л. Б. Безэквивалентная лексика и фразеология в поэтической картине мира Давида Кугультинова (на материале произведений в русском переводе). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 384 с.

247. Олядыкова 2009 — Олядыкова Л. Б. Калмыцкая безэквивалентная лексика и фразеология в русских переводах произведений Давида Кугультинова: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 462 с.
248. Омакаева 2001 — Омакаева Э.У. Число и цвет в текстах калмыцкой мифоритуальной традиции // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Вып. 8. Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 65-67.
249. Омакаева 2009 — Омакаева Э. У. Время // Калмыцкие и русские лингвокультурные концепты. Элиста, 2009. С. 90–103.
250. Орловская М. Н. Очерки по грамматике языка древних монгольских текстов. М.: Вост. лит., 2010. 303 с.
251. Орчлнгин хурвнтс 2001 — Орчлнгин хурвнтс / сост. Т. Г. Басангова. Элиста: Калм кн. изд-во, 2001. 63 с.
252. Оссовецкий 1982 — Оссовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982. 198 с.
253. Отчет ... 1904 — Отчет д-ра Г. Й. Рамстедта за 1903 год // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1904. № 2. С. 11–14.
254. Очир-Гаряев 1983 — Очир-Гаряев В. Э. Термины гидрографии и их топонимизация в монгольских языках // Ономастика Калмыкии: сб. науч. трудов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. С. 3–32.
255. Очиров 1964 — Очиров У. У. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста: Калмгосиздат, 1964. 263 с.
256. Ощепкова 1995 — Ощепкова В. В. Культурологические, этнографические и типологические аспекты лингвострановедения: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1995. 360 с.
257. Павилёнис 1983 — Павилёнис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
258. Пак 2006 — Пак И. Я. Лингвокультурология как следствие процесса интеграции наук. Принципы лингвокультурологического анализа // Научная сессия МИФИ-2006: сб. науч. трудов. В 16-ти т. Т. 16. Конференция «Молодежь и наука». Автоматика. Микроэлектроника. Электроника. Прикладная физика. М.: МИФИ, 2006. С. 183–185.
259. Паллас 1773 — Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб.: Имп. АН, 1773. 657 с.
260. Панькин 2011 — Панькин В. М. Языковые контакты: краткий словарь. М.: Флинта: Наука, 2011. 160 с.
261. Пацева 1991 — Пацева М. А. К проблеме национально-культурной специфики значения слова (на материале русского и болгарского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1991. 22 с.
262. Пешковский 1956 — Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
263. Планк 1966 — Планк М. Единство физической картины мира: сб. ст. М.: Наука, 1966. 287 с.

264. Позднеев 1911 — Позднеев А. М. Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1911. 306 с.
265. Подольская 1978 — Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 199 с.
266. Подчаха 2012 — Подчаха О. В. Особенности многозначности устойчивых сравнений // Преподаватель XXI век. 2012. № 1–2. С. 329–335.
267. Попов 1976 — Попов Р. Н. Фразеологические единицы современного литературного русского языка с архаичными значениями и формами слов. М.: Высшая школа, 1976. 200 с.
268. Попова, Стернин 2007 — Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Изд. 3-е, испр. и доп. Воронеж: Истоки, 2007. 61 с.
269. Постникова 2009 — Постникова С. В. К вопросу о центре функционально-семантического поля сравнения (на материале немецкого языка) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 5. С. 272–276.
270. Потапов 1946 — Потапов Л. П. Культ гор на Алтае // Советская этнография. 1946. № 2. С. 145–160.
271. Потенбня 1989 — Потенбня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 622 с.
272. Потенбня 1999 — Потенбня А. А. Полное собрание трудов: мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
273. Проничев 1971 — Проничев В. П. Синтаксис обращения. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1971. 88 с.
274. Пропп 1976 — Пропп В. Я. Специфика фольклора // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: избранные статьи. М.: Глав. Ред. вост. лит., 1976. С. 16–34.
275. Пропп 1986 — Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во «Русский язык», 1986. 367 с.
276. Путешествие ... 1957 — Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. 270 с.
277. Путилов 1976 — Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, ЛО, 1976. 243 с.
278. Пюрбеев 1971 — Пюрбеев Г. Ц. Дифференциальные признаки женских и мужских личных имен калмыков // Ономастика Поволжья. Горький, 1971. С. 39–42.
279. Пюрбеев 1973 — Пюрбеев Г. Ц. Дифференциальные признаки женских и мужских личных имен калмыков // Ономастика Поволжья–2. Саранск, 1973. С. 58–63.
280. Пюрбеев 1976а — Пюрбеев Г. Ц. Антропонимизация апеллятива в калмыцком языке // Тюркологические исследования. М., 1976.
281. Пюрбеев 1976б — Пюрбеев Г. Ц. Личные имена калмыков из топонимов и этнонимов // Ономастика Поволжья – 4. Саранск, 1976. С. 100–102.

282. Пюрбеев 1995 — Пюрбеев Г. Ц. Личные имена эпических героев: опыт интерпретации (по материалам «Джангара») // Владимирцовские чтения – III: доклады и тезисы всерос. науч. конф. (г. Москва, 25–26 октября 1993 г.) / сост. Е. В. Бойкова; редкол.: В. М. Солнцев и др. М.: ИВ РАН, 1995. С. 184–187.
283. Пюрбеев 1996 — Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
284. Пюрбеев 1997 — Пюрбеев Г. Ц. Время и пространство в языковом сознании монголов: способы и средства обозначения // Международный конгресс монголоведов. М.: Наука, 1997. С. 142–144.
285. Пюрбеев 2010 — Пюрбеев Г. Ц., Турдуматова Э. Б. Концепт «душа» в языковом сознании русских и калмыков // Гуманитарные исследования. 2010. № 4 (36). С. 125–131.
286. Пюрбеев 2015 — Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 280 с.
287. Пюрбеев 2016 — Пюрбеев Г. Ц. Анализ компаративных конструкций в калмыцком фольклоре // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 4 (32). С. 115–121.
288. Радионов 2011 — Радионов А. В. Функционирование вокативов в семейном дискурсе (на примере ойратского и английского языков) // вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 122–127.
289. Рахилина 2000 — Рахилина Е. В. О цветном и бесцветном // Когнитивный анализ предметных имен. Семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. С. 267–278.
290. Рахилина 2007 — Рахилина Е. В. О семантике прилагательных цвета // Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ. М.: КомКнига, 2007. С. 29–39.
291. Рецкер 2007 — Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2007. 244 с.
292. Розен 1896 — Розен Г. Д. История гончих собак. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896. 187 с.
293. Розенталь 1976 — Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
294. Руденко 2013 — Руденко Е. С. Концепты «прекрасное» и «безобразное» в немецкой лингвокультуре: диахронический аспект: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013. 170 с.
295. Рыжова 1980 — Рыжова Л. П. Обращение как компонент коммуникативного акта: автореф. дисс...канд. филол. наук. М.: Изд-во МГПИИЯ, 1980. 15 с.
296. Садохина 1981 — Садохина Т. П. Структура, семантические особенности и орфография современных русских фамилий: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1981. 20 с.

297. Салимова 2007 — Салимова Р. И. Безэквивалентная лексика Севера как один из способов заимствований в английский язык // Северовосточный научный журнал. 2007. № 1. С. 7–10.
298. Салыкова 2013 — Салыкова В. В. Колоративная лексика в языке синьцзян-ойратской и калмыцкой версий эпоса «Джангар»: сравнительно-статистический анализ // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 2. С. 32–35.
299. Санжаев 2004 — Санжаев Ц. С. Продуктивные и некоторые биологические особенности верблюдов в условиях Забайкалья: автореф. дисс. ... канд. сельскохозяйств. наук. 2004. 21 с.
300. Санжеев 1941 — Санжеев Г. Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 188 с.
301. Санжеев 1953 — Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.
302. Санжина 2018 — Санжина Д. Д. Цветообозначение в монгольских языках: лингвокультурологический аспект. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2018. 134 с.
303. Сарангаева 2016 — Сарангаева Ж. Н. Лингвокультурологические особенности гостеприимства в калмыцком, русском и британском языковом сознании // Личность в парадигме межкультурной коммуникации: язык — культура — образование — музей: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. Элиста: КалмГУ, 2016. С. 12–14.
304. Сепир 1993 — Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 654 с.
305. Синиченко 2007 — Синиченко Т. Е. Системный лингвокультурологический анализ этноактуальной лексики (на примере произведений С. Есенина): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 19 с.
306. Скородумова 2014 — Скородумова Л. Г. Мир образов в романах Инжинаша // Mongolica–XII: сб. науч. ст. по монголоведению. СПб., 2014. С. 55–66.
307. СЛТ 1974 — Словарь литературоведческих терминов / сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
308. Содномпилова 2020 — Содномпилова М. М. Мир запахов и ольфакторная коммуникация в традиции тюрко-монгольских народов Внутренней Азии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 32. С. 37–47. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.32.37>
309. Содномпилова М. М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. М.: Вост. лит., 2009. 366 с.
310. Соколова 2017 — Соколова М. В. Фразеологизмы с компонентозоонимом в марийском и финском языках: лингвокультурологический аспект. Йошкар-Ола: Марийский госуниверситет, 2017. 250 с.

311. Сокровенное сказание ... 2002 — Сокровенное сказание монголов / пер. С. А. Козина. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2002. 156 с.
312. Сорокин 1988 — Сорокин Ю. А. Этнопсихоллингвистика. М.: Наука, 1988. 192 с.
313. СРЯ 1959 — Словарь русского языка. Т. III. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. 992 с.
314. СРЯ 1961 — Словарь русского языка. Т. IV. С–Я. М.: Гос. Изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. 1088 с.
315. СРЯ 1982 — Словарь русского языка. Т. II. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1982. 736 с.
316. Степанов 1997 — Степанов Ю. С. Концепт // Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40–76.
317. Степанов 2001 — Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 989 с.
318. Стернин 1985 — Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 171 с.
319. Стернин 2006 — Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. М.: Восток – Запад, 2006. 206 с.
320. Стернин 2011 — Стернин И. А. О понятии лингвокультурной специфики языковых явлений // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 1. С. 8–21.
321. Стернин 2015 — Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. Изд. 2-е, испр. Воронеж: Гарант, 2015. 52 с.
322. Суперанская 1969 — Суперанская А. В. Структура имени собственного (фонология и морфология). М.: Наука, 1969. 207 с.
323. Суперанская 1973 — Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
324. Суперанская 2009 — Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А. А. Реформатский. Изд. 3-е, испр. М.: Либриком, 2009. 368 с.
325. Телия 1996 — Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
326. Тер-Минасова 2008 — Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Изд. 3-е. М.: Изд-во Московского ун-та, 2008. 350 с.
327. Ткачев 1984 — Ткачев В. Е. Цвет и пространство в монгольской архитектуре // Народы Азии и Африки. 1984. № 3. С. 107–113.
328. Тодаева 1976 — Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.
329. Токарев 2009 — Токарев В. Г. Лингвокультурология: уч. пособие. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2009. 135 с.
330. Толстой 1995 — Толстой Н. И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.

331. Толстой 2013 — Толстой Н. И. Язык и культура // Толстой Н. И., Толстая С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения, 2013. С. 7–18.
332. Торчинов 2000 — Торчинов Е. А. Введение в буддологию: курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургское философское общ-во, 2000. 304 с.
333. Тоценко 1990 — Тоценко Г. В. Лексическая структура, синтаксические свойства и основные функции обращения (на материале испанского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1990. 24 с.
334. Тресиддер 1999 — Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
335. ТСРЯ 1935 — Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1935. 1564 с.
336. Турдуматова, Пюрбеев 2009 — Турдуматова Э. Б., Пюрбеев Г. Ц. Концепт «судьба» в языковом сознании русских и калмыков // Гуманитарные исследования. 2009. № 4(32). С. 61–68.
337. Тюркан 2015 — Тюркан Е. А. Некоторые проблемы перевода национально-культурной лексики (на примере перевода названий национально-культурных реалий саамского языка) // Национально-культурные реалии саамской культуры: переводческий аспект. Мурманск: Изд-во Мурманского государственного гуманитарного ун-та, 2015. С. 142–150.
338. Убушаев Н. Н. Диалектная система калмыцкого языка. Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. 256 с.
339. Убушиева 2020 — Убушиева Д. В. Рыболовство в фольклоре калмыков и народов Южной Сибири // Новый филологический вестник. 2020. № 2 (53). С. 75–91.
340. Уорф 2003 — Уорф Б. Л. Наука и языкознание: о двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Языки как образ мира. М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 202–219.
341. Федоров 2002 — Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): уч. пособие. Изд. 5-е. СПб.: Фил. фак-т СПбГУ; М.: ООО «ИД «Филология три», 2002. 416 с.
342. Федоров 2010 — Федоров А. В. Введение в переводоведение: учебно-методическое пособие для вузов. Воронеж: ИПЦ Воронежского госуниверситета, 2010. 51 с.
343. Федорова 2008 — Федорова П. Б. Этнокультурная лексика современного калмыцкого языка (технология обработки кожи и изготовление изделий из него // Научная мысль Кавказа. 2008. № 2 (54). С. 117–120.
344. Философский словарь 2001 — Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. Изд. 7-е, перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.
345. Фоянкова 1990 — Фоянкова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990. 103 с.

346. Формановская 2002 — Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 213 с.
347. Фрумкина 1984 — Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с.
348. Фуко 1994 — Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
349. Хаймс 1975 — Хаймс Д. Х. Этнография речи // Новое в лингвистике. вып. VII. Социоллингвистика / общ. ред. и ступ. ст. Н. С. Чемоданова. С. 42–95.
350. Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс (= Калмыцкие сказки). Т. 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1961. 220 с.
351. Хальмг туульс 1968 — Хальмг туульс (= Калмыцкие сказки). Т. 2. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 266 с.
352. Хисамутдинова 2017 — Хисамутдинова Р. М. Особенности языка и стиля башкирских народных песен: лингвокультурологический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2017. 25 с.
353. Хроленко 2009 — Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии: уч. пособие. М.: Флинта, 2009. 184 с.
354. Церенова 2005 — Церенова Ж. Н. Концепт «кочевье» в калмыцкой, русской и американской лингвокультурах: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 200 с.
355. Цултэм 1982 — Цултэм Н. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. М. : Изобразит. искусство, 1982. 321 с.
356. Цыганова 2000 — Цыганова С. А. Цветообозначение в фольклоре: символика, смысл, традиция // *Mentalität. Konzept. Gender*. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. S. 79–99.
357. Частотный словарь языка калмыцкого героического эпоса «Джангар». Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 161 с.
358. Черемисина 1976 — Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 270 с.
359. Чистов 1986 — Чистов К. В. Народные традиции и фольклор: очерки теории. Л.: Наука, 1986. 304 с.
360. Чистов 2005 — Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М.: ОГИ, 2005. 272 с.
361. Шараева 2009 — Шараева Т. И. Понятие «счастье» («кишг») в культуре калмыков // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: мат-лы Междунар. науч. конф, посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. С. 639–643.
362. Шахматов 1941 — Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.

363. Швейцер 1973 — Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика (газетно-информационный и публицистический перевод). М.: Воениздат, 1973. 280 с.
364. Эйнштейн 1967 — Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // Эйнштейн А. Собрание научных трудов в 4 т. Т. 4. Статьи, рецензии, письма. М.: Наука, 1967. С. 39–41.
365. Эрдниев 1970 — Эрдниев У. Э. Калмыки (конец XIX– начало XX вв.): историко-этнографические очерки. Элиста: Калмиздат, 1970. 307 с.
366. Эрдниева 2016 — Эрдниева Э. В. Функционирование фразеологизмов-сравнений, выражающих качество человека, в разных языках // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 3 (31). С. 77–83.
367. ЭСТЯ 1978 — Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.
368. Юшко 2012 — Юшко О. Ю. Диахроническая трансформация лингвокультурного типажа «hero» в англоязычной картине мира: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2012.

Приложение 1. Список антропонимов в сказках в записи Г. Й. Рамстедта

№	транскрипция	калмыцкий	расшифровка	русский	немецкий	кем является в сказке	№ сказки
1.	awχā tsetsəg	<i>Авхэ Цецг</i>	<i>авха</i> ‘княгиня, принцесса’ [Ramstedt 1935: 19] + <i>цецг</i> ‘цветок’	Авха Цецек	1. Awchai Tsetsek	дочь Умкя Терлтя хана	22
2.	ajŋg, p tüşməł	<i>Айңһ түшмл</i>	<i>айңһ</i> ‘гром, молния’ + <i>түшмл</i> ‘сановник’	Аянга сановник	1. Minister Ajunga ‘министр Аянга’ 2. Ajunga Tüschmel	сановник	22
3.	aldŋ šuldŋ χān	<i>Алдр Шулдр хан</i>	<i>алдр</i> ‘славный, известный’ + <i>шулдр</i> ‘?’ ¹⁰⁸ + <i>хан</i> ‘хан’	Алдар Шулдар хан	Alder-Schulder Chan	хан	18
4.	almst-takā	<i>Алмст-Така</i>	<i>алмс</i> ‘ведьма’ [Ramstedt 1935: 7] + <i>така</i> ‘курица’	Алмаст-така	Almast-takā («Verhexte Henne») ‘курица-ведьма’	название родника	21
5.	ajū tšikt°	<i>Аю Чикт</i>	<i>аю</i> ‘медведь’ + <i>чикт[ə]</i> ‘с ушами’	Аю Чиктя	Ajū Tschikte	сын Умкя Терлтя хана	22
6.	baɯŋ χān	<i>Байн хан</i>	<i>байн</i> ‘богатый’ + <i>хан</i> ‘хан’	Байн хан	Reiche chan ‘богатый хан’	хан	8
7.	baŋū χar° bātŋ	<i>Бэрү Хар баатр</i> =	<i>бэрү</i> ‘скупой, жадный, алчный’ [Ramstedt 1935: 39] + <i>хар</i> ‘черный’ + <i>баатр</i> ‘богатырь’	Бярю Хар баатр	Bärü Chara Batur	богатырь, побратим Эркен Йилдер богатыря	20
8.	bāfūł χar° bātŋ	<i>Бэрүл Хар баатр</i>	<i>бэрүл</i> ‘рукоять’ + <i>хар</i> ‘черный’ + <i>баатр</i> ‘богатырь’	Бярюл Хар баатр	Bärül Chara Batur	богатырь	18
9.	bōrögīn bökn̄ tsayān	<i>Бөөргин Бөкн Цаган</i>	<i>бөөрг</i> ‘равнина с впадинами и бугорками’ + <i>бөкн</i> ‘горб’ + <i>цаган</i> ‘белый’ ¹⁰⁹	Бёргин Бёкен Цаган	Börögīn Bökön Tsaḡān	мужчина	11
10.	burχon bakšī	<i>Бурхн багши</i>	<i>бурхн</i> ‘бог’ + <i>багши</i> ‘учитель’	Бурхан бакш	Burchan-Bakši (=Buddha)	в буд. пантеоне Будда Шакьямуни, Учитель, указавший путь к спасению всем живым существам	20
11.	bürŋ tög°s	<i>Бүрн Төгс</i>	<i>бүрн</i> ‘целый, невредимый’ ¹¹⁰ [КРС 1977: 129] + <i>төгс</i> ‘совершенный, преисполненный’ [КРС 1977: 512].	Бюрюн Тегюс	Bürin Tögös	хан	19
12.	g, ambv gūnz°c	<i>Гамб гүнзг</i>	<i>гамб</i> ‘?’ (ср. монг. <i>гамбийх</i> ‘быть щеголеватым’ [БАРМС 2001: 370] + <i>гүнзг</i> ‘трапеза’ [Ramstedt 1935: 139].	Гамбо Гюнзег	Gambo Günziük	шулма	22
13.	gind° tsayān	<i>Гинд Цаган</i>	<i>гинд</i> ‘волшебный’ + <i>цаган</i> ‘белый’	Гинде Цаган	Ginde Tsaḡān	младший брат Марс Хара	16

¹⁰⁸ Возможна редупликация (?), например: *алдр-шулдр*, *махн-сахн* и т. д.

¹⁰⁹ *börögīn bökn̄ tsayān* (episch) — *der hase* (заяц) [Ramstedt 1935: 57].

¹¹⁰ В словаре Г. Й. Рамстедта дается следующее толкование: *bürŋ* — *dunkel, nur undeutlich zu sehen* ‘темный, нечетко видимый’ [Ramstedt 1935: 69].

14.	dawsŋ	<i>Давсн</i>	<i>давсн</i> ‘соль’	соль	Salz ‘соль’	мужчина, брат Узкого Горла, Перекаги-Поля	2
15.	dalā lam ^o	<i>Далэ лам^{III}</i>	<i>далэ</i> ‘океан’ + <i>лам</i> ‘лама’	Далай лама	Dalai-Lama	божество	20
16.	dodni gerl̥	<i>Додни Герл</i>	<i>додни</i> ‘?’ (ср.: монг. <i>додийх</i> ‘хвастаться, вальтаться’ [БАРМС 2001: 47]) + <i>герл</i> ‘свет’	Додни Герел	Dodni Gerel	ханша	19
17.	dordži džody	<i>Доржэ жодов</i>	<i>жодов</i> ‘название молитвенника, ларец для хранения молитв’	Дорджи Джодво	Dordži-Džodba (gebetbuch) ‘молитвенник’	сутра, основополагающий текст буддизма махаяны	20
18.	dörw ^o d	<i>дөрвд</i>	<i>дөрвд</i> ‘дербет’	дербет	Dörböt-volk	дербет	21
19.	zölŋ	<i>Жөөлн</i>	<i>жөөлн</i> ‘мягкий’	Мягкий	Weich ‘мягкий’	мужчина	13
20.	zegr boyd ^o χān= zāgr boyd ^o χān	<i>Зегр Богд хан= Зэгр богд хан</i>	<i>зегр</i> ‘серьезный’ [Ramstedt 1935: 469] + <i>богд</i> ‘великий’ + <i>хан</i> ‘хан’	Загир Богдо хан	Zeger Bogdo Chan Zägir-Bogdo Chan	хан	21
21.	zost ^o gedæg g,ol	<i>Зост гедг хол</i>	<i>зост</i> ‘?’ (ср.: монг. <i>зост</i> ‘окрашенный земляными красками, имеющий земляные краски’ [БАРМС 2001: 225]) + <i>хол</i> ‘река’	река Зоста	Roterdereich (Zostä) genannter Fluss) ‘река, называемая Красная земля’ Roterdereichfluss ‘река с красной землей’	река	16
22.	zuŋkṵ	<i>Зункв</i>	<i>Зункв</i> ‘Зункава’	Цзонхава	Zungkawa ‘Цзонхава’	Цзонхава (1357–1419) — тибетский религиозный деятель, философ и проповедник	15
23.	jī	<i>Йи гидг хол</i>	<i>Йи</i> ‘йи’	река Йи	Jī genannte fluss ‘река, называемая Йи’	название реки	18
24.	jistṛ	<i>Йистр</i>	от <i>йисн</i> ‘девятъ’ (<i>йистр</i> ‘девятый’)	Йистер	1. Jister (“Neunter”) ‘девятый’ 2. Jister	мужчина	4
25.	kil ^o γsŋ-χōl	<i>Килхсн хол</i>	<i>килхсн</i> ‘волос’ + <i>хол</i> ‘горло’	Узкое Горло	Haarhals ‘волосяное горло’	мужчина, брат Перекаги-Поля и Соли	2
26.	kit ^o ḏ	<i>Китḏ</i>	<i>Китḏ</i> ‘Китай’	Китай	China	Китай	15
27.	kit ^o ḏ	<i>китḏ</i>	<i>китḏ</i> ‘китаец’	китаец	chinesisch	китаец	15
28.	kök ^o arsn̥	<i>Көк Арсн</i>	<i>көк</i> ‘синий’ + <i>арсн</i> ‘шкура’	Серая Шкура	blaugraue feil ‘серо-голубая шкура’ graublaue fell ‘серо-голубая шкура’	сын старика и старухи	17
29.	maŋg ^o dīn g,azṛ	<i>Маңһдын һазр</i>	<i>маңһд</i> ‘татарин’ + <i>һазр</i> ‘земля’	Земля татар	Tataren ‘татары’	страна	15

¹¹¹ Dalai-lama (Meer-lama) [Ramstedt 1935: 73].

30.	maŋg, ɒɒ	маңһд	маңһд ‘татарин’	татарин	tataren ‘татары’	народ	15
31.	mars ɣar ^o bātɕ	Марс Хар баатр	марс ‘тигр, барс’ [Ramstedt 1935: 257]) + хар ‘черный’ + баатр ‘богатырь’	богатырь Марс Хара	1. Mars Chara Bātur 2. Mars Chara	богатырь	16
32.	maɣ ^o γāl	Махһал	Махһал ‘махакала’	Махакала	Mahagala	божество буддийского пантеона из разряда защитников веры	22
33.	mōŋkēn ɣarīn tšildŋ	Мөңкән Харин Чилднғ	мөңк ‘вечный’ + хар ‘черный’ + чилднғ ‘прочный’	Менкян Харин Чилден	Mönkēn Charīn Tšildeng	сын Месин Аавы	20
34.	mōsŋ āwī	Мөсн Аав	мөсн ‘лед’ + аав ‘отец’	Месин старик	Mösün-Aba	отец богатыря Менкин Харин Чилденга	20, 22
35.	namdžl̥ bumb-l̥ = namdžl̥ bumb ^v	Намжл Бумбл= Намжл Бумб	Намжл (тиб. gnamrgyal kōnig ‘король’ [Ramstedt 1935: 271]) + бумб ‘памятник’	Намджил Бумбал = Намджил Бумба	Namdžil Bumbu	старик	19
36.	neg bārŋ	Нег Бәрм	нег ‘один’ + бәрм ‘хватка’	Неге Бярем	Einspanne ‘одна пядь’	мужчина, брат Хоёр Бярем и Гурван Бярем	4
37.	nāɣɒl	Нәәхл	нәәхл ‘?’ (ср.: монг. найлзуур ‘побег, молодая ветка, мелкие прутики, поросль’ [БАРМС 2001: 386], монг. марзан ‘несуразный’ [БАРМС, 2 2001: 324])	Найхал	Näichal	сын Налихан Цаган	21
38.	nāl ^o ɣon tsayān ēdži	Нәльхн цаһан ээж	Нәльхн (ср.: нәәлх ‘надеяться, уповать, доверять’ [КРС 1977: 371] + цаһан ‘белый’ + ээж ‘мать’	Налихан Цаган ээджи	1. Nälīchan-Tsagān-Edži 2. mutter Nälīchan-Tsagān	мать богатыря Найхала	21
39.	nojn ɣar ^o	нойн Хар	нойн ‘нойон’ + хар ‘черный’	нойон Хара	Nojon Chara	нойон Хара	16
40.	noγān dārki	Ноһан Дәрк	ноһан ‘зеленый’ + дәрк ‘богиня’ [Ramstedt 1935: 83]	Зеленая тара	Nogān Dārki	божество буддийского пантеона	22
41.	nüd ^o wēr üz ^o ktšl̥ gegēn	Нүдвәр үзгч гегән	от нүдн ‘глаз’ + үзгч ‘видящий’ + гегән ‘свет, светлость’	Нюдвар Узгчи гегян	„Der mit einem augen sehende“ (= Arjabalo) ‘видящий одним глазом’	божество	20
42.	or ^o s	орс	орс ‘русский’	русский	russe	народ	3, 7, 8, 15
43.	g ɣurwŋ bārŋ	Гурвн Бәрм	гурвн ‘три’ + бәрм ‘хватка’	Гурван Бярем	Dreispanne ‘три пяди’	мужчина, брат Неге Бярем и Хоёр Бярем	4
44.	setk ^o līn tšimæg	Седклин Чимғ	седкл ‘душа’ + чимғ ‘украшение’	Седкелин Чимег	Setkilīn-Tschimek («das gemütes schmuck») ‘украшение души’	девочка	22
45.	sōmɕ-ülī	Сөмр уул	сөмр ‘Сумеру’ + уул ‘гора’	Гора Сумеру	1. der Sumeru (der weltberg) ‘Сумеру (гора мира)’	гора	8

					2. Sumeruberg ‘гора Сумеру’		
46.	täw'lyptā gedac g. ol	Тэвлтэ гидэ хол	тэвлтэ ‘с таволгой’ + хол ‘река’	река, называемая Тавилгату	Spierstrauchreich (Täwilchatä) genannte Fluss ‘река, называемая Таволга’	река	16
47.	tögē-büs (tögō-wüs)	Төгэ Бүс	төгэ ‘колесо’ + бүс ‘пояс’	Тея Бюс	1. Ringgurt ‘кольцо+ремень, пояс’ 2. Ringgurt (Tögē-büs) 3. Tögō-Büs	сын Неба, противник героя	16, 18, 19
48.	ulādā merg°n	Уладэ Мергн	уладэ ‘красный’ + мергн ‘стрелок’	Улада Мерген	Ulā dai Mergen	мужчина	11
49.	ulān g. ol	Улан Гол	улан ‘красный’ + гол ‘река’	Река Улан	Roten fluss ‘Красная река’	река	11
50.	uxānī tšim°c	Ухани Чимэ	ухан ‘ум’ + чимэ ‘украшение’	Ухани Чимег	1. Uchānī-Tschimek (des verstandes schmuck) ‘украшение ума’ 2. Uchānī-Tschimek	мальчик	22
51.	ux°r öwgn	Ухр өвгн	ухр ‘ложка’ + өвгн ‘старик’	Старик Ухур	Löffelfresser ‘обжора’	старик	9
52.	ümkä törlt° χān	Үмкэ Төрлт	үмкэ ‘?’ (ср: ‘вонючий’ [КРС 1977: 551]) + төрлт ‘живые существа’ ¹¹²	Умка Төрлтя хан	Ümke Törültü Chan (eig. “der chan mit wahrer geburt”) ‘истинно рожденный хан’	хан	22
53.	χādñā	Хадрнэ	хадрн ‘тарань’	Хадрна	Chädernäi	мужчина	11
54.	χal°lā χōχ°š	Хала Хооши	хала ‘жесть’ + хооши ‘челнок’	Хала Хоогош	Chalalai Chöchusch	сестра богатыря Марс Хара	16
55.	χal°mōc	хальме	хальме ‘калмык’	калмык	kalmück	народ	15
56.	χamχül	хамхул	хамхул ‘перекати-поле’	Перекати-Поле	Gipskraut ‘гипософила, качим’	растение	2
57.	χar°n g. ol	Хар Гол	хар ‘черный’ + гол ‘река’	река Хар	1. Chara-gol (Schwarzen fluss) 2. Schwarzen Fluss ‘черная река’	река	11
58.	χarādā mergn	Харадэ Мергн	харадэ ‘черный’ + мергн ‘стрелок’	Харада Мерген	Charādai-Mergen (Schwärzling- Schütze) ‘черный стрелок’	мужчина	11
59.	χatū	Хату	хату ‘твердый’	Твердый	Hart ‘твердый, крепкий, суровый’	мужчина	13
60.	χojr bārtñ	Хоёр Бэрм	хоёр ‘два’ + бэрм ‘хватка’	Хоёр Бя- рем	Zweispinne ‘две пяди’	мужчина, брат Неге Бярема и Гурван Бярема	4
61.	χotχ°r χar°n mañg. ns	Хотхр Хар мангас	хотхр ‘изогнутый’ + хар ‘черный’ + мангас ‘мангас, сказочное чудовище’	Хотхор Хара мус	senkrückiger, schwarzer Mangas ‘изогнутый черный мангас’ Chotchor Chara Mus	мус, мангас	13, 21
62.	χurm°stñ	Хурмстн	Хурмстн ‘верховный небожитель’	Хормуста- тенгрий	Gott Hormusta ‘бог Хормуста’ Hormusta-himmel ‘букв. Хормуста- небо’	верховное божество	16, 18, 20, 21
63.	tsayān dārki	Цаһан Дэрк	цаһан ‘белый’ + дэрк ‘богиня’	Белая Тара	Tsayān Dārki	божество буддийского	22

¹¹² Вариант перевода, данный словаре Г. Й. Рамстедта, считаем правильным вариантом имени ümkä törlt° χān= ünygēr törlt° χān — der wahrlich geborene chan ‘истинно рожденный хан’ [Ramstedt 1935: 457].

			[Ramstedt 1935: 83].			пантеона	
64.	šamb ^o līn or ^o n	<i>Шамблин орн</i>	<i>Шамбл</i> ‘Шамбала’ + <i>орн</i> ‘страна’	Шамбала страна	Schambala-reiche ‘страна Шамбала’	страна	22
65.	šar ^o kürmṃ	<i>Шар Күрмн</i>	<i>шар</i> ‘желтый’ + <i>күрмн</i> ‘дух’ [Ramstedt 1935: 248].	Шар Кюрмен	Schara-kürmen	мужчина	19
66.	šar ^o g ^o ol	<i>Шар хол</i>	<i>шар</i> ‘желтый’ + <i>хол</i> ‘река’	река Шар	Gelben fluss ‘Желтая река’	река	11
67.	šarādā merṃṃ	<i>Шарада Мергн</i>	<i>шар</i> ‘желтый’ + <i>мергн</i> ‘стрелок’	Шарада Мерген	Scharādai-Mergen	мужчина	11
68.	šerk ^o s nut ^o ḡ	<i>Шеркс нутг</i>	<i>шеркс</i> ‘черкес’ + <i>нутг</i> ‘страна’	Страна черкесов	das tscherkessenvolk ‘черкесский народ’	страна	17
69.	šerk ^o s	<i>шеркс</i>	<i>шеркс</i> ‘черкес’	черкес	tscherkesse	народ	15
70.	šikṛlīḡ dalā	<i>Шикрлг дала</i>	<i>шикрлг</i> ‘?’ + <i>дала</i> ‘океан’	Шикерль	Schikirlik genanntes Meer ‘Шикирлик называемое море’	океан	17
71.	erkṃ jildṛ	<i>Эркн Йилдр</i>	<i>эркн</i> ‘важный, главный, лучший’ + <i>йилдр</i> ‘меч?’ ¹¹³	Эркен Йилдер	Erkin Jilder	богатырь, сын Алдар Шулдар хана	18
72.	erl ^o ḡ nomīn ḡān	<i>Эрлг номин хан</i>	<i>эрлг</i> ‘злой дух’ + <i>ном</i> ‘учение’ + <i>хан</i> ‘хан’	Эрлик Номин хан	1. Erlik Nomun Chan 2. Erlik Nomīn Chan	хан подземного царства	15, 18, 20
73.	jasṃ doldā	<i>Ясн Долда Хар</i>	<i>ясн</i> ‘кость’ + <i>долда</i> (долда) ‘круглый’ + <i>хар</i> ‘вороной’ (масть лошади)	Ясн Долда Хар	Jasun-Doldai (Knochenball)	кличка лошади	20

¹¹³ В словаре Г. Й. Рамстедта приводится слово jild^o или üld^o (jüld^o) schwert ‘меч’ [Ramstedt 1935: 218].

Приложение 2. Список реалий

№	транскрипция	калмыцкий	русский	значение	немецкий	№ сказки
1.	āw ^o	аав	отец	отец	vater 'отец' Aba 'аава'	3, 15, 16, 17, 18, 19, 22
2.	awγ ^o	авһ	дядя	дядя	onkel 'дядя'	21, 22
3.	arslɔŋg	арслң	рубль	деньги	rubel 'рубль'	7, 15
4.	aχ ^o	ах	старший брат	старший брат	der ältere bruder	4, 5, 6, 11, 12, 16, 18
5.	āl	әәл	аил	административно-территориальная единица	zelte 'букв. палатка, шатер'	5
6.	āməg	әәмг	аймак	административная единица, включающая от 300 до 800 кибиток или семей	1. land und volk 'страна и народ' 2. volk und untertanen 'народ и подданные' 3. untertanen 'подданные' 4. die heimat und die untertanen 'родина и подданные' 5. stadt und ihre untertanen 'город и его подданные'	15, 20, 21, 22
7.	ärk ^o	әрк	арака	молочная водка, приготовленная особым способом	branntwein 'водка'	9, 15, 17, 18
8.	arŋzɫ	арнзл	аранзал	богатырский конь (необычайно резвый, выносливый и умный)	1. edles heldenross 'волшебный богатырский конь' 2. edle gute streitross 'букв. благородный боевой конь'	19
9.	aršā	арша	аршан	нектар, священный напиток, святая (живая) вода	weihwasser 'освященная вода'	8, 22
10.	bakšɨ	багш	бакши	учитель	bakši 'бакши'	20
11.	bāw ^o	баав	баава	уважительное обращение к старшим по возрасту	1. väterlicher herr onkel 'букв. отеческий господин-дядя' 2. väterlicher onkel '' 3. mein väterlicher beschützer 'букв. проявляющий отеческую заботу покровитель' 4. Hochgeehrter väterlicher beschützer 'высококочтимый отеческий покровитель' 5. Mein väterlicher bruder und herr 'мой отеческий брат и господин' 6. Väterlicher onkel und beschützer 'дядя и покровитель, проявляющий отеческую заботу'	15, 16, 18, 20, 21
12.	barān	баран	баран	скарб, пожитки, сложенные в определенном порядке на сундуке (на северной или западной	ehrenplatz 'почетное место'	13
13.	büšm ^o d	бүшмүд	бешмет	калмыцкий мужской костюм распашного	kaftan 'кафтан'	16, 19

				типа, отрезной по талии, с широкими рукавами и подолом		
14.	boɣd ^o	богд	богдо	1) одно из высших духовных лиц в буддийской (ламаистской) церкви; 2) святой, божественный	bogdo 'богдо'	21
15.	boz ^o	боз	бозо	густая творожная масса, остающаяся после перегонки молочной водки в виде накипи на стенках большого котла	1. maische 'брага, отвар солода' 2. boza 'бозо'	9, 10, 16
16.	bōrtsʰɕ	боорцг	борцок	жареные мучные изделия	1. "bōrtsok" (eine art kleiner runder kuchen) 'разновидность маленьких круглых пирогов' 2. bōrtsok 'борцок'	6
17.	burɣɒn	бурхн	бурхан	1) Будда; 2) божества буддийского пантеона; 3) божества добуддийского пантеона	burchan 'бурхан'	19, 20
18.	gelŋ	гелң	гелюнг	буддийский священнослужитель, монах высокой степени посвящения	1. gelüŋ 'гелюнг' 2. mōnch 'монах'	11, 22
19.	dēdzʰ	дееж	дееджи	почётное жертвенное угощение (первая чашка чая, первый кусок, подносимые семейным божествам в качестве угощения)	1. speiseopfer 'жертвенная еда' 2. das erste von dem essen und trinken 'первое из еды и напитков' 3. opferstück 'жертвенное блюдо'	19, 22
20.	džolŋ	жолм	джолум	жоломейка (без решетчатых стенок), юрта из жердей и кошмы	haus 'дом'	21
21.	dondžɨk	донжг	донжик	чайник (удлиненной формы)	1. kanne 'кувшин, чайник' 2. teekanne 'чайник'	17, 19
22.	zajātʃɨ	заяч	заячи	добрый дух, покровитель судьбы	schicksalskenner 'знарок судьбы, предсказатель'	19
23.	lawʃɕ	лавшиг	лавшиг	калмыцкий халат распашного типа, с широкими рукавами и подолом	1. überrock 'сюртук, пальто' 2. rock 'юбка, сюртук'	11, 17
24.	lam ^o	лам	лама	буддийский монах	lama 'лама'	15, 17, 19, 20, 22
25.	mandžɨ	манж	манджик	ученик в буддийском монастыре, послушник	mandschi 'манджи'	15, 17
26.	maŋɕ ps	маңһс	мангас	сказочное чудовище	mangas 'мангас'	13, 16, 18
27.	noɨŋ	нойн	нойон	наследственный владелец земель, правитель рода	1. fürst 'князь' 2. nojon 'нойон'	15, 16
28.	nom	ном	молитва	священное писание, молитва	1. gebet 'молитва' 2. nom 'ном'	11, 16
29.	nut ^o k	нутг	нутук	владение; родной край	1. land 'страна, край, земля'	8, 11, 13,

					2. wohnort 'место жительства' 3. wohnsitze 'место жительства' 4. reich 'государство, империя' 5. lager 'стан, лагерь, бивак' 6. land und volk 'страна и народ' 7. dorf 'деревня, село' 8. heimat 'родина'	15, 16, 18, 21
30.	arāyŋi	арагнь	рагини	небесная дева, фея	1. göttermädchen 'божественная девушка' 2. göttermaid 'божественная девушка' 3. göttliches mädchen 'божественная девушка' 4. göttin 'богиня'	21, 22
31.	sādūb	сэдуд	сайд	вельможи, благородные	fürsten und generälen 'князья и генералы'	13
32.	teŋgr	теңгр	тенгрий	гений-хранитель, божество-небожитель	1. gott 'бог' 2. himmelssohn 'сын неба'	18, 19
33.	term	терм	терме	стенная решетка кибитки, юрты	wandgitter 'стенная решетка'	22
34.	tulŋ	тулм	тулум	кожаный мешок	1. ledersack 'кожаный мешок' 2. sack 'мешок' 3. säckchen 'мешочек'	6, 15, 19
35.	χatŋ	хатн	хатун	супруга хана; супруга знатного человека	1. chanin 'ханша' 2. gemahlin des chans 'супруга хана' 3. gattin 'супруга хана'	13, 17, 21, 22
36.	χotŋ	хотн	хотон	небольшое поселение из кибиток (юрт), административная единица, включающая от 10 до 100 кибиток или семей	1. zelt 'палатка, шатер' 2. zelt Dorf (choton) 'село из кибиток' 3. dorf 'село' 4. aul 'аул'	9, 14, 16
37.	χurŋ	хурл	хурул	буддийский монастырь	1. tempel 'храм, святилище' 2. kloster 'монастырь, обитель' 3. klostergemeinde 'религиозный приход, община'	8, 16, 20, 22
38.	χuwŋ ¹ γ	хуврг	хуварак	монах, религиозный служитель	Geistliche 'священники'	16
39.	tsaχ ^o r	цахр	сахар	поселение челяди, обслуживающей монастырь	1. hofdiener 'батрак' 'придворная челядь' 2. insassen 3. handwerker 'ремесленник, мастеровой' 4. arbeitsleute 'работники' 5. schlösser 'слесарь'	17, 20
40.	šulm	шулм	шулма, шулмус	демонический персонаж, злой дух	1. hexe, hexin 'ведьма, колдунья, чародейка' 2. unholde (erlik's und šulmu's) 'чудовище (эрлики и шулмусы)' 3. ungeheuer, geheuer 'чудовище' 4. unhold, unholdin 'чудовище'	6, 11, 15, 16, 19, 21, 22

					5. racker ‘мучитель, плут’ 6. kobold ‘домовой, гном’ 7. böse geist ‘злой дух’ 8. verhexungsgeist ‘дух колдовства’ 9. bösen geist der verhexung ‘злой дух колдовства’	
41.	ēdžʹ	ээжэ	ээдже	мать, бабушка	1. mutter ‘мать’ 2. mama ‘мама’ 3. mütterchen ‘мамочка’ 4. edži	9, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21
42.	otʹk	отг	оток , край, владение	административная единица, включающая от 500 до 1 000 кибиток или семей	1. land ‘страна’ 2. lager ‘стан, кочевье’ 3. grosse stadt ‘большой город’	15, 21
43.	χān	хан	хан	хан	1. chan ‘хан’ 2. könig ‘король’	4, 5, 6, 9, 11, 13, 14, 16, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22
44.	tüšməl	тушмл	сановник	сановник	1. minister ‘министр’ 2. Tüschmel	22
45.	naχtsχp	наһцх	дядя	дядя по матери, брат матери	mütterlicher verwandte	21
46.	χōtš	хөөч	чабан	чабан	schäfer ‘пастух овец’	18
47.	adūtš	адуч	табунщик	пастух	1. pferdehüter ‘сторож лошадей’ 2. pferdewächter ‘сторож лошадей’	15, 16
48.	bāfṃ	бәрм (букв. хватка)	пядь	мера длины, равную расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев	spanne ‘пядь’	6
49.	aršṃ	аршм	аршин	мера длины	arschinstab ‘аршин’	8
50.	arslɔŋg.	арслң	рубль	деньги	rubel ‘рубль’	15
51.	arzʷ	арз	арза	крепкая молочная водка двойной перегонки	branntwein, zweimal gereinigten ‘букв. водка, дважды очищенная’	16
52.	χorzʷ =	хорз	хорза	крепкая молочная водка тройной перегонки	branntwein, dreimal gereinigten ‘букв. водка, трижды очищенная’	16
53.	tšigēn	чигән	кумыс	напиток	kumys ‘кумыс’	11, 16, 17, 18, 21
54.	zandṃ	зандн	санда́л	санда́ловое дерево	sandel ‘санда́л’	19, 20

55.	χürs ⁿ	<i>хүрсн</i>	сушеные лепешки из творога	сушеные лепешки из творога	1. rande eines käses ‘кусоч сыра’ 2. band mit käsen ‘кусоч сыра’	21
56.	χad ^o ç	<i>хадç</i>	хадак	голубой или белый шелковый платок, шарф, который преподносится гостю в знак особого уважения	1. chadak ‘хадак’ 2. chadak (seidenes tuch) ‘шелковый платок’ 3. seidentuch ‘шелковый платок’	8
57.	tsegdæg	<i>цегдэг</i>	цегдек	сарафан, женское платье без рукавов	abgenutzten rock ‘изношенное пальто’	21
58.	iškā kemnəç maχ ^o lā	<i>ишкэ кемнэ махлэ</i>	шапка из войлочной накидки	шапка из войлока	filzmütze	13
59.	zaw ^o k	<i>завг</i>	1. щель между стеной и верхом кибитки 2. щель	щель в юрте между войлоком стены и крышей, используемая для хранения мелких вещей	kroch zwischen die wand und das filzdach ‘букв. дырка между стеной и войлочной крышей’	14
60.	irg	<i>ирг</i>	низ кибитки	низ внутренней стены войлочной юрты	filzwand ‘букв. войлочная стена’	14
61.	χašā	<i>хаша</i>	загон	забор, загон	1. viehstall ‘хлев’, 2. schafstall ‘загон для овец’ 2. gehege ‘ограда, огороженное место’	9, 12, 13
62.	örk	<i>өрк</i>	дымоход	дымоход	1. rauchfang ‘дымоход’, 2. rauchloch ‘дымовое отверстие’	5, 11
63.	aρχt	<i>архд</i>	архад	большой кожаный бурдюк для приготовления и хранения кумыса	1. lederne flasche ‘букв. кожаный мешок’ 2. sack ‘мешок’ 3. lederne sack ‘букв. кожаный мешок’ 4. kumyssack ‘букв. мешок для кумыса’	9, 16, 18, 21
64.	barān	<i>баран</i>	баран	место, где собрано и аккуратно сложено имущество семьи	ehrenplatz ‘почетное место’	13
65.	šird ^o g	<i>ширдэг</i>	ширдык	войлок, шитый в два слоя и украшенный орнаментом	filzteppich ‘букв. войлочный ковер’	21
66.	dālŋ	<i>даалң</i>	Переметная сума	переметная кожаная сума	reitsäcke ‘сумка для верховой езды’	17
67.	dör ^o	<i>дөр</i>	волосяное кольцо	волосяное кольцо	maulkorb ‘намордник’	13
68.	tuly	<i>тулһ</i>	таган	тренога для котла	dreifuss ‘треножник, тренога, таган’	14, 21
69.	ūt ^o	<i>ут</i>	мешок из кожи	кожаный мешок	grosser sack ‘большой мешок’	9
70.	iškā	<i>ишкэ</i>	войлок	кошма, войлок	filz ‘войлок, фетр’	13
71.	köptš ^{ik}	<i>көпцг</i>		седельная подушка	sattelpolster ‘седельная подушка’	13

72.	ma ^h ā	маля	плеть	плеть, плетка из плетеных в 8 рядов полосок ремня	peitsche ‘бич, плеть, кнут’	13, 16, 20
73.	ed ^h ṛŋ	эд ^h рң	рубель	рубель, кожемялка	1. hölzerne säge ‘деревянная пила’ 2. fellschaber ‘скребок для шкуры’ 3. raspel ‘рашпиль’	13, 16, 18
74.	tsalm ^o	цалм	аркан	аркан	lasso ‘аркан’ fangseil	18, 19
75.	jildŋg	елднг	плеть	нагайка	Jeldeng-peitsche ‘букв. елднг-кнут’	20
76.	tewš ⁱ	тевиш	деревянное блюдо	посуда (продолговатое деревянное блюдо)	mulde ‘корыто деревянное, лохань’	18
77.	olŋts ^o γ	олнцг	тебенек	тебенек	schabracke (olŋt ^o g) ‘чепрак’	19, 20
78.	döndžŋ	дөнжн	четырёхлетняя корова	четырёхгодовалая самка домашних животных	vierjähriger ochse ‘четырёхлетний вол’	20
79.	döŋŋ	дөнн	четырёхлетний бык	четырёхгодовалый самец домашних животных	vierjähriger ochse ‘четырёхлетний вол’	16
80.	g. undžŋ	гунжн ‘	трехлетняя корова	трехгодовалая самка домашних животных’	dreijähriger ochse ‘трехлетний вол’	20, 22
81.	irg	ирг	баран	кастрированный баран, валух	schafbock ‘баран’	21, 22
82.	χuts ^o	хуц	баран	баран-производитель	hammel ‘кастрированный баран, валух’	17, 19
83.	zusbɔç	зусг	двухгодовалый баран	овца в возрасте двух лет	1. zweijährigen schaf ‘двухлетняя овца’ 2. jungen schaf ‘молодая овца’	22
84.	šodŋ	шодң	овца русской породы	овца русской породы: тонкохвостая, без курдюка	[russische] schafe ‘букв. русская овца’	7
85.	botχ ^o n	ботхн	верблюжонок	верблюжонок в возрасте до года	kamelkalb ‘букв. детеныш верблюда’	18, 21
86.	iŋgŋ	иңгн	верблюдица	верблюдица в возрасте старше пяти лет’	kamelkuh ‘самка верблюда, верблюдица	22
87.	unγoŋ	унһн	жеребенок	жеребенок до года	1. fohle ‘молодая кобылица’ 2. füllen ‘жеребенок’	11, 18, 19
88.	būr ^u	буур	верблюд	верблюд-производитель	1. kamelhengst ‘верблюд-жеребец’ 2. kamel ‘верблюд’	16, 17, 18, 20
89.	tul ^u	тул	кит, таймень	рыба	1. lachs, 2. tula-fisch ‘тула-рыба’.	12
90.	er ^o jarγɔ	эр ярһ	кизил	кустарник	Jarga genanntem holze ‘дерево, называемое ярга’	16
91.	jaš ⁱ l	яшил	ясень	дерево	jaschilholz ‘яшил-дерево’,	19
92.	zac	заг	саксаул	растение	zak-genanntes holz ‘дерево, называемое зак’	20

93.	kersŋ	<i>керсŋ</i>	лебеда	растение	melde 'лебеда'	18
94.	tāw'lyp	<i>тəвлh</i>	таволга	растение	spierstrauch 'спирея'	16
95.	ūjŋ tsayān	<i>үйн цаһан</i>	ковыль перистый	растение	weissgliederige gras 'букв. белая расчлененная трава'	18
96.	χul ^u sŋ	<i>хулсн</i>	камыш	растение	1. bamburohr 'бамбук' 2. röhricht 'заросли тростника'	6, 19
97.	argʊps ^o n	<i>арһсн</i>	кизяк	кизяк, высушенный в форме кирпичей навоз, употребляемый как топливо	argasun (trocknenmist) 'букв. аргасун (высушенный навоз)'	16
98.	borān	<i>боран</i>	буран	ненастье, непогода, дождь	graudunkler, heftiger regensturm 'темно-серый сильный ураган с дождем'	12
99.	ets ^o g ^o	<i>эцк</i>	отец	отец	vater 'отец'	3, 6, 11, 17, 18, 20, 21
100.	ek ^o ets ^o g ^o	<i>эк-эцк</i>	родители	родители	eltern 'родители'	11, 14, 15, 17, 20, 21
101.	ūrŋ sadŋ	<i>урн-садн</i>	потомство	потомство	sohn oder abkömmling 'сын или потомство' kind 'дитя' sohn und abkömmling 'сын и потомство (отпрыск)', kinderund nachkommen 'дети и потомки'	19, 21
102.	dī	<i>дү</i>	младший брат	младший брат	der jüngste bruder 'самый младший брат' der jüngere bruder 'младший брат'	4, 5, 10, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22
103.	aχ ^o dī	<i>ах-дү</i>	братья	братья	Brüder 'братья' zwei brüder 'два брата' drei brüder 'три брата' der ältere und der jüngere bruder 'старший и младший братья'	2, 4, 5, 11, 13, 15, 17, 18, 19, 20, 21

Приложение 3. Примеры употребления цветообозначений

№	цвет	калмыцкий текст	немецкий текст	номер сказки	цветообозначение + денотат
1.	цаһан ‘белый’	<i>Нег ор цаһан герүр орад ирвэ.</i>	Sie kamen zu einem blendendweissen zelte.	4	<i>цаһан гер</i> ‘белая кибитка’
2.	цаһан ‘белый’	<i>Негнь царан бүкл зун арслңгас өгч, негнь шодңган цаһан мөңгнэс өгч, тасрхэнь.</i>	Der eine gab seine ochen für einen hundertrubelschein, der andere gab seine schafe für silbergeld in kleinen münzen.	7	<i>цаһан мөңгн</i> ‘белая монета’
3.	цаһан ‘белый’	<i>Хө хулдснь нег цаһан өдмг апч, царан хулдснд өрэлинь таслад өгчи.</i>	Der, welcher die schafe verkauft hatte, kaufte sich weisses brot und brach die hälfte davon ab und gab es dem, der seine ochen verkauft hatte	7	<i>цаһан өдмг</i> ‘белый хлеб’
4.	цаһан ‘белый’	<i>«Би цаһан мөңгэн сул өврлчклэв», — гегэж келнэ.</i>	“Ich hatte mein silbergeld lose eingesteckt”, sagt er,	7	<i>цаһан мөңгн</i> ‘белая монета’
5.	цаһан ‘белый’	<i>Тегэд: «Цаһан мөңг күн идэж болх угэ, — гегэж келэд, мөңгэн хээж(в) энэ. —</i>	Dazu sagt er: “ Silbermünzen kann ein mensch doch nicht essen!” und sucht sein geld.	7	<i>цаһан мөңгн</i> ‘белая монета’
6.	цаһан ‘белый’	<i>Тиигэд йовжэтл нег цаһан гер харһнэ.</i>	Während er so geht, trifft er auf ein weisses zelt.	11	<i>цаһан гер</i> ‘белая кибитка’
7.	цаһан ‘белый’	<i>Йовжэ йовтл нег цаһан гер харһжэ, одад орад ирнэ көвүн.</i>	Während der knabe so geht, gelangt er zu einem weissen zelte, er tritt näher und geht hinein.	11	<i>цаһан гер</i> ‘белая кибитка’
8.	цаһан ‘белый’	<i>Гүүжэ йовтл нег цаһан гер харһжэ ирвэ</i>	Während er lief, kam ein weisses zelt zum vorschein.	11	<i>цаһан гер</i> ‘белая кибитка’
9.	цаһан ‘белый’	<i>Хойр ах: «Бөөргин Бөкн Цаһан, адуһичн хулхэч ава[д] йомнэ.</i>	Die beiden brüder fangen an zu schreien: „Börögīn Bökön Tsagān , diebe rauben deine pferde.	11	<i>Бөкн Цаһан</i> ‘белый горб’
10.	цаһан ‘белый’	<i>Бөөргин Бөкн Цаһан һара[д] хурдл- нэ.</i>	„Börögīn Bökön Tsagān stürzte heraus.	11	<i>Бөкн Цаһан</i> ‘белый горб’
11.	цаһан ‘белый’	<i>Маһһ[д]уртнь хойр ахнь герэн цуцад нүүнэ, Бөөргин Бөкн Цаһан нутгт үл- днэ.</i>	Am folgenden morgen brechen die beiden brüder ihre zelte ab und ziehen weg, aber Börögīn Bökön Tsagān liessen sie an dem alten wohnorte zurück.	11	<i>Бөкн Цаһан</i> ‘белый горб’
12.	цаһан ‘белый’	<i>Бөөргин Бөкн Цаһан нутг деернь суучкад, деегүр йовсн живртн, дораһур йовсн хумстниг бууһаран хажэ алжэ авад, идэд бээнэ.</i>	Börögīn Bökön Tsagān bleibt an dem alten wohnsitze und schießt mit seiner waffe oben [am himmel] fliegende vögel und unten [auf der erde] gehende tiere und tötet und isst sie.	11	<i>Бөкн Цаһан</i> ‘белый горб’
13.	цаһан ‘белый’	<i>Маһһ[д]уртнь Бөөргин Бөкн Цаһан герт үлдвэ.</i>	Am folgenden tag bleibt Börögīn Bökön Tsagān zuhause.	11	<i>Бөкн Цаһан</i> ‘белый горб’

14.	цаһан 'белый'	«Чи худла келдг билэч!» — геед орхлэнь, Бөөргин Бөкн Цаһан тотх деерэс һарэдад, хойр өвдгэри халчад бэрэд апч амнэ эмгиг.	„Du scheinst lügen zu können“, sagt sie und tritt ein, aber Bōrögīn Bökön Tsagān springt vom oberen türpfosten herab, quetscht sie zwischen seinen beiden knieen fest und fängt so die greisin.	11	Бөкн Цаһан 'белый горб'
15.	цаһан 'белый'	Бөөргин Бөкн Цаһан келжэһэнэ: «Эн нанлэ өшөркэд, намэг зэльгчкад, һарһад өгх угэ.	Bōrögīn Bökön Tsagān spricht: „Da sie auf mich ergrimmt ist, wird sie mich verschlingen, aber nicht [wieder] herauskommen lassen“.	11	Бөкн Цаһан 'белый горб'
16.	цаһан 'белый'	Бөөргин Бөкн Цаһан нег шар лавиг өмсэд, нег тиирцг өмсэд, нег хоңх һартан бэрэд, хойр ахдан күрэд ирнэ	Bōrögīn Bökön Tsagān zog einen gelben überrock an, setzte eine mōnchsmütze auf, nahm eine glocke in die hand und kommt zu seinen brüdern.	11	Бөкн Цаһан 'белый горб'
17.	цаһан 'белый'	Бөөргин Бөкн Цаһан мал-герэн эзлэд, баавһэһан авад, хуучн нутг- тан нүүһэд, найн хонгин нэр киһэд, жүри хонгин жүриһл киһэд, амр сээхн жүриһад бээв.	Bōrögīn Bökön Tsagān nahm sein vieh und gut in besitz, mit seiner frau zog er an seinen früheren wohnort zurück. Nach einem gelage von achtzig tagen, nach einem feste von sechzig nächten ward ihm ruhe und frieden für immer beschieden.	11	Бөкн Цаһан 'белый горб'
18.	цаһан 'белый'	Кезэнэ санжэ, Хала Хооһи эгчтэ, Гинд Цаһан дүүтэ, эрдни хоңһр мөртэ Марс Хар баатр гедг баатр санжэ.	Es war vormals, — mit seiner älteren schwester Chalalai Chōchusch und mit seinem jüngeren bruder Ginde Tsagān lebte der held Mars Chara Bātur mit dem edlen hellroten rosse.	16	Гинд Цаһан 'белый горб'
19.	цаһан 'белый'	Гинд Цаһан дунь деернь күрч ирэд, бор богш[у]рһ болад нисч йовад келдг болнэ: «А-а, ах нойн баав, Тэвлһтэ гедг холд орад ирвэ.	Der jüngere bruder Ginde Tsagān verwandelt sich in einen grauen sperling, fliegt herbei, hält sich über dem karren und spricht im fluge: „Oh weh, du mein väterlicher beschützer, wir sind zu dem Spierstrauchreich (Tāwilchatä) genannten flusse gekommen.	16	Гинд Цаһан 'белый горб'
20.	цаһан 'белый'	Деернь нисч йовсн Гинд Цаһан дү келжэ йомнэ: «Ах нойн баав минь, Зост гедг һолар орв, зоснэ үүрмг бо- лад үлдич!» — генэ.	Der über ihnen fliegende jüngere bruder Ginde Tsagān spricht im fluge: „Mein väterlicher beschützer, wir sind zu dem Roterdereichflusse gekommen. Verwandle dich in roterdekrümchen und bleibe zurück!“ sagt er.	16	Гинд Цаһан 'белый горб'
21.	цаһан 'белый'	Гинд Цаһан дүм хама йовнэ?» — гегж сурнэ.	Mein bruder Ginde Tsagān , wo ist der denn?“ fragt er.	16	Гинд Цаһан 'белый горб'

22.	цаһан ‘белый’	«Гинд Цаһан дү эрднь хоңһр мөрнә делд өрүн чигт [прав. өрүн цагт] бор богшада болж унтнә, һал үдин аңхнд бор эргд [прав. эрг деер] бор эргин харцх болж унтнә, бишнь кеднә эжсугә, эрм цаһан көдәд эрднь хоңһр ажрһан адунә деер боожурин бор нүһсн болад, деернь нисәд йомнә, чамд зовад, ууляд йовсн нүднәннь нульмсн тер адундчн унднь болад йомнә, гедг зәңг соңс[у]ва», — геж келнә.	„Dein bruder Ginde Tsagān schläft am morgen, in einen grauen sperling verwandelt, in der mähne des edlen, hellroten rosses, zur heissen mittagszeit schläft er, in einen grauen uferfalken verwandelt, an dem grauen uferrande, zur übrigen zeit fliegt er in gestalt einer grauen teichente in der herrenund menschenlosen weissen wüste, wo man sich verirrt, über der herde mit dem edlen hellroten hengste hin und her; um dich sich sorgend, über dich weinend, sind die tränen seiner augen das trinkwasser deiner pferdeherden geworden, solche rede habe ich gehört“, antwortet sie.	16	Гинд Цаһан ‘белый горб’
23.	цаһан ‘белый’	«Гинд Цаһан дү эрднь хоңһр мөрнә делд өрүн чигт [прав. өрүн цагт] бор богшада болж унтнә, һал үдин аңхнд бор эргд [прав. эрг деер] бор эргин харцх болж унтнә, бишнь кеднә эжсугә, эрм цаһан көдәд эрднь хоңһр ажрһан адунә деер боожурин бор нүһсн болад, деернь нисәд йомнә, чамд зовад, ууляд йовсн нүднәннь нульмсн тер адундчн унднь болад йомнә, гедг зәңг соңс[у]ва», — геж келнә.	„Dein bruder Ginde Tsagān schläft am morgen, in einen grauen sperling verwandelt, in der mähne des edlen, hellroten rosses, zur heissen mittagszeit schläft er, in einen grauen uferfalken verwandelt, an dem grauen uferrande, zur übrigen zeit fliegt er in gestalt einer grauen teichente in der herrenund menschenlosen weissen wüste, wo man sich verirrt, über der herde mit dem edlen hellroten hengste hin und her; um dich sich sorgend, über dich weinend, sind die tränen seiner augen das trinkwasser deiner pferdeherden geworden, solche rede habe ich gehört“, antwortet sie.	16	цаһан көдә ‘белая степь’
24.	цаһан ‘белый’	Гинд Цаһан дүм хама бәәнә? Келж ас!» — генә.	Wo ist mein jüngerer bruder Ginde Tsagān ? Sage es sogleich!“ ruft er.	16	Гинд Цаһан ‘белый горб’
25.	цаһан ‘белый’	Ахнь дарцг цаһан кишлгиг тә татад тәәлад үзүлнә.	Der ältere bruder öffnet rasch sein fahnenweisses hemd, zieht es aus und zeigt [das geburtsmal].	16	цаһан кишлг ‘белая рубашка’
26.	цаһан ‘белый’	Амн әрүн деед цаһан ном аңхрад үләһад окнә.	Über ihm spricht Mars Chara sein heiligstes bestes reines gebet und bläst ihn an.	16	цаһан ном ‘белая (священная) молитва’
27.	цаһан ‘белый’	Гинд Цаһан дүнь несч һарад, эрднь хоңһр мөрнә деер: «Ах нойн баав», — геж келәд, хәрү нисә[д] һарнә.	Der jüngere bruder Ginde Tsagan fliegt zu dem edlen hellroten rosse; „mein väterlicher beschützer!“ zwitschert er und fliegt sogleich zurück.	16	Гинд Цаһан ‘белый горб’
28.	цаһан ‘белый’	Күн әмтн үйдм дүңгә бәәдл һарһад, күзүһән хойр ээмднь селн дөңнәд, мөңгн цаһан хамрарн өмсч үзәд бәәнә.	Wie ein mensch sich sehnt, so viel sehnsucht zeigt es auch; seinen hals lehnt es abwechselnd an die schultern seines herrn und versucht ihn mit dem silberweissen maule zu küssen.	16	цаһан хамр ‘белый нос (серебристый клон)’

29.	цаһан ‘белый’	«Би мeнд бeэнэв», — гeж кeллэд, эж угэ эрм цаһан кeдэд һарад, күлг мeрнэ шүүрүһэр, күмнэ залуһин чидлэр, хурц мeсдин хурцар авлдыйя [гицхэв]!»	„Heil!“ begrüßen sie einander. Danach sprechen sie: „Auf die herrenlose weisse steppe, wo man sich verirrt, hinausreitend, lass uns uns messen in der schnelligkeit der trefflichen renner, in der stärke der männer und der schärfe der schneidenden schwerter!“	16	цаһан кeдэ ‘белая степь’
30.	цаһан ‘белый’	Өрүнднь босн генэ [прав. гихлэ], сээхн чигн һурвн ооср-бүч угэ орд цаһан өргэ бeэнэ, түүнэ дотр орад ирхлэ, тавн зун минчһр шар-шар күн бeэнэ.	Am morgen schickt man sich an aufzustehen: drei überaus schöne, weisse schlösser ohne stricke und riemen stehen da. Als man in diese eintritt, sind fünfhundert prunkvoll gekleidete, geräuschvoll sich bewogende männer da.	17	цаһан өргэ ‘белая кибитка’
31.	цаһан ‘белый’	Арһлхлэ, бичкн цаһан уулын орэ деер цал буурл сахлтэ, цаһан буурл өвгн бeэх, тер арһлж үзх», — гeж кeлэд, хойр альхндан хойр бу даржэ өгэд тэвдг болнэ.	Wenn hier etwas zu machen ist, so lebt auf dem gipfel des kleinen weissen berges ein weisshaariger greis mit silberweissem bart, der wird dir helfen können“.	17	цаһан уул ‘белая гора’
32.	цаһан ‘белый’	Арһлхлэ, бичкн цаһан уулын орэ деер цал буурл сахлтэ, цаһан буурл өвгн бeэх, тер арһлж үзх», — гeж кeлэд, хойр альхндан хойр бу даржэ өгэд тэвдг болнэ.	Wenn hier etwas zu machen ist, so lebt auf dem gipfel des kleinen weissen berges ein weisshaariger greis mit silberweissem bart, der wird dir helfen können“.	17	цаһан буурл өвгн ‘седой старик’
33.	цаһан ‘белый’	Арһлхлэ, бичкн цаһан уулын орэ деер цал буурл сахлтэ, цаһан буурл өвгн бeэх, тер арһлж үзх», — гeж кeлэд, хойр альхндан хойр бу даржэ өгэд тэвдг болнэ.	Wenn hier etwas zu machen ist, so lebt auf dem gipfel des kleinen weissen berges ein weisshaariger greis mit silberweissem bart, der wird dir helfen können“.	17	цаһан буурл өвгн ‘седой старик’
34.	цаһан ‘белый’	Бичкн цаһан уул тал гүүһэд, гүүһэ[д] йовжэ.	Da lief und lief sie nach dem kleinen, schneebedeckten berg zu.	17	цаһан уул ‘белая (священная) гора’
35.	цаһан ‘белый’	Бичкн цаһан уулын хэврһд зовжэ йовсн күн болад унтад очэдг болнэ.	In der nähe des kleinen schneebedeckten berges kam sie erschöpft an und legte sich daher schlafen.	17	Цаһан уул ‘белая (священная) гора’
36.	цаһан ‘белый’	Цал буурл сахлтэ, цаһан буурл өвгн күрч ирэд серүлжэнэ.	Der schneeweisse mann mit dem silberweissen barte kam herbei und weckte sie	17	цаһан буурл өвгн ‘седой старик’
37.	цаһан ‘белый’	Цал буурл сахлтэ, цаһан буурл өвгн күрч ирэд серүлжэнэ.	Der schneeweisse mann mit dem silberweissen barte kam herbei und weckte sie.	17	цаһан буурл өвгн ‘седой старик’
38.	цаһан ‘белый’	Тавн зун май темэндэн күрэд ирнэ, ик цаһан буурин орэ деер ирэд, «һаң-һуң» гегед ду һарнэ.	So kommen sie zu den fünfhundert kamelen; er setzt sich auf den scheidel eines hochgewachsenen weissen kamelhengstes und singt sein „gang-gung!“.	17	цаһан буур ‘белый верблюд’

39.	цахан 'белый'	Үйн цахан өвсиг үйинь олж харвад, үкрин чигэ хадыг хамхлн харвад, Йи гедг холыг ивт хаһад, суминь гежэ оркв.	Er schoss das weissgliederige gras, das glied treffend; er schoss den ochsengrossen stein, ihn zerkrümelnd; er schoss den Ji genannten fluss durch, verlor aber seinen pfeil.	18	цахан өвсн 'белая трава'
40.	цахан 'белый'	Көвүн ирэд хава: бас үйн цахан өвсиг үйинь олж харвад, үкрин чигэ хадыг хамхрулн харвад, Йи гедг холыг ипт харвад, йисн эктэ түүмр шатаһад, делтрэри цокжэ унтраһад, халун сумиг апч ирэд, хаанэ альхн деер тэввэ.	Der knabe kam und schoss. Auch er schoss das weissgliederige gras, das glied treffend; er schuss den ochsengrossen stein, ihn zerkrümelnd; er schoss den Ji genannten fluss durch und verursachte einen bei neun feuerstätten anfangenden feuersbrand, schlug mit seinem sattelpolster und löschte ihn aus, holte seinen heissen pfeil und legte ihn dem chan in die hand.	18	цахан өвсн 'белая трава'
41.	цахан 'белый'	Өмннь нег ооср бүч угэ ор цахан өргэ үзгдэжэдг болнэ.	Vorn wird ein bis auf band und gurt hellweisser hof sichtbar.	1	цахан өргэ 'белоснежная кибитка'
42.	цахан 'белый'	Нэ, ханэ. Хан Бүрн Төгс нэрн цахан өвсиг нээхлулн хаһад, бүдүн цахан өвсиг бөклзүлн хаһад, баглатэ баг яшлыг барн хаһад,	Gut, sie schiessen. Unser Chan Bürin Tögös schießt den dünnen weissen grashalm, sodass er sich wiegt, schießt den dicken weissen grashalm, sodass er sich neigt, schießt das zusammengebundene bündel mit Jaschilholz zu ende	19	цахан өвсн 'белая трава'
43.	цахан 'белый'	Нэ, ханэ. Хан Бүрн Төгс нэрн цахан өвсиг нээхлулн хаһад, бүдүн цахан өвсиг бөклзүлн хаһад, баглатэ баг яшлыг барн хаһад,	Gut, sie schiessen. Unser Chan Bürin Tögös schießt den dünnen weissen grashalm, sodass er sich wiegt, schießt den dicken weissen grashalm, sodass er sich neigt, schießt das zusammengebundene bündel mit Jaschilholz zu ende	19	цахан өвсн 'белая трава'
44.	цахан 'белый'	Тенд теңгрт көвк[h]р цахан үүлн үзгднэ?» — генэ.	Dort oben am himmel eine geballte weisse wolke — siehst du sie?“ fragt er.	20	цахан үүлн 'белое облако'
45.	цахан 'белый'	Көвк[h]р цахан үүлнлэ хутхлдад очэдг болнэ.	Der fliegt und mischt sich mit der geballten, weissen wolke.	20	цахан үүлн 'белое облако'
46.	цахан 'белый'	өр цээхин алднд нег эр цахан элсэр орад иржэдг болнэ.	kommt er bei tagesanbruch in eine hellweisse sandsteppe.	20	цахан элсн 'белый песок'
47.	цахан 'белый'	Нег үкр эр цахан элсиг идэд бээсн бийнь тарһлсн бээнэ.	Eine kuh frisst den hellweissen sand und ist doch fett und rund.	20	цахан элсн 'белый песок'
48.	цахан 'белый'	«Тер эр цахан элсиг идэд бээсн бийнь тарһлад бээнэ, нег үкр, тер яһсн заятэ юнб [прав. юмб]?» — генэ.	„Aber da geht eine kuh, die den weissen sand frisst und doch immer dicker wird. Was für eine bewandnis hat es denn damit?“ fragt er.	20	цахан элсн 'белый песок'

49.	цахан 'белый'	Түүнд нутгт нутгджэ вээдг Нэльхн Цахан ээж гедг эмгн санж.	In seinem lande wohnte eine alte frau namens Nälïchan-Tsagān- Edži.	21	Цахан ээж 'букв. белая мать'
50.	цахан 'белый'	Нэльхн Цахан ээж генткн гесднэ	Nälïchan-Tsagān-Edži wurde plötzlich schwanger.	21	Цахан ээж 'букв. белая мать'
51.	цахан 'белый'	Хаанд одад, эрлндгин арх хээхимн», — гегед долан хар санатэ авх Нэль- хн Цахан ээжд келжэнэ.	Wir müssen uns zum chan begeben und einen ausweg suchen, um ihn zu vertilgen!" So sprechen die sieben neidisch gesinntten onkel zu der mutter Nälïchan-Tsagān.	21	Цахан ээж 'букв. белая мать'
52.	цахан 'белый'	Нэльхн Цахан ээж: «Нэ!» — генэ	Die mutter Nälïchan-Tsagān sagt dazu: "Gut!"	21	Цахан ээж 'букв. белая мать'
53.	цахан 'белый'	Хаандан оч күрч ирэд: «Манэ Нэльхн Цахан ээж генткн гесдлэ, хурвн жилд гесдвэ, хурвдгч жилдэн харва.	Nachdem sie zu ihrem chan gekommen, erzählen sie: "Unsere Nälïchan-Tsagān-Edži wurde plötzlich schwanger, drei jahre dauerte die schwangerschaft, nach dem dritten jahre wurde das kind geboren.	21	Цахан ээж 'букв. белая мать'
54.	цахан 'белый'	Нэльхн Цахан ээжин герт күрэд ирнэ.	Der kommt zu dem zelte der mutter Nälïchan-Tsagān.	21	Цахан ээж 'букв. белая мать'
55.	цахан 'белый'	Нэльхн Цахан ээж: «Ю хээвч?» — гежэнэ.	"Was suchst du?" fragt Nälïchan- Tsagān.	21	Цахан ээж 'букв. белая мать'
56.	цахан 'белый'	«Ю хээвч?» — гежэ Нэльхн Цахан ээж келжэнэ.	"Was suchst du?" fragt die mutter Nälïchan-Tsagān.	21	Цахан ээж 'букв. белая мать'
57.	цахан 'белый'	«Ю хээхавт хурвулн? — гежэ Нэльхн Цахан ээж сурнэ.	"Was sucht ihr, alle drei?" fragt sie die mutter Nälïchan-Tsagān.	21	Цахан ээж 'букв. белая мать'
58.	цахан 'белый'	Нэльхн Цахан ээж келнэ: «Хаанчн хээрлвү, хэк[л]вү?»	Die mutter Nälïchan-Tsagān spricht: "War dein chan gnädig oder zornig?"	21	Цахан ээж 'букв. белая мать'
59.	цахан 'белый'	Нег хурвн ооср бүч угэ ор цахан өргэ бээнэ.	Drei bis auf schnüre und bänder hellweise fürstenzelte stehen da.	21	ор цахан өргэ 'ослепительно белая кибитка'
60.	цахан 'белый'	«Цуг үкнтэ, цовжэ үкнтэ?» — гегед Нэльхн Цахан ээжин хунн настэ Нээхл хээкржэнэ.	"Wollt ihr zusammen auf einmal sterben? Oder wollt ihr nacheinander sterben?" schreit der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälïchan-Tsagān.	21	Цахан ээж 'букв. белая мать'
61.	цахан 'белый'	Нэльхн Цахан ээжин хунн настэ Нээхл апч цокад,	der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälïchan-Tsagān, gewann	21	Цахан ээж 'букв. белая мать'
62.	цахан 'белый'	Нэльхн Цахан ээжин хунн настэ Нээхл авад цокад, махинь цэкүр-цэкүрэр утлад,	der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälïchan-Tsagān, und rang den Mus zu boden.	21	Цахан ээж 'букв. белая мать'

63.	цахан 'белый'	Нэльхн Цахан ээжин хунн настэ Нээхл: «Архчн бээнэ, эрвцгичн амн деерчн тэмнэв», — гегэж келнэ.	Der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen- Tsagān spricht: “Hast du noch einen ausweg? Dein bauchfett lege ich dir auf den mund!”	21	Цахан ээжэ 'букв. белая мать'
64.	цахан 'белый'	Нэльхн Цахан ээжин хунн настэ Нээхл негинь теврэд амнэ, мөңкн дөрвн цагт арвн тавтэһар бээдг арагнь негинь теврэд амнэ.	Der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen- Tsagān , umarmt das eine von den weibern, das ewig fünfzehnjährige göttermädchen umarmt das andere.	21	Цахан ээжэ 'букв. белая мать'
65.	цахан 'белый'	келжэһад, нег цахан юмнас апч ирэд өгнэ.	So sagend holt er etwas weisses und gibt es ihr.	21	цахан юмн 'что-то белое'
66.	цахан 'белый'	«Мин[ь] түүнд күрсл чигн!» — гегед Нэльхн Цахан ээжин хунн настэ Нээхл көлөрэд һарад йомнэ.	“Auch ich will zu jenem da kommen”, denkt der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen- Tsagān , und wälzt sich dahin.	21	Цахан ээжэ 'букв. белая мать'
67.	цахан 'белый'	Нэльхн Цахан ээжин хунн настэ Нээхл кезэ иржэ амрахв, кезэ иржэ жүрһахв?	Wann wird der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen- Tsagān , kommen und uns ruhe verleihen, wann wird er kommen und uns freude bereiten?”	21	Цахан ээжэ 'букв. белая мать'
68.	цахан 'белый'	Нэльхн Цахан ээжин хунн настэ Нээхлэр ю кенэт	Was habt ihr mit dem Näichal der mutter Nälichen- Tsagān zu tun?	21	Цахан ээжэ 'букв. белая мать'
69.	цахан 'белый'	Нэльхн Цахан ээжин хунн настэ Нээхл эн болвзэ	Der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen- Tsagān , der ist vielleicht der da	21	Цахан 'букв. белая мать'
70.	цахан 'белый'	Нэльхн Цахан ээжин хунн настэ Нээхл эн мин [прав. юн мөн] болх билэ	Der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen- Tsagān , das ist gewiss dieser	21	Цахан ээжэ 'букв. белая мать'
71.	цахан 'белый'	Нэльхн Цахан ээжин хунн настэ Нээхл мин санжч!	Ja gewiss, du bist ja der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen- Tsagān .	21	Цахан ээжэ 'букв. белая мать'
72.	цахан 'белый'	Нэльхн Цахан ээжин хунн настэ Нээхлар ю кех улсвта?	Was für welche seid ihr und was wollt ihr mit dem dreijährigen Näichal, dem sohne der mutter Nälichen- Tsagān?	21	Цахан ээжэ 'букв. белая мать'
73.	цахан 'белый'	Нэльхн Цахан ээжин хунн настэ Нээхл ирсн болхлэ, бичгэ цовэжэ ортн;	Wenn der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen- Tsagān , gekommen ist, so kommt nicht nacheinander; wenn er nicht gekommen ist, kommet der eine nach dem anderen	21	Цахан ээжэ 'букв. белая мать'
74.	цахан 'белый'	Нэльхн Цахан ээжин хунн настэ Нээхл гедэ энү!»	Ist dies der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen- Tsagān? ”	21	Цахан ээжэ 'букв. белая мать'

75.	цаһан 'белый'	Нэльхн Цаһан ээжнн һунн настэ Нээхл ирсн болхлэ, бичгэ һартн, ирэд угэ болхлэ, хоолур цовад-цовад ортн!	Wenn der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen- Tsagān , gekommen ist, so kommt nicht heraus; wenn er nicht gekommen ist, so ziehe der eine nach dem anderen in meinen rachen!"	21	Цаһан ээж 'букв. белая мать'
76.	цаһан 'белый'	Үүдин [прав. үүдн] хоорнд күзүцэһан нук малтэж авад, цаһан ширдгэр бүтэчкэд кептнэ.	Er selbst hat sich eine grube bis zu dem halse zwischen den türpfosten gegraben und sich mit weissem filzteppich bedeckt und liegt darin.	21	цаһан ширдг 'белый ширдык'
77.	цаһан 'белый'	Нэльхн Цаһан ээжнн һунн настэ Нээхл лав иржэ билтэлч!»	Dreijähriger Näichal, sohn der mutter Nälichen- Tsagān , du bist sicher hierher gekommen!"	21	Цаһан ээж 'букв. белая мать'
78.	цаһан 'белый'	Бөөргин бөкн цаһан туулэ кептэ[н] бөгн дөшэд, хасн сумн кептэ[н] хэгн дөшэд, гүүһа[д] һардг болнэ.	Wie der krummrückige weisse hase des hügel sich bückend fliehend, wie der abgeschossene pfeil gleitend entschlüpfend läuft er eilends davon.	21	цаһан туулэ 'белый заяц'
79.	цаһан 'белый'	Нэльхн Цаһан ээжнн һунн настэ Нээхлд күцгдэд ирдг болнэ.	Hinter ihm wird der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen- Tsagān , eine ohne zu vermissen packende, engleibige schwarze hündin mit acht zitzen,	21	Цаһан ээж 'букв. белая мать'
80.	цаһан 'белый'	Нэльхн Цаһан ээжнн һунн настэ Нээхл хөрн тавн толһэтэ хотхр хар муусиг күмн күрэд угэ күрң күрл мөңгн таша деер сегсржэ авад һазр өгнэ.	wirft der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen- Tsagān , den Mus, ihn an den von menschen nicht erreichbaren, braunen, bronzenen lenden packend und schüttelnd zu boden.	21	Цаһан ээж 'букв. белая мать'
81.	цаһан 'белый'	Хортын хо һалзн моһэ чигн шилвкэд окч, Нэльхн Цаһан ээжнн һунн настэ Нээхл чигн шилвкэд окч.	Die giftige gelbköpfige schlange eilt dahin und auch der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen- Tsagān , eilt dahin.	21	Цаһан ээж 'букв. белая мать'
82.	цаһан 'белый'	Нэльхн Цаһан ээжнн һунн настэ Нээхлас түрүлэж моһэ күрн гегед ирдг болнэ.	Die schlange ist schon daran früher als der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen- Tsagān , dahinzukommen!	21	Цаһан ээж 'букв. белая мать'
83.	цаһан 'белый'	Далваг доран авад кептдг болнэ Нэльхн Цаһан ээжнн һунн настэ Нээхл[иг].	Sie nehmen ihn, den dreijährigen Näichal, den sohn der mutter Nälichen- Tsagān , unter ihre flügel und liegen so.	21	Цаһан ээж 'букв. белая мать'

84.	цаһан 'белый'	<i>Амр сэн мөнд харһэжэйи!»</i> , — гегед, шовун доркиэн орад, Нэльхн Цаһан ээжсин һунн настэ Нээхл хээсн, тулһан үүржэ авад, у дунднь хойр тулад, уутън дунднь нег тулад, һарч йовад, геснь өлсэд ирхлэ, нег бөөрг[и]н бөкн цаһан туулэг хаанэ.	In frieden und gesundheit werden wir uns noch einmal begegnen!” spricht der vogel and sinkt nach unten. Der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen- Tsagān , nimmt den kessel und den dreifuss auf seinen rücken und wandert; von dem weiten fluss wird sein weg zweimal versperrt, von dem engen fluss wird sein weg einmal versperrt. Als er so weiter wandert und sein magen hungrig wird, schießt er einen krummrückigen, weissen hasen der hügel.	21	<i>Цаһан ээжэ</i> 'букв. белая мать'
85.	цаһан 'белый'	<i>Амр сэн мөнд харһэжэйи!»</i> , — гегед, шовун доркиэн орад, Нэльхн Цаһан ээжсин һунн настэ Нээхл хээсн, тулһан үүржэ авад, у дунднь хойр тулад, уутън дунднь нег тулад, һарч йовад, геснь өлсэд ирхлэ, нег бөөрг[и]н бөкн цаһан туулэг хаанэ.	In frieden und gesundheit werden wir uns noch einmal begegnen!” spricht der vogel and sinkt nach unten. Der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen-Tsagān, nimmt den kessel und den dreifuss auf seinen rücken und wandert; von dem weiten fluss wird sein weg zweimal versperrt, von dem engen fluss wird sein weg einmal versperrt. Als er so weiter wandert und sein magen hungrig wird, schießt er einen krummrückigen, weissen hasen der hügel.	21	<i>цаһан туулэ</i> 'белый заяц'
86.	цаһан 'белый'	<i>Юмн эс олдад, Нэльхн Цаһан ээжсин һунн настэ Нээхл геснь өлсэд, көвүг харһэжэ авад идн гегэжэ йомнэ.</i>	Als nichts mehr zu finden war, nimmt der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen- Tsagān , da er schon sehr hungrig war, der knaben [aus dem kessel] heraus und macht sich daran ihn zu fressen.	21	<i>Цаһан ээжэ</i> 'букв. белая мать'
87.	цаһан 'белый'	<i>Көгшин Зегр богд хан Нэльхн Цаһан ээжсин һунн настэ Нээхлиг медчкад, Нэльхн Цаһан ээжсиг апч ирэд, торһ-томч хойрар оранэ.</i>	Als der bejahrte Zeger Bogdo Chan von ihm, dem dreijährigen Näichal, dem sohn der mutter Nälichen- Tsagān hörte, liess er die mutter Nälichen-Tsagān, holen und wollte sie in seide und sammet hüllen.	21	<i>Цаһан ээжэ</i> 'букв. белая мать'
88.	цаһан 'белый'	<i>Көгшин Зегр богд хан Нэльхн Цаһан ээжсин һунн настэ Нээхлиг медчкад, Нэльхн Цаһан ээжсиг апч ирэд, торһ-томч хойрар оранэ.</i>	Als der bejahrte Zeger Bogdo Chan von ihm, dem dreijährigen Näichal, dem sohn der mutter Nälichen- Tsagān hörte, liess er die mutter Nälichen- Tsagān , holen und wollte sie in seide und sammet hüllen.	21	<i>Цаһан ээжэ</i> 'букв. белая мать'
89.	цаһан 'белый'	<i>Нэльхн Цаһан ээжэ эс өмсч өгэд бээнэ.</i>	Die mutter Nälichen- Tsagān zieht es aber nicht an.	21	<i>Цаһан ээжэ</i> 'букв. белая мать'

90.	цаһан 'белый'	Нэ, арһ угэ, Нэльхн Цаһан ээжнн һунн настэ Нээхл ирсн цагт хан шартэ бээнэ гегед, бичгэ орултн!» — гегед, долан түмн цергиг төгөлүдэд зогсанэ.	So, nichts ist zu machen; sobald der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen- Tsagān kommt, sagt, dass der chan krank ist, und lasst ihn nicht ein!" sagt der chan und stellt siebzigtausend soldaten in einem kreis um den palast auf.	21	Цаһан ээж 'букв. белая мать'
91.	цаһан 'белый'	Нэльхн Цаһан ээжнн һунн настэ Нээхл күрэд ирнэ.	Der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen- Tsagān , langt an.	21	Цаһан ээж 'букв. белая мать'
92.		Тегэд Нэльхн Цаһан ээжтэһан амр сээхн жирһнэ.	So genießt er denn mit seiner mutter Nälichen- Tsagān des friedens und der gesundheit fürbass.	21	Цаһан ээж 'букв. белая мать'
93.	цаһан 'белый'	Нохан Дэркин гегэнэ эк Цаһан Дэркин гегэн көөһад һарһад бээдг болнэ.	Die mutter der Nogān Dārki, die Tsagān Dārki, vertreibt sie immer.	22	Цаһан Дэрк 'Белая Тара'
94.	цаһан 'белый'	Маниг көөж һарһсн Цаһан Дэркин гегэнэ күүкн Нохан Дэркин гегэн бээдг төлэд үкл угэ мөңк, өвл угэ зунтэ бээдим тедн чигн	Weil die heilige Nogān Dārki, die tochter der heiligen Tsagān Dārki, die uns verjagt hat, dort weilt, lebt man dort ewig ohne tod und hat immer sommer ohne winte	22	Цаһан Дэрк 'Белая Тара'
95.	цаһан 'белый'	Цаһан ястэ күүнэ оошк-зүркн зокхимн»,	Die lungen und das herz von einem hochgeborenen menschen werden mir geziemen	22	цаһан ястэ 'белой кости'
96.	цаһан 'белый'	Эн шидрт цаһан ястэ күн угэ, мөңкн дөрвн цагт дөчн зурһатэһар бээһад бээдг.	in dieser gegend gibt es keine hochgeborenen leute, keine, die ewig und zu allen zeiten sechzehn jahre alt wären.	22	цаһан ястэ 'белой кости'
97.	цаһан 'белый'	Мин Махһалын хөвлһан цаһан ястэ күн мин би.	Gerade ich, die reinkarnation des Mahagala, bin ja auch hochgeboren ,	22	цаһан ястэ 'белой кости'
98.	цаһан 'белый'	Өмнчн цал буурл сахлтэ цаһан буурл өвгн хойр нүдэн төмрэр телсн өвгн харһх, тер чамд хаалһичн зааж өгх!	Diesen weg sollst du ziehen! Auf deinem wege wird dir ein weisser greis mit silberweissem bart begegnen, ein greis, der seine beiden augen mit brillen offenhält. Der wird dir deinen weg zeigen	22	цаһан буурл өвгн 'седой старик'
99.	цаһан 'белый'	Өмнчн цал буурл сахлтэ цаһан буурл өвгн хойр нүдэн төмрэр телсн өвгн харһх, тер чамд хаалһичн зааж өгх!	Diesen weg sollst du ziehen! Auf deinem wege wird dir ein weisser greis mit silberweissem bart begegnen, ein greis, der seine beiden augen mit brillen offenhält. Der wird dir deinen weg zeigen	22	цаһан буурл өвгн 'седой старик'
100.	цаһан 'белый'	Генткн хаалһар йовжэ йовсн цагт цал буурл сахлтэ цаһан буурл өвгн хойр нүдэн шарһжар (шарвжар) телсн өвгн генткн жөлаһаснь атхад окнэ.	Plötzlich, während er so den weg entlang ritt, greift ihm ein hellweisser greis mit silberweissem bart, ein greis, der seine beiden augen mit brillen aufhält, unerwartet in die zügel.	22	цаһан буурл өвгн 'седой старик'

101.	цахан 'белый'	Генткн хаалхар йовжэ йовсн цагт цалбуурл сахлтэ цахан буурл өвгн хойр нүдэн шарнжар (шарвжар) телсн өвгн генткн жолаһаснь атхад окнэ.	Plötzlich, während er so den weg entlang ritt, greift ihm ein hellweisser greis mit silberweissem bart, ein greis, der seine beiden augen mit brillen aufhält, unerwartet in die zügel.	22	цахан буурл өвгн 'седой старик'
102.	хар 'черный'	Тегэд хаанэ заргдсн нег хурвн күн өмнэснь иржэ, негнь хартан илд бэржэ, негнь замб хар махлэ өмсч, негнь үстэ хар кевс бэржэ.	Da kamen ihnen drei männer entgegen, die bei dem chan gedient hatten, der eine von ihnen heilt in der hand ein schwert, der andere hatte eine runde schwarze mütze aufgesetzt, der dritte trug einen wolligen schwarzen te	10	хар махлэ 'черная шапка'
103.	хар 'черный'	Тегэд хаанэ заргдсн нег хурвн күн өмнэснь иржэ, негнь хартан илд бэржэ, негнь замб хар махлэ өмсч, негнь үстэ хар кевс бэржэ.	Da kamen ihnen drei männer entgegen, die bei dem chan gedient hatten, der eine von ihnen heilt in der hand ein schwert, der andere hatte eine runde schwarze mütze aufgesetzt, der dritte trug einen wolligen schwarzen teppich.	10	хар кевс 'черный ковер'
104.	хар 'черный'	Манжэтл, сөөнь өрэлин чигэд [ал- днд] гүн унһлсн цагт деерэс делтрин чигэ хар үүлн шуугад күрч ирэд, унһиг ава[д] йомнэ.	Während er wache hielt, um die mitternacht, zu der zeit, als die stute ihr fohlen warf, kam von oben eine schwarze wolke herabgesaut, so gross wie ein sattelpolster, und raubt das fohlen.	11	хар үүлн 'черное облако'
105.	хар 'черный'	Бас сөөнь өрэлин чигэд [алднд] делтрин чигэ хар үүлн деерэснь шуугжэ ирэд, ава[д] йовад однэ.	Abermals kam um mitternacht eine schwarze wolke, so gross wie ein sattelpolster, von oben herabgesaut und raubt es weg.	11	хар үүлн 'черное облако'
106.	хар 'черный'	«Деерэс делтрин чигэ хар үүлн шуу гэж күрч ирэд, ава(д) йовад одв».	Von oben kam eine schwarze wolke, so gross wie ein sattelpolster, herabgesaut und raubte es”.	11	хар үүлн 'черное облако'
107.	хар 'черный'	Сөөнь өрэлин чигэд [алднд] алгч гүн унһлчксн, унһн босад экэн көкжэсн цаглэ деерэснь делтрин чигэ хар үүлн шүүгжэ ирэд унһиг ава(д) йо- ва[д] харнэ.	Um mitternacht, zu der zeit, als die schwarz und weisse stute warf, und das fohlen aufstand und an seiner mutter saugte, kam eine schwarze wolke, so gross wie ein sattelpolster, von oben herabgesaut, ergreift das fohlen und verschwindet.	11	хар үүлн 'черное облако'
108.	хар 'черный'	Хар холын экн тал аңһучлэжэ одлэ	Er ist gegangen nach den quellen des Chara-gol (Schwarzen flusses) , um zu jagen	11	Хар хол 'черная река'
109.	хар 'черный'	Эн мини халэ шоңхр шовун хаср хар нохэ хойрэг алдг күн кен болнэ?	Wer ist der mensch, der meinen jagdfalken und meinen schwarzen jagdhund getötet hat?	11	хар нохэ 'черная собака'
110.	хар 'черный'	Чини халэ шоңхр шовун хаср хар нохэ хойричн алх бээтхэ, бийичн ал- хар йовх күнб» — гежэ келэд, хоюрн ноолдад однэ.	Nicht genug damit, dass ich deinen jagdfalken und deinen schwarzen jagdhund getötet habe, ich bin ausgezogen, um dich selbst zu töten!	11	хар нохэ 'черная собака'

111.	хар 'черный'	<i>Хар холын экнд, Шар холын экнд, Улан холын экнд, эн хурвн холын экар бээрлдмн»</i>	An den quellen des Schwarzes flusses, an den quellen des Gelben flusses und an den quellen des Roten flusses, an den quellen dieser drei flüsse weiden die viehherden	11	<i>Хар хол 'черная река'</i>
112.	хар 'черный'	<i>Оһтр хар бууһан авад [үлдө], баавһэһан ууляд һарч өгл угэ бээнэ; хойр ахнь дахулад ава[д] йова[д] һарнэ.</i>	Dieser nimmt sein kurzes schwarzes gewehr und unter tränen lässt er seine frau nicht mitgehen; die beiden brüder aber nehmen sie mit sich und ziehen von dannen.	11	<i>хар бу 'черное ружье'</i>
113.	хар 'черный'	<i>Өвгн теегэ[д] гүүжэ йовтл, орэ деер[эн] нүдтэ, найн холын модыг нег һазр келкэ[л]чкэд чиржэ йовад амржэ кептсн ут хар күүнэ нүдн дотр орад однэ.</i>	Als der mann so lief und lief, geht er in das auge eines langen, schwarzen mannes, der nur ein auge mitten auf der stirne hatte und der, die wälder von achtzig flusstälern zusammenknüpfend, sie hinter sich hergezogen hatte und jetzt dalag, um sich auszuruhen.	12	<i>хар кун 'черный человек'</i>
114.	хар 'черный'	<i>Хэдрнэн хурвн көвүн ут хар күүнд күрэд ирнэ.</i>	Die drei söhne des Chädernäi kommen bei jenem langen schwarzen manne an.	12	<i>хар кун 'черный человек'</i>
115.	хар 'черный'	<i>Тееклэ ут хар күн уурлад, негэрнь негинь цокад, бас негэрнь авад негинь цокад, хурвулэг алжэ оркад, гертэн күрэд ирвэ.</i>	Da ergrimte der lange schwarze mann, nahm einen und schlug mit ihm den anderen, nahm wieder einen und schlug den anderen, — tötete so alle drei und geht von dannen nachhause.	12	<i>хар кун 'черный человек'</i>
116.	хар 'черный'	<i>Гертэн орад ирхлэ, ишкэд орксн оңһитэ мах баавһэнь тэвэд өг[ү]вэ. Ут хар күн идв авад.</i>	Als er nachhause gekommen, setzt seine frau eine mit zerhacktem fleisch gefüllte mulde vor ihn hin, und der lange schwarze mann ass es auf.	12	<i>хар кун 'черный человек'</i>
117.	хар 'черный'	<i>Ут хар күн чочва.</i>	Der lange schwarze mann fuhr zusammen.	12	<i>хар кун 'черный человек'</i>
118.	хар 'черный'	<i>Тишклэ ут хар күн келвэ: «Наар[а]н суужэ, махнасм ид!</i>	Da sagte der lange, schwarze mann: „Setze dich her und iss von meinem fleisch! Dies war noch nichts märchenhaftes.	12	<i>хар кун 'черный человек'</i>
119.	хар 'черный'	<i>Унтсн күн энд-тендэн хэлэв, шорт шарсн ут хар күүг нег хажэуһарнь шарчкад, унтад одв.</i>	Der eingeschlafene mann sah auf, sah sich nach allen richtungen um, briet den langen schwarzen mann an dem spieß auf der einen seite und schlief wieder ein.	12	<i>хар кун 'черный человек'</i>
120.	хар 'черный'	<i>Ут хар күн шораснь сүһржэ босад, шоран һалд дүрэд улэлһв.</i>	Der lange schwarze mann stand auf, sich von dem spieß abziehend, sreckte den spieß in das feuer und machte ihn glutrot	12	<i>хар кун 'черный человек'</i>

121.	хар 'черный'	Ут хар кун шораснь суһржэ босад, шоран улэлхэс авад, оһтр улан мөртэ күүг хоингарнь цоолва.	Der lange schwarze mann stand auf, sich von spiesse abziehend, machte den spieß glutrot und durchbohrte den reiter des kurzgeschwänzten, braunen rosses von hinten.	12	хар кун 'черный человек'
122.	хар 'черный'	Оһтрһуд нисч йовсн һард шүүрэд авт ут хар күүг.	Der in den himmelsgegenden fliegende Garuda-vogel stürzte sich über den langen schwarzen mann herab und nahm ihn weg.	12	хар кун 'черный человек'к
123.	хар 'черный'	Хэржэ му эмгәннь өөр кептич, хээмнь!» — гэжэ келвэ ут хар кун.	Kehre du zurück und lege dich wieder zu deiner schlechten frau, mein armer!" sagte der lange schwarze mann.	12	хар кун 'черный человек'
124.	хар 'черный'	Хөрн тавн толһэтэ хотхр хар маһс болад, өвгиг сорн алдад зогсв.	Jener wurde ein senkrückiger, schwarzer Mangas mit fünfundzwanzig köpfen, wollte den mann aussaugen, erreichte ihn nicht und blieb da stehen.	13	хар кун 'черный человек'
125.	хар 'черный'	Аавин оһтр хар бууг авад, хоюрн эк-эцкэн хайчкад, орһад, хальмг тал һарад йовдг болнэ.	Nachdem sie ihres vaters kurzes schwarzes gewehr genommen, verliessen sie die eltern und zogen zu zweien in der richtung gegen das kalmückenland aus.	15	хар бу 'черное ружье'
126.	хар 'черный'	Тер оһтр хар бууһан өгл- тэ!» — генэ.	Gib mir jenes kurze schwarze gewehr!	15	хар бу 'черное ружье'
127.	хар 'черный'	күргиг оһтр хар бууһар толһэһинь хаһад өширэд окчэдг бол- нэ.	und schiesst dann mit dem kurzen schwarzen gewehre ihren bräutigam durch den köpf und streckt ihn nieder.	15	хар бу 'черное ружье'
128.	хар 'черный'	аавин оһтр хар бу чигн угэ.	noch ihres vaters kurzes schwarzes gewehr.	15	хар бу 'черное ружье'
129.	хар 'черный'	Нег ик хар толһэ билэ	Ein grosser schwarzer erdhügel (kurgan) erhob sich da	15	хар толһэ 'черный курган'
130.	хар 'черный'	Йова-йова, йова йовжэ адунэ бээрн хар толһэд күрэд ирнэ.	Sie gehen immer weiter und weiter. Sie kommen zu der pferdeweide mit dem schwarzen erdhügel.	15	хар толһэ 'черный курган'
131.	хар 'черный'	Күүкнэ хойр хоһр мөрнь, оһтр хар бу, нег тулм алт, хойр мөртэһан хаанэ һаза бээдг болнэ.	Die zwei falben rosse des mädchens, das kurze schwarze gewehr, ein sack mit gold stehen nebst ihren zwei pferden ausserhalb des chanszeltes.	15	хар бу 'черное ружье'
132.	хар 'черный'	Нег хар кичг даха[д] күрэд ирнэ.	Ein schwarzer junger hund folgt ihm.	15	хар нохэ 'черная собака'
133.	хар 'черный'	Хар кичгнь — нутгин кишиг, манжэнь — бийин кишиг.	Der schwarze hund ist das glück des lagers,	15	хар кичг 'черный щенок'

134.	хар ‘черный’	Бээрн хар толһа үзгдэд ирвэ, хонгэн һазр өөрдэд ирвэ.	Ein schwarzer erdhügel wird sichtbar, eine tagereise ist bald zurückgelegt;	15	хар толһа ‘черный курган’
135.	хар ‘черный’	Көгшид юн геж келдг билэ, бээрн хар толһа үзгдхлэ	was pflegten die alten zu sagen, wenn ein schwarzer erdhügel sichtbar wurde	15	хар толһа ‘черный курган’
136.	хар ‘черный’	Бээрн хар толһэн өөр күн хондим чигн биш, үлдим чигн биш!» — генэ	In der nähe des schwarzen erdhügels pflegt man ja weder zu übernachten noch mittagsrast zu halten“, erwidert er.	15	хар толһа ‘черный курган’
137.	хар ‘черный’	Хар кичг нег юм салһл угэ ээрэд бээнэ.	Der schwarze hund umkreist unaufhörlich [ihr lager].	15	хар кичг ‘черный щенок’
138.	хар ‘черный’	Хар кичг мөриг тэвл угэ ээрэд бээн	Der schwarze hund geht ringsum die pferde, ohne sie aus einander gehen zu lassen.	15	хар кичг ‘черный щенок’
139.	хар ‘черный’	Өмн нег ик хар толһа үзгдэд ирнэ.	Vornen wird ein grosser, schwarzer erdhügel sichtbar.	15	хар толһа ‘черный курган’
140.	хар ‘черный’	Бээрн хар толһа үзгдэд ирвэ, көгшид юн геж келдг билэ?	Ein schwarzer kampfhügel ist sichtbar geworden; was war es, das die alten sagten?“	15	хар толһа ‘черный курган’
141.	хар ‘черный’	Хар кичг арднь дахад йомнэ.	Der schwarze hund folgt ihnen.	15	хар кичг ‘черный щенок’
142.	хар ‘черный’	Эн махнас нег булж шарж идхим ас!» — геж хар кичгэс мис суржэнэ	Gieb mir von diesem fleisch etwas für mich zu braten und zu essen!“ bittet die katze den schwarzen hund.	15	хар кичг ‘черный щенок’
143.	хар ‘черный’	«Өгхи[и]в!» — геж хар кичг келжэнэ.	„Nein, ich gebe dir nichts“, antwortet der schwarze hund	15	хар кичг ‘черный щенок’
144.	хар ‘черный’	хар кичг келчкэд: «Мин[ь], чамэг хар күрх, угэһичн хэлэһэ[д] йовхвэ.	ihr so ihre frühere gesundheit wiedergeben!“ sagt der schwarze hund.	15	хар кичг ‘черный щенок’
145.	хар ‘черный’	Һар күрснэс цаар[а]н нанас зем бичгэ сур!» — геж келчкэд, хар кичг мөрн талан һарад йомнэ.	„Ich gehe, aber ich werde achtgeben, ob du das fleisch anrührst oder nicht! Wenn du es einmal anrührst, schreibe mir nicht die schuld zu!“ So sagt der schwarze hund und geht zu den pferden.	15	хар кичг ‘черный щенок’
146.	хар ‘черный’	Нэ, хаалһин бичгэн авад, манж хар кичг хойр һарад йомнэ.	Nun, nachdem sie den pass bekommen, ziehen der mandschi und der schwarze hund weiter.	15	хар кичг ‘черный щенок’
147.	хар ‘черный’	нег ик хар маитг авад, нег ик төмр терг авад, мөңгэн ачж авад, һарад йовдг болнэ.	Danach kauften sie ein grosses schwarzes pferd und einen hohen eisernen karren, luden darauf das geld und fuhren von da zurück.	15	хар маитг ‘вороной конь’
148.	хар ‘черный’	Саак хар толһаһарнь дэврэд иржэдг болнэ.	So kommen sie auf ihrer reise an dem oben erwähnten schwarzen erdhügel vorbei.	15	хар толһа ‘черный курган’

149.	хар ‘черный’	Маңһ[д]уртнь һал үдин аңхунд бас нег хар толһәһар дэврэд күрэд ирнә.	Am nächsten tag zu beginn der heissen mittagszeit kommen sie wieder zu einem schwarzen erdhügel, an ihm vorbeiziehend.	15	хар толһә ‘черный курган’
150.	хар ‘черный’	Кезәнә санж, Хала Хооһи эгчтә, Гинд Цаһан дүүтә, эрдни хоңһр мөртә Марс Хар баатр гедг баатр санж.	Es war vormals, — mit seiner älteren schwester Chalalai Chöchusch und mit seinem jüngeren bruder Ginde Tsagān lebte der held Mars Chara Bātur mit dem edlen hellroten rosse.	15	Хар баатр ‘черный богатырь’
151.	хар ‘черный’	Эдү-тедү болжәтл, Марс Хар баатр аңһучлжә һарад, ардаснь оддг болнә.	Nach längerer oder kürzerer zeit macht sich Mars Chara Bātur, der auf der jagd gewesen war, hinter ihnen her auf den weg.	16	Хар баатр ‘черный богатырь’
152.	хар ‘черный’	«Өтрлти, шулудти, мөр татти!» Йисн хар һалзн мөр авад ирнә, төмр тергнд татнә.	„Rasch, geschwind! Spannt die pferde vor!“ Neun schwarze rosse mit einer blässe am maule holt er herbei und spannt sie vor einen eisernen karren.	16	хар һалзн мөрн ‘черный с лысиной конь’
153.	хар ‘черный’	Арднь олргин хар цурх болад орнә	Hinter ihr her stürzt sich [der hund] und wird ein reissender schwarzer hecht.	16	хар цурх ‘черная щука’
154.	хар ‘черный’	Тер хойр Марс Хар баатрин нутгт одад, суһ татад орулнә.	Jene zwei begeben sich an den wohnort des Mars Chara Bātur, machen es los und gossen es hinein.	16	Хар баатр ‘черный богатырь’
155.	хар ‘черный’	«Нәәмн жилд босд[г] угә лаи хар [бууриг] кептүлж, энд-тендәс ик чолуһар дарулжә окж», — генә.	„Einen acht jahre lang nicht aufstehenden, klotzigen schwarzen kamelhengst (= den grabstein) hat man auf dich gelegt und von allen seiten mit grossen steinen zugeedrückt“, antwortet sie.	16	лаи хар буур ‘совершенно черный верблюд’
156.	хар ‘черный’	Тер эдрң апч ирәд, эн лаи хар бууриг көрәдәд унһатн!» — генә.	Holt jenen fellschaber hierher, sägt diesen klotzigen schwarzen kamelhengst durch und werft ihn um“, sagt er.	16	лаи хар буур ‘совершенно черный верблюд’
157.	хар ‘черный’	Тер хойрнь апч ирәд, лаи хар бууриг көрәдәд унһанә.	Jene zwei holten den fellschaber, feilten und warfen den klotzigen, schwarzen kamelhengst um.	16	лаи хар буур ‘совершенно черный верблюд’
158.	хар ‘черный’	Нүкн[ә] амн деер һарад? Марс Хар тер хойриг дууджә вәәнә.	Mars Chara Bātur steht in der öffnung des grabes und ruft jene zwei zu sich.	16	Хар баатр ‘черный богатырь’
159.	хар ‘черный’	«Нойн баатр Марс Хар мини, та нәмәг юн геед дарвта?» — геед, көл- днь мөргәд бәәдг болнә.	„Ach, mein fürst, mein Mars Chara Bātur, warum drücktet Ihr mich unter Euch?“ sagt er und neigt sich flehend ihm zu füssen.	16	Хар баатр ‘черный богатырь’
160.	хар ‘черный’	Марс Хар суржәдг [болна]: «Эн герин оньс хама бәәнә?»	Mars Chara fragt: „Wo ist der schlüssel zu dieser jurte?“	16	Хар баатр ‘черный богатырь’
161.	хар ‘черный’	Тер кептнь Марс Хар һарад, бор эрг темцәд хурдлдг болнә.	Ohne weiteres läuft Mars Chara weg in der richtung nach dem grauen ufer.	16	Хар баатр ‘черный богатырь’

162.	хар ‘черный’	Марс Хар баатр келнэ: «Кукн, чини ахчн би.	Mars Chara Bātur spricht: „Mein liebster, ich bin ja dein älterer bruder!	16	Хар баатр ‘черный богатырь’
163.	хар ‘черный’	нойн Хар һарад, иш- крэд, хэакрэд оркнэ.	kam Nojon Chara heraus, pfiff und rief [nach ihm].	16	Хар баатр ‘черный богатырь’
164.	хар ‘черный’	Нойн Хар келжэнэ: «Эмэл наар[а]н һарһ!» — генэ.	Nojon Chara spricht: „Hole den sattel heraus!“ sagt er.	16	Хар баатр ‘черный богатырь’
165.	хар ‘черный’	«Мин[ь] тер гер» — геед, ууль хар урц зааж өгнэ.	„Jenes da“, sagt sie und zeigt auf eine elende schwarze hütte.	16	хар урц ‘черная (ветхая) лачуга’
166.	хар ‘черный’	Марс Хар келнэ: «Чамэг алнэв, эрт хэр!» — гежэ келнэ.	Mars Chara spricht: „Ich schlage dich tot, auf der stelle zurück mit dir!“. So sagt er.	16	Хар баатр ‘черный богатырь’
167.	хар ‘черный’	Марс Хар босад, хаанэ элчиг гөбдөж тэвэд окнэ.	Mars Chara steht auf, prügelt den sendboten des chans durch und lässt ihn gehen.	16	Хар баатр ‘черный богатырь’
168.	хар ‘черный’	Марс Хар тер хойрин негинь бэржэ авад, негинь гөбдөд тэвнэ, генэ.	Mars Chara ergriff den einen von diesen beiden, schlug mit ihm den anderen und lässt ihn dann gehen, erzählt man.	16	Хар баатр ‘черный богатырь’
169.	хар ‘черный’	Тернь [прав. тиигхлэнь] Марс Хар һарад ирдэ болнэ.	Da kommt Mars Chara zu ihm heran.	16	Хар баатр ‘черный богатырь’
170.	хар ‘черный’	Тиигжэ йова[д] гев генткн дөкэд ор- кхлэ, долан алд сундг догшин хар үлдиг гилг мөңгн герэснь гилпкулн суһлад, Марс Хариг орэһаснь авн дөкэд оркдг болнэ.	Was nach diesem ritte urplötzlich zuzuschlagen hiess, zog [Ringgurt] sein sieben klafter sich dehnendes, unbändiges schwarzes schwert aus der blinzelnden silberscheide mit blitz und donner hervor, und schlug zu, dem Mars Chara vom scheidel nach unten.	16	хар үлд ‘черный меч’
171.	хар ‘черный’	Тиигжэ йова[д] гев генткн дөкэд ор- кхлэ, долан алд сундг догшин хар үлдиг гилг мөңгн герэснь гилпкулн суһлад, Марс Хариг орэһаснь авн дөкэд оркдг болнэ.	Was nach diesem ritte urplötzlich zuzuschlagen hiess, zog [Ringgurt] sein sieben klafter sich dehnendes, unbändiges schwarzes schwert aus der blinzelnden silberscheide mit blitz und donner hervor, und schlug zu, dem Mars Chara vom scheidel nach unten.	16	Хар баатр ‘черный богатырь’
172.	хар ‘черный’	Дэжн Марс Хар тедү метин герэсэн эдү метин үлд суһлад орэһаснь авн яарн чапчад окнэ; тедү мет бүрлдэд одв, генэ.	Seinerseits zieht dann Mars Chara aus der so langen scheidel sein so und so langes schwert und hieb zu, vom scheidel nach unten, ihn zerschneidend; so und so vereinigte er sich, erzählt man.	16	Хар баатр ‘черный богатырь’
173.	хар ‘черный’	товрцг хар маляһар толһэ амарнь зодлцад одв.	Und kleinen nägeln versehene schwarze peitsche, mit ihr fingen sie an sich ins gesicht und auf den mund zu schlagen.	16	хар маля ‘черная плеть’

174.	хар 'черный'	Дэки бурхи хар толһэн савһр хар үснэси авлдад, эрглди татлдад однэ: эс болцад бээв	Darauf fingen sie an bei dem wulstigen schwarzen haare des schwarzen gesegneten kopfes einander zu fassen, zu drehen und zu packen. Alles dies hatte aber keinen erfolg.	16	хар үсн 'черные волосы'
175.	хар 'черный'	Дэки бурхи хар толһэн савһр хар үснэси авлдад, эрглди татлдад однэ: эс болцад бээв.	Darauf fingen sie an bei dem wulstigen schwarzen haare des schwarzen gesegneten kopfes einander zu fassen, zu drehen und zu packen. Alles dies hatte aber keinen erfolg.	16	хар толһэ 'черная голова'
176.	хар 'черный'	Марс Хар үүд-түүд күргл угэ, үүллэ хутхлдулн шивэд окв.	Mars Chara wirft ihn, ohne ihn hier oder da sich festhalten zu lassen, gerade empor bis in die wolken.	16	Хар баатр 'черный богатырь'
177.	хар 'черный'	Нойн Марс Хар келжэн[э]: «Дали бээси гү апч иртн!» — генэ.	Mars Chara befiehlt: „Holt siebzig unfruchtbare stuten her!“	16	Хар баатр 'черный богатырь'
178.	хар 'черный'	Бер өмсч һарад, савһр хар толһэһарн сай нээм гекэд, бурхи хар толһэһарн бум нээм гекэд, ламинд орад ирнэ	Die frau zog den rock an, ging näher und mit dem struppigen schwarzen kopfe verneigte sie sich eine million und acht mal, mit dem göttergesegneten schwarzen kopfe verneigte sich hunderttausend und acht mal und trat dann vor den lama.	17	хар толһэ 'черная голова'
179.	хар 'черный'	Бер өмсч һарад, савһр хар толһэһарн сай нээм гекэд, бурхи хар толһэһарн бум нээм гекэд, ламинд орад ирнэ.	Die frau zog den rock an, ging näher und mit dem struppigen schwarzen kopfe verneigte sie sich eine million und acht mal, mit dem göttergesegneten schwarzen kopfe verneigte sich hunderttausend und acht mal und trat dann vor den lama.	17	хар толһэ 'черная голова'
180.	хар 'черный'	Үкс кигед босч ирэд, савһр хар толһэһарн сай нээм гекэд, бурхи хар толһэһарн бум нээм гекэд мотраснь одад эдс апчэн[а]. «Чи ю хээжэ йовси күн билэч?»	Flugs steht sie auf, mit dem struppigen schwarzen kopfe verneigte sie sich eine million und acht mal, mit dem gesegneten schwarzen kopfe verneigte sie sich hunderttausend und acht mal und empfing den segen von seiner hand. „Was bist du ausgegangen zu suchen?“	17	хар толһэ 'черная голова'
181.	хар 'черный'	Үкс кигед босч ирэд, савһр хар толһэһарн сай нээм гекэд, бурхи хар толһэһарн бум нээм гекэд мотраснь одад эдс апчэн[а]. «Чи ю хээжэ йовси күн билэч?»	Flugs steht sie auf, mit dem struppigen schwarzen kopfe verneigte sie sich eine million und acht mal, mit dem gesegneten schwarzen kopfe verneigte sie sich hunderttausend und acht mal und empfing den segen von seiner hand. „Was bist du ausgegangen zu suchen?“	17	хар толһэ 'черная голова'

182.	<i>хар 'черный'</i>	<i>Тиигжэгл хар кер мөртэ, хар унһн дахтэ, хар улан залу күүрч ирэд: «Адунд санаһар ю хээвч?» — гегед, цокад оркв.</i>	Unterdessen kam ein schwarz und roter jüngling mit schwarzem fohlenledernem oberpelz uud auf einem dunkelbraunen rosse herangeritten. „Was suchst du mit deinen gedanken nach den pferden?“ sagte er und schlug nach ihm.	18	<i>хар кер мөрн 'вороной конь'</i>
183.	<i>хар 'черный'</i>	<i>Тиигжэгл хар кер мөртэ, хар унһн дахтэ, хар улан залу күүрч ирэд: «Адунд санаһар ю хээвч?» — гегед, цокад оркв.</i>	Unterdessen kam ein schwarz und roter jüngling mit schwarzem fohlenledernem oberpelz uud auf einem dunkelbraunen rosse herangeritten. „Was suchst du mit deinen gedanken nach den pferden?“ sagte er und schlug nach ihm.	18	<i>хар унһн 'черный верблюжонок'</i>
184.	<i>хар 'черный'</i>	<i>Тиигжэгл хар кер мөртэ, хар унһн дахтэ, хар улан залу күүрч ирэд: «Адунд санаһар ю хээвч?» — гегед, цокад оркв.</i>	Unterdessen kam ein schwarz und roter jüngling mit schwarzem fohlenledernem oberpelz uud auf einem dunkelbraunen rosse herangeritten. „Was suchst du mit deinen gedanken nach den pferden?“ sagte er und schlug nach ihm.	18	<i>хар кер мөрн хар кер мөрн 'вороной конь'</i>
185.	<i>хар 'черный'</i>	<i>Тиигжэ йовтл Бэрүл Хар баатр харһад ирнэ.</i>	Als er so dahinreitet, begegnet ihm der held Bärül Chara Batur .	18	<i>Хар баатр 'черный богатырь'</i>
186.	<i>хар 'черный'</i>	<i>Мөрнэс бууһад, Бэрүл Хар баатр- лэ ноолдад, көвүн, кесг цаг ноолдад кесг бийдэн ноолдад, устэ һазриг усн угэ болтл ноолдад, усн угэ һазриг устэ болтл ноолдад, Бэрүл Хар баа- триг авад цоква</i>	Er stieg vom pferde und kämpfte seinen ringkampf mit Bärül Chara Batur . Eine geraume zeit ringend, mit ziemlicher stärke ringend, so ringend, dass die wässerige erde wasserlos wurde, so ringend, dass die wasserlose erde wässerig wurde, nahm und schlug er den Bärül Chara Batur zu boden.		<i>Хар баатр 'черный богатырь'</i>
187.	<i>хар 'черный'</i>	<i>Мөрнэс бууһад, Бэрүл Хар баатр- лэ ноолдад, көвүн, кесг цаг ноолдад кесг бийдэн ноолдад, устэ һазриг усн угэ болтл ноолдад, усн угэ һазриг устэ болтл ноолдад, Бэрүл Хар баа- триг авад цоква</i>	Er stieg vom pferde und kämpfte seinen ringkampf mit Bärül Chara Batur . Eine geraume zeit ringend, mit ziemlicher stärke ringend, so ringend, dass die wässerige erde wasserlos wurde, so ringend, dass die wasserlose erde wässerig wurde, nahm und schlug er den Bärül Chara Batur zu boden.	18	<i>Хар баатр 'черный богатырь'</i>
188.	<i>хар 'черный'</i>	<i>Бэрүл Хар баатрин дү күүкн күүрч ирэд,</i>	kam die jüngere schwester des Bärül Chara Batur dazu	18	<i>Хар баатр 'черный богатырь'</i>
189.	<i>хар 'черный'</i>	<i>Бэрүл Хар баатр келжэдг болнэ: «Залу күн һундлтэ болдг, һундлынһ сур!» — гегэс дү күүкндэн келвэ.</i>	Bärül Chara Batur spricht: „Der junge mann hat immer seine einsprache zu erheben, frage ihn nach seiner einsprache!“ So spricht er zu seiner jungen schwester.	18	<i>Хар баатр 'черный богатырь'</i>

190.	хар 'черный'	<i>Тийклэ Бэрүл Хар баатр келвэ: «Залу күүнд түүнэс ах хүндл ха бээдв?»</i>	Darauf sagte dann Bärül Chara Bätur: „Wann hat ein junger mann einen gültigeren einspruch!	18	<i>Хар баатр</i> 'черный богатырь'
191.	хар 'черный'	<i>хойр соядан нежэһад зун кү өлгсн ик хар буур харһх.</i>	Solch ein grosser schwarzer kamelhengst, dem je hundert mann an den beiden hauptzähnen hängen, wird dir begegnen;	18	<i>хар буур</i> 'черный верблюд'
192.	хар 'черный'	<i>Лаиш хар буур харанэһас үзчкэд, оцрад, сүүлэрн шабдад, өмннь көшэ зогсад бээвэ.</i>	Das schwarze kamelungeheuer sieht ihn über dem gesichtskreis, kommt auf ihn zu, schlägt mit dem schwanz und stellt sich in den weg wie ein pfahl.	18	<i>лаиш хар буур</i> 'совершенно черный верблюд'
193.	хар 'черный'	<i>төмр тергнд далн хар һалзн мөр татад,</i>	vor den siebenzig schwarze pferde mit blässen an der stirn gespannt waren, kam ein mann angefahren.	18	<i>хар һалзн</i> 'черный с лысиной на лбу'
194.	хар 'черный'	<i>Бөкэн авсн төгэнь булцэһан һазрт шаагдсн, далн хар һалзн муурсн, эрэхн гежэ ирвэ.</i>	Die räder, die diesen athleten trugen, sanken bis zur achse in die erde, die siebenzig schwarzen blässen waren erschöpft und kamen mit knapper not an.	18	<i>хар һалзн</i> 'черный с лысиной на лбу'
195.	хар 'черный'	<i>Усн шар маһсин ар бийнд нег му хар гер бээх, тер гер мини гер тер</i>	Auf der nördlichen seite von dem der gelben Wassermangas steht ein schlechtes, schwarzes zelt, das ist mein haus!“	18	<i>хар гер</i> 'черная кибитка'
196.	хар 'черный'	<i>Му хар герт күрэд ирвэ: экнь бээдг болнэ.</i>	Er kam zu dem schlechten, schwarzen zelt. Seine mutter ist darin.	18	<i>хар гер</i> 'черная кибитка'
197.	хар 'черный'	<i>Тийгэж бээтл Бэрүл Хар баатр дү күүктэһан хойрн күрч ирвэ.</i>	Während dem so ist, kommt Bärül Chara Bätur selbänder mit seiner jungen schwester.	18	<i>Хар баатр</i> 'черный богатырь'
198.	хар 'черный'	<i>Гурвулн күрэд, ү-хэһан һарһад, учр-тоолмэжан күүндэд, Бэрүл Хар баатр келжэдг болнэ: «Ардж нутг- нурһичн дээлад авсиг меддг болв чигн, чамэг ирүлжэһад медсв гегед күлэһад бээлэв», — гежэ келвэ Бэрүл Хар баатр.</i>	Alle drei kamen angeritten, riefen ihr „ui!“ und „hei!“, hielten rat über ihre pläne, und Bärül Chara Bätur spricht: „Ich wusste wohl, dass man deine heimat und dein volk genommen, wollte aber dennoch warten, bis ich davon kundschaft erhielt, dass du selbst kommen würdest. So sagte Bärül Chara Bätur.	18	<i>Хар баатр</i> 'черный богатырь'
199.	хар 'черный'	<i>Гурвулн күрэд, ү-хэһан һарһад, учр-тоолмэжан күүндэд, Бэрүл Хар баатр келжэдг болнэ: «Ардж нутг- нурһичн дээлад авсиг меддг болв чигн, чамэг ирүлжэһад медсв гегед күлэһад бээлэв», — гежэ келвэ Бэрүл Хар баатр.</i>	Alle drei kamen angeritten, riefen ihr „ui!“ und „hei!“, hielten rat über ihre pläne, und Bärül Chara Bätur spricht: „Ich wusste wohl, dass man deine heimat und dein volk genommen, wollte aber dennoch warten, bis ich davon kundschaft erhielt, dass du selbst kommen würdest. So sagte Bärül Chara Bätur.	18	<i>Хар баатр</i> 'черный богатырь'

200.	хар 'черный'	Тегэд Алдр Шулдр хаанэ көвүн һунн настэ Эркн Йилдр Эрлг номн ха- анэ элч Бэрүл Хар баатр хойр ах ду һурвн усн шар маңһсин герин һаза күрэд ирвэ.	Dann kamen also der sohn des Alder- Schulter Chan, der dreijährige Erkin Jilder, und der sendbote des Erlik Nomun Chan, der held Bärül Chara , vor das haus der drei gelben brüder Wassermangas.	18	Хар баатр 'черный богатырь'
201.	хар 'черный'	Ик ахлэ Бэрүл Хар баатр ноолдва, хойр дунь инэлцэд зогсва.	Mit dem ältesten bruder kämpfte Bärül Chara Bātur, die zwei jüngeren stehen da und lachen.	18	Хар баатр 'черный богатырь'
202.	хар 'черный'	Ик ахинь Бэрүл Хар баатр алва, ду- нркинь көвүн алва, отхн дүүһинь бас Бэрүл Хар баатр алва.	Den ältesten bruder erschlug Bärül Chara Bātur, den mittleren erschlug der junge, den jüngsten bruder auch Bärül Chara Bātur.	18	Хар баатр 'черный богатырь'
203.	хар 'черный'	Савһр хар толһһарн сай нээм гекэд, бурхн хар толһһарн бумн [прав. бум] нээм гекэд, орад иржэдг болнэ.	Mit dem dekräuselten schwarzen kopf verbeugt er sich eine million und acht mal, mit dem desegneten schwarzen kopfe verbeugt er sich hunderttausend und acht mal und tritt ein.	19	хар толһэ 'черная голова'
204.	хар 'черный'	Савһр хар толһһарн сай нээм гекэд, бурхн хар толһһарн бумн [прав. бум] нээм гекэд, орад иржэдг болнэ.	Mit dem dekräuselten schwarzen kopf verbeugt er sich eine million und acht mal, mit dem desegneten schwarzen kopfe verbeugt er sich hunderttausend und acht mal und tritt ein.	19	хар толһэ 'черная голова'
205.	хар 'черный'	Ардаснь орэ деернь [прав. деерэн] нүдтэ ут хар күн нег алгч гү унгсн аашнэ көвүг цокжэ алхар.	Hinter ihm her nähert sich auf schwarz und weisser stute ein langer, schwarzer mann mit nur einem auge auf dem scheidel, — er nähert sich, um den burschen totzuschlagen.	19	хар күн 'черный человек'
206.	хар 'черный'	Ардаснь орэ деернь [прав. деерэн] нүдтэ ут хар күн нег алгч гү унгсн аашнэ көвүг цокжэ алхар.	Hinter ihm her nähert sich auf schwarz und weisser stute ein langer, schwarzer mann mit nur einem auge auf dem scheidel, — er nähert sich, um den burschen totzuschlagen.	19	хар күн 'черный человек'
207.	хар 'черный'	Ут хар күн бууһад, алгчниг алад иджэ бээдг болнэ.	Der lange, schwarze mann steigt vom pferde, schlachtet die schwarz und weisse stute und isst sie auf.	19	хар күн 'черный человек'
208.	хар 'черный'	Ут хар күн бууһад, алгчниг алад иджэ бээдг болнэ.	Der lange, schwarze mann steigt vom pferde, schlachtet die schwarz und weisse stute und isst sie auf.	19	хар күн 'черный человек'
209.	хар 'черный'	ээрстин эср хар елдңгэрнь ишилэд, эк-эцк хойр амд бээсн цагтнь ээрстин эср хар маля гедг маля кежэ өгсн болнэ.	durch und durch schwarzen Jeldeng-holze hatten sie den stiel gemacht; als die mutter und der vater noch lebten, hatten sie ihm so eine peitsche, die hartrindig, durch und durch schwarz genannte peitsche verfertigt und gegeben.	20	хар елдңг 'черная нагайка'

210.	хар ‘черный’	гэрстин эср хар елдңгэрнь ишлэд, эк-эцк хойр амд бээсн цагтнь гэрстин эср хар маля гедг маля кезж өгсн болнэ.	durch und durch schwarzen Jeldeng-holze hatten sie den stiel gemacht; als die mutter und der vater noch lebten, hatten sie ihm so eine peitsche, die hartrindig, durch und durch schwarz genannte peitsche gefertigt und gegeben.	20	хар маля ‘черная плеть’
211.	хар ‘черный’	Өөрдэд күрэд ирдгнь болхлэ, Эрлг Номин хаанэ элч Бэрү Хар баатр болжэдг болнэ.	Als es ganz nahe gekommen, ist es der bote des Erlik Nomīn Chan, der held Bärū Chara Bātur.	20	Хар баатр ‘черный богатырь’
212.	хар ‘черный’	Ээрстин эср хар елдңгэрн нег татад атчэдг болнэ.	Bei diesem worte gibt er ihm einen schlag mit seiner hartrindigen, durch und durch schwarzen Jeldeng-peitsche.	20	хар елдңг ‘черная нагайка’
213.	хар ‘черный’	Эрлгин [прав. Эрлг] Номин хаанэ элч Бэрү Хар баатриг келжэдг болнэ: «Давсгин экнд зүүнэ сөвин чигэ ки- итэ цутхчкcn хар цө санжэ билтэлч!» — гезж келжэдг болнэ.	Von dem boten des Erlik Nomīn Chan, dem helden Bärū Chara Bātur, spricht er: „Oben beim hodensacke mit einer blase [so gross] wie ein nadelöhr, aus schwarzem gusseisen bist du gegossen!“ sagt er.	20	Хар баатр ‘черный богатырь’
214.	хар ‘черный’	Эрлгин [прав. Эрлг] Номин хаанэ элч Бэрү Хар баатриг келжэдг болнэ: «Давсгин экнд зүүнэ сөвин чигэ ки- итэ цутхчкcn хар цө санжэ билтэлч!» — гезж келжэдг болнэ.	Von dem boten des Erlik Nomīn Chan, dem helden Bärū Chara Bātur, spricht er: „Oben beim hodensacke mit einer blase [so gross] wie ein nadelöhr, aus schwarzem gusseisen bist du gegossen!“ sagt er.	20	хар цө ‘черный чугун’
215.	хар ‘черный’	Мөсн Аавин көвүн Мөңкн Харин Чилдңгиг келжэдг болнэ: «Суудан зүүнэ сөвин чигэ киитэ цутхчкcn хар болд билтэлч» гезж келэд	Vom sohne des Mösün Aba, von Mönkēn Charīn Tšildeng spricht [der andere]: „In der achselhöhle mit einer blase [so gross] wie ein nadelöhr, aus schwarzem stahle bist du gegossen!“.	20	хар цө ‘черный чугун’
216.	хар ‘черный’	Мөсн Аавин көвүн Мөңкн Харин Чилдңгиг келжэдг болнэ: «Суудан зүүнэ сөвин чигэ киитэ цутхчкcn хар болд билтэлч» гезж келэд	Vom sohne des Mösün Aba, von Mönkēn Charīn Tšildeng spricht [der andere]: „In der achselhöhle mit einer blase [so gross] wie ein nadelöhr, aus schwarzem stahle bist du gegossen!“.	20	хар болд ‘черный меч’
217.	хар ‘черный’	Эрлг Номин хаанэ элч Бэрү Хар баатриг авад цокад окчэдг болнэ	nahm er den boten des Erlik Nomīn Chan, den helden Bärū Chara Bātur, und wirft ihn zu boden.	20	Хар баатр ‘черный богатырь’
218.	хар ‘черный’	«„Жодвтэһан“ хар һазрт од!» — гезж келвэ, — генэ. —	„ Scher dich in die hölle mit deinem Dordži-Džodba!“ antwortete sie ihm.	20	хар һазр ‘черная земля’
219.	хар ‘черный’	Долан хар санатэ авһтэ санжэ.	Sie hatte sieben neidisch gesinnte onkel.	21	хар санатэ ‘злонамеренный, коварный’
220.	хар ‘черный’	Долан хар санатэ авһ келнэ: «Эн көвүн маниг йирдэн амраш угэ	Die sieben neidisch gesinnten onkel sprechen: “Dieser knabe will uns gar keine lebensruhe geben.	21	хар санатэ ‘злонамеренный, коварный’

221.	хар 'черный'	Хаанд одад, эрлhdгин арh хээхимн», — гегед долан хар санатэ авh Нэльхн Цаһан ээжд келжэнэ.	Wir müssen uns zum chan begeben und einen ausweg suchen, um ihn zu vertilgen!“ So sprechen die sieben neidisch gesinntn onkel zu der mutter Nälïchan-Tsagān.	21	хар санатэ 'злонамеренный, коварный'
222.	хар 'черный'	Ода хаанднь однэ долан хар санатэ авh.	Nun begeben sie sich zum chan, die sieben neidisch gesinntn onkel.	21	хар санатэ 'злонамеренный, коварный'
223.	хар 'черный'	Дахулхлэ, [долан] хар санатэ авһинь дахул!» — гегж келжэнэ	Wenn du mir reisegefährten geben willst, so lass die sieben neidisch gesinntn onkel mitfolgen“, antwortet der knabe	21	хар санатэ 'злонамеренный, коварный'
224.	хар 'черный'	Долан хар санатэ авһан дахулад, һа рад йомнэ.	Er zieht mit den sieben neidisch gesinntn onkeln aus.	21	хар санатэ 'злонамеренный, коварный'
225.	хар 'черный'	У холд хойр тулад, ууть[х]н холд нег тулад, ардан халэн гедим болхлэ, долан хар санатэ авһнь нежсәһад мөринь көтлсн, наад бишцкэн идсн йовдг болнэ.	Im breiten flusse muss er zweimal sich stützen, im engen fluss muss er einmal sich stützen. Als er dann hinter sich blickt, reiten die sieben neidisch gesinntn onkel jeder nur ein pferd am leitseil führend, alle anderen hatten sie schon aufgegessen.	21	хар санатэ 'злонамеренный, коварный'
226.	хар 'черный'	Долан хар санатэ авһдан күрэд ирнэ.	Er gelangt zu seinen sieben neidisch gesinntn onkeln.	21	хар санатэ 'злонамеренный, коварный'
227.	хар 'черный'	долан хар санатэ авһнь һурвн мөрэн идчксн нег мөрн деер овалчксн йовдг болнэ.	Als er hinter sich blickt, haben die sieben neidisch gesinntn onkel wieder drei von ihren pferden aufgegessen und reiten alle auf einem pferde aufgestapelt.	21	хар санатэ 'злонамеренный, коварный'
228.	хар 'черный'	чилм хар мөрн бээдг болх,	an der kalten quelle soll ein kurzhaariges, kohlschwarzes ross sein!	21	чилм хар мөрн 'вороной конь'
229.	хар 'черный'	Чимкх ноосн угэ чилм хар мөрн бээнэ.	Ein kurzhaariges, kohlschwarzes ross ist da.	21	чилм хар мөрн 'вороной конь'
230.	хар 'черный'	Хөрн тавн толһэтэ хотхр хар мус өрүн улан нарнлэ ирэд:	Der fünfundzwanzigköpfige Chotchor Chara Mus kommt zur zeit der frühen roten sonne und spricht	21	хар мусс 'черный мус'
231.	хар 'черный'	Ик хар гер, дөрвн талас чигтхлэ бээдг болнэ.	Es ist ein grosses schwarzes zelt, von vier seiten mit stricken verankert.	21	хар гер 'черная кибитка'
232.	хар 'черный'	«Нэльхн Цаһан ээжин һунн настэ Нээхл гедг энү!» — гегж келэд, савһр хар толһәһарн сай нээм гекэд, бурхн хар толһәһарн бумн [прав. бум] нээм бээдг болнэ.	“Ist dies der dreijährige Nälïchal, der sohn der mutter Nälïchan-Tsagān?“ sagen sie und mit ihren buschigen schwarzen köpfen eine million und acht mal sich bückend, mit ihren gesegneten schwarzen köpfen hunderttausend und acht mal sich bückend bleiben sie da.	21	хар толһэ 'черная голова'

233.	хар 'черный'	«Нэльхн Цаһан ээжнн һунн настэ Нээхл гедэ энү!» — геж келэд, савһр хар толһәһарн сай нээм гекэд, бурхн хар толһәһарн бумн [прав. бум] нээм бээдг болнэ.	“Ist dies der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichan-Tsagān?” sagen sie und mit ihren buschigen schwarzen köpfen eine million und acht mal sich bückend, mit ihren gesegneten schwarzen köpfen hunderttausend und acht mal sich bückend bleiben sie da.	21	хар толһә 'черная голова'
234.	хар 'черный'	Үүдин [прав. үүдн] хоорнд күрч ирэд, хөрн тавн толһәтэ хотхр хар мус келжәнэ: «Юн эсв угэ дөңтэ-түшгтэ болад одвта?»	Als der fünfundzwanzigköpfige Chotchor Chara Mus zwischen den türpfosten angerückt ist, spricht dieser: “Was für eine grosse stütze und hilfe habt ihr jetzt bekommen?”	21	хар мусс 'черный мус'
235.	хар 'черный'	Хөрн тавн толһәтэ хотхр хар мус: «Нэльхн Цаһан ээжнн һунн настэ Нээхл лав иржэ билтэлч!» — геж келчкад, һарад гүү	Der fünfundzwanzigköpfige Chotchor Chara Mus spricht: “Dreijähriger Näichal, sohn der mutter Nälichan-Tsagān, du bist sicher hierher gekommen!”. Mit diesen worten zieht er sich zurück und läuft weg.	21	хар мусс 'черный мус'
236.	хар 'черный'	Ардаснь алдл угэ шүүрдг нээмн көк- тә нәрхн хар өлгчн болад көһа[д] гүүнэ.	Hinter ihm wird der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichan-Tsagān, eine ohne zu vermissen packende, engleibige schwarze hündin mit acht zitzen,	21	хар өлгчн 'черная сволочь'
237.	хар 'черный'	Нэльхн Цаһан ээжнн һунн настэ Нээхл хөрн тавн толһәтэ хотхр хар муусиг күмн күрэд угэ күрң күрл мөңгн таши деер сегсржэ авад һазр өгнэ.	wirft der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichan-Tsagān, den Mus, ihn an den von menschen nicht erreichbaren, braunen, bronzenen lenden packend und schüttelnd zu boden.	21	хар мусс 'черный мус'
238.	хар 'черный'	Цугтнь һарһжэ авад, хөрн тавн толһәтэ хотхр хар муусиг түүмрдэд окчәдг болнэ.	Nachdem er also alle herausgenommen, brennt er den fünfundzwanzigköpfigen Chotchor Chara Mus mit einem feuersbrand.	21	хар мусс 'черный мус'
239.	хар 'черный'	Долан хар санатэ авһдан күрэд ирнэ.Үксн ясн[ь] цәэсн бәәнэ.	Zu seinen sieben neidisch gessinten onkeln gelangt er: die knochen der gestorbenen liegen weissgebleicht da.	21	хар санатэ 'злонамеренный, коварный'
240.	хар 'черный'	Зун болсн Зуңквадан күрч ирэд, савһр хар толһәһарн сай нээм гекэд, бурхн хар толһәһарн бумн [прав. бум] нээм гекэд, зун болсн Зуңкван чикләд окдг болнэ.	Sobald er zu seinen göttern und heiligtümern gekommen ist, bückt er sein haarbewachsenes schwarzes haupt eine million und acht mal, bückt sein sonnenverbranntes schwarzes haupt hunderttausend und acht mal und stellt alle seine götter wieder auf.	22	хар толһә 'черная голова'

241.	хар ‘черный’	Зун болсн Зуңквадан курч ирэд, савһр хар толһәһарн сай нәэм гекэд, бурхн хар толһәһарн бумн [прав. бум] нәэм гекэд, зун болсн Зуңкван чиклэд окдг болнә.	Sobald er zu seinen göttern und heiligtümern gekommen ist, bückt er sein haarbewachsenes schwarzes haupt eine million und acht mal, bückt sein sonnenverbranntes schwarzes haupt hunderttausend und acht mal und stellt alle seine götter wieder auf.	22	хар толһә ‘черная голова’
242.	хар ‘черный’	Тееклә баавһә келвә: «Харадә Мергнә гејс йов!»	Da antwortete die frau: “Geh und nenne es das haus des <i>Charā dai- Mergen (Schwärzling-Schütze)</i> ”.	11	Харадә Мергн ‘черный стрелок’
243.	хар ‘черный’	«Харадә Мергн хамар[а]н одв?» — гејс келвә.	“Wohin ist Charā dai Mergen gegangen?” sagte er.	11	Харадә Мергн ‘черный стрелок’
244.	хар ‘черный’	Харадә Мергн ардаснь бүр хур ору- лад, сур сәльк татад: «Мини шовун нохә хойр[иг] алдг, намлә хәльддг юуни әмтн бәәнәч, наар[а]н хар!» — гејс келвә.	Charadai-Mergen kommt nach, rauschenden regen und sausenden sturm heranziehend. “Was du auch da für ein wesen bist, der du meinen falken und meinen hund getötet hast und dich mit mir messen willst, tritt hervor!” sagte er.	11	Харадә Мергн ‘черный стрелок’
245.	улан ‘красный’	Көвүн зам улан хаалһар гүүһә[д] [прав. гүүж] харв.	Der knabe läuft den roten , grossen weg entlang.	11	зам улан хаалһ ‘широкая столбовая дорога’
246.	улан ‘красный’	«Ода эн юн улан болв? Үк[х]әс үксв!» — геед, гүүж харв.	„Was ist das jetzt für eine röte ? Wenn ich sterben soll, mag ich sterben	11	улан болх ‘быть красным’
247.	улан ‘красный’	Баавһә келвә: «Улан һолын экн тал одв», — гејс келвә.	Die frau antwortete:”Er ist nach den quellen des Roten flusses zu gegangen”.	11	Улан һол ‘красная река’
248.	улан ‘красный’	Көвүн һарад йовва, зам улан хаалһар	Der knabe begab sich weiter, die rote , grosse strasse entlang.	11	зам улан хаалһ ‘широкая столбовая дорога’
249.	улан ‘красный’	«Хар һолын экнд, Шар һолын экнд, Улан һолын экнд, эн һурвн һолын экәр бәәрлдмн».	“An den quellen des Schwarzes flusses, an den quellen des Gelben flusses und an den quellen des Roten flusses, an den quellen dieser drei flüsse weiden die viehherden”.	11	Улан һол ‘красная река’
250.	улан ‘красный’	Оһтр улан цар орж өгл угә ооляд һа- рад бәәнә.	Ein kurzgeswänzter brauner ochs will nicht hineingehen, sondern macht sich los und entflieht.	12	улан цар ‘красный вол’
251.	улан ‘красный’	Тшкля өвгн келвә: «Һучн дүңгән үкртә биләв, борңху ик боран болад хашадан орулн гехләм, нег оһтр улан цар хашад орж өгл угә ооляд бәәвә.	Da erzählte der mann: “Ich hatte ungefähr dreissig rinder. Als sich ein graudunkler, heftiger regensturm erhob, und ich sie darum in den viehstall treiben wollte, wollte ein kurzgeschwänzter brauner ochs nicht in den viehstall hineingehen, sondern riss sich los und entfloh.	12	улан цар ‘красный вол’

252.	улан 'красный'	<i>Өвгн келвэ; хүчн дүңгэн үкртэһан [прав. дүңгэ үкртэ бээсэн] келэд, борңху ик боран болсан келэд, оһтр улан цар оржэ эс өгсөн келэд, көөжэ күцэд сүүлэс шүүржэ авсан келэд, далн дава һатц шивсэн келвэ.</i>	Der mann erzählte von dem grauen, heftigen sturme, davon, wie der kurzgeschwänzte braune ochs nicht hineingetrieben werden wollte, wie er ihm nachjagte, ihn einholte und am schwanze ergriff, und wie er ihn über siebzig berge schleuderte.	12	улан цар 'красный вол'
253.	улан 'красный'	<i>Өвгн келвэ: хүчн дүңгэн үкрэн хаши- дан орулсан келэд, борңху ик боран болсан келэд, оһтр улан царан оржэ эс өгсөн келэд, көөжэ күцэд, шүүржэ авад далн дава һатц шивсэн келвэ.</i>	Der mann erzählte, er erzählte von seinen ungefähr dreissig rindern, die er in den pferch trieb, er erzählte von dem graudunklen starken sturme, er erzählte davon, wie der kurzgeschwänzte braune ochs nicht hineingehen wollte, und wie er ihm nachlief, ihn einholte und packte und dann über siebzig berge hinschleuderte.	12	улан цар 'красный вол'
254.	улан 'красный'	<i>Өвгн келвэ: хүчн дүңгэн үкрэн келэд, борңху ик боран болсан келэд, оһтр улан оольсиг келэд, көөжэ күцэд сүүлэс шүүрч авад, далн дава һатц шивсэн келэд, һурвн көвүлнэ харһ- сан келвэ.</i>	Der mann antwortete; er erzählte von seinen ungefähr dreissig rindern, er erzählte von dem graudunklen, grossen sturme, davon, wie der kurzgeschwänzte braune entlief, wie er ihm nachjagte, ihn einholte, beim schwanze packte und dann über siebzig berge hinwegschmiss. Er erzählte, wie er mit den drei jungen zusammengetroffen.	12	улан цар 'красный вол'
255.	улан 'красный'	<i>оһтр улан цар оольсан келэд,</i>	wie der kurzgeschwänzte, braune ochs entlief	12	улан цар 'красный вол'
256.	улан 'красный'	<i>Тиигжэ кепттл, нег оһтр улан мөртэ күн доптлэжэ йовад, һазрин көрс һарарн шүүржэ авад, деегш[эн] шивэд йомнэ</i>	Als wir so lagen, kam ein mann auf einem kurzgeschwänzten braunen pferde im hurtigsten trab und ergriff im reiten die erdkruste und warf sie in die luft.	12	улан мөрн 'красный конь'
257.	улан 'красный'	<i>Оһтр улан мөрнь инцхаһад оркв.</i>	Das kurzgeschwänzte braune ross wieherte.	12	улан мөрн 'красный конь'
258.	улан 'красный'	<i>Оһтр улан мөрнь инцхаһад оркв бас</i>	Das kurzgeschwänzte braune ross wieherte noch einmal.	12	улан мөрн 'красный конь'
259.	улан 'красный'	<i>Оһтр улан мөрнь бас нег инцхаһад оркв.</i>	Das kurzgeschwänzte braune ross wieherte nochmals.	12	улан мөрн 'красный конь'
260.	улан 'красный'	<i>Ут хар күн шораснь суһржэ босад, шоран улэлһэжэ авад, оһтр улан мөртэ күүг хошингарнь цоолва.</i>	Der lange schwarze mann stand auf, sich von spiesse abziehend, machte den spiess glutrot und durchbohrte den reiter des kurzgeschwänzten, braunen rosses von hinten.	12	улан мөрн 'красный конь'

261.	улан 'красный'	Эдү-медү болжэтл, хаанэ талас нэрхн улан тоосн харва.	Nach längerer oder kürzerer zeit steigt von der seite des chanshofes her eine kleine rote staubwolke auf.	13	улан тоосн 'красная пыль'
262.	улан 'красный'	Өвгн үзчкэд, эмгндэн келвэ: «Эмгн, эмгн, хаанэ талас нэрхн улан тоосн харч аашнэ.	Der mann bemerkte es und sprach zu seiner frau: „Frau, frau, es kommt von der seite des chanhofes eine rote staubwolke hierher.	13	улан тоосн 'красная пыль'
263.	улан 'красный'	Эдү-медү болжэтл, хаанэ талас нэрхн улан тоосн теңгрт хад[гд]ад оркв.	Nach längerer oder kürzerer zeit steigt von der seite des chans eine schmale, rote staubwolke bis zum himmel empor.	13	улан тоосн 'красная пыль'
264.	улан 'красный'	Орксиг үзчкэд, өвгн эмгндэн келвэ: «Хаанэ талас нэрхн улан тоосн ааш- нэ.	Als der mann dies bemerkt hatte, sprach er zu seiner frau: „Von der seite des chans her nähert sich eine schmale rötliche staubwolke.	13	улан тоосн 'красная пыль'
265.	улан 'красный'	Эдү-медү болжэтл, нэрхн улан тоосн хаанэ талас теңгрт хадлцад оркв.	Nach kürzerer oder längerer zeit steigt von der seite des chans her eine schmale rote staubwolke bis zum himmel auf.	13	улан тоосн 'красная пыль'
266.	улан 'красный'	Өвгн гертэн оржс ирэд: «Эмгн, эмгн, хаанэ талас нэрхн улан тоосн теңгрт хадлцад оркв.	Der mann eilt in sein haus und sagt: „Frau, frau, von der seite des chans her steigt eine schmale rote staubwolke bis zum himmel auf.	13	улан тоосн 'красная пыль'
267.	улан 'красный'	Тавн яматэ санжс, оһтр улан үкртэ санжс, шар нохэтэ санжс, нег темэтэ санжс.	Sie hatten fünf ziegen, sie hatten eine kurzgeschwänzte rote kuh, einen gelb-mäuligen hund und ein kamel.	14	улан үкр 'красная корова'
268.	улан 'красный'	«Баавд мини барун далднь ааһин амн дүңгэ улан мең билэ», — генэ.	„Mein geliebter beschützer hatte auf seinem rechten schulterblatt ein rotes geburtsmal von der grösse der mündung eines trinknapfes“, antwortet [Grinde Tsagan].	16	улан мең 'красное родимое пятно'
269.	улан 'красный'	Халэ Хооһи эгчдэн келнэ: «Далн мөрнэ дел-сүл авнч, даптмр улан киир-утх авнч?» — генэ.	Zu seiner älteren schwester Chalalai Chōchusch spricht er: „Willst du die mähen und schweife von siebzig pferden haben? Willst du ein geschmiedetes, rotes messer haben?“	16	улан киир-утх 'красный кинжал-нож'
270.	улан 'красный'	«Дантмр улан киирэрчн би ю кехв?»	„Was mache ich mit dem geschmiedeten, roten messer?“	16	улан киир-утх 'красный кинжал-нож'
271.	улан 'красный'	Шиир, сээрэр хотан тежэжэдг угатя эмгн өвгн хойр нег улан царта.	Ein von knochen und abfällen sich nährender armer mann mit seiner frau. Sie hatten einen braunen ochs.	17	улан цар 'красный вол'

272.	улан 'красный'	Өвгн улан царан унж авад, тач авад, тавиулад, тагтын амар пиигүлэд, шиир, сээрэн авад ирнэ.	Der mann setzte sich rittlings auf seinen braunen ochen, zog die zügel an und klatschte damit, schnalzte vorn an der brücke, sammelte sich knochen und abfälle und kommt nachhause.	17	улан цар 'красный вол'
273.	улан 'красный'	Улан царин унж авад, тач авад, тав- шулад, тагтын амар пиигүлэд оддг болнэ.	Er setzte sich rittlings auf den braunen ochen, zog die zügel an und klatschte damit, schnalzte vorn an der brücke und ritt fort.	17	улан цар 'красный вол'
274.	улан 'красный'	улан царан унж авад, тач авад, тавиулад, таг- тын амар пиигүлэд, хаанэд күрэд ирнэ. «	schwang sich auf den braunen ochen, zog die zügel an und klatschte damit, schnalzte vorn an der brücke und kam zu dem chan.	17	улан цар 'красный вол'
275.	улан 'красный'	улан цариг өгч-өгч тэвнэ.	und den braunen ochen mit ihm weggagen.	17	улан цар 'красный вол'
276.	улан 'красный'	улан царан унж авад, сээрэрнь таиад, селдгзүлэд, хуярнь таиад, хүлдхлзулад, тач авад, тавиулад, тагтын амар пи- гүлэд, өвгн хаанэд күрэд ирнэ.	schwang er sich auf seinen braunen ochen, schlug ihm auf den nacken, dass er ihn in die höhe warf, schlug ihn auf die lende, dass er seitwärts rutschte, zog die zügel an und klatschte, schnalzte ihm vorn an der brücke zu und kam so zu dem chan.	17	улан цар 'красный вол'
277.	улан 'красный'	улан цариг бэржэ авад, шандж-шандж көөһад окчэнэ.	den braunen ochen einfangen und ihn dann mit hieben und prügeln fortreiben.	17	улан цар 'красный вол'
278.	улан 'красный'	Эмгн машин улан халмһэ бээнэ.	Seine frau ist sehr rot im gesicht und angeheitert.	17	улан халмһэ бээх 'быть красным, покраснеть'
279.	улан 'красный'	Өвгн улан царан унж авад: «Би оч келдг күнб», — гегед, һарад йомнэ.	Der alte setzte sich auf seinen braunen ochen; „ich bin der, der um sie werben soll“, sagte er und macht sich auf den weg.	17	улан цар 'красный вол'
280.	улан 'красный'	Һар-нүүрэн уһачкад, хот-хоолан ууһад, өвгн улан царан бэржэ авад, унжэ һарад, тач авад, тавиулад, таг- тын амар пиигүлэд, хаанэд күрэд ирнэ.	Nachdem der mann sich das gesicht und die hände gewaschen und seinen tee mit kringeln getrunken hat, fängt er seinen braunen ochen ein, setzt sich rittlings auf ihn und reitet weg, er zieht, die zügel an und klatscht damit, er schnalzt ihm vorn an der brücke zu und kommt zu dem chan.	17	улан цар 'красный вол'
281.	улан 'красный'	Ик улан һалзн бухин орэ деер һарчкад, несэ[д] һарад йовад однэ.	Er lässt sich auf den scheidel eines grossen, braunen stieres nieder und fliegt dann wieder vorwärts.	17	улан бух 'красный бык'

282.	улан 'красный'	<i>Тиигэжэтл хар кер мөртэ, хар унһн дахтэ, хар улан залу күүрч ирэд: «Адунд санаһар ю хээвч?» — гегед, цокад оркв.</i>	Unterdessen kam ein schwarz und roter jüingling mit schwarzem fohlenledernem oberpelz uud auf einem dunkelbraunen rosse herangeritten. „Was suchst du mit deinen gedanken nach den pferden?“ sagte er und schlug nach ihm.	18	<i>хар улан залу 'смуглый мужчина'</i>
283.	улан 'красный'	<i>Тииклэ залу келжэнэ: «Эн адунэ эзн мин болхлэ, бамбин улан мең барун далдчн бээх!» — гегэц келэд халэнэ.</i>	Da sagte der jüingling: „Wenn du wirklich der herr dieser pferde bist, so musst du auf dem rechten schulterblatt ein hochrotes geburtsmal haben“, sagte er und sah nach.	18	<i>улан мең 'красное родимое пятно'</i>
284.	улан 'красный'	<i>Тиигэж йовад, генткн ардан халэхлэ, нэрхн улан тоосн теңгрт хадсн ааш- нэ.</i>	Als er sich nach solchem ritte plötzlich umseh, rückt eine dünne, zum himmel emporragende, rote staubwolke ihm näher und näher.	18	<i>улан мең 'красное родимое пятно'</i>
285.	улан 'красный'	<i>Эмгн өвгн хойр барун далд бээсн улан меңгинь үзчкэд, харһцад киисэд одв.</i>	Die greisin und der greis erblickten sein geburtsmal, das er auf seinem rechten schulterblatt hatte, und fielen ohnmächtig zu boden	18	<i>улан мең 'красное родимое пятно'</i>
286.	улан 'красный'	<i>Ардаснь нег нэрхн улан тоосн хурдлулад аашжэ йовдг болнэ.</i>	Hinter ihm nähert sich hurtig eine schmale rote staubwolke.	20	<i>улан тоосн 'красная пыль'</i>
287.	улан 'красный'	<i>Түнүгэн алчкад, өндөһад босн гехлэ, нег нэрхн улан тоосн аашдг болдг болнэ.</i>	Nachdem er also jene getötet hat und gerade sich recken will, kommt ein schmales rotes staubwölkchen näher.	20	<i>улан тоосн 'красная пыль'</i>
288.	улан 'красный'	<i>Нег хүрснэсн нег кемтлэж идэд, ардан хэлэн гедгим болхлэ, нег нэрхн улан тоосн, нег дунь теңгрт, нег дунь һаз- рт хээкрсн аашинэ.</i>	Er selbst bricht ein wenig vom rande eines käses ab und isst es. Im breiten flusse muss er zweimal sich stützen, im engen flusse muss er einmal sich stützen; als er dann hinter sich blickt, rückt eine schmale, rote staubwolke heran, mit einem geschrei den himmel und mit einem geschrei die erde entlang.	21	<i>улан тоосн 'красная пыль'</i>
289.	улан 'красный'	<i>«Хөрн тавн толһэтэ хотхр хар мус өрүн улан нарнлэ ирэд: „Нэльхн Цаһан ээжин һунн настэ Нээхл ирсн болхлэ, бичгэ цовжэ ортн; ирэд угэ болхлэ, цовжэ ортн!“ — гегед, өрүн улан нарнлэ сүр-сүр сэльктэ, гүр-гүр хуртэ ирдимн.</i>	“Der fünfundzwanzigköpfige Chotchor Chara Mus kommt zur zeit der frühen roten sonne und spricht: “Wenn der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen-Tsagān, gekommen ist, so kommt nicht nacheinander; wenn er nicht gekommen ist, kommet der eine nach dem anderen!” Mit diesen worten pflegt er bei dem rötlichen sonnenaufgang mit heftigem sturm und platschendem regen zu kommen	21	<i>улан нарн 'красное солнце'</i>

290.	улан ‘красный’	«Хөрн тавн толхтэ хотхр хар мус өрүн улан нарнлэ ирэд: „Нэьхн Цаһан ээжсин һунн настэ Нээхл ирсн болхлэ, бичгэ цовэж ортн; ирэд угэ болхлэ, цовэж ортн!“ — гегед, өрүн улан нарнлэ сүр-сүр сэьктэ, гүр-гүр хуртэ ирдимн.	“Der fünfundzwanzigköpfige Chotchor Chara Mus kommt zur zeit der frühen roten sonne und spricht: “Wenn der dreijährige Näichal, der sohn der mutter Nälichen-Tsagān, gekommen ist, so kommt nicht nacheinander; wenn er nicht gekommen ist, kommet der eine nach dem anderen!” Mit diesen worten pflegt er bei dem rötlichen sonnenaufgang mit heftigem sturm und platschendem regen zu kommen	21	улан нарн ‘красное солнце’
291.	улан ‘красный’	Ода һурвн жилин эргцд дөчн улан үкртэ болв бишүвидн?	Jetzt nach dem verlauf von drei jahren haben wir vierzig braune kühe, nicht war?	22	улан үкр ‘красная корова’
292.	улан ‘красный’	„Манэ Аю Чикт ирх болзгнь болэж йовхимн“, — гегэж эмгндэн келчкад, өрүн улан нарн һарснас наар[а]н эн хаалһ деер сууһав.	“Der zeitpunkt ist schon da, dass unser Ajū Tschikte kommen soll”, so sagte ich zu meinem alten weibe, und seit der frühen, roten morgensonne habe ich hier am wege gesessen.	22	улан нарн ‘красное солнце’
293.	улан ‘красный’	Барун өвдг деерэн тэвэд, зүмбин улан халхинь үмсэд, гер талан даху- лад һарад йомнэ.	Der greis setzt ihn auf sein rechtes knie und küsst seine frische wange, er setzt ihn auf sein linkes knie und küsst seine jugendlich rote wange, und er geht mit ihm, ihn nach seinem hause mitnehmend.	22	улан халх ‘красная щека’
294.	улан ‘красный’	Өрүн улан нарнлэ һарад, асхн улан нарнлэ ирэд, нег соядан нег зун күүнэ мах өлгсн, хойр соядан хойр зун күүнэ мах өлгсн, күрч ирэд, харм хээсиг өрэсн цохарнь нерчкад, түүкэ болсар эцкдчн өгнэ.	Bei der frühen morgensonne geht der unhold aus, am abend bei sich retender sonne kommt er zurück, an seinem einen haupt hat er das fleisch von hundert menschen aufgehängt, [an dem anderen haupt ebenso], an beiden zusammen hat er also das fleisch von zweihundert menschen aufgehängt. Er kommt und legt das fleisch in den seitwärts liegenden kessel, und roh, wie es ist, gibt er es deinem vater.	22	улан нарн ‘красное солнце’
295.	улан ‘красный’	Өрүн улан нарнлэ һарад, асхн улан нарнлэ ирэд, нег соядан нег зун күүнэ мах өлгсн, хойр соядан хойр зун күүнэ мах өлгсн, күрч ирэд, харм хээсиг өрэсн цохарнь нерчкад, түүкэ болсар эцкдчн өгнэ.	Bei der frühen morgensonne geht der unhold aus, am abend bei sich retender sonne kommt er zurück, an seinem einen haupt hat er das fleisch von hundert menschen aufgehängt, [an dem anderen haupt ebenso], an beiden zusammen hat er also das fleisch von zweihundert menschen aufgehängt. Er kommt und legt das fleisch in den seitwärts liegenden kessel, und roh, wie es ist, gibt er es deinem vater.	22	улан нарн ‘красное солнце’

296.	улан ‘красный’	<i>Шал-шул гегед түүкэ болсар ид гегед бээж идүлнэ, идүлэд, сөвднө алд-делм хоңшаран дүрчкад асхн улан нарнлэ шимэд өрүн улан нар[н] күртл шимэд шимнэ.</i>	Eilends und roh, wie das fleisch ist, sagt er “iss!” und zwingt ihn zu essen; nachdem dein vater so gegessen, sticht [der böse geist der verhexung] zwischen seinen rippen den anderthalb klafter langen rüssel hinein und abends, wenn die sonne rot untersinkt, fängt er an zu saugen und saugt und saugt, bis die morgensonne rot aufgeht.	22	улан нарн ‘красное солнце’
297.	улан ‘красный’	<i>Асхн улан нарн суужэ йовтл нег дун назрт, нег дун теңгерт: «Эн герт юн үмкэ цогц хорхэ орв?» — гегед, хээ- крэд аашидг болнэ.</i>	Abends, als die rote sonne im sinken ist, hört man einen laut die erde entlang, einen laut den himmel entlang. “Was für ein übelriechendes ungeziefer ist in dieses haus gekommen”, so schreiend hört man die stimme näher kommen.	22	улан нарн ‘красное солнце’
298.	улан ‘красный’	<i>Кезэнэ санжэ, Ухр өвгн санжэ, ухнцг улан маштгтэ санжэ.</i>	In alten zeiten war es, da lebte Löffelfresser und der hatte eine humpelnde rote schindmähre.	9	улан маштг ‘красный низкорослый (конь)’
299.	улан ‘красный’	<i>Залу келвэ: «Ухр өвгн, ухнцг улан маштгтэ», — гегэж келвэ.</i>	Der junge mann antwortete:“Löffelfresser mit der humpelnden, roten schindmähre!”	9	улан маштг ‘красный низкорослый (конь)’
300.	улан ‘красный’	<i>Өвгн һарад, улан цустэ яс апч ирэд, буслэжэсн махнд дүрэд оркв.</i>	Der mann ging hinaus, holte seinen rotblutigen knochen und steckte ihn unter das kochende fleisch.	9	улан цусн ‘красная кровь’
301.	улан ‘красный’	<i>Хөөнэ амн цуһар улан цусн болад бээнэ, өвгнэ хөн угэ.</i>	Die mäuler aller schafe sind rot von blut, und das schaf des alten ist nicht da.	9	улан цусн ‘красная кровь’
302.	улан ‘красный’	<i>Хөөнэ[н]ч амн улан цуснлм, кептсн назрт махнлм, ода би яһдимбэ?» — гегэж келэд, ууляд бээвэ.</i>	Die mäuler deiner schafe sind ja rot von blut! Was soll ich jetzt tun?”sagte er und weinte.	9	улан цусн ‘красная кровь’
303.	улан ‘красный’	<i>Булжэ оркад, өвгн улан маштган уна(д), һара(д) йовв.</i>	Nachdem er sie so versteckt hatte, ritt er auf seiner roten mähre fort.	9	улан маштг ‘красный низкорослый (конь)’
304.	улан ‘красный’	<i>Тееклэ баавһэ келвэ: «Уладэ Мергнэ гегэж келжэ йов!».</i>	Darauf antwortete die frau: “Geh und nenne dies das haus des Ulā dai Mergen”.	11	Уладэ Мергн ‘красный стрелок’
305.	улан ‘красный’	<i>Көвүн келвэ: «Уладэ Мергн хамар[а] н одснбэ?» — гегэж келвэ.</i>	Der knabe sprach : “Wohin ist Ulā dai Mergen gegangen?”	11	Уладэ Мергн ‘красный стрелок’
306.	улан ‘красный’	<i>Уладэ Мергн бүр хур орулсн, сүр сэлк татсн: «Нанлэ хэльддг эн нар- та орчлнд юн күн бээснб, наар[а]н һар!» — гегэж хээкрва.</i>	Ulā dai Mergen schrie, rauschenden regen und sausenden sturm heranziehend: “Was es für ein mensch sein mag auf dieser sonnenbeschieneenen erde, der mit mir einen kampf anfängt, er komme heran !”	11	Уладэ Мергн ‘красный стрелок’

307.	улан ‘красный’	<i>Уладэ Мергн, Шарадэ Мергн, Ха- радэ Мергн — эн ах-дү хурвулн уснд өөмжэтлбдн маниг бэржэ авлэ.</i>	Drei brüder, Ulā dai Mergen, Scharā dai Mergen und Charā dai Mergen , nahmen uns gefangen, als wir im wasser badeten.	11	<i>Уладэ Мергн ‘красный стрелок’</i>
308.	шар ‘желтый’	<i>«Шар холын экн тал аңһучлэж одлэ», — гегэж келжээн[э].</i>	”Er zog aus zu den quellen des gelben flusses, um zu jagen”, antwortet sie.	11	<i>Шар хол ‘желтая река’</i>
309.	шар ‘желтый’	<i>«Хар холын экнд, Шар холын экнд, Улан холын экнд, эн хурвн холын экэр бээрлдмн».</i>	“An den quellen des Schwarzes flusses, an den quellen des Gelben flusses und an den quellen des Roten flusses, an den quellen dieser drei flüsse weiden die viehherden”.	11	<i>Шар хол ‘желтая река’</i>
310.	шар ‘желтый’	<i>Бөөргин Бөкн Цаһан нег шар лавиғ өмсэд, нег тиирцг өмсэд, нег хоңх хартан бэрэд, хойр ахдан күрэд ирнэ.</i>	Börögin Bökön Tsagān zog einen gelben überrock an, setzte eine mönchsmütze auf, nahm eine glocke in die hand und kommt zu seinen brüdern.	11	<i>шар лавиғ ‘желтый лавиғ’</i>
311.	шар ‘желтый’	<i>Худгин шар меклэ «ваг! ваг!» гегед ду харнэ.</i>	Die gelben frösche im brunnen rufen: „quak-quak!“.	13	<i>улан маштг ‘красный низкорослый (конь)’</i>
312.	шар ‘желтый’	<i>Ишкэ девл өмсэд, ишкэ кемнғ махлэ өмсэд, шарһ дааһан унад, шар но- хэһан көтлэд, төмр күрз бүстэн хап- чулад аңһучла[д] харва.</i>	Er zog einen filzrock an, setzte eine grobe filzmütze (kemnek-mütze) auf den kopf, setzte sich auf sein gelbes zweijähriges fohlen, band seinen gelben hund an das leitseil, steckte einen eisernen spatens hinten in den gurt und zog auf die jagd aus	13	<i>шар нохэ ‘желтая собака’</i>
313.	шар ‘желтый’	<i>Ишкэ девл өмсэд, ишкэ кемнғ махлэ өмсэд, шарһ дааһан унад, шар но- хэһан көтлэд, төмр күрз бүстэн хап- чулад аңһучла[д] харва.</i>	Er zog einen filzrock an, setzte eine grobe filzmütze (kemnek-mütze) auf den kopf, setzte sich auf sein gelbes zweijähriges fohlen, band seinen gelben hund an das leitseil, steckte einen eisernen spatens hinten in den gurt und zog auf die jagd aus.	13	<i>шарһ дааһн ‘соловый двухлетка’</i>
314.	шар ‘желтый’	<i>Нег туулэ босхад, нег нүкнд ору- лад авад, ишкэ кемнғ махлэһар хойр нүкнэ нег[и]нь бөглэд, шар нохэ шарһ дааһн хойран холвад, ишкэ хоңцан һанзһлад, өвгн туулэһан малтнэ</i>	Als er so einen hasen aufjagte und in ein loch hineintrieb, deckte er die andere öffnung [des loches] mit seiner filzmütze zu, band seinen hund mit dem fohlen zusammen und hängte seinen filzrock an den sattel. Danach fing der mann an den hasen auszugraben.	13	<i>шар нохэ ‘желтая собака’</i>
315.	шар ‘желтый’	<i>Шар нохэ шарһ дааһан көтлэд ардаснь көөжэ харнэ.</i>	Der gelbe hund lief hinter ihm her und zog das gelbe fohlen am leitseil mit sich.	13	<i>шар нохэ ‘желтая собака’</i>
316.	шар ‘желтый’	<i>Шар нохэ шарһ дааһан көтлэд ардаснь көөжэ харнэ.</i>	Der gelbe hund lief hinter ihm her und zog das gelbe fohlen am leitseil mit sich.	13	<i>шар нохэ ‘желтая собака’</i>

317.	шар 'желтый'	Тииклэнь өвгн келвэ: «Шарh дааһн, шар нохэ, малзн туулэ, ишкэ хопцн, ишкэ кемнэ махлэ — шим юм амнэв», — гежэ келвэ.	Darauf antwortete der mann: „Ein gelbes zweijähriges fohlen, einen gelben hund, einen hasen mit blässe, einen filzrock, eine grobe filzmütze, das ist es, was ich begehre“, sagte er.	13	шарh дааһн 'соловый двухлетка'
318.	шар 'желтый'	Тииклэнь өвгн келвэ: «Шарh дааһн, шар нохэ, малзн туулэ, ишкэ хопцн, ишкэ кемнэ махлэ — шим юм амнэв», — гежэ келвэ.	Darauf antwortete der mann: „Ein gelbes zweijähriges fohlen, einen gelben hund, einen hasen mit blässe, einen filzrock, eine grobe filzmütze, das ist es, was ich begehre“, sagte er.	13	шарh дааһн 'соловый двухлетка'
319.	шар 'желтый'	Шар нохэ шарh дааһн хойр ардас[нь] көөһэд, эрлад [о]дв, төмр күрзэн һар- тан бэржэ үлдв[ү]в.	Der gelbe hund und das gelbfarbene fohlen jagten ihm nach und verschwanden, ich blieb allein mit dem eisernen spatens in der hand.	13	шар нохэ 'желтая собака'
320.	шар 'желтый'	Шар нохэ шарh дааһн хойр ардас[нь] көөһэд, эрлад [о]дв, төмр күрзэн һар- тан бэржэ үлдв[ү]в.	Der gelbe hund und das gelbfarbene fohlen jagten ihm nach und verschwanden, ich blieb allein mit dem eisernen spatens in der hand.	13	шар нохэ 'желтая собака'
321.	шар 'желтый'	шарh дааһн, шар нохэ, малзн туулэ, ишкэ кемнэ махлэ, ишкэ девл, шим юм амнэв». — гежэ келв[ү]в.	Da sagte ich: „Ein gelbfarbenedes, zweijähriges fohlen, einen gelben hund, einen hasen mit blässe, eine grobe filzmütze, einen filzrock, das werde ich nehmen“, sagte ich.	13	шарh дааһн 'соловый двухлетка'
322.	шар 'желтый'	шарh дааһн, шар нохэ, малзн туулэ, ишкэ кемнэ махлэ, ишкэ девл, шим юм амнэв». — гежэ келв[ү]в.	Da sagte ich: „Ein gelbfarbenedes , zweijähriges fohlen, einen gelben hund, einen hasen mit blässe, eine grobe filzmütze, einen filzrock, das werde ich nehmen“, sagte ich.	13	шар нохэ 'желтая собака'
323.	шар 'желтый'	Шар зус хээлэд, мөрнд түркэд, делтр тэввэ, делтрт түркэд, тохм тэввэ, тохмд түркэд, эмэл тэввэ, эмэлд түркэд, көпцг тэввэ, көпцгт түркэд, өвгиг мордулв.	Sie schmolz gelben leim, bestrich das ross und legte darauf das untere sattelpolster (schweisspolster), bestrich das schweisspolster und legte darauf das obere sattelpolster, bestrich das obere sattelpolster und legte darauf das kissen, bestrich das kissen und setzte darauf rittlings den mann.	13	шар зус 'желтый клей'
324.	шар 'желтый'	Тавн яматэ санжэ, оһтр улан үкртэ санжэ, шар нохэтэ санжэ, нег темэтэ санжэ.	Sie hatten fünf ziegen, sie hatten eine kurzgeschwänztede rote kuh, einen gelb-mäuligen hund und ein kamel.	14	шар нохэ 'желтая собака'
325.	шар 'желтый'	Тииклэ өвгн келвэ: «Бүрү халэһад шалвуртан бөөс үзжэлэв, шар нохэ шам-шам гежэлэ, жили гежэлэв, цань яһсн медсн угов, — гежэ келвэ.	Darauf antwortete der mann: „Ich sass ja rücklings da und suchte nach läusen in meinen hosen, der gelbe hund knutterte etwas (sagte šamšam), ich rief ihm zu: ‚hinaus!‘ Was weiter geschehen, weiss ich nicht“, sagte er.	14	шар нохэ 'желтая собака'

326.	шар ‘желтый’	Сэрсн дахтэ шармдг шар манжэ: «Би дахнэв», — гегед, һарад ирнэ.	Ein gelblicher, gelber mandschi in einem abgenutzten (haarlosen) ziegenpelz tritt hervor und sagt: „Ich will dich begleiten“.	15	шар манжэ ‘желтый манджик’
327.	шар ‘желтый’	Базрас одад нег ик шар шаазн, нег ик ухр ава[д] күрэд ирнэ.	Er eilt noch nach dem markt, kauft einen grossen napf und einen löffel und kommt zurück.	15	шар шаазн ‘желтая чашка’ ‘’
328.	шар ‘желтый’	Арднь алдл угэ шүүрдг альвн шар шург болад көөнэ.	Im rücken des hasen wird [der falke] ein unfehlbar angreifender, spielender gelber jagdhund und verfolgt ihn.	15	шар шург ‘рыжая гончая’
329.	шар ‘желтый’	«Ээжэ зүн эркндэн бозин шар ус хай- дг билэ.	„Meine mutter pflegte links von der tür in der ecke das gelbe käsewasser auszuschütten.	16	шар ус ‘сыворожка’
330.	шар ‘желтый’	Түүнэ хэрүд келжэнэ: «Үүлн чинэ оһтр шар цоохр күлг тохтн!	Zur antwort hierauf spricht Ringgurt: „Sattelt mir das berggrosse, kurzgeschwänzte gelbgetiegerte streitross!	16	шар цоохр күлг ‘чубарый конь’
331.	шар ‘желтый’	Дэжн шар цоохр армарн этэ шаал- цад, сөң өрглцэд однэ.	Darauf gehen sie mit der gelbgestreiften lanze auf einander los und hoben einander in die höhe.	16	шар цоохр арм ‘желто-пестое копьё’
332.	шар ‘желтый’	Тал дунднь орчлңгас үрү дөрүхн дуту һурвн шар цоохр бээшң ке!	und in der mitte zwischen diesen baue mir drei gelbschimmernde schlösser, von dem weltgewölbe niederwärts nur vier fingerbreit entfernt.	17	шар цоохр бээшң ‘желто-пестрый дворец’
333.	шар ‘желтый’	Орчлңгас дөрүхн дуту һурвн шар цо- охр бээшң ке генэ.	‘Baue mir drei gelbschimmernde schlösser!’, von dem weltgewölbe niederwärts nur vier fingerbreit entfernt, sagt er	17	шар цоохр бээшң ‘желто-пестрый дворец’
334.	шар ‘желтый’	Зун болсн Зуңквнь өмн бийднь бээнэ, бум күцсн цахрнь ар бийднь бээнэ, орчлңгас дөрүхн дуту һурвн шар цоохр бээшңнь бээнэ, тал дундк бээшңднь бийснь бээнэ.	Zu hunderten stehen tempel mit göttern da auf der südlichen seite, zu hunderttausenden wohnen hofdiener auf der nördlichen seite; vom weltgewölbe nur vier fingerbreit entfernt, stehen drei gelbgestreifte schlösser da, und im mittleren schlosse wohnen sie selber.	17	шар цоохр бээшң ‘желто-пестрый дворец’
335.	шар ‘желтый’	Өрүнднь босн генэ [прав. гихлэ], сээхн чигн һурвн ооср-бүч угэ орд цаһан өргэ бээнэ, түүнэ дотр орад ирхлэ, тавн зун минчһр шар-шар күн бээнэ.	Am morgen schickt man sich an aufzustehen: drei überaus schöne, weisse schlösser ohne stricke und riemen stehen da. Als man in diese eintritt, sind fünfhundert prunkvoll gekleidete, geräuschvoll sich bewegende männer da.	17	шар-шар күн ‘светлые-светлые люди’
336.	шар ‘желтый’	Энүгэр һурвн шар толһэтэ хун йовжэ йовад ард захин хуннь буужэ ирэд, сээхнчн залу болжэ ирэд: «Эн хөөг нэмэг хэрү иртл сээнэр халэжэ хадһлэжэ вэ!» — гегед, эн хө өгчквэ.	Hier zogen nur drei gelbköpfige schwäne vorbei. Der letzte schwan flog nieder zur erde, wurde ein wunderschöner jüngling und kam zu uns und sagte: ‚bis ich zurückkehre, bewache und hüte diese meine schafe gut!‘ Dann gab er uns diese	17	шар толһэ ‘желтая голова’

			schafe.		
337.	шар ‘желтый’	<i>Эн хаалхар хурвн шар толхэтэ хун йовэж йовад, ард захин хуннь сээхн чигн залу болад буэж ирэд: «Эн үкриг нэмэг ирл сээнэр халэжэ хадлэж вэ[эти]!» — гегед келчкэд, йовад одв, нисч», — генэ.</i>	Diesen weg zogen nur drei gelbköpfige schwäne, und der allerletzte von ihnen wurde ein wunderschöner junger mann, kam zu uns und sagte: ‚bis ich zurückkehre, bewache und hüte diese rinder gut!‘ Mit diesen worten zog er auffliegend weg“, erzählen sie.	17	<i>шар толхэ ‘желтая голова’</i>
338.	шар ‘желтый’	<i>Манд үзгдсн[ь] эн хаалхар [нисч йовсн] хурвн шар толхэтэ хун: „Эн адуг сээнэр халэжэ!“ гегед, эн адуг өгчкэд, нисэд йовад одв», — генэ.</i>	Was wir gesehen, ist nur das, dass diesen weg entlang drei gelbköpfige schwäne flogen und mit den worten: „hütet diese pferdeherde gut!“ einer von ihnen uns diese pferdeherde gab und dann wegflog.	17	<i>шар толхэ ‘желтая голова’</i>
339.	шар ‘желтый’	<i>Энүгэр нег хурвн шар толхэтэ хун йовэж йовад, ард захин хуннь күмн [прав. күн] болад ирэд: „Эн темәһим сээнэр хадлэж халэжэ!“ гегед, эн темә өгчкэд йовэж одв».</i>	Hier zogen nur drei gelbköpfige schwäne vorbei, und der letzte von den schwänen wurde ein mensch, sagte zu uns: „diese kamele sollt ihr gut bewachen und hüten!“ gab uns diese kamele und flog weg.	17	<i>шар толхэ ‘желтая голова’</i>
340.	шар ‘желтый’	<i>Манж далн күн дамжэлдг далхэ шар ааһар [прав. ааһд] кегед өгнэ.</i>	Der mandschi giesst kumyss in eine breitmündige gelbe trinkschale, die ringsum von siebzig männern auf den schultern getragen wurde.	17	<i>шар ааһ ‘желтая чашка’</i>
341.	шар ‘желтый’	<i>Хурмстн теңгэрэ талас хурвн шар толхэтэ хун несч аашдг болнэ.</i>	Vom lande des Hormusta-himmels kommen drei gelbköpfige schwäne angefliegen.	17	<i>шар толхэ ‘желтая голова’</i>
342.	шар ‘желтый’	<i>Нег ик шар толхэтэ хуц деер һарад, «һаң-һуң» гегед ду һарчкад, йовад оддг болнэ.</i>	Er lässt sich auf den scheidel eines grossen, gelbköpfigen hammels nieder, singt sein „gang-gung“ und fliegt dann weiter.	17	<i>шар толхэ ‘желтая голова’</i>
343.	шар ‘желтый’	<i>Ээжин алтн шар уург нег долан хонг [прав. хонгтан] көк, би чигн нег долан хонг [прав. хонгтан] көксв!</i>	sauge du die goldgelbe erste milch deiner mutter sieben tage, auch ich werde sieben tage an meiner mutter saugen!	18	<i>алтн шар уург ‘золотисто-желтое молозиво’</i>
344.	шар ‘желтый’	<i>Көвүн гертән ирэж хонад, маңһ[д]урт- нь һаза һара[д] зогсчэтл, хурвн шар толхэтэ хун несч йовад келэжэдг: «Эн Алдр Шулдр хаанас көвүн һарч, Хурмстн теңгэрэс күүкн һарч.</i>	Der knabe kam nach hause, schlief die nacht und geht am folgenden morgen hinaus. Während er draussen steht, fliegen drei gelbköpfige schwäne vorüber und sprechen zu einander: „Diesem Alder-Schulder Chan ist ein sohn geboren, dem gott Hormusta ist eine tochter geboren.	18	<i>шар толхэ ‘желтая голова’</i>

345.	шар ‘желтый’	Тийгэж йовтл негн [прав. нег] хурвн шар толхэтэ хун деегүрнь нисч ирэд: «Көөрк, эн көвүн үүлэн бүтэж, ардк орн-нутгинь юмн дээлдэ апч оч», — гэж келэд, нисэд йовад одв.	Während er so dahinfährt, fliegen drei gelbköpfige schwäne über seinem köpf vorüber. „Der arme, dieser knabe hat sein werk vollbracht, aber während seiner abwesenheit hat jemand seine heimat durch krieg verwüestet!“ Mit diesen worten fliegen sie weg.	18	шар толхэ ‘желтая голова’
346.	шар ‘желтый’	Бээшгиннь ормд күрэд ирхлэ, шар керсч урһсн бээж	Als er an dem ort, wo sein schloss stand, angekommen, ist dieser mit gelben melden ganz überwachsen.	18	шар керсч ‘лебеда’
347.	шар ‘желтый’	Ах-дү хурвн шар маңһс маниг авад йовад одв», — гэж келсн бичг болнэ.	Drei brüder, die gelben Mangas, haben uns mit sich weggeführt!“ Das steht in dem briefe zu lesen.	18	шар маңһс ‘желтый мангас’
348.	шар ‘желтый’	Тийклэ өвгн келвэ: «Кезэнэһа Алдр Шулдр хаанэ темэн билэ, ода Усн Шар маңһсин темэн	Darauf antwortete der alte mann: „Vorlängst gehörten diese kamele dem Alder-Schulder Chan, jetzt gehören sie den gelben Wassermangas.	18	шар маңһс ‘желтый мангас’
349.	шар ‘желтый’	«Усн шар маңһсин ар бийнд нег му хар гер бээх, тер гер мини гер тер».	„Auf der nördlichen seite von dem der gelben Wassermangas steht ein schlechtes, schwarzes zelt, das ist mein haus!“	18	шар маңһс ‘желтый мангас’
350.	шар ‘желтый’	Тегэд Алдр Шулдр хаанэ көвүн һунн настэ Эркн Йилдр Эрлг номн ха- анэ элч Бэрүл Хар баатр хойр ах дү хурвн усн шар маңһсин герин һаза күрэд ирвэ.	Dann kamen also der sohn des Alder- Schulder Chan, der dreijährige Erkin Jilder, und der sendbote des Erlik Nomun Chan, der held Bärül Chara, vor das haus der drei gelben brüder Wassermangas.	18	шар маңһс ‘желтый мангас’
351.	шар ‘желтый’	«Өмнм һазрин Шар Күрмн йомнэ», — гэж келжэдг болнэ.	“Vor mir reitet vorn der Erde sohn Schara -kürmen”, antwortet jener.	19	Шар Күрмн ‘желтый дух’
352.	шар ‘желтый’	Һазрин Шар Күрмиг күцэд күрэд иржэдг болнэ.	Den sohn der Erde, Schara -kürmen, holt er schon ein.	19	Шар Күрмн ‘желтый дух’
353.	шар ‘желтый’	«Шар Күрмн, өмнчн кен йомнэ?» — гэж суржэдг болнэ көвүн.	“ Schara -kürmen, wer reitet vorn vor dir?” fragt ihn der bursch.	19	Шар Күрмн ‘желтый дух’
354.	шар ‘желтый’	Далн күн дамжлдг далһ шар ааһар далвн-дулвн гегед авад ирнэ.	Die von siebzig menschen kaum zu tragende breite gelbe schale giesst sie ihm voll und wiegend und schwankend bringt sie sie vor ihn.	21	шар ааһ ‘ желтая чашка’
355.	шар ‘желтый’	Орэн шар хэлснэсь авн тавгин шар хэлсн күртл шинжлэд, тавгин шар хэлснэс орэн шар хэлс[н] күртл шинжлэд окнэ күүкиг.	Sie sehen das mädchen prüfend an von der gelben haut des scheidels bis zu der gelben haut der fussohle und von der gelben haut der fussohle bis zu der gelben haut des scheidels.	22	шар хэлс[н] ‘желтая кожа’

356.	шар ‘желтый’	Орэн шар хэлснэснь авн тавгин шар хэлсн күртл шинжлэд, тавгин шар хэлснэс орэн шар хэлс[н] күртл шинжлэд окнэ күүкиг.	Sie sehen das mädchen prüfend an von der gelben haut des scheidels bis zu der gelben haut der fussohle und von der gelben haut der fussohle bis zu der gelben haut des scheidels.	22	шар хэлс[н] ‘желтая кожа’
357.	шар ‘желтый’	Орэн шар хэлснэснь авн тавгин шар хэлсн күртл шинжлэд, тавгин шар хэлснэс орэн шар хэлс[н] күртл шинжлэд окнэ күүкиг.	Sie sehen das mädchen prüfend an von der gelben haut des scheidels bis zu der gelben haut der fussohle und von der gelben haut der fussohle bis zu der gelben haut des scheidels.	22	шар хэлс[н] ‘желтая кожа’
358.	шар ‘желтый’	Тиигжэ вэатлнь, нег шар толһэтэ моһа күрэд ирнэ.	Währenddessen kommt eine gelbköpfige schlange.	4	шар толһэ ‘желтая голова’
359.	шар ‘желтый’	«Шарадэ Мергнэ гэжэ келжэ вэ!»	Scharā dai -Mergens, antwortete sie.	11	Шарадэ Мергн ‘желтый стрелок’
360.	шар ‘желтый’	«Шарадэ Мергн хаар[а]н одсн?» — гэжэ суржэдг болнэ көвүн.	“Wohin ist Scharā dai -Mergen gegangen?” fragt sie der knabe.	11	Шарадэ Мергн ‘желтый стрелок’
361.	шар ‘желтый’	Шарадэ Мергн ардаснь күрэд иржэдг болнэ.	Scharā dai -Mergen kommt hinterher.	11	Шарадэ Мергн ‘желтый стрелок’
362.	шар ‘желтый’	Тееклэ: «Арһ угэ», — гэжэ Шарадэ Мергн.	Darauf sagt Schrā dai -Mergen: “Ich habe keinen ausweg mehr”.	11	Шарадэ Мергн ‘желтый стрелок’
363.	шар ‘желтый’	Уладэ Мергн, Шарадэ Мергн, Ха- радэ Мергн — эн ах-дү хурвулн уснд өөмжэтлбдн маниг бэржэ авлэ.	Drei brüder, Ulā dai Mergen, Scharā dai Mergen und Charā dai Mergen , nahmen uns gefangen, als wir im wasser badeten.	11	Шарадэ Мергн ‘желтый стрелок’
364.	шарһ ‘соловый’	Ишкэ девл өмсэд, ишкэ кемнг махлэ өмсэд, шарһ дааһан унад, шар нохэһан көтлэд, төмр күрз бүстэн хапчулад аңһула[д] һарва.	Er zog einen filzrock an, setzte eine grobe filzmütze (kemnek-mütze) auf den kopf, setzte sich auf sein gelbes zweijähriges fohlen, band seinen gelben hund an das leitseil, steckte einen eisernen spatens hinten in den gurt und zog auf die jagd aus	13	шарһ дааһн ‘соловый двухлетка’
365.	шар ‘желтый’	шар нохэ шарһ дааһн хойран холвад, ишкэ хоп- цан һанһлад, өвгн туулэһан малтнэ.	band seinen hund mit dem fohlen zusammen und hängte seinen filzrock an den sattel. Danach fing der mann an den hasen auszugraben.	13	шар нохэ ‘ желтая собака’
366.	шар ‘желтый’	Шар нохэ шарһ дааһан көтлэд ардас- нь көөжэ һарнэ.	Der gelbe hund lief hinter ihm her und zog das gelbe fohlen am leitseil mit sich.	13	шар нохэ ‘желтая собака’

367.	шар ‘желтый’	<i>Шарh дааhн, шар нохэ, малзн туулэ, шикэ хопцн, шикэ кемнэ махлэ — шим юм амнэв»</i>	Ein gelbes zweijähriges fohlen, einen gelben hund, einen hasen mit blässe, einen filzrock, eine grobe filzmütze, das ist es, was ich begehre	13	<i>шарh дааhн</i> ‘соловый двухлетка’
368.	шар ‘желтый’	<i>Шар нохэ шарh дааhн хойр ардас[нь] көөһэд, эрлад [о]дв, төмр күрзэн һар- тан бэржэ үлдв[ү]в.</i>	Der gelbe hund und das gelbfarbene fohlen jagten ihm nach und verschwanden, ich blieb allein mit dem eisernen spatens in der hand.	13	<i>шарh дааhн</i> ‘соловый двухлетка’
369.	шар ‘желтый’	<i>шарh дааhн, шар нохэ, малзн туулэ, шикэ кемнэ махлэ, шикэ девл, шим юм амнэв</i>	Ein gelbfarbenedes, zweijähriges fohlen, einen gelben hund, einen hasen mit blässe, eine grobe filzmütze, einen filzrock, das werde ich nehmen”,	13	<i>шар нохэ</i> ‘желтая собака’
370.	шар ‘желтый’	<i>«Хаанэ ик шарh баһ шарh хойр мөр[иэ] хулхэ апчквэ.</i>	Der grosse falbe und der kleine falbe des chans sind von dieben gestohlen	13	<i>ик шарh</i> ‘большой соловый’
371.	шар ‘желтый’	<i>«Хаанэ ик шарh баһ шарh хойр мөр[иэ] хулхэ апчквэ.</i>	Der grosse falbe und der kleine falbe des chans sind von dieben gestohlen	13	<i>баһ шарh</i> ‘молодой соловый’
372.	шар ‘желтый’	<i>Ик шарh, баһ шарh хойр[э] бидн хойр авлэвидн.</i>	Den grossen falben und den kleinen falben haben wir zwei genommen.	13	<i>ик шарh</i> ‘большой соловый’
373.	шар ‘желтый’	<i>Ик шарh, баһ шарh хойр[э] бидн хойр авлэвидн.</i>	Den grossen falben und den kleinen falben haben wir zwei genommen.	13	<i>баһ шарh</i> ‘малый соловый’
374.	шар ‘желтый’	<i>Бичкн шарhинь унсн, ик шарhинь көтлсн негл залу күрэд ирнэ.</i>	Auf dem kleinen falben reitend und den grossen falben leitend langt ein junger mann an.	13	<i>бичкн шарh</i> ‘малый соловый’
375.	шар ‘желтый’	<i>Бичкн шарhинь унсн, ик шарhинь көтлсн негл залу күрэд ирнэ.</i>	Auf dem kleinen falben reitend und den grossen falben leitend langt ein junger mann an.	13	<i>ик шарh</i> ‘большой соловый’
376.	шар ‘желтый’	<i>Бичкн шарhиг унсн, ик шарhиг көтл- сн нег залу күрэд ирвэ.</i>	Auf dem kleinen falben reitend und den grossen falben leitend, kam ein junger mann.	13	<i>бичкн шарh</i> ‘малый соловый’
377.	шар ‘желтый’	<i>Бичкн шарhиг унсн, ик шарhиг көтл- сн нег залу күрэд ирвэ.</i>	Auf dem kleinen falben reitend und den grossen falben leitend, kam ein junger mann.	13	<i>ик шарh</i> ‘большой соловый’
378.	шар ‘желтый’	<i>чи хэр!» — гегед, хэрүлжэ оркв, ик шарhинь үлдэһад авв.</i>	Da spricht die frau: „Bursch, kehre du zurück!“ und lässt ihn zurückkehren , den grossen falben dalassend.	13	<i>ик шарh</i> ‘большой соловый’

379.	шар ‘желтый’	Өвгн <i>шарһинь</i> унад хаанә[г] темцэд һарв.	Der mann ritt auf dem falben rosse zum hofe des chans.	13	<i>шарһ</i> ‘соловый’
380.	шар ‘желтый’	Адун дунданорад, эн хойр хазариг шаржңнулад октн, ик шарһ, бичкн шарһ хойр эрвән күрч ирх, негинь унад, негинь көтлэд күрэд иртн!» — гегед, хойр мөңгн хазар өгэд тэвжэдг болнә.	Geh mitten unter die pferdeherde, klirre mit diesen zwei silbernen zäumen, das grosse falbe ross und das kleine falbe ross werden von selbst herbeikommen, schwinge dich auf das eine und führe das andere am zügel und komm hierher!“ . Mit diesen worten gab sie ihm die beiden silbernen zäume und schickte ihn hin.	15	ик шарһ ‘большой соловый’
381.	шар ‘желтый’	Адун дунданорад, эн хойр хазариг шаржңнулад октн, ик шарһ, бичкн шарһ хойр эрвән күрч ирх, негинь унад, негинь көтлэд күрэд иртн!» — гегед, хойр мөңгн хазар өгэд тэвжэдг болнә.	Geh mitten unter die pferdeherde, klirre mit diesen zwei silbernen zäumen, das grosse falbe ross und das kleine falbe ross werden von selbst herbeikommen, schwinge dich auf das eine und führe das andere am zügel und komm hierher!“ . Mit diesen worten gab sie ihm die beiden silbernen zäume und schickte ihn hin.	15	бичкн шарһ ‘малый соловый’
382.	шар ‘желтый’	Хойр шарһ мөрн эрвән ирэд, өмсжэдг болнә.	Die beiden falben rosse kamen von selbst und legten sich die zäume an.	15	шарһ мөрн ‘соловый конь’
383.	шар ‘желтый’	Күүкн босад ирн гехлә, көвүнч[н] угә, хойр шарһа мөрнч[н] угә, һурвн тулм алтнч[н] угә, аавин оһтр хар бу чигн угә.	Als sie aufsteht, ist weder der knabe da, noch die zwei falben rosse, noch die drei säcke gold, noch ihres vaters kurzes schwarzes gewehr.	15	шарһ мөрн ‘соловый конь’
384.	шар ‘желтый’	Бичкн шарһ мөр нег тулм алттәһинь бас чигн бәржэдг болнә.	Das kleine falbe ross mit dem einen sacke gold, auch das schenkt sie [dem chan].	15	шарһ мөрн ‘соловый конь’
385.	бор ‘серый’	Нег бор богшадә өрк деернь күрч ирэд, суучкад: «Барун һарин чиг- чәднь, чигчәднь!» — гегж келчкәд, нисәд йовжә одв.	Ein grauer sperling kam und setzte sich oben auf das rauchloch. „In der rechten hand, im kleinen finger, im kleinen finger“, sagte er und flog weg.	11	бор богшадә ‘серый воробей’

386.	бор 'серый'	<i>Гинд Цаһан дунь деернь курч ирэд, бор богш[у]рһ болад нисч йовад кел- дг болнэ: «А-а, ах нойн баав, Тэвлһтэ гедг холд орад ирвэ.</i>	Der jüngere bruder Ginde Tsagān verwandelt sich in einen grauen sperling, fliegt herbei, hält sich über dem karren und spricht im fluge: „Oh weh, du mein väterlicher beschützer, wir sind zu dem Spierstrauchreich (Täwilchatä) genannten flusse gekommen.	16	<i>бор богш[у]рһ 'серый воробей'</i>
387.	бор 'серый'	<i>Тер келжэ йовс[и]н[ь] эгчнь медэд: «Эн бор богшадэд бор эргн харцх тэвх юмн!» — гелнэ.</i>	Die ältere schwester wusste, was der bruder gesagt hatte. „Auf diesen grauen sperling soll man den grauen uferfalken loslassen!“ spricht sie.	16	<i>бор богшадэ 'серый воробей'</i>
388.	бор 'серый'	<i>Боожурин бор нуһсн болад нисэд һарнэ.</i>	Er verwandelte sich in eine grau e teichente und flog fort.	16	<i>бор нуһсн 'серая утка'</i>
389.	бор 'серый'	<i>Боожурин бор нуһсиг бор эргн харцх күцэд, шүүрн алдад ирнэ.</i>	Die grau e teichente hat der graue uferfalke angegriffen, aber mit misserfolg.	16	<i>бор нуһсн 'серая утка'</i>
390.	бор 'серый'	<i>Боожурин бор нуһсн бууһад туулэ болад гүүдг болнэ.</i>	Die grau e teichente fliegt nieder und wird ein hase, der wegläuft.	16	<i>бор нуһсн 'серая утка'</i>
391.	бор 'серый'	<i>«Гинд Цаһан дү эрднь хоңһр мөрнэ делд өрүн чигт [прав. өрүн цагт] бор богшадэ болжэ унтнэ, һал үдин аңх- нд бор эргд [прав. эрг деер] бор эргин харцх болжэ унтнэ, бишинь кеднэ эжэ угэ, эрм цаһан көдэд эрднь хоңһр ажрһан адунэ деер боожурин бор нуһсн болад, деернь нисэд йомнэ, чамд зовад, ууляд йовсн нүднәннь нульмсн тер адундчн унднь болад йомнэ, гедг зэңг соңс[у]ва», — гелнэ.</i>	„Dein bruder Ginde Tsagān schläft am morgen, in einen grauen sperling verwandelt, in der mähne des edlen, hellroten rosses, zur heissen mittagszeit schläft er, in einen grauen uferfalken verwandelt, an dem grauen uferrande, zur übrigen zeit fliegt er in gestalt einer grauen teichente in der herrenund menschenlosen weissen wüste, wo man sich verirrt, über der herde mit dem edlen hellroten hengste hin und her; um dich sich sorgend, über dich weinend, sind die tränen seiner augen das trinkwasser deiner pferdeherden geworden, solche rede habe ich gehört“, antwortet sie.	16	<i>бор эрг 'серый берег'</i>

392.	бор 'серый'	«Гинд Цаһан дү эрднь хоңһр мөрнә делд өрүн чигт [прав. өрүн цагт] бор богшадә болж унтнә, һал үдин аңх- нд бор эргд [прав. эрг деер] бор эргин харцх болж унтнә, бишинь кеднә эжс угә, эрм цаһан көдәд эрднь хоңһр ажрһан адунә деер боожурин бор нүһсн болад, деернь нисәд йомнә, чамд зовад, ууляд йовсн нүднәннь нульмсн тер адундчн унднь болад йомнә, гедг зәңг соңс[у]ва», — гежс келнә.	„Dein bruder Ginde Tsaḡān schläft am morgen, in einen grauen sperling verwandelt, in der mähne des edlen, hellroten rosses, zur heissen mittagszeit schläft er, in einen grauen uferfalken verwandelt, an dem grauen uferrande, zur übrigen zeit fliegt er in gestalt einer grauen teichente in der herrenund menschenlosen weissen wüste, wo man sich verirrt, über der herde mit dem edlen hellroten hengste hin und her; um dich sich sorgend, über dich weinend, sind die tränen seiner augen das trinkwasser deiner pferdeherden geworden, solche rede habe ich gehört“, antwortet sie.	16	бор богшадә 'серый воробей'
393.	бор 'серый'	«Гинд Цаһан дү эрднь хоңһр мөрнә делд өрүн чигт [прав. өрүн цагт] болж унтнә, һал үдин аңх- нд бор эргд [прав. эрг деер] бор эргин харцх болж унтнә, бишинь кеднә эжс угә, эрм цаһан көдәд эрднь хоңһр ажрһан адунә деер боожурин бор нүһсн болад, деернь нисәд йомнә, чамд зовад, ууляд йовсн нүднәннь нульмсн тер адундчн унднь болад йомнә, гедг зәңг соңс[у]ва», — гежс келнә.	„Dein bruder Ginde Tsaḡān schläft am morgen, in einen grauen sperling verwandelt, in der mähne des edlen, hellroten rosses, zur heissen mittagszeit schläft er, in einen grauen uferfalken verwandelt, an dem grauen uferrande, zur übrigen zeit fliegt er in gestalt einer grauen teichente in der herrenund menschenlosen weissen wüste, wo man sich verirrt, über der herde mit dem edlen hellroten hengste hin und her; um dich sich sorgend, über dich weinend, sind die tränen seiner augen das trinkwasser deiner pferdeherden geworden, solche rede habe ich gehört“, antwortet sie.	16	бор нүһсн 'серая утка'
394.	бор 'серый'	«Һал үдин аңхнд бор эргд иржс унт- нә», — генә.	„Zur nahenden, glühenden mittagszeit kommt er und schläft an dem grauen ufer“, antwortet er.	16	бор эрг 'серый берег'
395.	бор 'серый'	Бор эргд күрәд ирнә.	Dann kommt er an das graue ufer.	16	бор эрг 'серый берег'
396.	бор 'серый'	Тер кептнь Марс Хар һарад, бор эрг темцәд хурдлдг болнә.	Ohne weiteres läuft Mars Chara weg in der richtung nach dem grauen ufer	16	бор эрг 'серый берег'
397.	бор 'серый'	Кесг цагтан хурдлулад, кемжән угә хурдлулад, кезә-яза һарсан мартн хурдлулад, мөрнәннь ишкәд оксн ор- мнь худгин орм болад, шивәд оксн шаврнь борзатән бор товхн [прав. до- вун] болад йовдг болнә.	Als er [das ross] eine geraume zeit hatte traben lassen, ohne mass traben lassen, so traben lassen, dass er vergass, wann und wann er ausgeritten, reitet er, bis der flecken, wo sein ross getreten, der flecken eines alten brunnens geworden, und der lehm, den [das ross] aufhob, ein grauer kampf Hügel geworden.	21	бор товхн 'серый холм'
398.	бор 'серый'	Борзатын бор товхн деерән харул харжс бәәдг болнә.	Auf seinem grauen kampf Hügel hält er still und passt auf.	21	бор товхн 'серый холм'

399.	бор 'серый'	«Нэ, арһ угэ», — гегед, һуйин бор махнасан ааһин чигэ бор мах утлад авхларн, хөөнэ чигэ бор мах утлад авад өгчэдг болнэ.	“Gut, etwas anderes ist nicht zu machen”, denkt er, aus seinem schenkel schneidet er ein stück fleisch von der grösse eines trinknapfes; als er das tut, wird es ein stück fleisch von der grösse eines schafes, und er gibt es dem vogel.	21	бор махн 'постное мясо' (мясо без сала и костей, филе)
400.	бор 'серый'	Дэкэд нег аңһс-аңһс генэ, хөөнэ чигэ бор мах хаяд өгнэ.	Noch einmal wird der vogel hungrig; er wirft ihm noch einmal ein stück fleisch von der grösse eines schafes hin.	21	бор махн 'постное мясо (мясо без сала и костей, филе)'
401.	бор 'серый'	«Йо, хээмнь, деегшэн хардгаснь дор- киан ордгнь ик болад йомнэ. Тегэд һуйин бор махнасан ааһин чигэ бор мах утлад о[r]кэжв. Тегэд чамд хайжэ өглэв!»	“Oh weh! Mein lieblich! Das nachunten- sinken wird grösser als das nach-oben-steigen. So denkend schnitt ich von dem fleische meines schenkel ein stück fleisch von der grösse eines trinknapfes, und so warf ich es dir zu!”	21	бор махн 'постное мясо (мясо без сала и костей, филе)'
402.	бор 'серый'	«Йо, хээмнь, тиим болхлэ һуйичн эдгэж өгсөв», — гегед сорчкад, һуйин бор махинь кептнь зүүһад харһжэдг болнэ.	“Oh weh! Mein liebster! Wenn dem so war, will ich deinen schenkel wieder gesund machen!” sagt der vogel, verschluckt ihn, heftet das fleisch von dem schenkel wieder an seinen platz und gibt ihn wieder heraus.	21	бор махн 'постное мясо (мясо без сала и костей, филе)'
403.	бор 'серый'	Шүүрэд авн гехлэ, көндлгэснь эрвэлжн эмэлтэ, эр бор дааһтэ көвүн хээкрэж ирэд ава[d] йовад оддг болнэ.	Als er diesen an sich rafften wollte, kommt von der seite her ein knabe mit schlechtem sattel und auf einem grauen zweijährigen hengstfüllen mit lautem geschrei heran, nimmt den hasen und verschwindet.	21	бор дааһн 'сивый жеребец'
404.	бор 'серый'	Хойр көвүн нааджэ йовад толһэн сууһас бор богш[y]рһэ олжэ апч.	Als diese zwei söhne spielten, fanden sie am hügel eine graue lerche.	10	бор богш[y]рһэ 'серый воробей'
405.	көк 'синий'	Өвгн шееһн[ь] күрэд һарад хурдлхларн, үүдн хоорнд кептсн хаанэ көк царин эвр [прав. өвр] хоорнд девсчкэд, һарад цань одад шеевэ.	Als der mann gezwungen war hinaus zu gehen, um zu pissen, ging er hinaus, zwischen den hörnern des vor der tür liegenden aschfarbigen ochsen des chans hindurch steigend, zog sich ein wenig seitwärts und pisse.	13	көк цар 'сивый вол'
406.	көк 'синий'	Шеежэтл, хаанэ хатн һарч ирэд, көк царлэ күүндвэ.	Während er pisste, kam die chanin und sprach mit dem aschfarbigen ochsen.	13	көк цар 'сизый вол'
407.	көк 'синий'	Тишклар көк цар келвэ: «Эвр хоорндм девсчкэд, һарад одв», — гэжэ келвэ.	Da sagte der aschfarbige ochs: „Er trat zwischen meinen hörnern durchsteigend hinaus“.	13	көк цар 'сивый вол'
408.	көк 'синий'	«Энд буйу, тенд буйу, хаанэ хатнд буйу? Көк царт буйу?» — гэжэ келэд, ман хойрэг төмр тергэс төмр шинжүүрэр уйчкх.	siebzig wagen kohlen herbeischaffen und auf die erde häufen lassen und dann mit seinem scrweinskopfe murmeln: Ist es dort? Ist es hier?', und zuletzt uns zwei mit eisernen ketten an den	13	көк цар 'сивый вол'

			eisernen wagen binden.		
409.	көк 'синий'	<i>Дэхэд өвгн хахэн толһаһарн заңһад: «Энд буйу, тенд буйу, хаанә көк царт буйу? — гегед келвә</i>	Wieder drohte der alte mit seinem schweinskopfe: „Ist es hier? Ist es da? Ist es in dem aschfarbigen ochsen des chans?“ sagte er.	13	<i>көк цар 'сивый вол'</i>
410.	көк 'синий'	<i>Көк цар бәржә апч ирэд, тергнәс уй!» — гегед, уяд оркв.</i>	„Bringe den aschfarbigen ochsen hierher und binde ihn an den eisernen wagen“. Man band ihn fest.	13	<i>көк цар 'сивый вол'</i>
411.	көк 'синий'	<i>Хахэн толһаһар көк цариг: «Шулм бийән һарһ!» — гегед, цокәд авв.</i>	Er schlug den aschfarbigen ochsen mit seinem schweinskopfe: „Zeige deine hexengestalt!“	13	<i>көк цар 'сивый вол'</i>
412.	көк 'синий'	<i>Өвгн одад халәнә: хоосн көк арсн һарнә.</i>	Der mann ging hin und sah nach: ein leeres blaugraues feil wurde geboren.	17	<i>көк арсн 'синяя (серая) шкура'</i>
413.	көк 'синий'	<i>Көк арсиг өвчәд, гер дотран делгч-кад, өвгн шиир, сээрән цуглулар һа-ра[д] йомнә.</i>	Das blaugraue fell schlitzt er auf, breitet es in seinem zelte aus und geht dann wieder aus, um seine knochen und abfälle zu sammeln.	17	<i>көк арсн 'синяя (серая) шкура'</i>
414.	көк 'синий'	<i>Өвгнә эмгнд Көк арсн келжән[ә]: «Аавиг ирхлә, мин[ь] эн хурс өгәд, хаанә күүкнд оч келтн, хаанә күүкиг нанд апч өгтн», — генә.</i>	Zu dem weibe dieses alten mannes spricht das blaugraue feil: „Wenn mein vater zurückkommt, so gib ihm diesen käse und sage ihm, dass er zu der chanstochter gehen und sagen soll: 'gebet mir die tochter des chans!‘“	17	<i>көк арсн 'синяя (серая) шкура'</i>
415.	көк 'синий'	<i>Өвгнд эмгн келжәнә: «Эн Көк арсн келнә: «Нанд хаанә күүк апч иртн!» — гегед, танд нег хурс өгв», — гегед келнә.</i>	Die alte spricht zu ihrem manne: „Das graublaue fell spricht so: 'bringt die chanstochter für mich her!' und gab Euch diesen käse!“	17	<i>көк арсн 'синяя (серая) шкура'</i>
416.	көк 'синий'	<i>Эмгн һаза һара[д] халәчкәд: «Хәэрн хотан [прав. хотар] тежәжәсн өвгн мини, эн үүлтә Көк арснч, өвгн үкжә очә!» — гегед, эмгн уулад орад ирвә.</i>	Die frau ging hinaus und spähte: „Ach mein armer mann, mein ernährer! Das hast du jetzt getan, graublaues fell! Mein mann ist tot!“ sagt die alte, als sie weinend in das haus tritt.	17	<i>көк арсн 'синяя (серая) шкура'</i>
417.	көк 'синий'	<i>Көк арсн келжәнә: «Эәж, эәж, манә аав эдгх, санаһан бичгә зовтн!» — гегед Көк арсн келвә.</i>	Das graublaue fell spricht: „Mutter, mutter, unser vater wird genesen! Mach dir keine sorgen!“ So sprach das graublaue feil.	17	<i>көк арсн 'синяя (серая) шкура'</i>
418.	көк 'синий'	<i>Көк арсн келжәнә: «Аавиг ирхлә, мин[ь] эн хурс өгтн! Хаанә күүкнд оч келтн!» — гегед, Көк арсн нег хурс өгчкәд кептнә.</i>	Das graublaue fell spricht: „Wenn vater kommt, gib ihm diesen käse! Sage ihm, dass er gehe und um die tochter des chanes bitte!“ Das graublaue fell giebt einen käse und legt sich hin.	17	<i>көк арсн 'синяя (серая) шкура'</i>

419.	көк 'синий'	<i>Көк арси келжэнэ: «Аавиг ирхлэ, мин[ь] эн хурс өгтн! Хаанэ күүкнд оч келтн!» — гегед, Көк арси нег хурс өгчкэд кептнэ.</i>	Das graublaue fell spricht: „Wenn vater kommt, gib ihm diesen käse! Sage ihm, dass er gehe und um die tochter des chanes bitte!“ Das graublaue fell giebt einen käse und legt sich hin.	17	<i>көк арси 'синяя (серая) шкура'</i>
420.	көк 'синий'	<i>Эмгн наза хара[д] халэжэһад: «Хээрн өвгм үкэж очэ! Хотан юуһар олжэхэвэ? Һэ болсн Көк арси, өвгм үкэж очлм, өвгим хаанлэ юн геед халь- дүлэд бээнэч?» — гегед, эмгн орж ирдг болнэ.</i>	Die alte geht hinaus und schaut. „Ach, mein armer mann! Er ist tot! Was habe ich jetzt zu essen? Wehe dir, du unheilvolles graublaues fell, mein mann ist gestorben. Warum hast du meinen mann mit dem chan zusammengehetzt?“ So spricht die alte, als sie eintritt.	17	<i>көк арси 'синяя (серая) шкура'</i>
421.	көк 'синий'	<i>Арднь Көк арси суржэнэ: «Аав юн гевэ, ээж? — гегэ суржэнэ.</i>	In seiner abwesenheit fragt das graublaue fell: „Mutter, was sagte vater?“	17	<i>көк арси 'синяя (серая) шкура'</i>
422.	көк 'синий'	<i>Көк арси келжэнэ: «Я-а, ээж, түүнд санаһан бичгэ зовтн!</i>	Das graublaue feil spricht: „Oh, mütterchen, mache dir deswegen keine sorgen!“	17	<i>көк арси 'синяя (серая) шкура'</i>
423.	көк 'синий'	<i>Көк арси келжэнэ: «Эн мах болһжэсн тавн зун күүг дахулад йовтн!» — генэ.</i>	Das graublaue fell spricht: „Die fünfhundert männer, die das fleisch gekocht haben, sollt Ihr in dem zug mitnehmen!“	17	<i>көк арси 'синяя (серая) шкура'</i>
424.	көк 'синий'	<i>Эмгн Көк арсиг сүүвдэж авад, һарад: «Көвүн му юмн», — гегед, хаанэ күүкнэ өврт хаяд окнэ.</i>	Die alte frau nimmt das blaue fell unter den arm, geht hinaus und wirft das fell der chanstochter in den schoss mit den worten: „der bräutigam ist ein schlechter“.	17	<i>көк арси 'синяя (серая) шкура'</i>
425.	көк 'синий'	<i>Көк арси келжэнэ хаанэ күүкнд: «Эн көк арсиг абдртан күмнд [прав. күүнд] үз[ү]лл уга дүрчк!</i>	Das graublaue fell spricht zur chanstochter: „Lege dieses graublaue fell in einen kasten, ohne es einem menschen zu zeigen!“	17	<i>көк арси 'синяя (серая) шкура'</i>
426.	көк 'синий'	<i>Көк арсиг абдрт дүрчкэж.</i>	Sie schloss das fell in einen kasten,	17	<i>көк арси 'синяя (серая) шкура'</i>
427.	көк 'синий'	<i>Күмн амтнд бичгэ үзүл гегед, эн көк арс абдрт дүрүллэ», — гегед, һарһад өгнэ.</i>	Er befahl mir: ‚zeige es keinem lebendigen geschöpfe!‘ und liess mich dieses graublaue fell in diesen kasten einschliessen“, sagt sie, zieht es hervor und zeigt es.	17	<i>көк арси 'синяя (серая) шкура'</i>
428.	көк 'синий'	<i>Көк арснэ эцк эк хойрнь хорһсан тоолн суунэ, өвсн гертэһан [прав. гертэн] бээнэ. Бээсн мал-гер чигн угэ, бээшч чигн угэ, зун болсн Зуңкв чигн угэ, бум күүсн цахрчн угэ, алтн тагт чигн угэ болад зогснэ.</i>	Der vater und die mutter des graublauen felles sitzen da und zählen ihre kotkugeln (d. h. in grösster armut) und wohnen in ihrer strohhütte. Das vieh und die habe, die sie hatten, ist nicht mehr da, das schloss ist weg, die hunderte von tempeln und göttern sind weg, die nach hunderttausenden zählenden hofdiener sind weg, und auch die goldene brücke ist verschwunden.	17	<i>көк арси 'синяя (серая) шкура'</i>

429.	көк 'синий'	Өмн бийднь угэ күн билэ, көк арснд билэ.	seine seele war nämlich nicht in seinem körper, sondern in dem graublauen felle.	17	көк арсн 'синяя (серая) шкура'
430.	көк 'синий'	Көк арсинь халд түлсн төлэд тегэд иим зовлң үзэж йовх күнч», — генэ.	Weil du dieses graublaue fell ins feuer warfst, hast du diese mühseligen wege wandern müssen“, spricht er.	17	көк арсн 'синяя (серая) шкура'
431.	көк 'синий'	Түүнэс цааран йовхлэ, нег көдэһин ик көк бух харһх.	Wenn du dann weiter kommst, wird dir ein grosser blauer stier der wüste begegnen.	18	көк бух 'сивый бык'
432.	көк 'синий'	Көдэһин көк бух харһад ирнэ.	Der blaue stier der wüste kommt auf ihn zu.	18	көк бух 'сивый бык'
433.	көк 'синий'	Көк девэн өвсн, киитн булгин уснд күрч ирэд, мөрнь таг болад эцнэ.	Als er so zu grünen rasen und kaltem quellwasser gelangte, war das ross schon ganz erschöpft.	18	көк девэ 'зеленая трава'
434.	көк 'синий'	Көк девэн өвсн, киитн булгин уснд долан хонг бээлһад оркв, мөрнь ик тарһлэж оркв.	Bei den grünen rasen und dem kalten quellenwasser liess er sein ross sieben tage und sieben nächte weiden, und das ross wurde sehr fett.	18	көк девэ 'зеленая трава'
435.	көк 'синий'	Көк девэн өвсн, киитн булгин уснд күрч ирэд, буужэдг болнэ.	So kommen sie zum grünen wiesengrase, zum frischen quellwasser und lassen sich dort zur ruhe nieder.	19	көк девэ 'зеленая трава'
436.	көк 'синий'	Түүнэсн цааран дава[д] хархлэ, көк девэн өвсн, киитн булгин уснд нег үкр бээсн бээнэ, тер бий[и]нь өтн, хорхэ бий[и]нь идэд бээнэ, ясн, арсн, баасн хурвн болнэ.	Als er von da noch weiter reitet, geht da eine kuh im grünen saftigen grase, bei dem frischen quellwasser, aber dennoch fressen würmer und larven an ihrem körper, und sie selbst ist lauter haut und knochen und dreck.	20	көк девэ 'зеленая трава'
437.	көк 'синий'	Көк девэн өвснд, киитн булгин уснд бээсн бийнь арсн, ясн, баасн хурвн болад бээдимбэ, яһсн му заятэ күнб тер?» — генэ.	„Die im grünen saftigen grase, bei dem frischen quellwasser [gehende kuh], die aber doch lauter haut und knochen und mist ist, was für ein schicksal hatte denn der mensch?“ — fragt er.	20	көк девэ 'зеленая трава'
438.	көк 'синий'	«Нэ, көк девэн өвснд, киитн булгин уснд, чимкх ноосн угэ, чилм хар мөрн бээдг болх, түрүг апч иртн, те- гэд һарий хоюрн!» — генэ.	“Gut! Auf dem grünen grase, an der kalten quelle soll ein kurzhaariges, kohlschwarzes ross sein! Bringt es hierher, so werden wir dann alle beide hinauffahren!”	21	көк девэ 'зеленая трава'
439.	көк 'синий'	Көк девэн өвснд, киитн булгин уснд күрэд ирнэ.	Zu dem grünen grase, zu der kalten quelle gelangt er.	21	көк девэ 'зеленая трава'
440.	ноһан 'зеленый'	Ода нег долан хонгин дунд одад, Ноһан Дэркин гегэнлэ нег хэлдчэһад ирсв», — гегед келнэ.	Jetzt will ich gehen und während sieben tagen einmal die Nogān Dārki anzugreifen versuchen; danach komme ich zurück“, sagt er.	22	Ноһан Дэрк 'Зеленая Тара'
441.	ноһан 'зеленый'	«Танд Ноһан Дэркин гегэн келвэ: „Йир наад биитн тавн зун шулмин күчн тогтсн мел	“Von euch sagte die heilige Nogān Dārki: “wenn auch alle anderen von dem bösen geist der	22	Ноһан Дэрк 'Зеленая Тара'

		<i>авлһин шулмд авлгдад [одсьн] мин болв чигн, Айңһ түшимд яһжэ эс нег тээлвр ү[ү]лддимбэ“, — гегэж келчкад йовад одв», — генэ</i>	verhexung, dem mit den kräften von fünfhundert unholden, so durch und durch verhext sind, wie ist denn für Ajunga Tüschmel keine lösung mehr übrig?“ so sprach sie und ging ihres weges“, erzählen sie.		
442.	<i>ноһан ‘зеленый’</i>	<i>Тернь нилч [прав. тер нилчнь] юунэ нилч генэ [прав. гихлә]: Шамблин орнас Ноһан Дэркин гегэ залж апч ирсн [прав. ирэд], хат[ан] кезж.</i>	Jene wärme, was ist es für eine wärme, fragt man: er hatte aus dem Schambala-reiche die heilige incarnation der Nogān Dārki (der grünen Daramutter) zu sich gebracht und sie zur frau genommen.	22	<i>Ноһан Дэрк ‘Зеленая Тара’</i>
443.	<i>ноһан ‘зеленый’</i>	<i>Ноһан Дэркин гегэнэ эк Цаһан Дэркин гегэн көөһад һарһад бээдг болнэ</i>	Die mutter der Nogān Dārki, die Tsagān Dārki, vertreibt sie immer.	22	<i>Ноһан Дэрк ‘Зеленая Тара’</i>
444.	<i>ноһан ‘зеленый’</i>	<i>«Маниг көөжэ һарһсн Цаһан Дэркин гегэнэ күүкн Ноһан Дэркин гегэн бээдг төлэд үкл угэ мөңк, өвл угэ зунтэ бээдим тедн чигн», — генэ</i>	“Weil die heilige Nogān Dārki, die tochter der heiligen Tsagān Dārki, die uns verjagt hat, dort weilt, lebt man dort ewig ohne tod und hat immer sommer ohne winter“, antwortet der erste.	22	<i>Ноһан Дэрк ‘Зеленая Тара’</i>
445.	<i>ноһан ‘зеленый’</i>	<i>Үмкэ Төрлт хаанэд өөр[д]жэ йовсн цагт өмнэсьн Ноһан Дэркин гегэн көөһа[д] һарһжэ йовдг болнэ.</i>	Als sie sich der stadt des Ümke Törültü Chan nähern, kommt Nogān Dārki ihnen entgegen und vertreibt sie.	22	<i>Ноһан Дэрк ‘Зеленая Тара’</i>